M 78/328

78
328

Труды Московской Коммиссіи по церковнымъ вопросамъ.

Передъ Церковнымъ Соборомъ

Заменено
25/II 31 г.
ПУБЛ. БИБЛ.
им. В. И. ЛЕНИНА
СССР

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ
И. К. ГОЛУБЕВА подъ фирмою „ПРАВОВѢДѢНІЕ".
Москва, Никольская, д. „Славянскаго Базара".

1906

2007081168

МОСКВА,
Типографія С. П. Семенова, Чистые пруды, д. 21
1906 г.

Вмѣсто предисловія.

Высшимъ органомъ церковнаго управленія съ самыхъ древнихъ временъ признавался въ христіанской церкви—*соборъ*. Апостольскія правила требуютъ, чтобы въ каждой помѣстной церкви ежегодно по два раза собираемы были соборы для рѣшенія разныхъ недоумѣній въ церковныхъ дѣлахъ и для выработки правилъ церковнаго благочинія.

Такіе соборы дѣйствительно были явленіемъ весьма частымъ. Въ первые три вѣка христіанства они, сообразно положенію Церкви, могли быть только помѣстными, но потомъ, съ тѣхъ поръ, какъ христіанство стало государственной религіей, явилась возможность созывать общецерковные или вселенскіе соборы. То, что волновало умы членовъ Церкви, получало на этихъ соборахъ достаточное освѣщеніе и авторитетное разъясненіе, и постановленія соборовъ входили въ церковную жизнь, какъ признанные общецерковнымъ сознаніемъ дѣйствующіе животворные факторы.

И въ русской церкви для рѣшенія назрѣвшихъ важныхъ вопросовъ церковной жизни также съ самыхъ первыхъ временъ просвѣщенія Руси свѣтомъ Евангелія были собираемы соборы. Не всѣ они вели къ успокоенію умовъ, но во всякомъ случаѣ на этихъ соборахъ или по поводу нихъ можно было услышать дѣйствительный голосъ церковнаго русскаго общества. Только непониманіемъ существа церковной жизни можно объяснить насильственное прекращеніе соборовъ, какимъ церковь была обязана Петру Великому, замѣнившему свободный голосъ Церковнаго собора „указами“ бюрократического Св. Синода.

Истинные сыны Православной церкви по этому съ восторгомъ приняли вѣсть о близкомъ созывѣ помѣстнаго Всероссійскаго Собора. Слишкомъ уже много накопилось въ нашей церковной жизни нуждъ, настоятельно требующихъ удовлетворенія! Слишкомъ остро стала чувствоваться потребность услышать, наконецъ, голосъ *дѣйствительной* Церкви, какъ общества вѣрующихъ во Христа!

Какъ и слѣдовало ожидать, идею о созывѣ собора радостно привѣтствовали наши пастыри (за немногими исключеніями). Священнику приходится ближе всѣхъ стоять къ другимъ членамъ церкви.—мірянамъ, отвѣчать на ихъ запросы, чувствовать отсталость нашего церковнаго законодательства и церковноустройства въ общемъ прогрессивномъ движеніи нашей государственной жизни. Естественно, что священники стали ждать собора, какъ солнца, которое своимъ сіяніемъ не только освѣщаетъ мракъ земли, но и согрѣваетъ, животворитъ всѣ зародыши растеній. Съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ этой идеи и тѣ міряне, которые еще не порвали связи съ Церковью и надѣялись на ея оживленіе.

Но ни духовенство, ни привязанные къ Церкви сердцемъ мірскіе люди не хотѣли оставаться только хладнокровными наблюдателями такого важнаго дѣла, какъ подготовка къ созыву Собора. Памятуя слова апостола: „служите другъ другу, каждый тѣмъ даромъ, какой получилъ, какъ добрые домостроители многоразличной благодати Божіей“ (1 Петр. 4, 10), эти люди рѣшили принять активное участіе, по мѣрѣ силъ своихъ, въ дѣлѣ выясненія истинныхъ нуждъ церковнаго общества и тѣхъ путей и средствъ, какими лучше всего можно достигнуть удовлетворенія этихъ нуждъ. Со всѣхъ сторонъ, изъ разныхъ мѣстъ, стали доноситься вѣсти о церковныхъ собраніяхъ, преимущественно же объ епархіальныхъ съѣздахъ, на которые, по мѣстамъ, были допускаемы съ правомъ голоса и міряне. На этихъ собраніяхъ горячо и обстоятельно дебатировались важнѣйшіе вопросы церковной жизни и даже въ свѣтской печати были отмѣчены результаты этихъ разсужденій.

Московское духовенство, среди котораго есть очень много лицъ съ широкимъ богословскимъ образованіемъ и живо

интересующихся дѣломъ церковнаго обновленія, однимъ изъ первыхъ откликнулось на эту благую вѣсть о созваніи собора. Въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, которое до сихъ поръ, можно сказать, не жило, а прозябало, начались оживленныя бесѣды по вопросу о томъ, что могло бы сдѣлать Общество въ качествѣ приготовленія къ будущему собору. Еще 26 апрѣля 1905 г. въ очередномъ собраніи Общества Н. П. Розановъ сдѣлалъ краткое сообщеніе на тему: „Объ участіи мірянъ въ дѣлахъ Церкви въ вѣкъ апостольскій". Въ своемъ рефератѣ г. Розановъ проводилъ ту мысль, что и міряне при апостолахъ принимали самое живое и дѣятельное участіе въ рѣшеніи общецерковныхъ дѣлъ и что это участіе разсматривалось самими апостолами, какъ дѣло вполнѣ естественное и законное. Собраніе—правда немногочисленное—вполнѣ согласилось съ основнымъ положеніемъ реферата и высказано было желаніе, чтобы въ Обществѣ были прочитаны рефераты, которые бы ту же тему раскрыли въ отношеніи къ послѣдующимъ вѣкамъ исторіи Христіанской Церкви. Послѣ лѣтнихъ каникулъ, когда уже вопросъ о соборѣ пріобрѣлъ первенствующее значеніе въ глазахъ членовъ Общества, на собраніяхъ Общества поднялись рѣчи о томъ, что именно предпринять для того, чтобы дѣятельность, какую думало начать Общество для подготовленія матеріаловъ къ будущему собору, оказалась наиболѣе плодотворной. На собраніи 6 октября было рѣшено прежде всего просить Владыку Митрополита ознакомить Общество съ присланною ему отъ Оберъ-прокурора запискою, которая, по слухамъ, содержала въ себѣ вопросы о томъ, какія реформы Епархіальная власть признаетъ желательными въ разныхъ сферахъ церковнаго управленія. Вмѣстѣ съ этимъ постановлено было просить о созваніи общеепархіальнаго съѣзда, члены котораго были бы выбираемы самимъ духовенствомъ, а не назначаемы Епархіальною властью. Однако, ни то, ни другое ходатайство не имѣло желательнаго успѣха. Въ собраніи 13-го октября предсѣдателемъ Общества, прот. І. Мансветовымъ, было объявлено, что Владыка не находитъ возможнымъ ознакомить Общество съ предложеніемъ Оберъ-прокурора, которое сообщено ему „конфиденціально". Что же касается епархіальнаго съѣзда, то хотя, по словамъ

о. предсѣдателя, Владыка обѣщалъ созвать таковой въ самомъ непродолжительномъ времени, однако съѣздъ созванъ не былъ.

Со времени изданія Высочайшаго манифеста 17 октября дѣятельность Общества еще болѣе оживилась и вопросъ объ участіи Общества въ дѣлѣ подготовленія къ Собору сталъ обсуждаться съ еще бо́льшимъ вниманіемъ. Въ засѣданіи 10 ноября свящ. И. И. Кедровъ дѣлалъ докладъ, въ которомъ предлагалъ Обществу: 1) просить, чтобы предлежащія власти хотя приблизительно обозначили время созыва собора, которому надлежало бы собраться во всякомъ случаѣ не ранѣе, чѣмъ будутъ получены изъ разныхъ епархій матеріалы для соборныхъ разсужденій съ епархіальныхъ съѣздовъ; 2) ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи повсюду епархіальныхъ съѣздовъ для обсужденія на нихъ выдвигаемыхъ жизнію вопросовъ, имѣющихъ быть рѣшенными на соборѣ; 3) образовать особую, для всѣхъ извѣстную, предсоборную коммиссію, куда для подбора и формулировки должны будутъ поступать работы съѣздовъ и вообще матеріалы по вопросу о реформѣ всего строя церковной жизни, а не поручать разсмотрѣніе этихъ матеріаловъ синодальнымъ чиновникамъ, и безъ того обремененнымъ дѣлами; 4) ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о перенесеніи срока для представленія соображеній отъ Епархіальныхъ начальствъ по вопросу о церковной реформѣ съ 1-го декабря сего года на болѣе отдаленное время, такъ какъ до 1-го декабря осталось только двѣ недѣли, а въ такой короткій срокъ духовенство съ своей стороны не можетъ съ достаточною обстоятельностью обсудить вопросъ о томъ, какія бы желанія могли быть высказаны на соборѣ отъ его лица. А между тѣмъ постановленія собора, который собирается въ первый разъ послѣ почти трехсотлѣтняго перерыва, несомнѣнно будутъ имѣть чрезвычайно важное значеніе въ жизни церкви вообще и духовенства въ частности; 5) въ виду особой важности опубликованной въ Церк. Вѣдомостяхъ программы вопросовъ, какіе будутъ предложены на обсужденіе собора, сегодня же образовать коммиссію для обстоятельнаго разбора напечатанной въ Церковн. Вѣдомостяхъ программы собора и разсмотрѣть въ этой коммиссіи, насколько эта программа

отвѣчаетъ жизни и желаніямъ Церкви и чего въ ней недостаетъ.—Въ виду краткости времени, рѣшено было обсудить обстоятельно докладъ свящ. Кедрова въ слѣдующемъ собраніи 15-го ноября. На этомъ послѣднемъ собраніи происходилъ живой обмѣнъ мыслей между членами Общества, которыхъ собралось болѣе ста человѣкъ, прежде всего относительно самаго *права* пресвитеровъ и мірянъ на участіе въ занятіяхъ собора. Такъ какъ при этомъ обнаружилось разномысліе, то рѣшено было этотъ вопросъ отдать на разсмотрѣніе особой коммиссіи. Той же коммиссіи рѣшено поручить отвѣтить на вопросъ, нужно ли просить С. Синодъ объ отсрочкѣ собора. Прот. Н. П. Добронравовъ при этомъ точно намѣтилъ тѣ вопросы, какими должна заняться коммиссія. Это 1) вопросъ о томъ, изъ кого долженъ составиться соборъ сообразно съ догматическими, каноническими и историческими свидѣтельствами; 2) если допустимо въ соборахъ участіе другихъ лицъ, кромѣ епископовъ, то какой голосъ они должны имѣть—рѣшающій или только совѣщательный; 3) если допустимо въ соборѣ участіе и мірянъ, то какъ они будутъ дѣлать здѣсь свои заявленія—черезъ епископовъ, или же независимо отъ нихъ? 4) почему въ наше время, особенно желательно присутствіе на соборѣ *не однихъ* только епископовъ?—Собраніе приняло формулу о. прот. Добронравова и прибавило, что вообще коммиссія сама должна намѣтить для себя программу дѣятельности. Что касается вопроса о томъ, ходатайствовать ли Обществу предъ Св. Синодомъ объ образованіи особой предсоборной коммиссіи, то этотъ вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно. На этомъ же собраніи была составлена и самая коммиссія отъ Общества изъ членовъ Общества: прот. Добронравова, свящ. Н. Г. Попова, свящ. И. И. Кедрова и А. И. Покровскаго. Означеннымъ лицамъ поручено было привлекать въ число членовъ коммиссіи и другихъ лицъ, интересующихся вопросомъ о соборѣ.

Вновь образовавшаяся при Обществѣ коммиссія быстро и успѣшно начала свою дѣятедьность. Ею былъ намѣченъ рядъ рефератовъ по вопросу о соборѣ и два изъ этихъ рефератовъ были прочитаны на собраніяхъ Общества 22-го ноября и 2 декабря. Именно 22 ноября читалъ свой рефератъ П. М. Мининъ на тему: „О соборномъ началѣ въ церк-

ви и его догматическихъ основахъ", а 2-го декабря—прот. Н. П. Добронравовъ на тему: „Объ участіи клира и мірянъ на соборахъ въ первые 9 вѣковъ христіанства". На обоихъ рефератахъ было очень много слушателей и послѣ каждаго реферата происходилъ оживленный обмѣнъ мыслей между членами Общества по вопросу о желательныхъ церковныхъ реформахъ. На первомъ собраніи проф. Н. Ф. Каптеревъ сдѣлалъ цѣлый докладъ по вопросу о томъ, что можетъ предпринять Общество Л. Д. Просвѣщенія въ дѣлѣ разработки вопроса о лучшемъ строѣ приходской и вообще церковной жизни. На второмъ собраніи по поводу реферата прот. Добронравова говорилъ много А. И. Покровскій по вопросу о томъ, какъ, когда и почему отстранено было участіе на соборахъ священниковъ и мірянъ съ рѣшающимъ голосомъ.

Третьимъ рефератомъ на собраніи Общества 9-го декабря было предназначено чтеніе А. И. Покровскаго на тему: „Очеркъ современнаго церковно-административнаго устройства въ церквахъ Православнаго Востока", но нѣкоторыя обстоятельства помѣшали референту выступить съ своимъ докладомъ, и на этомъ дѣятельность коммиссіи при Обществѣ Л. Д. Просвѣщенія временно была покончена.

Между тѣмъ въ политическихъ партіяхъ и союзахъ стала чувствоваться нужда опредѣлить свое отношеніе къ церковной реформѣ и помѣстить въ свои программы также и церковную платформу. На встрѣчу этой обнаружившейся потребности и пошла коммиссія, составившаяся при Обществѣ Л. Д. Просвѣщенія, но встрѣтившая нѣкоторыя препятствія для свободной дѣятельности въ прежнемъ мѣстѣ своихъ собраній. По предложенію „Союза 17 октября", членъ коммиссіи А. И. Покровскій прочиталъ въ залѣ Гирша свой рефератъ „О современномъ Православномъ Востокѣ", вызвавшій оживленный обмѣнъ мыслей между собравшимися многочисленными слушателями. Вслѣдъ за этимъ и самая коммиссія, по предложенію бюро союза, избрала мѣстомъ своихъ собраній помѣщеніе бюро на Мясницкой. Здѣсь открылись еженедѣльныя засѣданія коммиссіи, быстро выработавшей правила своей дѣятельности и пополнившейся притокомъ новыхъ сотрудниковъ. Коммиссія приняла назва-

ніе „Коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при союзѣ 17-го октября". Кромѣ закрытыхъ собраній, коммиссія устроила одно открытое въ залѣ Литературно-Художественнаго Кружка. На этомъ собраніи читалъ свой рефератъ о соборѣ проф. Московской Духовной Академіи В. А. Соколовъ и рефератъ этотъ вызвалъ горячія преніа.

Вотъ уставъ коммиссіи:

Общій характеръ и задачи коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17-го октября". Пользуясь сочувствіемъ и гостепріимствомъ „Союза 17-го октября" и платя ему отвѣтнымъ чувствомъ симпатіи, коммиссія, тѣмъ не менѣе, не связываетъ своихъ членовъ необходимостью принадлежать именно къ этому Союзу, но предоставляетъ имъ полную свободу политическихъ взглядовъ и убѣжденій. Благодаря этому, въ составъ учредителей данной коммиссіи на ряду съ членами „Союза 17-го октября" вошли и представители другихъ политическихъ партій (клуба независимыхъ, конституціонно-демократической). Идеаломъ учредителей коммиссіи и является созданіе такой внѣ-партійной или между-партійной организаціи, гдѣ бы всѣ прогрессивные элементы духовной и свѣтской интеллигенціи удобнѣе всего могли бы столковаться и объединиться для дружной совмѣстной работы на такой одинаково для всѣхъ важной и столь же для всѣхъ нейтральной почвѣ, какъ церковно-общественная реформа.

Общая программа коммиссіи болѣе или менѣе аналогична политической программѣ всѣхъ конституціонно - монархическихъ партій. Съ отрицательной стороны она состоитъ во 1) въ стремленіи освободить религію и церковь отъ стѣснительной опеки государства, и во 2) въ борьбѣ съ клерикальнымъ бюрократизмомъ, утвердившимся въ нашемъ церковномъ управленіи и подточившемъ живой ростъ ея творческихъ силъ. Со стороны же положительной, коммиссія главной своей задачей считаетъ самое полное и широкое возстановленіе древняго принципа церковной соборности, полнаго участія всѣхъ членовъ церкви (не только епископовъ, но также бѣлаго духовенства и мірянъ) въ различныхъ видахъ и формахъ церковной жизни, начиная съ низшаго—церковнаго прихода—и кончая высшимъ областнымъ соборомъ всей русской Церкви.

Дѣятельность коммиссіи. Дѣятельность коммиссій главнымъ образомъ выражается въ организаціи лекцій, докладовъ и рефератовъ по систематически выработанной программѣ. Прочитанные рефераты подвергаются живому обсужденію членовъ собранія, въ заключеніе котораго желательна, по возможности, постановка какого-либо опредѣленнаго рѣшенія.

Большинство рефератовъ предлагается и обсуждается въ закрытыхъ собраніяхъ коммиссіи, куда посторонніе могутъ имѣть доступъ лишь въ качествѣ гостей, приведенныхъ членами.

Но нѣкоторые изъ рефератовъ, по предварительномъ одобреніи ихъ въ закрытомъ собраніи, дѣлаются предметомъ публичныхъ лекцій, устраиваемыхъ коммиссіей при содѣйствіи Союза.

Всѣ рефераты, доклады и самыя пренія по поводу ихъ, обработанныя въ протоколахъ, по возможности печатаются въ формѣ листковъ или брошюръ и пускаются въ самое широкое обращеніе.

Коммиссія озабочивается организаціей подобныхъ же провинціальныхъ коммиссій, съ которыми она входитъ въ самыя живыя и тѣсныя сношенія, обмѣниваясь изданіями присылая депутатовъ, устраивая лекціи и вообще, по мѣрѣ возможности, объединяя и направляя дѣятельность всѣхъ ихъ къ одной общей цѣли.

Составъ коммиссіи и ея устройство. 1) Членами коммиссіи могутъ быть всѣ тѣ духовныя и свѣтскія лица, которыя, безотносительно къ ихъ политическимъ взглядамъ, согласны работать по церковному вопросу въ духѣ основной вышеуказанной программы коммиссіи, т. е. на началахъ широкой соборности и активнаго участія всѣхъ членовъ Церкви въ ея жизни.

2) Вступленіе каждаго новаго члена обусловливается рекомендаціей двухъ дѣйствительныхъ членовъ и утвержденіемъ общаго собранія.

3) Дѣйствительными членами коммиссіи могутъ быть и лица другихъ исповѣданій, но только христіанскихъ (католики, протестанты, реформаты и проч.).

4) Всѣ члены коммиссіи имѣютъ одинаковое право рѣ-

шающаго голоса.

Примѣчаніе. Въ вопросахъ, касающихся спеціально устройства и внутренней жизни православной Церкви, рѣшающій голосъ имѣютъ только православные члены.

5) Во главѣ коммиссіи стоитъ ея предсѣдатель, два его товарища, нѣсколько выборныхъ членовъ и выборный секретарь. Всѣ означенныя лица избираются на общемъ собраніи членовъ коммиссіи простымъ большинствомъ голосовъ. Они образуютъ особое бюро коммиссіи, являющееся ея исполнительнымъ органомъ.

Примѣчаніе. 1) Для открытыхъ публичныхъ собраній могутъ быть избираемы, на каждый разъ особо, еще и почетные предсѣдатели изъ состава публики.

2) Въ случаѣ развитія дѣятельности коммиссіи секретарю ея можетъ быть данъ особый, платный помощникъ.

6) На обязанности предсѣдателя и членовъ бюро коммиссіи лежитъ назначеніе сроковъ засѣданій, точное опредѣленіе ихъ предметовъ и заблаговременное оповѣщеніе объ этомъ членовъ, путемъ разсылки пригласительныхъ повѣстокъ. Бюро завѣдываетъ также ходомъ преній, обработкой и печатаніемъ протоколовъ, изданіемъ рефератовъ и другихъ, утвержденныхъ общимъ собраніемъ, постановленій коммиссіи, ведетъ всѣ дѣловыя внѣшнія сношенія коммиссіи съ посторонними обществами и лицами и вообще исполняетъ всю текущую канцелярскую работу.

Предполагаемая программа занятій. Не задаваясь невозможной по существу дѣла задачей заранѣе детально предопредѣлить весь ходъ своихъ будущихъ занятій, коммиссія однако полагаетъ, что для планомѣрности и цѣлесообразности этой работы необходимо предварительно намѣтить и указать хотя бы общія основы этого плана и его наиболѣе выяснившіеся пункты.

Разбираясь въ массѣ сложныхъ и разнообразныхъ церковно-общественныхъ вопросовъ, поднятыхъ современнымъ преобразовательнымъ теченіемъ, коммиссія находитъ прежде всего возможнымъ разбить ихъ на три основныя группы. Къ первой группѣ должно отнести тѣ пункты, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ вопросамъ о предстоя-

щемъ у насъ церковномъ соборѣ, его составѣ, подготовкѣ и работѣ; ко второй тѣ, которые касаются желательныхъ преобразованій въ строѣ всего нашего церковнаго управленія, начиная съ низшихъ его органовъ—отдѣльныхъ приходовъ и кончая высшими, объединяющими центрами (будетъ ли то синодъ, патріархъ, помѣстный соборъ или что-либо иное); наконецъ, къ третьей и послѣдней — всѣ тѣ, которые идутъ вглубь религіозно-общественнаго сознанія и ставятъ вопросы о сущности евангельскаго христіанства и современнаго православія и объ ихъ отношеніи къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, а также къ наукѣ, культурѣ и жизни.

Въ болѣе детальномъ видѣ эта программа можетъ быть выражена въ слѣдующихъ пунктахъ:

I. О церковномъ соборѣ. Раскрытіе истиннаго значенія и смысла церковнаго принципа „соборности".

1) Догматико-каноническія основы соборности.

2) Историческій очеркъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Соборы русской Церкви.

3) Участіе клира и мірянъ на предстоящемъ церковномъ соборѣ.

4) Недостатки того пути, какимъ идетъ у насъ подготовка къ предстоящему собору, и его желательное направленіе.

II. Реформа церковнаго управленія. 1) Безжизненность и формализмъ современнаго устройства церковнаго управленія.

2) Возрожденіе истинно-церковнаго прихода съ его братскимъ духомъ. Сосредоточеніе въ приходѣ благотворительной и просвѣтительной дѣятельности. Хозяйственная самостоятельность прихода.

3) Вопросъ о выборномъ началѣ въ примѣненіи къ низшему и высшему духовенству. Рѣшеніе вопроса объ обезпеченіи духовенства.

4) Коренная реформа епархіальнаго управленія на началахъ широкаго примѣненія принципа соборности. Епархіальный судъ.

5) Устройство высшаго церковнаго управленія на основаніи того же принципа.

6) Духовная школа: ея современные недостатки и желательное устройство.

III. Вопросы вѣры и жизни. 1) Свобода совѣсти и вѣротерпимость.

2) Истинная красота, жизненная сила и гармоническая полнота христіанства, какъ всеобъемлющей религіи духа и плоти (1 Кор. VI, 20 ст.).

3) Разборъ односторонняго, ложно-аскетическаго пониманія христіанства.

4) Крайности обрядовѣрія, развивающіяся въ ущербъ внутреннему пониманію христіанства и разумному усвоенію его духа.

5) Насколько возможно осуществленіе „евангелія царствія Божія" въ условіяхъ и предѣлахъ настоящей земной жизни?

6) Бракъ и безбрачіе.

7) Монашество и его желательная реформа.

8) Возрожденіе живой христіанской проповѣди и упорядоченіе православнаго богослуженія.

9) Христіанство и прогрессъ.

10) Христіанская этика и культурная эстетика (музыка, пѣніе, театръ, художественное творчество).

11) „Внутренняя миссія" православной Церкви и ея практическія задачи (развитіе истинно-христіанской общественности во всѣхъ формахъ жизни; устройство просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій).

Настоящій сборникъ составленъ изъ работъ членовъ коммиссіи, которыя или были прочитаны и обсуждены въ собраніяхъ Общества Л. Д. Просвѣщенія и въ бюро „Союза 17 октября", или же прямо напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ, или же, наконецъ, написаны спеціально для сборника. Помѣщены въ сборникѣ также протоколы собраній коммиссіи.

Передъ Церковнымъ Соборомъ.

По вопросу о началахъ церковнаго обновленія.

Вѣрую *во едину, святую, соборную и апостольскую церковь.*

Наименованіе Церкви—„единою, святою, соборною и апостольскою", указываетъ собою тѣ начала, которыя должны проникать всю жизнь Церкви, всѣ ея стороны, всѣ соотношенія и взаимоотношенія ея членовъ.

I. Единство Церкви не нарушается (какъ учитъ Катехизисъ) тѣмъ, что есть церковь земная и есть церковь небесная. Не нарушается и тѣмъ, что на землѣ существуетъ много церквей. Все это части единой вселенской Церкви. По существу своему онѣ составляютъ одно цѣлое—одно *тѣло.* Глава у тѣла единая—Іисусъ Христосъ, Богочеловѣкъ; Единый Духъ Святый освящаетъ это тѣло; Единый Богъ и Отецъ для всѣхъ Церквей и для всѣхъ членовъ Церкви; единое общее для всѣхъ Божественное откровеніе; единая общая вѣра, общія упованія, молитвы, таинства: вотъ тѣ существенные признаки, которыми опредѣляется единство Церкви.

Единство Церкви вообще и единство каждой отдѣльной части ея не должно нарушаться, безъ сомнѣнія, ни тѣмъ, что въ составъ церковныхъ обществъ входятъ лица іерархіи, клиръ и міряне, ни тѣмъ, что самая іерархія представляетъ собою три степени: епископскую, пресвитерскую и діаконскую. Во всемъ разнообразіи должно быть единство. „Сохранять единство духа въ союзѣ мира": вотъ что заповѣдуетъ Апостолъ (Еф. 4, 3).

Іерархія, какъ показываетъ самое это слово, есть священноначальственный классъ въ церковномъ обществѣ. Ей предоставлены отъ Основателя Церкви, Господа Іисуса Христа, въ лицѣ Апостоловъ, особенныя полномочія: *учить*—наставлять людей въ вѣрѣ и благочестіи, *священнодѣйствовать* -совершать св. таинства и всѣ виды богослуженія, и *управлять*—руководить жизнію вѣрующихъ. Само собою разу-

мѣется, въ Церкви, какъ обществѣ отличномъ отъ обществъ гражданскихъ, отношенія начальствующихъ и подчиненныхъ основывается на особыхъ, высшихъ началахъ образцомъ для которыхъ служатъ отношенія Іисуса Христа и Его Апостоловъ. Ниже (при разсужденіи о святости Церкви) мы постараемся изъяснить сущность этихъ началъ. Теперь же укажемъ на извѣстное апостольское изображеніе Церкви (у Ап. Павла въ 1-мъ посл. къ Кор. глава 12) подъ видомъ тѣла, состоящаго изъ различныхъ членовъ.

Церковь, тѣло Христово, „не изъ одного члена",—говоритъ Апостолъ,—„но изъ многихъ". Каждый членъ имѣетъ свое назначеніе, свои отправленія; разнообразіе членовъ необходимо, иначе—настоящаго, нормальнаго тѣла не будетъ; ненужныхъ, лишнихъ членовъ въ тѣлѣ нѣтъ; всѣ и каждый потребенъ: „не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, (ὑστερότερα—послѣдними, низшими), гораздо нужнѣе, и которые намъ кажутся менѣе благородными въ тѣлѣ, о тѣхъ болѣе прилагаемъ попеченія". (τιμήν—тѣмъ большую прилагаемъ мы *честь*). „Богъ соразмѣрилъ тѣло", т. е. правильно, точно распредѣлилъ, чтобы ...„не было раздѣленія въ тѣлѣ, а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ". Не будетъ ни произволомъ, ни преувеличеніемъ перенести эти подобія отношеній разныхъ членовъ одного тѣла на порядокъ взаимныхъ отношеній членовъ церковной іерархіи между собою и отношеній ихъ къ міряпамъ. Одни безъ другихъ не могутъ, не должны обходиться для правильной жизни тѣла. Если бы, напримѣръ, въ Церкви признана была ненужною услуга тѣхъ членовъ, которые кажутся низшими, произошло бы нѣчто ненормальное, болѣзненное во всѣмъ тѣлѣ. Связь членовъ въ нормальномъ, здоровомъ тѣлѣ настолько крѣпка, члены тѣла настолько прочно, органически сплетены другъ съ другомъ, что болѣзнь одного члена есть уже болѣзнь всѣхъ членовъ. Церковь, какъ живой организмъ, растетъ совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ своихъ членовъ и вмѣстѣ съ ихъ ростомъ, *въ мѣру дѣйствія каждаго члена* (Еф. IV, 13—16).

Прилагая это подобіе въ словахъ Апостола къ вопросу объ имѣющемъ быть всероссійскомъ церковномъ Соборѣ,

естественно признать за всѣми членами Церкви русской право на дѣятельное участіе въ соборныхъ разсужденіяхъ. Соборъ не былъ бы „церковнымъ"—въ полномъ смыслѣ этого слова,—если бы почему либо церковная власть нашла возможнымъ составить Соборъ изъ однихъ, напримѣръ, епископовъ, безъ участія клира и міряпъ, или—изъ однихъ только духовныхъ лицъ, безъ участія свѣтскихъ.

Не иначе, какъ ошибочными, и Слову Божію не соотвѣтствующими, надобно признать мнѣнія тѣхъ лицъ, которыя хранителями вѣры хотѣли бы считать только однихъ епископовъ, ссылаясь на сугубую благодать архіерейства. Такія мнѣнія отзываются римско-католическимъ, папскимъ духомъ. По изреченію извѣстнаго „Посланія восточныхъ патріарховъ", хранитель вѣры православной есть *народъ*. Сугубая благодать епископскаго сана сама по себѣ не дастъ права епископу быть самодовлѣющею величиною въ Церкви. Если бы епископъ возмнилъ себя таковою, онъ уже не православный епископъ, не одинъ изъ тѣхъ членовъ Церкви—тѣла Христова, о которыхъ, какъ выше написано, говоритъ св. Апостолъ Павелъ. Никто изъ обладающихъ благодатнымъ званіемъ не имѣетъ права замыкаться самъ въ себѣ, отдѣляясь отъ союза съ другими членами Церкви. Епископъ, какъ и всякій другой обладатель благодатныхъ даровъ, долженъ, по завѣту Апостола, „возгрѣвать" ихъ въ себѣ (2 Тим. 1, 6). А это возможно не иначе, какъ чрезъ постоянное общеніе со всѣмъ тѣломъ—Церковью,—чрезъ общеніе въ молитвѣ, въ ученіи, въ дѣлахъ вѣры и любви. Въ противномъ случаѣ онъ обречетъ себя на постепенное омертвѣніе.

Итакъ, въ силу единства Церкви, на Соборѣ должны участвовать не одни епископы и не архипастыри, окруженные только пастырями и клириками, но и міряне. Кто знаетъ, въ комъ скажется сила Духа Святаго? Не отъ внѣшнихъ отличій и положеній и не отъ юридическихъ полномочій и даже не отъ степеней только іерархическаго служенія зависитъ высшее благодатное озареніе человѣка-христіанина, а отъ особеннаго, сокровеннаго отъ взоровъ человѣческихъ, духовнаго величія, проявляющагося въ чрезвычайныхъ благодатныхъ дарованіяхъ. Архипастырь можетъ погрѣшать въ разумѣніи истины и найти себѣ обличеніе отъ смиреннаго

пастыря; ученый канонистъ-богословъ можетъ впасть въ заблужденіе и получить наученіе отъ малограмотнаго міряпина. Исторія—безпристрастная свидѣтельница правды—говоритъ, что колебались и падали и епископы, и пресвитеры, и міряне. Она же говоритъ намъ и о томъ, какъ охраняли и утверждали истину вѣры представители и тѣхъ, и другихъ, и третьихъ. Итакъ, одни, другіе и третьи—всѣ вообще и каждый въ отдѣльности—должны помогать другъ другу, восполнять одинъ другого; никто—ни изъ высшихъ и благородныхъ, ни изъ низшихъ и какущихся послѣднимп не имѣетъ права говорить другому: „ты мнѣ не надобенъ“. Всѣ нужны другъ другу. „Дары различны“, говоритъ Апостолъ, но Духъ одинъ и тотъ же; и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же; и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій все во всѣхъ. Но каждому дается проявленіе Духа на пользу („на пользу“ всей Церкви): одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, тѣмъ же Духомъ; иному вѣра, тѣмъ же Духомъ; иному дары исцѣленій, тѣмъ же Духомъ, иному чудотворенія, иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному различные языки, иному истолкованіе языковъ. Все сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя каждому особо, какъ Ему угодно“ (1 Кор. 12, 4—11).

Церковь есть зданіе Божіе, основанное на Христѣ—„краеугольномъ камнѣ“. Это зданіе созидается полнотою всѣхъ вѣрующихъ, полнотою вѣры и любви, полнотою вообще духовной жизни. Съ такой точки зрѣнія, мы, вѣрующіе, должны „увѣщевать другъ друга и *назидать* (οἰκοδομεῖν), т. е. какъ бы надстраивать другъ друга, „слагаясь стройно“, все выше и выше, „возрастая“ постепенно „въ святый храмъ въ Господѣ“... и „устрояясь въ жилище Божіе Духомъ“ (Еф. 2, 21-22; 1 Сол., 5, 11). „Служите другъ другу“ (1 Петр. 4, 10); „увѣщевайте другъ друга каждый день“ (Евр. 3, 13); „признавайтесь другъ предъ другомъ въ проступкахъ и молитесь другъ за друга“ (Іак. 5, 16): вотъ что много разъ заповѣдуютъ вѣрующимъ апостолы въ своихъ посланіяхъ. Все другъ для друга, все другъ другомъ, все другъ о другѣ. Вотъ какъ созидается единая, она же и нераздѣльная Церковь, яже о Христѣ. И если такое созиданіе должно идти непрестанно, то можетъ ли быть исключеніемъ Соборъ? Не

тѣмъ ли даже болѣе Соборъ-то именно и долженъ быть выразителемъ такого сознанія?

II. Церковь должна быть *святою*. Она такова по началу и существу своему, какъ общество, установленное Богомъ, возрождаемое Духомъ Святымъ, освящаемое ученіемъ Христа, Его жизнью, страданіями, смертію и воскресеніемъ, направляемое къ исполненію своего назначенія непрерывно дѣйствующею благодатію.

Признавая Церковь святою, мы этимъ ставимъ ее въ положеніе, не только высшее всѣхъ человѣческихъ обществъ, братствъ и союзовъ, но и совершенно независимое отъ нихъ. Всякая зависимость Церкви отъ чего либо земного, временнаго, преходящаго, дѣлала бы возможнымъ внесеніе въ нее какой либо „скверны, или порока, или чего либо подобнаго“ (Еф. 5, 27).

Допускаемое въ дѣйствительности „покровительство“ Церкви со стороны гражданскихъ правительствъ должно быть обусловлено многими ограниченіями. Покровительство это мыслимо только въ отношеніи къ *видимому* положенію Церкви въ государствахъ, къ видимымъ условіямъ жизни ея членовъ, обязанныхъ, по ученію Христову, „воздавать кесарево кесарю, а Божіе Богу“ (Матѳ. 22, 21). По существу же своему, Церковь можетъ имѣть надъ собою покровительство только отъ одного Бога: она можетъ и должна жить и раскрывать свои внутреннія силы не только внѣ всякаго видимаго покровительства земной власти, но даже и при враждебныхъ со стороны этой власти отношеніяхъ, какъ это и было въ первые вѣка христіанской исторіи—„времена гоненій“ на Церковь со стороны римскаго правительства. Исторія Церкви показываетъ даже и то, что во времена-то гоненій христіанство и являло себя именно тѣмъ, чѣмъ оно должно бы быть всегда и чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ въ наши дни не являетъ себя—„обществомъ святыхъ“, объединеннымъ всецѣло духомъ любви ко всѣмъ, готовымъ во всякое время на подвиги самоотверженія.

Союзъ же Церкви съ государствомъ такъ или иначе всегда отражался на жизни Церкви болѣе или менѣе неблагопріятно, въ смыслѣ связанности, тѣсноты для развитія ея нравственно-творческаго воздѣйствія на жизнь—даже болѣе того,—въ смыслѣ прямого порабощенія жизни церковной

формамъ, ей не соотвѣтствующимъ, подавляющимъ ея духъ.

Церковь должна жить духомъ Господнимъ, „а гдѣ духъ Господень, тамъ—свобода“ (2 Кор. 3, 17),—духовная свобода личности, просторъ для раскрытія въ ней высшихъ зачатковъ богоподобной жизни. Значитъ, гдѣ остается мѣсто какому либо насилію, принужденію, тамъ уже недостаетъ свободы, тамъ оскудѣніе духа Господня. Любовь, съ своей стороны, не нарушая личной свободы, должна связать отдѣльныхъ членовъ Церкви во едино, въ одно общество. Истинная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе. (I Іоан. 4, 18): такъ говоритъ Апостолъ любви. И вотъ только въ совокупномъ дѣйствіи свободы и любви, какъ бы анализа и синтеза, возможно нормальное устроеніе церковной жизни. „Ты уже не рабъ, но сынъ“ (Гал. 4, 7), „сынъ любви Божіей“ (Іоан. 1, 13; Іоан. 3, 1-2.).

Какъ среда для развитія вѣчныхъ началъ духа, Церковь должна стоять выше тѣхъ временныхъ, юридическихъ формъ жизни, какія создаются гражданскою властью. „Законъ положенъ не для праведника“ (1 Тим. 1, 9). Всякіе виды права стоятъ позади нравственности христіанской. Законы не могутъ связать религіозныхъ убѣжденій. [1]) Унижаютъ христіанство, когда говорятъ, что оно освящаетъ собою все, что въ данный моментъ представляется какъ право, какъ норма правовыхъ отношеній. Допускать и терпѣть что либо, оправдываемое правомъ, какъ одно „изъ меньшихъ золъ“ еще не значитъ оправдывать и освящать. (Въ такомъ положеніи, напр., стоятъ интересующіе всѣхъ вопросы о войнѣ, о смертныхъ казняхъ, о различныхъ видахъ неравенства людей, и проч.)

Духъ Господней любви самъ собою предполагаетъ полную вѣротерпимость у членовъ Церкви въ отношеніи ко всѣмъ людямъ иныхъ религіозныхъ упованій. Всѣ люди наши ближніе, какой бы религіи они ни держались. Члены Церкви, уважая свои вѣрованія и убѣжденія, должны относиться съ осмотрительностью и къ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ другихъ людей. Всякому человѣку дорогъ свой у-

[1]) Въ законѣ значится, что никто не имѣетъ права измѣнить православію: какъ будто можно кому либо воспретить перемѣну своихъ убѣжденій!

ховный міръ. Сохрани Богъ, если члены святой Церкви проникнутся ложной ревностью по вѣрѣ и будутъ производить тѣ или иныя насилія надъ иновѣрными согражданами, хотя бы и съ цѣлями миссіонерскими (не говоримъ уже о политическихъ видахъ). Что свойственно послѣдователю Магомета, то должно быть противно совѣсти ученика Христова. Великимъ историческимъ грѣхомъ во всѣ времена и у всѣхъ христіанскихъ народовъ были гоненія на еретиковъ, сектантовъ, раскольниковъ. Не мало, напр., погрѣшали до послѣдняго времени и наши миссіонеры, принимавшіе на себя—вольно или невольно—роль полицейскихъ сыщиковъ и карателей.

На ряду съ терпимостью въ дѣлахъ вѣры должна идти терпимость и въ области политическихъ убѣжденій. У христіанина не должно быть враговъ. Христіанинъ не долженъ отдавать себя всецѣло партійной борьбѣ. Для христіанина вездѣ и всегда должна быть всего дороже истина Божія. Онъ долженъ быть чуждъ всякихъ случайныхъ пристрастій хитрости, лукавства, лести, отъ кого бы они ни исходили, какимъ бы благовиднымъ предлогомъ они ни прикрывались. Политика, дипломатія, вообще земныя сдѣлки и предпріятія очень часто исходятъ изъ принципа: „цѣль оправдываетъ средства“. Святая Церковь требуетъ одинаково, чтобы святыя цѣли и достигались святыми, чистыми средствами. Все эгоистическое, утилитарное, узко-партійное противно чистотѣ истины Божіей.

Но если Церковь сама по себѣ, для полноты своей жизни, не нуждается въ покровительствѣ земной власти законовъ, то съ своей стороны она должна проявлять и не можетъ не проявлять своего вліянія на улучшеніе условій и порядковъ земной жизни, семейнаго, общественнаго и государственнаго быта. Проникновеніе законовъ духомъ евангельской любви и правды, смягченіе нравовъ, облагороженіе понятій, сглаживаніе всякихъ шероховатостей во взаимныхъ отношеніяхъ классовъ и сословій общества, уравненіе соціальныхъ положеній, улучшеніе международныхъ отношеній,—вообще всякіе виды морализаціи: вотъ неотдѣлимыя отъ Церкви Христовой ея задачи въ мірѣ.—Само собою разумѣется, что Церковь должна благословлять всякія благія начинанія правительствъ и обществъ человѣческихъ въ пользу большаго

простора для развитія духовныхъ сторонъ жизни гражданъ. Она должна быть на сторонѣ тѣхъ культурныхъ стремленій, которыя ведутъ къ расширенію области и улучшенію условій религіозно-нравственнаго просвѣтительнаго дѣла — дѣла Христова. Церковь, безъ сомнѣнія, выше всего земного, но она не внѣ земли; она не вмѣшивается въ суету житейскую, но она не попускаетъ быть ничему ложному, безчестному, безнравственному; она чужда политической дѣятельности, но она даетъ христіанское направленіе, правильное освѣщеніе политикѣ; она судитъ и осуждаетъ политику коварства, своекорыстія, грубой силы и безправія. Она—врагъ революціонныхъ насильственныхъ движеній, противникъ кровавыхъ расправъ и всякихъ безчеловѣчныхъ отношеній, всякихъ жестокостей—даже къ животнымъ. Она благословляетъ мирный прогрессъ, молится о торжествѣ добра, о благоспѣшеніи и счастіи какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и обществъ и государствъ, „о мирѣ всего міра“.

Главнымъ средствомъ для исполненія этихъ великихъ задачъ Церкви служитъ *проповѣдь* [1]),—та свободная (2 Тим. 2,9), въ духѣ вѣры и любви, и пелицемѣрной правдѣ, одушевленная благодатію проповѣдь, которая должна раздаваться изъ устъ пастырей Церкви „благовременнѣ и безвременнѣ“ (2 Тим. 4,2). Безъ пристрастія, безъ угожденія однимъ (сильнымъ, знатнымъ, богатымъ), безъ озлобленія другихъ, какъ съ призваніемъ къ вѣчному спасенію (что, несомнѣнно, есть *первое*), такъ и съ наученіемъ правильному отношенію къ земному, съ указаніемъ путей къ насажденію Царства Божія въ средѣ обыденной жизни, въ области житейскихъ занятій: вотъ какова должна быть современная проповѣдь! Она должна быть чужда той аскетической односторонности, которая непримѣнима въ условіяхъ обычной мірской жизни. Она должна устанавливать норму святости и на землѣ—въ тѣхъ условіяхъ, въ какія поставленъ человѣкъ въ своей земной жизни. Она не должна быть ни исключительно догматическаго, ни исключительно моральнаго содержанія. Она должна прокладывать живую связь догмата съ

---

[1]) Не говоримъ о просвѣтительномъ вліяніи *жизни* христіанской, — это само собою подразумѣвается: „кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ Царствѣ небесномъ“ (Матѳ. 5,19).

жизнію; она должна осмыслить и оживить догматъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить принципъ морали въ высшихъ идеалахъ духовнаго возрожденія, и не только по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, но и ко всему человѣчеству.

Проповѣдь погрѣшаетъ противъ святости Церкви, если въ нее влагаются искусственно тѣ или другія политическія тенденціи; если въ ней отражается односторонность и страстность самого проповѣдника; если она, будучи по содержанію и тону своему обличительною и осуждая дурные поступки человѣческіе, вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ въ слушателяхъ враждебныя чувства къ самимъ грѣшникамъ. Въ послѣднемъ случаѣ она можетъ быть поводомъ къ печальнымъ—личнымъ и общественнымъ—столкновеніемъ. *Любовь* должна быть всегда и вездѣ мотивомъ пастырскихъ дѣйствій. А любовь выше закона, выше юридической правды: правда, иногда жестокая, по своимъ проявленіямъ, въ любви находитъ для себя смягченіе, умиреніе. „Любовь все покрываетъ... все терпитъ“...; „любовь никогда не отпадаетъ“; любовь „больше“ всѣхъ даровъ (см. 1 Кор. 13 главу). — Вотъ почему великіе подвижники вѣры, исполненные истинной любви, были всегда „печальниками“ за согрѣшившихъ братьевъ. Желательно видѣть возстановленіе забытаго представителями іерархіи древняго права, „ходатайствовать о смягченіи участи осужденныхъ преступниковъ“. Въ лицѣ Амвросія Медіоланскаго, патріарха Игнатія, митрополита Филиппа и иныхъ многихъ исторія Церкви указываетъ истинныхъ, безбоязненныхъ, во имя Христовой правды и любви, печальниковъ за народъ предъ представителями земной власти, грозныхъ и немилосердныхъ обличителей неправдъ и насилій.

Святость Церкви требуетъ, чтобы съ возможной точностью было опредѣлено и внушено членамъ Церкви понятіе о томъ, что есть въ ея жизни вѣчное, неизмѣнное, и что подлежитъ измѣненіямъ, дополненіямъ, согласно съ запросами развивающагося сознанія вѣрующихъ и измѣняющихся потребностей жизни. Смѣшеніе евангельскихъ, догматическихъ истинъ вѣроученія и нравоученія съ частными мнѣніями отдѣльныхъ лицъ (хотя бы и учителей Церкви),—съ одной стороны, а съ другой — смѣшеніе правилъ истинно каноническихъ, обосновавшихъ на божественномъ откровеніи, съ традиціями мѣстнаго, временнаго характера, нерѣдко

приводило и приводитъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ и раздорамъ въ жизни церковной, къ преувеличенному возвышенію „обычая“, „обряда“, во вредъ вселенской истинѣ, въ ущербъ жизненности истинно евангельскихъ началъ и устоевъ, въ порабощеніе существа духа вѣры и благочестія внѣшней формѣ и мертвой буквѣ (Іоан. 6, 63; 2 Кор. 3 6).

„Суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы“ (Мрк. 2, 27): вотъ евангельскій принципъ, который не долженъ быть никогда забываемъ въ практикѣ церковной. Законы для людей, а не люди для законовъ; каноны для Церкви, а не Церковь для каноновъ; іерархія для служенія вѣрующимъ, а не вѣрующіе для служенія лицамъ іерархіи; наконецъ—начальствующіе и старѣйшіе для подчиненныхъ и младшихъ, а не наоборотъ,—не такъ, какъ это укоренилось въ обычныхъ гражданскихъ понятіяхъ. Образцомъ въ Церкви — вездѣ и во всемъ—долженъ быть ея Основатель—Христосъ. А Онъ говоритъ о Себѣ въ Евангеліи: „Сынъ человѣческій пришелъ не для того, чтобы Ему служили, но для того, чтобы послужить другимъ“ (Мѳ. 20, 28). [1]) Ап. Петръ заповѣдуетъ пастырямъ Церкви: „не господствовать надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но подавать примѣръ“ (I Петр. 5, 2, 3), или, какъ говоритъ другой Апостолъ: „быть образцомъ для вѣрныхъ въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ“ (I Тим. 4, 12). Господствованіе, властвованіе, требованіе слѣпой покорности—все это несвойственно членамъ святого общества вѣрующихъ во Христа. Христосъ однажды навсегда оставилъ завѣтъ своимъ апостоламъ: „цари господствуютъ надъ народами и владѣющіе ими благодѣтелями называются; а вы не такъ: но кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій, и начальствующій какъ служащій“ (Лук. 22, 25—27) [2]). Забвеніе этого завѣта Христова всегда вело и

---

[1]) Вспомнимъ омовеніе ногъ на Тайной вечери: Христосъ видимый, наглядный примѣръ далъ ученикамъ Своимъ, какъ должно выражаться, до какой степени должно нисходить служеніе „высшихъ“ въ Церкви „низшимъ“.

[2]) Насколько Апостолы были велики въ своемъ смиреніи, объ этомъ говоритъ многое въ Посланіяхъ свв. Петра и Павла. Напр., когда Корнилій „встрѣтилъ Петра и поклонился падши къ ногамъ его“, то „Петръ поднялъ его, говоря: встань, я тоже человѣкъ“ (Дѣян. 10, 25, 26. См. 2 Кор. 12 гл. Гал. 4 гл. и проч.). Какое въ этомъ обличеніе извѣстнымъ пріемамъ раболѣпства и гнуснаго низкопоклонничества!

ведетъ къ утвержденію полицейскаго строя въ средѣ Церкви, въ частности же — въ средѣ іерархіи. Отъ этого избави, Боже, впредь нашу церковную жизнь. Мы привыкли называть „службой“ отправленіе богослуженій, а о другихъ видахъ служенія ближнимъ забываемъ. Умѣемъ говорить о правахъ, но молчимъ объ обязанностяхъ.

III. *Соборною* Церковь называется въ томъ смыслѣ, что „она не ограничивается ни мѣстомъ, ни временемъ, ни народомъ, но заключаетъ въ себѣ истинно вѣрующихъ всѣхъ мѣстъ, временъ и народовъ“ (Прав. Катих.).

Ясно изъ этого опредѣленія, что несправедливо національзировать Церковь,—считать, напр., православіе—наилучшую форму исповѣданія христіанства—специфическимъ достояніемъ русской народности. Православный и русскій — эти два различныхъ понятія привыкли какъ-то у насъ считать нераздѣлимыми синонимами одного и того же. Неотъемлемымъ признакомъ русскаго человѣка признавалось не одно только происхожденіе, а и принадлежность къ православію. Съ другой стороны—еврей или бурятъ, обращающійся въ православіе, тѣмъ самымъ какъ бы превращался въ русскаго человѣка. Если отъ этого выигрывала политика, (хотя и этотъ выигрышъ былъ ненадежный), то несомнѣнно проигрывала религія, ибо привиллегіи, дававшіяся прозелитамъ, порождали массу фальшивыхъ обращеній въ православіе и вносили въ ограду Церкви ложь и лицемѣріе.

По самому существу своему, истинная Церковь не должна быть государственною и господствующею, въ официальномъ смыслѣ, — она должна быть общечеловѣческою. Никакія внѣшнія прерогативы для Церкви нисколько не возвышаютъ ее: она и безъ всякихъ земныхъ преимуществъ безусловно велика—сама по себѣ. Слѣдствіемъ облеченія Церкви въ государственную тогу бываетъ развитіе сухого, безжизненнаго формализма въ отношеніяхъ членовъ Церкви къ дѣламъ вѣры. А это такое зло, которое болѣе опасно для жизни церковной, чѣмъ открытое невѣріе и отступничество. Трудно выразить словами ту глубину грѣха, которая поддерживается у насъ разными религіозно-формальными обязательствами по отношенію къ лицамъ, состоящимъ на правительственной службѣ и числящимся въ формулярныхъ спискахъ „православными“: хочешь-не хочешь, исполняй говѣніе въ В. постъ, иди на тѣ или другія общественныя моленія. Есть, и не ма-

ло, хорошихъ, вѣрующихъ, людей, совѣсть которыхъ прямо не выноситъ ничьего и никакого посторонняго вмѣшательства въ святое святыхъ своего духа и не переваритъ мысли о соединеніи оффиціальнаго принудительнаго участія въ богослуженіи съ духовнымъ, чистымъ и нелицемѣрнымъ служеніемъ Богу. Съ другой стороны, какъ назвать такое явленіе, когда совсѣмъ невѣрующіе люди идутъ къ св. чашѣ исключительно изъ-за „страха іудейска“? Кто же въ этомъ случаѣ повиненъ въ столь тяжкомъ кощунствѣ?—Наконецъ, что вносятъ съ собой въ соборные храмы въ среду молитвъ и священнодѣйствій тѣ толпы мундирныхъ лицъ, которыхъ гонитъ на молебны единственно оффиція?...

Соборность Церкви сама собою предполагаетъ равенство всѣхъ и каждаго предъ Богомъ, а затѣмъ, конечно, и предъ гражданскимъ закономъ, поскольку этотъ законъ считается христіанскимъ. Ни родство, ни свойство, ни землячество Церковь не можетъ признавать опредѣляющими нормами отношеній. Всѣ люди одинаково правоспособны быть членами Церкви. Всѣ — сонаслѣдники вѣчной жизни во Христѣ. Тутъ нѣтъ ни „боляръ“, ни простыхъ смертныхъ,—всѣ рабы Божіи и не только рабы, но и други и дѣти Божіи по вѣрѣ во Христа.

Соборность Церкви соотвѣтствуетъ словамъ Апостола: „нѣсть еллинъ, ни іудей, обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, варваръ и скиѳъ, рабъ и свободъ, по всяческая и во всѣхъ Христосъ“ (Кол. 3, 11). Всѣ народы призываются въ Церковь, безъ различія языка, цвѣта кожи, степени культуры Здѣсь нѣтъ языка побѣдителей и языка покоренныхъ. Сама Церковь въ 1-й день Свѣтлаго Воскресенія Христова за литургіей читаетъ Евангеліе на разныхъ языкахъ. Тѣмъ самымъ она признаетъ права всѣхъ народовъ на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ славословить Единаго для всѣхъ Христа-Бога. Ясно отсюда, какъ несогласно, напр., съ существомъ нашей вѣры требованіе, во имя какихъ либо политическихъ интересовъ, чтобы инородцы, живущіе въ Россіи и исповѣдующіе православіе, изучали церковно-славянскій языкъ и на немъ отправляли свое богослуженіе.—Не говоримъ уже о томъ, сколько не отвѣчаютъ и своимъ политическимъ идеямъ подобные эксперименты, достигающіе какъ разъ противоположныхъ результатовъ. Такъ опасно дѣлать религіозное дѣло служебнымъ орудіемъ политики!

Издревле Церковь Христіанская стояла выше всякихъ національныхъ, политическихъ, имущественныхъ и сословныхъ видовъ и раздѣленій. Она всегда дѣлала общечеловѣческое, „соборное“—въ обширнѣйшемъ смыслѣ—дѣло. Такова ея практика Евангельской проповѣди всѣмъ народамъ. („Шедше научите *вся* языки...“). Такова практика христіанскаго милосердія. Этимъ Церковь завоевала себѣ симпатіи народовъ и—среди народовъ—тѣхъ людей, которыхъ міръ презираетъ и считаетъ отребьемъ. Она являлась вездѣ истинной матерью, для которой всѣ дѣти одинаково дороги, а наиболѣе несчастные изъ нихъ наиболѣе заслуживаютъ попеченія. Церковь ни для кого никогда не являлась мачехой, никогда нигдѣ не покровительствовала однимъ въ ущербъ другимъ.

Соборность Церкви, наконецъ, должна проявляться и въ томъ, чтобы на служеніе Царству Божію, какъ къ центру по радіусамъ, со всѣхъ сторонъ *собирались* всѣ тѣ силы, всѣ тѣ факторы, которыми создается, такъ называемый человѣческій прогрессъ. Представители Церкви, люди науки, поборники искусствъ, дѣятели политики, промышленности, торговли,—словомъ, *всѣ*, каждый въ мѣру своихъ силъ и способностей, своихъ трудовъ и познаній, должны въ сущности дѣлать одно общее дѣло—созидать Церковь, надстраивать и надстраивать ее, при содѣйствіи Духа Божія, „доколѣ“, какъ говоритъ Апостолъ, „всѣ пріидемъ въ единство вѣры и познаніе Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова“ (Еф. 4, 13). Церковь православная, строго говоря, никогда не имѣла враждебныхъ отношеній къ наукѣ, искусству и другимъ факторамъ прогресса. Въ этомъ отношеніи повинна предъ судомъ исторіи Церковь римская, западная. И не Церковь собственно, а представители ея. Но не отсутствіе только вражды должно характеризовать отношенія къ факторамъ прогресса, а положительное довѣріе къ нимъ, болѣе того—содѣйствіе имъ въ достиженіи общихъ для человѣчества цѣлей: утвержденія и распространенія Царства Божія въ мірѣ, во всей универсальной обширности его идей и проявленій. Элементы культуры, конечно, не безъ извѣстнаго отбора, должны быть воспринимаемы Церковію и, по законамъ ей присущимъ, претворяемы въ благотворное питаніе ея членовъ, для общей „пользы“ (1 Кор. 10, 24; 12, 7; Филл. 4, 12), подобно тому, какъ это дѣ-

лаетъ нашъ организмъ съ всевозможными элементами пищи и питья, поступающими въ желудокъ. Соборность Церкви не исключаетъ заботъ пастырскихъ о каждой отдѣльной овцѣ. Напротивъ, самому понятію Церкви противно, напр., дѣленіе людей на народъ и интеллигенцію. Въ наше время приходится слышать, что Церковь должна отвернуться отъ интеллигенціи, а опираться на народъ. Какъ будто всѣ интеллигентные, мыслящіе люди—враги религіи, а народъ, т. е. темныя массы находящіяся въ умственномъ младенчествѣ, цѣликомъ являются церковною средою! Какъ много въ этомъ заблужденій! Какъ много, оскорбительнаго по адресу мыслящихъ и вмѣстѣ вѣрующихъ людей! И какъ велика близорукость оптимистическихъ упованій на такъ называемый народъ. Неужели православіе только для темныхъ людей? Неужели не дорого для самого неба спасеніе каждой отдѣльной души? Предъ Богомъ нѣтъ интеллигенціи, нѣтъ народа, нѣтъ никакихъ группъ и партій,—есть только люди—грѣшники; есть кающіеся, есть не кающіеся; есть противляющіеся. Церковь же именуетъ себя матерію, поэтому должна быть внимательна и благожелательна ко всѣмъ и каждому человѣку и всѣхъ овецъ „собирать“ въ единое стадо Христово.

Соборность Церкви должна проявляться всюду въ жизни Церкви, во всѣхъ отношеніяхъ ея членовъ къ Церкви и другъ къ другу и ко всѣмъ. Соборность въ единствѣ, единство въ общеніи всѣхъ и каждаго: вотъ въ чемъ заключается полнота Церкви.

Соборность должна проявляться и въ ея управленіи, о чемъ будетъ сказано ниже—въ слѣдующемъ параграфѣ.

IV. Церковь именуется *апостольскою*. Это наименованіе,—по словамъ Катехизиса,—говоритъ о томъ, что „Церковь сохраняетъ неизмѣнно отъ Апостоловъ и ученіе, и преемство даровъ Св. Духа чрезъ священное рукоположеніе“. Подъ ученіемъ разумѣются здѣсь всѣ преданія истинно апостольскія, касающіяся и вѣры, и церковнаго управленія, и вообще церковныхъ установленій.

Къ числу такихъ установленій относится и то, что называется „соборностью“ церковнаго устройства, т. е. такое устроеніе церковной жизни, при которомъ не дается мѣста какому либо абсолютизму и единоличности въ управленіи, а все сводится къ авторитету соборовъ.

Свв. Апостолы, устрояя Церковь по заповѣди Учителя

своего, оставили на всѣ времена образцы истиннаго соборнаго управленія въ Церкви. Эти образцы никогда не забывались Православною Церковію, но въ силу разныхъ видимыхъ обстоятельствъ, по временамъ какъ бы затемнялись, уступая мѣсто началамъ гражданскаго свойства. Несомнѣнно, іерархія въ Церкви, начиная, повидимому, со временъ Константина Великаго, вошедши въ союзъ съ абсолютизмомъ государственной власти, все дальше и больше оттѣсняла назадъ значеніе мірянъ, или народа. Въ наше время, въ виду предположеній о помѣстномъ церковномъ соборѣ, явились даже споры о томъ: не одни ли архипастыри должны составить соборъ? можно ли допустить на соборъ „бѣлое духовенство", т. е. пастырей церковныхъ? тѣмъ болѣе, можно ли дать мѣсто на соборѣ мірянамъ?

Обратимся къ образцамъ апостольскимъ. На первыхъ страницахъ книги „Дѣяній св. Апостоловъ" уже найдемъ ясные отвѣты не только на вышеприведенные вопросы, но и на другой, интересующій всѣхъ насъ вопросъ: должны ли быть архипастыри и пастыри въ Церкви по назначенію власти или же по избранію народа?

Въ 1-й главѣ книги Дѣяній св. Апостоловъ (ст. 15—26) говорится о первомъ общемъ церковномъ собраніи. На этомъ собраніи были не одни апостолы изъ 12-ти и не въ соединеніи только съ соборомъ 70-ти, а въ общеніи и съ другими вѣрующими, всего до 120 человѣкъ: ἦν ὄχλος говорится въ греческомъ текстѣ книги „Дѣяній" (ὄχλος означаетъ толпу народную, т. е. большое количество людей). Предметомъ собранія было избраніе двѣнадцатаго апостола, вмѣсто отпаднаго Іуды. Ап. Петръ, повидимому, въ качествѣ предсѣдателя собора, дѣлаетъ предложеніе объ избраніи, разъясняя при этомъ тѣ условія, какимъ долженъ удовлетворять избираемый (именно—пребываніе со Христомъ отъ крещенія до вознесенія). Послѣ предложенія Ап. Петра,—сказано въ „Дѣяніяхъ",—поставили (ἔστησαν изъ среды своей выставили кандидатами) двоихъ. „Смотри", замѣчаетъ по этому случаю Іоаннъ Златоустъ, „какъ Петръ все дѣлаетъ *съ общаго согласія* и не распоряжается ничѣмъ самовольно, какъ начальникъ". Затѣмъ, „помолились" и „бросили жребій". „Жребій палъ на Матѳія"...

Второй подобный случай соборнаго избранія описанъ въ той же книгѣ „Дѣяній" въ 6-й главѣ (ст. 2—6). Опять ска-

зано, что двѣнадцать Апостоловъ призвали „множество (πλῆθος) учениковъ“ (подъ учениками же разумѣются вообще вѣрующіе, что ясно видно изъ 7-го стиха той же главы). Собравшимся они предложили „усмотрѣть“ (ἐπισκέψασθαι—намѣтить) изъ своей среды семь мужей „извѣданныхъ“ (ἐξ ὑμῶν μαρτυρουμένους — „вами свидѣтельствуемыхъ, рекомендуемыхъ“)... „И избрали“ (ἐξελέξαντο т. е все „множество учениковъ“) ...„Ихъ поставили предъ Апостолами, и *сіи*, помолившись, возложили на нихъ руки“.

Третій образецъ соборнаго общенія свв. Апостоловъ и „учениковъ“—вѣрующихъ описывается въ 15-й главѣ книги „Дѣяній св. Апостоловъ“ (ст. 1—33). Это уже прямой образецъ „Собора“, т. е. такого церковнаго собранія, на которомъ рѣшались вопросы догматическаго и нравственнаго характера, касавшіеся не одной только іерусалимской церкви, но и другихъ церквей, бывшихъ „въ Антіохіи, Сиріи и Киликіи“, а затѣмъ получившіе значеніе для всей вселенской Церкви на всѣ времена, „до скончанія вѣка“.

Изъ даннаго описанія видно, что „братья“, т. е. члены Антіохійской церкви, смущенные „нѣкоторыми“ изъ іудеевъ (по вопросу объ обрѣзаніи по закону Моисееву), „положили“ (ἔταξαν опредѣлили) послать Павла и Варнаву и другихъ изъ своей среды въ Іерусалимъ „для вопрошенія о семъ къ Апостоламъ и пресвитерамъ“ (по славянски — „старцамъ“). Посланные по опредѣленію Церкви Антіохійской были приняты „Церковью, Апостолами и пресвитерами, и возвѣстили, что Богъ совершилъ вмѣстѣ съ ними“. — Для разсмотрѣнія дѣла собрались „Апостолы и пресвитеры“: такъ написано въ 6 стихѣ,—въ 12-мъ стихѣ сказано, что на соборѣ присутствовало „все множество (πᾶν τὸ πλῆθος),—въ 22-мъ стихѣ говорится еще больше: „Тогда изволися—апостоломъ и старцемъ со всею Церковію“ (σὺν ὅλῃ ἐκκλησίᾳ).— По выслушаніи предложенія Антіохійской Церкви, на Соборѣ послѣдовало „долгое разсужденіе“ (ζήτησις изслѣдованіе, а по чтенію Златоуста— συνζήτησις совмѣстное, общее изслѣдованіе), послѣ котораго Ап. Петръ обратился къ Собору съ рѣчью. Вслѣдъ за рѣчью Петра, Соборъ „слушалъ Варнаву и Павла“... А затѣмъ „началъ рѣчь Іаковъ“.—Изъ описанія ясно видно, что собравшіеся на Соборъ члены Церкви то говорили, то умолкали, слушая рѣчи Апостоловъ. Видно и то, что постановленіе состоялось *по общему* согласію:

„тогда Апостолы и пресвитеры со всею Церковію разсудили...“ (22 ст.); „собравшись единодушно разсудили“ (25 ст.).

Изъ разсмотрѣнныхъ описаній книги „Дѣяній св. Апостоловъ“, какъ нельзя болѣе ясно, убѣждаемся, что апостольскій образецъ для Церкви состоитъ въ томъ, что важные вопросы, „по утвержденію ученія вѣры и благочестія“ равно какъ и по церковному управленію (избраніе 12-го апостола и 7 діаконовъ) должны разсматриваться и рѣшаться сообща *всею Церковію*. Такъ какъ *вся* въ совокупности Церковь не можетъ никогда и нигдѣ собраться, вслѣдствіе многочисленности своихъ членовъ, какъ не собиралась она и при Апостолахъ, то, несомнѣнно, подъ всею Церковію разумѣть должно *представителей всей* Церкви. Какъ на апостольскихъ собраніяхъ присутствовали сами Апостолы, затѣмъ пресвитеры и братія, такъ и вообще на соборахъ церковныхъ всѣхъ временъ должны присутствовать епископы и пресвитеры и міряне, въ лицѣ своихъ представителей. Присутствіе всѣхъ этихъ представителей должно выражаться соучастіемъ въ общемъ изслѣдованіи подлежащихъ вопросовъ и въ единодушномъ рѣшеніи.

На подобныхъ же соборахъ представителей всей Церкви должно совершаться и *избраніе* кандидатовъ на іерархическія должности. Дѣло епископовъ, какъ „преемниковъ Апостоловъ“, кромѣ участія въ избраніи, „возлагать руки“ на избранныхъ, т. е. совершать таинство священства.

Въ задачу настоящаго разсужденія не входятъ соображенія о томъ, какъ должны подаваться голоса на соборѣ, какое участіе должны имѣть на соборѣ клирики и міряне— рѣшающее или совѣщательное. Для насъ представляется несомнѣннымъ только то, что ни насиліямъ, ни принужденіямъ, ни запугиваніямъ и угрозамъ, ни пренебреженіямъ къ голосу членовъ мнящихся „немощнѣйшими“, „безчестнѣйшими“, „неблагообразными“, по Апостолу, на Соборѣ не должно быть мѣсто. *Все* должно тамъ, какъ и вездѣ и во всемъ—христіанскомъ, быть *любовно* (1 Кор. 16, 14). Всѣ прения должны свестись *къ единодушію,* какъ на Соборѣ Апостольскомъ.

Апрѣль 1906 года. *Прот. Н. Боголюбскій.*

Освободительное движеніе и оффиціальная церковь.

Мы стоимъ передъ великимъ и неизвѣстнымъ будущимъ, готовясь вступить въ новый періодъ нашего общественно-политическаго существованія. Долгая ночь духовнаго порабощенія и безправья, висѣвшая надъ нашей родиной, повидимому, приходитъ къ концу. Въ предразсвѣтномъ сумракѣ еще бродятъ какія то тѣни, движутся фантастическіе призраки, наводя суевѣрный страхъ на робкія души; до испуганнаго слуха еще доносится порой торжествующій хохотъ почившихъ филиповъ и вой голодныхъ шакаловъ; еще не безопасенъ смѣлый шагъ среди стремнинъ и обрывовъ, пересѣкающихъ еле видный путь. Но все же чувствуется близость наступающаго утра. Надъ горизонтомъ уже брезжится отблескъ первыхъ лучей. Еще немного—и солнце гражданской и политической свободы взойдетъ надъ русской землёй. „Что день грядущій намъ готовитъ?" Что встанетъ передъ нами, когда разсѣется предутренній туманъ? Мы не знаемъ. Быть можетъ, это будетъ день великой скорби о крушеніи несбывшихся надеждъ; во всякомъ случаѣ, онъ будетъ днемъ великаго народнаго труда и подвига, для котораго потребуется напряженіе всѣхъ творческихъ общественныхъ силъ. Но что бы ни было, желанный день лучше пережитой нами, полной ужасовъ ночи, и мы радостно ждемъ его наступленія.

Передъ лицомъ наступающаго будущаго, производя подсчетъ силъ и стараясь напередъ угадать ихъ распредѣленіе въ предстоящей борьбѣ освободительныхъ началъ съ пережитками стараго строя, общественная мысль невольно задается вопросомъ о томъ, какую роль возьметъ на себя

наша церковь. Отвѣчая на этотъ вопросъ, одни—люди живой вѣры и крѣпкихъ упованій—выражаютъ увѣренность, что участіе церкви въ предстоящей работѣ нашего общественно-политическаго обновленія будетъ широко и плодотворно. Въ оправданіе такихъ надеждъ вы рѣдко услышите отъ нихъ что нибудь, кромѣ напоминанія о непреложности обѣтованій, данныхъ вселенской церкви ея Основателемъ вмѣстѣ съ призваніемъ обновить весь міръ по началамъ вѣчной правды, и о томъ, что церковь русская, какъ часть великаго цѣлаго, есть также участница и наслѣдница этихъ обѣтованій. Не скрывая отъ себя того, что дѣйствительность пока мало оправдываетъ ихъ чаянія, эти церковные идеалисты полагаютъ, что надвигающійся историческій моментъ необходимо вызоветъ обнаруженіе временно подавленныхъ, но не загубленныхъ, не утраченныхъ нашею церковью ея творческихъ силъ, и передъ ихъ умственнымъ взоромъ—правда, еще въ неясныхъ очертаніяхъ—уже рисуется зданіе „христіанской общественности", какъ дѣло, быть можетъ, не очень далекаго будущаго. Другіе—и ихъ несомнѣнно большинство—держатся иного мнѣнія и не скрываютъ опасеній встрѣтить въ церкви не союзника, а упорнаго врага при проведеніи въ жизнь освободительныхъ началъ. Я не говорю о тѣхъ, чьи взгляды на религію вообще исключаютъ самую мысль о возможности благодѣтельнаго вмѣшательства ея въ область человѣческихъ отношеній. Гораздо важнѣе то, что и среди лицъ, не утратившихъ связи съ церковью, чувство тревоги за будущее не рѣдко беретъ перевѣсъ надъ увѣренностью въ способности оффиціальныхъ руководителей нашей церковной жизни удержаться на желаемой высотѣ идеальныхъ требованій при установленіи своего отношенія къ противоположнымъ теченіямъ общественной мысли, достаточно опредѣлившимся въ данный моментъ и готовящимся къ рѣшительной борьбѣ въ близкомъ будущемъ. Что церковь, въ лицѣ своей правящей іерархіи, не останется безучастной зрительницей этой борьбы, а выступитъ союзницей и защитницей стараго порядка,—это для многихъ представляется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ въ виду неоднократно обнаружившейся уже и въ наши дни рѣшительной неспособности церковныхъ властей отрѣшиться въ образѣ мыслей и дѣлъ отъ традицій и навыковъ прошлаго.

Чтобы судить о степени основательности подобныхъ опасеній, намъ нужно воспроизвести въ своей памяти нѣкоторыя черты этого „прошлаго“, не совсѣмъ переставшаго быть настоящимъ и продолжающаго вставать призракомъ угрозы для будущаго. Защитники стараго порядка, крѣпче, чѣмъ когда-либо, цѣпляющіеся теперь за его религіозную санкцію, еще не разучились повторять много лѣтъ настойчиво проповѣдывавшуюся у насъ мысль о благодѣтельномъ союзѣ *православія, самодержавія и народности*, смущая національное чувство и религіозную совѣсть довѣрчивыхъ людей предсказаніями о неизбѣжной утратѣ „господствующей“ народностью и церковью въ будущемъ свободномъ государствѣ того особаго покровительства, какимъ онѣ пользовались при самодержавномъ строѣ. Мы не будемъ останавливаться на томъ, въ какой мѣрѣ страшна эта угроза для русской національности, всегда занимавшей въ упомянутомъ тройственномъ союзѣ во всѣхъ отношеніяхъ послѣднее мѣсто; но что касается православной церкви, то для нея отказъ отъ этого союза былъ бы, дѣйствительно, равносиленъ рѣшимости выйти изъ-подъ крѣпкой охраны, хотя—въ этомъ должны сознаться и наши „охранители“—купленной цѣною очень крупныхъ жертвъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что со стороны государственной власти не было недостатка въ готовности содѣйствовать возвышенію православія, въ смыслѣ расширенія его правъ и огражденія его внѣшнихъ преимуществъ надъ другими исповѣданіями и религіями, существующими въ государствѣ. Выразительнымъ показателемъ этой готовности являются, между прочимъ, тѣ вѣковыя *ограниченія свободы религіозной совѣсти*, окончательное устраненіе которыхъ еще и теперь остается дѣломъ будущаго. Уступая тѣмъ или другимъ соображеніямъ практическаго характера, государственная власть не находила возможнымъ относиться съ полною нетерпимостью къ формамъ и обнаруженіямъ религіозныхъ вѣрованій иностранцевъ и инородцевъ, живущихъ на русской территоріи; но она никогда не ставила не только язычество, іудейство или магометанство, но даже и христіанскія „иностранныя исповѣданія“ на одинъ уровень съ православіемъ, и право религіозной пропаганды всегда оставалось привилегіей „господствующей“ церкви. Нарушеніе его, еще въ не очень отдаленные вѣка грозив-

шее виновному участью „жида Боруха“ сожженнаго въ 1733 г., за „превращеніе флота капитанъ-лейтенанта Возницына въ жидовскій законъ“, и донынѣ остается преступленіемъ, подвергающимъ внушительной уголовной репрессіи. Еще опредѣленнѣе и послѣдовательнѣе выразилась система государственнаго покровительства православію въ томъ положеніи, какое заняла правительственная власть въ отношеніи, къ такъ называемому, старообрядческому расколу и сектамъ. Вѣрная издавна усвоеннымъ представленіямъ о національно-политическомъ значеніи православія, она до недавняго времени не допускала и мысли о возможности свободнаго выбора религіи коренными русскими людьми и, прикрѣпляя ихъ совѣсть къ государственному исповѣданію, налагала свою тяжелую руку на всякое проявленіе религіозности, идущее мимо „господствующей“ церкви. Нѣтъ надобности воспроизводить здѣсь скорбную повѣсть „гоненій на неправославіе“, уходящую началомъ въ далекое прошлое и непрерывно тянущуюся чрезъ долгій рядъ лѣтъ и поколѣній; но нельзя не отмѣтить того, что суровая практика государственной защиты православія находила себѣ сочувствіе и въ представителяхъ церкви. Извѣстный противо-раскольническій дѣятель первой четверти XVIII вѣка, нижегородскій архіепископъ Питиримъ, находившій, что поставленные „подъ тѣсноту окладовъ и штрафовъ“ легче поддаются вразумленіямъ отъ „писанія“, не былъ выразителемъ только своего личнаго мнѣнія или взглядовъ лишь своей эпохи. Привычка къ совмѣстному дѣйствованію властей духовныхъ и свѣтскихъ въ борьбѣ съ религіознымъ неправомысліемъ не умерла въ послѣдующія времена,—и начальные годы XX столѣтія еще были свидѣтелями миссіонерскихъ побѣдъ, одерживаемыхъ при содѣйствіи полицейскаго урядника. Въ менѣе рѣзкихъ по внѣшности формахъ стѣсненіе религіозной совѣсти въ интересахъ православія нашло себѣ выраженіе въ установленіи *духовной цензуры*, сдѣлавшей невозможнымъ не только свободную критику православнаго вѣроученія, но и безпристрастное историческое изслѣдованіе о лицахъ и фактахъ нашей церковной жизни. Но одною охраною православія, какъ религіозной доктрины, отъ конкуренціи другихъ вѣроученій или нападокъ свободной мысли еще далеко не исчерпываются въ настоящемъ и прош-

ломъ кругъ государственныхъ заботъ о православной церкви. Плодомъ этихъ заботъ, не всегда разумно направленныхъ, нужно признать довольно многочисленныя, особенно въ старое время, *привилегіи*, предоставленныя нѣкоторымъ церковнымъ учрежденіямъ (архіерейскимъ каѳедрамъ, монастырямъ и т. п.), какъ субъектамъ гражданскихъ правъ, а равно и тѣ, совсѣмъ не церковнаго характера, преимущества православной іерархіи, которыя подняли высшихъ ея представителей до положенія „владыкъ", внушающихъ удивленіе своей „вельми жестокою славой" и „назирающихъ" паству, не безъ яснаго ущерба для ея духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ, „по чину земного царя"—чрезъ бояръ, дворецкихъ, недѣльщиковъ, тіуновъ и другіе многоразличные чины древне русской епархіальной бюрократіи. Нельзя не отмѣтить, наконецъ, что даже при проведеніи въ жизнь требованій практическаго благочестія церковь не осталась внѣ сферы попеченій о ней власти государственной, проявившихся не только въ томъ, что различные чисто церковные акты соединены съ чисто-гражданскими послѣдствіями, въ смыслѣ расширенія или сокращенія личныхъ правъ, но и томъ, что—по допыпѣ дѣйствующимъ узаконеніямъ—гражданская власть весьма часто выступаетъ ближайшимъ сотрудникомъ православнаго духовенства въ дѣлѣ поддержанія духовной дисциплины въ самой церкви и ея внутреннихъ отношеніяхъ [1]). Указанная система государственной охраны и покровительства „господствующей" церкви, установившаяся не со вчерашняго дня, весьма облегчала, конечно, правительственныя заботы тѣхъ церковныхъ дѣятелей, чья лѣнивая безпечность о ввѣренныхъ ихъ пастырскому руководительству душахъ находила для себя оправданіе въ обильныхъ „благопопечительныхъ мѣропріятіяхъ", исходящихъ отъ мірского правительства. За обиліемъ этихъ мѣръ становился не такъ замѣтнымъ недостатокъ попечительности ближайшихъ и призванныхъ руководителей церкви о развитіи ея внутреннихъ силъ, о болѣе послѣдовательномъ проведеніи истинно-христіанскихъ началъ въ сознаніе и жизнь церковнаго общества, о живомъ единеніи въ любви

---

[1]) См. *проф. М. А. Рейснера*—Государство и вѣрующая личность. Сборникъ статей, стр. 180—181. Спб. 1905 г.

между паствой и пастырями. Не удивительно, что и официальная церковь старалась не оставаться въ долгу передъ столь полезнымъ союзникомъ, платя ему нравственной поддержкой и давая религіозную санкцію его установленіямъ. Церковная исторія наша до расточительности богата примѣрами угодливости іерарховъ передъ свѣтскою властью, иногда положительно переступающими за черту нравственно-дозволеннаго. Я напомню лишь общеизвѣстные факты насильственнаго постриженія бездѣтной Соломоніи въ угоду пожелавшему развестись съ нею великому князю Василію III и соборное опредѣленіе о четвертомъ бракѣ Ивана Грознаго, благословившее въ царѣ то, что предавалось проклятію въ подданномъ. Гораздо важнѣе этихъ частныхъ фактовъ то обстоятельство, что самое развитіе государственнаго абсолютизма, быть можетъ, не зашло бы у насъ такъ далеко безъ содѣйствія духовенства и прежде всего—его іерархическихъ руководителей. Во всякомъ случаѣ имъ принадлежала первенствующая роль въ дѣлѣ перенесенія на русскую почву византійской идеологіи „автократорства“, оказавшагося какъ нельзя болѣе „ко двору“ московскимъ князьямъ и царямъ. На протяженіи ряда вѣковъ представителями учащей церкви прививался народному сознанію самодержавный государственный строй, возводимый почти въ божественное установленіе. Съ церковной каѳедры, устами верховныхъ архипастырей, возвѣщалось простымъ вѣрующимъ людямъ, что „Богъ по образцу своего небеснаго священноначалія устроилъ на землѣ царя, по образцу своего вседержительства царя самодержавнаго“, и мысль о царскомъ самодержавіи усвоялась, подъ такими внушеніями, какъ истина вѣры, непреложная и неизмѣнная на всѣ времена. Но въ своей апоѳеозѣ царской власти официальная церковь не остановилась и на этомъ: возвысивъ самодержавнаго властителя до роли намѣстника Бога на землѣ, она сама преклонилась предъ своимъ созданіемъ и подчинилась ему въ своей собственной сферѣ съ тою же рабской покорностью, какую внѣдряла въ политическое сознаніе народа, ею духовно руководимаго. Она не осмѣлилась поднять протестующаго голоса даже и тогда, когда самодержавіе, въ лицѣ императора Петра I, посягнуло на ея внутренній строй и предприняло, въ своихъ видахъ, извѣстную реформу этого строя, мало

считаясь съ его каноническими основаніями. Со времени упомянутой реформы, превратившей нашу церковь въ вѣдомство православнаго исповѣданія, верховная государственная власть открыто стала во главѣ церковнаго управленія, дѣйствуя чрезъ учрежденную ею „духовную коллегію“, или Святѣйшій Правительствующій Синодъ (Св. Зак. т. I, ч. 1, гл. VII, ст. 43), вполнѣ зависящій въ своемъ составѣ и дѣятельности отъ воли самодержца и контролируемый имъ чрезъ посредство „изъ офицеровъ добраго человѣка“, который въ званіи синодальнаго оберъ-прокурора не всегда оказывался въ состояніи отрѣшиться отъ военныхъ привычекъ и—по печальному признанію одного изъ нашихъ іерарховъ XIX столѣтія,—„сонмомъ архіерейскимъ, какъ эскадрономъ на ученьи, командовалъ“ [1]). Умѣнье слушаться этой команды и съ неразсуждающею готовностью сообразовать съ ней свои слова и поступки естественно должно было получить, при такомъ положеніи дѣлъ, значеніе качества, преимущественнымъ образомъ открывающаго обладателямъ его доступъ къ высшимъ церковнымъ должностямъ. Легко понять, какія послѣдствія неизбѣжно вытекали отсюда для нашей оффиціальной церкви, превращавшейся изъ *союзника* въ *слугу* государственной власти. Доведенная до крайности угодливость въ отношеніи къ послѣдней и постоянная боязнь разойтись въ чемъ-нибудь съ ея видами наложили печать безличности на іерархію русской церкви, окончательно отвыкшую въ новомъ періодѣ своей исторіи отъ не слишкомъ твердо знакомой ей и прежде роли суровой обличительницы властительнаго произвола, „печальницы“ за угнетенныхъ и обиженныхъ, посредницы проведенія началъ Божьей правды въ мало проникнутую ими область взаимныхъ отношеній между различными элементами гражданскаго общества. Долговременные навыки союзничества, въ которомъ идейно-руководственное значеніе принадлежало нѣкогда церкви, съ перестановкою отношеній выродилось у ея представителей въ привычку смотрѣть на себя, какъ на присяжныхъ охранителей общественно-политическаго status quo, и съ неизмѣннымъ предубѣжденіемъ относиться ко всякой перемѣнѣ въ немъ, не исходящей прямо отъ высшаго гражданскаго пра-

---

[1]) „Богосл. Вѣстн.“ 1905 г., декабрь, стр. 795.

вительства или не вполнѣ отвѣчающей его желаніямъ. Отсюда становится понятнымъ припятіе подъ защиту церкви въ сравнительно недалекомъ прошломъ такихъ, напр., явленій, какъ крѣпостное право, въ числѣ апологетовъ котораго, почти передъ самой отмѣной этого вѣкового укора нашей общественной совѣсти, мы видимъ московскаго митрополита Филарета. Событія показали, что и архипастыри послѣдующаго времени, до нынѣшнихъ включительно, нисколько не уступаютъ своему знаменитому предшественнику въ готовности и умѣньи подчинять свое учительное слово интересамъ охранительной политики. Изъ памяти современниковъ, конечно, не скоро изгладится тоже въ своемъ родѣ „знаменитая“ проповѣдь, произнесшаяся, по распоряженію епархіальной власти, въ московскихъ храмахъ наканунѣ того самаго дня, когда былъ обнародованъ Высочайшій манифестъ, торжественно провозгласившій „незыблемыя основы гражданской свободы“ и близкое преобразованіе политическаго строя на началахъ народнаго представительства. Еще болѣе памятнымъ останется отношеніе оффиціальной церкви къ только что упомянутому акту 17 октября, на которой она отозвалась холоднымъ синодскимъ „посланіемъ“, гдѣ самая вѣсть о признаніи народа достигшимъ политической зрѣлости, повторенная неувѣреннымъ и робкимъ языкомъ, обращается лишь въ поводъ для напоминанія о повиновеніи „законно поставленнымъ властямъ“ [1]). А когда вслѣдъ затѣмъ суровая дѣйствительность смѣнила недолгую радость довѣрчивыхъ людей горечью обиднаго разочарованія; когда торжествующая реакція, какъ будто глумясь надъ святыней народной души, поставила чуть не всю Россію подъ дѣйствіе „усиленныхъ“ и „чрезвычайныхъ“ охранъ; когда въ ужасные декабрьскіе дни разыгралась на нашихъ глазахъ небывалая оргія „усмиренія“ и глухіе раскаты орудійныхъ выстрѣловъ безумнымъ кошмаромъ нависли надъ старой Москвой, точно „тяжелымъ молотомъ заколачивался огромный безобразный гробъ, въ которомъ хоронились сотни человѣческихъ жизней“ [2]),—мы не слыхали безпристрастнаго въ своихъ обличеніяхъ, осуждающаго *всякую* неправду и

---

[1]) См. текстъ „посланія въ „Церк. Вѣстн.“ за 1905 г., № 44.

[2]) *Кн. Г. Н. Трубецкой*—„Полярн. Звѣзда“, № 2, стр. 156.

жестокость голоса церкви. Молчитъ она и теперь, когда у сотенъ и тысячъ людей, какъ изъ одной груди, вырывается вопль негодующаго ужаса противъ позора нашихъ дней — смертной казни [1]).

Таковы данныя, характеризующія церковь со стороны ея отношенія къ самодержавно-бюрократическому строю въ далекомъ и близкомъ прошломъ. Она такъ долго и такъ послѣдовательно приспособлялась къ этому строю, такъ тѣсно сжилась съ нимъ, что не легко и представить себѣ ее сошедшею съ того пути, по которому она шла до сихъ поръ, увлеченная сомнительными выгодами государственнаго покровительства и удерживаемая силою долговременной привычки. И нельзя не согласиться, что въ лицѣ своихъ официальныхъ представителей она могла бы заявить себя скорѣе тормозомъ современнаго освободительнаго движенія, чѣмъ союзницей передовыхъ общественныхъ силъ въ борьбѣ противъ стараго порядка, *если бы этотъ послѣдній не носилъ уже въ себѣ явныхъ признаковъ разложенія.* Но разложеніе началось—и въ своемъ развитіи не могло не затронуть впѣшняго положенія церкви, какъ одного изъ учрежденій государственныхъ. Могучій натискъ жизни сдвинулъ съ привычныхъ мѣстъ элементы изпоспвшейся машины и принудительно заставляетъ думать о перестройкѣ ея даже тѣхъ, кто не считалъ прежняго соотношенія частей не отвѣчающимъ назначенію цѣлаго.

Именной Высочайшій указъ 17 апрѣля „объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости“ былъ первымъ актомъ, формально нарушившимъ у насъ цѣльность вѣками складывавшейся системы взаимныхъ отношеній государства и церкви. Самодержавная власть, признавъ священнымъ правомъ каждаго подданаго „свободу вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти“, явно отрекалась чрезъ это отъ прежней политики исключительнаго покровительства православію. Послѣднее, съ отмѣною на будущее время суровыхъ репрессій въ отношеніи къ сектантамъ и раскольникамъ, еще не перестало, конечно, быть „господствующимъ“ исповѣданіемъ; но уже и

---

[1]) Намъ не безызвѣстны *частныя* заявленія въ этомъ смыслѣ, исходившія отъ отдѣльныхъ достойныхъ служителей церкви; но относительно церковной *власти* мы знаемъ только то, что она наложила печать вынужденнаго молчанія на уста этихъ ревностныхъ пастырей.

частичнаго ограниченія его привилегій было достаточно, чтобы вызвать смущеніе и тревогу среди нѣкоторыхъ церковныхъ дѣятелей, давно отвыкшихъ обходиться въ борьбѣ съ религіознымъ неправомысліемъ безъ поддержки со стороны полиціи. Одни изъ нихъ, со всею непосредственностью врасплохъ захваченныхъ людей, не могли скрыть чувства обиды на недавняго союзника, усматривая въ безнаказанности раскола и сектъ чрезвычайныя опасности для „беззащитнаго" православія. Другіе умѣли быть болѣе сдержанными и старались faire bonne mine au mauvais jeu, разсуждая не безъ оттѣнка разсчитанной выразительности, что для истины не опасны *никакіе* враги и что „широко распахнувшіяся врата адовы" не одолѣютъ церкви Христовой. Въ обоихъ случаяхъ отношенія къ государственной власти утрачивали былую опредѣленность, такъ какъ, съ отказомъ государства отъ добровольно принятой на себя когда-то обязанности, подчиненіе ему церкви переставало быть дѣломъ обоюднаго интереса и превращалось въ односторонній захватъ мірскимъ правительствомъ не принадлежащихъ ему духовныхъ полномочій. Весьма характерно то, что законные носители этихъ полномочій начинаютъ благосклоннѣе прежняго внимать напоминаніямъ о неканоничности существующаго церковнаго строя какъ разъ съ того времени, когда законодательное рѣшеніе вопроса о вѣротерпимости стало опредѣляться въ своихъ основныхъ чертахъ подготовительными совѣщаніями Комитета Министровъ, происходившими при участіи первоприсутствующаго члена Синода. Еще до окончанія этихъ совѣщаній Св. Синодъ, обсудивъ современное положеніе православной церкви и возможное осложненіе ея задачъ въ будущемъ, призналъ необходимымъ преобразованіе ея устройства и управленія на началахъ *„полной автономіи* церкви во всѣхъ собственно церковныхъ дѣлахъ", о чемъ и представилъ докладъ на Высочайшее имя. Для насъ въ высшей степени важны приведенныя слова этого доклада, отмѣчающія поворотъ въ отношеніяхъ духовнаго правительства къ высшей государственной власти. Какъ бы ни были многочисленны, послѣ этого, проявленія „охранительныхъ" тенденцій нашихъ іерарховъ въ вопросахъ гражданско-политическихъ, несомнѣннымъ остается то, что ихъ девизомъ ужъ не можетъ быть попрежнему сохра-

пеніе *цѣлости и неизмѣнности* самодержавно-бюрократическаго строя, втягивавшаго въ себя и церковь, какъ одинъ изъ подчиненныхъ ему органовъ. Законъ 6 августа былъ вторымъ актомъ верховной власти, еще болѣе осложнившимъ спутавшіяся отношенія къ ней церковнаго правительства: вѣдь нельзя не согласиться, что довольно трудно отстаивать самодержавный порядокъ, послѣ того, какъ необходимость измѣненія его признана уже и самодержцемъ. Наконецъ, и реформа самой церкви стала, повидимому, дѣломъ недалекаго будущаго: въ концѣ декабря прошлаго года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на созывъ всероссійскаго помѣстнаго собора, имѣющаго въ ряду предстоящихъ ему работъ на первой очереди возвращеніе церковнаго устройства и управленія къ началамъ канонической соборности.

Все это въ совокупности заставляетъ думать, что для самой церкви и для ея отношеній къ государству наступаетъ пора коренного обновленія,—что въ разрѣшеніи своихъ ближайшихъ задачъ она съумѣетъ отрѣшиться отъ старыхъ навыковъ и стать на высоту, достойную ея идеальнаго призванія.

П. Громогласовъ.

Догматическія основы соборности.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что *соборность* Церкви есть основное каноническое начало церковной жизни и церковнаго управленія. Съ особенною настойчивостію и замѣчательнымъ постоянствомъ, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ церковной жизни, это начало проводится въ церковномъ законодательствѣ, начиная съ правилъ апостольскихъ и кончая VII-мъ вселенскимъ соборомъ. То, что такъ настойчиво проводилось въ законодательствѣ, не менѣе послѣдовательно осуществлялось и въ церковной жизни. Можно сказать, что практика жизни въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, предшествовала самому законодательству, и послѣднее санкціонировало только ту форму церковной жизни, которую породила сама жизнь. Сколько ни разнообразились формы церковной жизни, начиная отъ несложныхъ христіанскихъ общинъ временъ апостольскихъ, съ ихъ старѣйшинами и братіей, и кончая сподальною формою позднѣйшаго типа, за все время существованія Церкви, соборное начало не только незыблемо выдерживалось въ церковномъ канонѣ, но такъ или иначе, въ томъ или другомъ видѣ, непрерывно сохранялось и въ жизни. Правда, въ послѣдней оно не всегда проводилось съ такою полнотою и съ такою послѣдовательностію, съ какою оно выражено въ церковномъ канонѣ; правда, въ жизни оно нерѣдко подвергалось различнымъ ограниченіямъ и искаженіямъ, — и, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ указать ни одного историческаго момента, когда бы соборное начало, совершенно не существовало, когда бы оно было предано полному забвенію. Даже въ эпохи наиболѣе

сильнаго преобладанія государственной и церковной централизаціи оно не исчезало изъ жизни всецѣло. Если историкъ затруднился бы констатировать его въ эти эпохи на высшихъ ступеняхъ церковнаго управленія, то онъ можетъ подмѣтить его присутствіе на среднихъ и низшихъ. Если подъ гнетомъ внѣшняго давленія ослабѣвалъ въ Церкви духъ соборности, то, по крайней мѣрѣ, оставалась внѣшняя форма ея; если подвергалась искаженію и ограниченію и самая форма, то соборное начало продолжало жить въ *сознаніи* вѣрующихъ, стремившихся къ наиболѣе полному и всестороннему проведенію его въ жизни.

Уже одна эта устойчивость принципа соборности въ Церкви, его непрерывность и постоянство краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорятъ намъ о томъ, что соборное начало Церкви есть явленіе не временное и не случайное,—возникшее подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ историческихъ условій и обстоятельствъ, а, напротивъ, основное и коренное, тѣсно связанное съ самой внутренней природой Церкви, вытекающее изъ самого существа ея. Правильное пониманіе природы Церкви непремѣнно предполагаетъ соборную форму ея жизни, и, наоборотъ, гдѣ совершенно отсутствуетъ принципъ соборности, тамъ не можетъ быть рѣчи объ истинной Церкви, которая названа изначала греч. словомъ ἐκκλησία (букв. народное собраніе).

Церковь, какъ общество людей, преслѣдующее вѣчныя религіозно-нравственныя цѣли, нужно строго отличать отъ всякихъ другихъ человѣческихъ обществъ, преслѣдующихъ различныя земныя цѣли и временныя задачи. Въ то время, какъ всѣ другія человѣческія общества и союзы представляютъ собою, болѣе или менѣе, *юридическія* учрежденія, гдѣ отношенія и дѣятельность членовъ строго урегулированы чисто-правовыми нормами, Церковь въ своемъ *существѣ* ничего не имѣетъ общаго съ правомъ, и ея члены должны быть связаны между собою чисто-нравственными узами,—узами единой вѣры и единой взаимной любви. Ап. Павелъ, желая точнѣе выразить внутреннее существо Церкви, уподобляетъ ее ни чему другому, какъ живому *тѣлу*, члены котораго находятся между собой въ самой тѣсной органической связи. Всюду, гдѣ апостолъ касается внутренней природы Церкви и взаимныхъ отношеній ея членовъ, онъ

называетъ Церковь „*тѣломъ Христовымъ*“. Настойчивость, съ которой онъ непрестанно возвращается къ этому наименованію, показываетъ, что апостолъ остановился на немъ не случайно, а находилъ его наиболѣе точно выражающимъ внутреннее существо Церкви. И, дѣйствительно, всякое другое наименованіе Церкви, какъ то: наименованіе ея обществомъ, учрежденіемъ союзомъ и т. д.,—непремѣнно будетъ носить несвойственный ей юридическій оттѣнокъ, и только наименованіе ея живымъ организмомъ,—тѣломъ Христовымъ,—совершенно чуждо подобнаго оттѣнка.

Итакъ, по слову апостола, Церковь есть тѣло Христово, живой организмъ. Этотъ образъ, какъ нельзя нагляднѣе, дастъ намъ представленіе о томъ, какая связь и какія взаимоотношенія должны существовать и существуютъ между членами Церкви. Прежде всего, тѣло есть единое—цѣлое, живущее одною, единою жизнію, жизнію органическою, гдѣ все такъ тѣсно связано, что каждая клѣтка, питаясь жизненнымъ сокомъ организма, въ то же время сама поддерживаетъ его благосостояніе, гдѣ ничто не можетъ быть нарушено, повреждено или убавлено, чтобы тотчасъ же не отозваться на всемъ организмѣ. Такова и Церковь. Она представляетъ собою такое же единство, такую же недѣлимую цѣльность; она живетъ подобною же органическою жизнію. „Всѣ мы,—говоритъ апостолъ,—одно тѣло, одинъ духъ“ (Еф. 4, 4); „всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло; всѣ напоены однимъ Духомъ“ (1 Кор. 12, 13). У всѣхъ насъ „одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ“ (Еф. 4, 5—6).

Но, заключая въ себѣ внутреннее единство, каждый организмъ предполагаетъ множество членовъ и разнообразіе ихъ отправленій (функцій). „Тѣло не изъ одного члена, но изъ многихъ“, такъ и Церковь (1 Кор., 12, 14). И, дѣйствительно, подобно тому, какъ въ тѣлѣ существуютъ голова, глаза, уста, уши, руки, ноги и другіе члены, выполняющіе каждый свою спеціальную работу, такъ и въ Церкви существуютъ апостолы, пророки, мученики, исповѣдники, пастыри, міряне и другіе члены, выполняющіе каждый свое спеціальное служеніе. Подобно тому какъ въ организмѣ нѣтъ ни одного члена, о которомъ мы могли бы сказать, что онъ—излишенъ или ненуженъ, такъ и въ Церкви нѣтъ ни

одного служенія, ни одного положенія, которое было бы ненужно или безполезно. Напротивъ, каждый членъ Церкви какъ бы далеко онъ ни стоялъ отъ другого по своему іерархическому и общественному положенію, есть *живой членъ* организма, составляющій необходимую часть его и принимающій въ жизни его дѣятельное участіе. „Каждому изъ насъ дана благодать по мѣрѣ дара Христова“ (Еф. 4, 7). Каждый обязанъ дѣйствовать сообразно съ тѣми дарованіями, которыя ему даны. И только *„при дѣйствіи въ мѣру каждаго члена“*,—говоритъ апостолъ,—*„Церковь, какъ тѣло, получаетъ приращеніе для созиданія самой себя въ любви“* (Еф. 4, 16); только нормальная жизнедѣятельность каждаго члена обусловливаетъ собою общее благосостояніе церковнаго организма и способствуетъ непрерывному росту его „въ мужа совершенна, въ мѣру полнаго возраста Христова“ (Еф. 4, 13).

Въ виду того, что всѣ члены Церкви суть живые члены, одинаково необходимые для жизни церковнаго тѣла, въ виду того, что всѣ они такъ тѣсно объединены между собою, что дѣятельность одного немыслима безъ дѣятельности другого,—между ними не должно быть пререканій о томъ, кто изъ нихъ первый и кто послѣдній, кто играетъ болѣе важную роль и кто—менѣе. Такіе счеты и такая оцѣнка можетъ имѣть мѣсто только въ *юридической* организаціи,—но отнюдь—не мыслима въ *духовно-нравственной* сферѣ, гдѣ нѣтъ никакого другого различія между людьми, кромѣ различія *служеній*, и гдѣ всѣ члены объяты однимъ и тѣмъ же единодушнымъ стремленіемъ поработать въ любви надъ созиданіемъ общаго дѣла,—Церкви Христовой (Еф. 14, 16). Поэтому „не можетъ глазъ“, говоритъ апостолъ, „сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна, или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе, и которые намъ кажутся менѣе благородными въ тѣлѣ, о тѣхъ болѣе прилагаемъ попеченія“ (1 Кор. 12, 22—23). Всѣ члены одинаково необходимы для тѣла и потому всѣ одинаково цѣнны. Всѣ обусловливаютъ собою общее состояніе его, а потому нельзя повредить ни одного, чтобы это не отозвалось на всемъ организмѣ тѣла. „Страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены“

(1 Кор. 12, 26). Такова внутренняя связь членовъ тѣла; таково же взаимоотношеніе и членовъ Церкви.

Итакъ изъ того понятія о Церкви, которое даетъ ап. Павелъ, видно, что, съ одной стороны, въ составъ Церкви входитъ *множество* членовъ, — при этомъ, различные члены имѣютъ различныя служенія и каждый—свои спеціальныя дарованія, а, съ другой,—всѣ эти члены, при всемъ своемъ множествѣ, при всемъ разнообразіи своихъ общественныхъ служеній и спеціальныхъ дарованій, составляютъ *органическое единство.* Что же служитъ тѣмъ волшебнымъ цементомъ, который, не насилуя духовной свободы вѣрующихъ, не насилуя свободы совѣсти, убѣжденій, индивидуальныхъ склонностей,—связуетъ все это разнообразіе въ единое стройное и гармоничное цѣлое,—въ единое тѣло вселенской Церкви? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ. Множественность членовъ церкви можетъ сливаться и сливается въ органическое единство *только путемъ свободнаго, совмѣстнаго объединенія всѣхъ вѣрующихъ на почвѣ единой вѣры и единой любви.* Это то свободное, совмѣстное единеніе вѣрующихъ и есть то *соборное начало* Церкви, о которомъ у насъ идетъ рѣчь.

Церковь въ своемъ *существѣ* есть исключительно духовная религіозно-нравственная организація людей. Памятуя это, мы должны всецѣло отрѣшиться отъ всякихъ гражданскихъ и юридическихъ представленій о Ней, отъ всего того, что мы теперь невольно соединяемъ съ понятіемъ Церкви, хотя многое изъ этого могло бы быть отнесено не столько на долю подлинной природы Церкви, сколько на долю сторонніхъ ей вліяній, какія она восприняла вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія своего въ тѣсномъ союзѣ съ государствомъ. Мы должны напомнить себѣ, что если Церковь есть чисто-духовный союзъ людей, преслѣдующій свойственныя таковому духовныя цѣли, то въ ней нѣтъ мѣста *внѣшнему авторитету,*—въ ней можетъ быть рѣчь только о духовномъ, *нравственномъ авторитетѣ:* не о *власти,* въ мірскомъ смыслѣ этого слова, а о *пастырствѣ.* Въ Церкви нѣтъ мѣста *управленію* полицейско-бюрократическаго типа,—исключительное первенство здѣсь принадлежитъ *пастырскому душепопеченію;* въ ней нѣтъ мѣста и никакому *насилію,* здѣсь

можетъ быть рѣчь только о *духовной свободѣ о нравственномъ воздѣйствіи, объ отеческомъ увѣщаніи, объ убѣжденіи словомъ и примѣромъ*... Церковь — это большая семья, члены которой пропитаны братскою любовію другъ къ другу и сыновнею къ Главѣ своему, Христу. Если мы станемъ на эту чисто духовную точку зрѣнія на всѣ явленія церковной жизни, то для насъ будетъ вполнѣ понятно, почему только соборное начало могло и можетъ служить связующимъ звеномъ всѣхъ вѣрующихъ въ органическое единство. Христосъ преподалъ Божественную истину апостоламъ, апостолы — вѣрующимъ, вѣрующіе всѣ вмѣстѣ образовали собою Церковь. Теперь представимъ себѣ, что при дальнѣйшемъ раскрытіи этой истины въ исторіи, часть вѣрующихъ безсознательно уклонится въ сторону, или выразитъ по какому-либо вопросу свое недоумѣніе,—какимъ путемъ можно было бы привести ее къ уразумѣнію истины? Такъ какъ *истину* въ Церкви нельзя навязать человѣку силою, или предписать циркуляромъ, такъ какъ въ нашемъ случаѣ нельзя сослаться и на внѣшній авторитетъ, потому что въ подобныхъ случаяхъ объ стороны, — и вопрошающая и отвѣчающая, — стоятъ на почвѣ довѣрія къ одному и тому же авторитету, — ученію Спасителя и Его апостоловъ, только различно понимаемому,—то остается одно: собраться всѣмъ вѣрующимъ вмѣстѣ, обсудить спорную истину совмѣстно и, по общемъ обсужденіи, рѣшить, какъ понимаетъ эту истину вся Церковь, которой ввѣрены словеса Божія и которая только въ своемъ цѣломъ (каѳоличности),—въ полномъ составѣ своихъ членовъ,— есть „столпъ и утвержденіе истины“ (1 Тим. 3, 15). То, къ чему придетъ *вся* Церковь на своемъ собраніи, или *соборѣ*,—то и будетъ голосъ именно всей, вселенской Церкви. Поэтому сомнѣвавшимся въ той или другой истинѣ останется одно, — или принять эту общецерковную истину и тѣмъ засвидѣтельствовать свою солидарность съ Церковью, или отвергнуть эту общецерковную истину и чрезъ это порвать связь со всею Церковью. Но останутся ли эти лица въ лонѣ Церкви, или не останутся и выйдутъ изъ состава Ея, въ томъ и другомъ случаѣ *единство* Церкви не только не будетъ нарушено, но еще болѣе утверждено,—и утверждено именно путемъ *соборнаго*, т. е. совмѣстнаго констатированія членами Церкви того факта, что та или другая

истина, понимаемая въ томъ или другомъ опредѣленномъ смыслѣ, является предметомъ вѣры всей Церкви, что Церковь и по этому вопросу остается такой же *единой*, какъ и по другимъ вопросамъ. Такъ соборное начало является естественнымъ, вытекающимъ изъ самаго существа Церкви, средствомъ къ объединенію всѣхъ вѣрующихъ въ органическое цѣлое и къ дальнѣйшему, непрестанному поддержанію этого единства.

Кто же входитъ въ кругъ лицъ, обнимаемыхъ и объединяемыхъ соборностью Церкви? Этотъ вопросъ, едва ли не самый важный въ правильномъ пониманіи выборнаго начала, находитъ для себя ясное рѣшеніе опять въ томъ же понятіи о Церкви, которое мы раскрыли на основаніи ученія о ней ап. Павла. Такъ какъ, по апостолу, Церковь есть живой организмъ, изъ котораго нельзя удалить ни одного члена, не нарушивъ цѣлости всего организма, такъ какъ общее благосостояніе церковнаго организма стоитъ въ прямой зависимости отъ нормальной дѣятельности всѣхъ его членовъ, то отсюда само собою вытекаетъ, что *истинная соборность Церкви обнимаетъ собою всѣхъ членовъ Церкви безъ исключенія*. По православному ученію, глава Церкви — Христосъ. Церковь же во всемъ своемъ составѣ есть только *тѣло* этого Главы. Епископы, пресвитеры, діаконы, міряне, различаясь между собою по своимъ служеніямъ,—суть члены этого тѣла и только взятые вмѣстѣ составляютъ полноту церковнаго организма: какъ одни міряне,—безъ іерархіи,—не составляютъ Церкви, такъ и одна іерархія, — безъ мірянъ, — не есть еще Церковь. Заблужденіе католиковъ и протестантовъ въ ученіи о Церкви въ томъ именно и состоитъ, что тѣ и другіе одинаково разрушаютъ полноту Церкви, разрываютъ цѣлокупность церковнаго организма. Католики, признавъ видимой главой Церкви папу и надѣливъ его полной непогрѣшимостію, какъ учителя вѣры, отождествили понятіе Церкви съ понятіемъ *іерархіи;* протестанты, проповѣдуя всеобщее священство и возставая противъ іерархіи, какъ богоустановленнаго учрежденія, понятіе Церкви отождествляютъ съ понятіемъ только *мірянъ*. Тѣ и другіе одинаково неправы, такъ какъ Церковь есть непремѣнно совокупность іерархіи и мірянъ, жизнедѣятельная полнота разнообразія и единства всѣхъ членовъ, входящихъ

въ составъ церковнаго организма. Въ противовѣсъ обѣимъ этимъ крайностямъ православная Церковь отстаиваетъ то положеніе, что полнота божественной истины, полнота духовныхъ дарованій ввѣрена не отдѣльной какой-либо части Церкви, пусть будетъ этой частію даже іерархія, а всей Церкви, въ полномъ ея объемѣ, въ составѣ іерархіи и мірянъ.

Въ частности, православная Церковь особенно неодобрительно смотрѣла всегда на то горделивое самопревознесеніе католической іерархіи, по которому послѣднія на епископовъ склонна смотрѣть, какъ на „*князей*" Церкви, надѣленныхъ всею полнотою церковныхъ полномочій и духовныхъ дарованій, вѣдающихъ всѣми судьбами церковной жизни, а на мірянъ, какъ на *духовныхъ илотовъ*, не имѣющихъ никакого активнаго участія въ дѣлахъ Церкви и только слѣпо подчиняющихся велѣніямъ указанныхъ „князей". Такой взглядъ стоитъ въ полномъ противорѣчіи какъ съ ученіемъ божественнаго откровенія, такъ и съ практикой древней Церкви. Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе библейскихъ свидѣтельствъ и историческихъ изысканій, мы отмѣтимъ только главнѣйшія данныя,—ставшія теперь, благодаря обильной текущей литературѣ, достояніемъ широкой гласности,—съ цѣлію показать, что типъ соборнаго начала Церкви, который мы соединяемъ съ нимъ на основаніи идеи самой Церкви, не только не стоитъ въ противорѣчіи съ ученіемъ писанія и свидѣтельствомъ преданія, но напротивъ, находитъ себѣ здѣсь многія подтвержденія.

Ни Христосъ, ни апостолы никогда не проводили въ своемъ ученіи того взгляда на Церковь, по которому она рѣзко дѣлилась бы на двѣ, совершенно обособленныя, половины, на дѣйствующую *активно* и на подчиняющуюся *пассивно*. Поэтому то воззрѣніе на Церковь, по которому вся она дѣлится на двѣ части,—на правящую и управляемую, на учащую и учащуюся,—нужно признать не только выраженіемъ богооткровеннаго ученія, сколько произвольнымъ измышленіемъ католическихъ богослововъ. Правда, Христосъ и апостолы выдѣляютъ изъ всей Церкви особыхъ лицъ, надѣляютъ этихъ лицъ высшими правами и полномочіями и, такимъ образомъ, полагаютъ начало особому институту въ Церкви, іерархическому,—не выдѣляя изъ среды

братій іерархическихъ лицъ и надѣляя ихъ высшими правами и полномочіями, они смотрятъ на нихъ не столько какъ на лицъ *правящихъ* Церковью, сколько какъ на лицъ *служащихъ* Церкви. Говоря о цѣли своего пришествія на землю, Христосъ свидѣтельствуетъ: *Сынъ Человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупленія многихъ*" (Мѳ. 20, 28). Свое дѣло Онъ разсматриваетъ, какъ *служеніе* спасенію людей. Съ этой цѣлію Онъ призываетъ и апостоловъ, съ этою же цѣлію учреждаетъ и институтъ пастырей. Ихъ дѣло есть прежде всего и болѣе всего дѣло служенія людямъ,—содѣйствіе имъ въ достиженіи ими вѣчнаго спасенія. Поэтому въ Церкви, какъ мы сказали, ни о какомъ превозношеніи ни о какомъ начальствованіи не можетъ быть и рѣчи. Тотъ, кто въ царствѣ любви хочетъ быть первымъ, тотъ долженъ быть всѣмъ слугою. „Вы знаете, — говорилъ Спаситель своимъ ученикамъ,—что князья народовъ господствуютъ надъ ними и вельможи властвуютъ ими; но между вами да не будетъ такъ; а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою, и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ" (Мѳ. 20, 25—27). И апостолы твердо усвоили эту первую христіанскую заповѣдь о смиреніи и любви. Въ своемъ ученіи и въ своей жизни они неуклонно слѣдовали ей, внушая, что если бы человѣкъ зналъ всѣ тайны, имѣлъ всякое познаніе и всю вѣру, то безъ любви онъ все-таки былъ бы ничто (1 Кор. 13, 2). Особенно поучительный примѣръ пастырскаго смиренія явилъ въ своемъ лицѣ ап. Павелъ. Будучи свободенъ отъ всего, онъ, по его словамъ „поработилъ себя всѣмъ, дабы больше пріобрѣсти". Для іудеевъ онъ былъ іудеемъ, для подзаконныхъ — подзаконнымъ, для чуждыхъ закона — какъ чуждый закона, для немощныхъ—какъ немощной, словомъ, для всѣхъ сдѣлался всѣмъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ (1 Кор. 9, 19—22). При такомъ взглядѣ на свое дѣло, какъ дѣло служенія Церкви, апостолы не только никогда не превозносились предъ вѣрующими, но и всячески преслѣдовали это превозношеніе въ другихъ. Важнѣйшія дѣла Церкви они, несмотря на всю свою апостольскую компетентность, рѣшали не самолично, а по совмѣстномъ обсужденіи съ вѣрующими, съ братіей. Такъ избранъ былъ, напр., ап. Матѳій на мѣсто

Іуды (Дѣян. 1, 15—26), такъ избраны были семь діаконовъ для служенія при столахъ (Дѣян. 6, 1—6), такъ былъ рѣшенъ вопросъ о необязательности для христіанъ закона Моисеева на извѣстномъ Апостольскомъ Соборѣ, при активномъ участіи пресвитеровъ и въ присутствіи братій изъ мірянъ (Дѣян. гл. 15). Свои посланія, содержащія раскрытіе важнѣйшихъ догматическихъ истинъ, они писали не къ однимъ предстоятелямъ церквей, а къ цѣлымъ обществамъ вѣрующихъ. Выясняя здѣсь высшія полномочія лицъ іерархическихъ, они устанавливаютъ самый возвышенный взглядъ и на мірянъ: послѣдніе такіе же члены Церкви и должны принимать самое активное участіе въ жизни ея. „Приступая къ Господу, пишетъ, напр.,—Петръ, вѣрующимъ— *и сами, какъ живые камни*, устрояйте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу Іисусомъ Христомъ“ (1 Петр. 2, 4—5).

Примѣру апостоловъ слѣдовали и ихъ непосредственные преемники, епископы древней Церкви. Они такъ же, съ одной стороны, лично были чужды всякаго самопревозношенія, а, съ другой, всю свою силу полагали въ соборности Церкви и всѣ дѣла рѣшали по совмѣстномъ обсужденіи ихъ съ своей паствой. „Въ Церкви,—говоритъ, напр., Іоаннъ Златоустъ,—нѣтъ мѣста ни высокомѣрію начальствующихъ, ни раболѣпству подчиненныхъ“. „Епископское служеніе, — разъясняетъ св. Исидоръ Пелусіотъ, — есть служеніе, подлежащее отвѣтственности, а не власть несудимая — отеческая попечительность, а не самоуправное самозаконіе, — домостроительная распорядительность, а не безотчетное властвованіе“. Можно сказать, что этотъ взглядъ на епископа, какъ на духовнаго *отца* своей паствы, является болѣе или менѣе общимъ для всѣхъ предстоятелей восточной Церкви, и практика древности не расходилась съ этимъ взглядомъ. У насъ этотъ взглядъ на отношеніе іерархіи къ мірянамъ нашелъ прекрасное выраженіе въ словахъ, правда, мірянина, но во всякомъ случаѣ человѣка, по общему признанію, глубоко понимавшаго духъ православія; разумѣемъ А. С. Хомякова, который сказалъ: „*Церковь знаетъ братство, но не знаетъ подданства*“. Эти слова, кажется, могли бы быть поставлены девизомъ на знамени всей восточной Церкви,

какъ наилучшимъ образомъ выражающія нормальныя отношенія пастырей Церкви къ ихъ пасомымъ.

Понятно, что, при такомъ чисто отеческомъ отношеніи древнихъ пастырей къ своей паствѣ, съ ихъ стороны не могло быть и рѣчи о какомъ нибудь высокомѣрно-презрительномъ отношеніи къ міряпамъ, или о стремленіи къ удаленію послѣднихъ отъ участія въ дѣлахъ Церкви. Напротивъ, всѣ церковныя дѣла, особенно дѣла по церковному управленію, они рѣшали совмѣстно съ своей паствой. „Съ самого начала моего епископствованія, — говоритъ, напр., Св. Кипріанъ Карѳагенскій, — я рѣшилъ ничего не дѣлать частно, по своему собственному мнѣнію, безъ совѣта клира и согласія народа“. Когда, по поводу различныхъ ересей, стали проявлять свою дѣятельность церковные соборы, міряне приняли активное участіе въ этихъ соборахъ. Такъ достоверно извѣстно, что міряне играли видную роль на соборахъ II и III вв. *малоазіатскихъ*, осудившихъ ученіе Монтана, и *африканскихъ*, разсуждавшихъ по поводу крещенія еретиковъ и падшихъ. Правда, въ IV в. участіе міранъ въ соборахъ начинаетъ ослабѣвать, но это не потому, чтобы участіе ихъ въ соборахъ, а также и вообще въ церковныхъ дѣлахъ, признавалось излишнимъ, а просто потому, что вмѣстѣ съ ростомъ Церкви, вмѣстѣ съ расширеніемъ ея внѣшнихъ границъ, трудно было практически осуществить идею широкаго соборнаго участія міранъ въ церковной жизни, особенно въ виду тогдашнихъ способовъ сообщеній и сношеній. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ намѣренной измѣной принципу соборности, который никогда въ Церкви не отмѣнялся, а съ вынужденнымъ отступленіемъ отъ него. Впрочемъ и въ послѣдующее время участіе міранъ въ соборахъ практиковалось, хотя и не въ такихъ широкихъ рамкахъ, какъ въ первые вѣка. Такъ о первомъ вселенскомъ соборѣ извѣстно, что на немъ участвовалъ не только имп. Константинъ съ своими придворными, но и другіе міряне. На остальныхъ шести принимали обыкновенно участіе императоры или ихъ уполномоченные. Доказательствомъ того, что и въ это послѣдующее время за міранами не отрицалось право участія въ дѣлахъ вѣры и Церкви, могутъ служить свидѣтельства церковныхъ писателей этого времени. Приведемъ двѣ-три выдержки. „Напрасно, —

пишетъ бл. Августинъ.—еретики, осужденные отчасти *судомъ народа*, отчасти важностію соборовъ, отчасти величіемъ чудесъ, волнуются внѣ Церкви: этимъ троякимъ осужденіемъ она выразила свой высшій авторитетъ". Св. Левъ, изложивъ православное ученіе противъ Несторія и Евтихія, замѣчаетъ: „не только священники, но и *христіанскіе владыки, весь народъ, всѣ* признали, что въ этомъ состоитъ каѳолическая Церковь". Насколько участіе мірянъ въ дѣлахъ вѣры признавалось древней Церковью естественнымъ и законнымъ, видно между прочимъ и изъ слѣдующихъ строкъ письма папы Николая I-го къ имп. Михаилу. Будучи поборникомъ іерархическаго абсолютизма, онъ однако пишетъ: „гдѣ вы читали чтобы императоры присутствовали на соборахъ? *Развѣ только на тѣхъ, на которыхъ шло разсужденіе о вѣрѣ, которая всеобща, которая принадлежитъ всѣмъ христіанамъ не только клирикамъ, но и мірянамъ*".

Но что особенно важно помнить, такъ это— то, что хотя церковныя дѣла съ IV вѣка рѣшались на соборахъ *епископами*, однако это соборное рѣшеніе епископовъ только постольку получало силу и жизненность, только постольку признавалось истиннымъ и непогрѣшимымъ, поскольку епископы являлись правдивыми выразителями вѣры *всей Церкви*. Послѣдней рѣшающей инстанціей въ дѣлахъ вѣры и въ это время, какъ и въ предшествующее, было не столько постановленіе отцевъ Церкви, сколько *голосъ всего христіанскаго міра*, голосъ всего народа, который или одобрялъ постановленіе епископовъ и принималъ, или порицалъ и отвергалъ. Справедливость сказаннаго видна изъ того, что торжествовали вѣроопредѣленія не тѣхъ соборовъ, которые отличались наибольшею многочисленностію отцевъ, собравшихся на нихъ, а тѣхъ, которые *точно* выражали голосъ *всей* Церкви, не только присутствующей на соборѣ въ лицѣ епископовъ, но и отсутствующей въ лицѣ мірянъ. Мы можемъ указать цѣлый рядъ древнихъ соборовъ, весьма многочисленныхъ по своему составу, и однако постановленія этихъ соборовъ были отвергнуты, потому что они шли въ разрѣзъ съ вѣроученіемъ, хранимымъ христіанскимъ народомъ. Въ этомъ случаѣ особенно поучительный примѣръ представляетъ соборъ въ *Римини* 359 г., составившій *полуаріанскій* символъ вѣры. На этомъ соборѣ отцевъ Церкви,

подписавшихъ символъ, было несравненно болѣе, чѣмъ на первомъ вселенскомъ (400 епископовъ противъ 318-ти); были представители отъ различныхъ Церквей востока и запада; присутствовалъ императоръ. И не смотря на это, опредѣленія этого собора были отвергнуты христіанскимъ міромъ, — тѣмъ міромъ, который въ громадномъ большинствѣ состоялъ изъ простыхъ мірянъ. Точно также не приняты были тѣмъ же христіанскимъ міромъ постановленія очень многочисленныхъ по составу соборовъ, бывшихъ: въ *Медіоланѣ*, на которомъ присутствовали болѣе 200 епископовъ востока и запада, въ *Селевкіи*, на которомъ аріанскій символъ приняли также около 200 епископовъ, въ *Ефесѣ*, 449 г., который созванъ былъ при имп. Ѳеодосіи Младшемъ въ качествѣ вселенскаго и впослѣдствіи получилъ наименованіе „Разбойническаго“; отвергнуты соборы *иконоборческіе* 754 и 833 года *Константинопольскій* 1154 г., на которомъ участвовало до 338 епископовъ, *Флорентійскій* 1439 г. На многихъ изъ этихъ отвергнутыхъ соборовъ, какъ видимъ, епископовъ было гораздо болѣе, чѣмъ на многихъ т. наз. *вселенскихъ* соборахъ,— изъ которыхъ, напр., на 2-мъ было только 150 епископовъ, на 3-мъ—198, на 5-мъ—165, на 6-мъ—153. И если вѣроопредѣленія этихъ соборовъ не нашли себѣ мѣста въ церковной жизни, то только потому, что послѣдней инстанціей въ дѣлахъ вѣры были не епископы, собиравшіеся на соборахъ, а *вся* Церковь, во всемъ своемъ составѣ, та Церковь, о которой ап. Павелъ сказалъ, что она есть единое, нераздѣльное тѣло Христово. Церковь, выслушавъ голосъ этихъ соборовъ, „осудила невѣжество, испорченность, или немощь своихъ уполномоченныхъ и, оставаясь вѣрной истинѣ преданія, отвергла эти соборы, хотя они и не представляютъ никакихъ наружныхъ отличій отъ истинно-вселенскихъ соборовъ, потому единственно, что ихъ рѣшенія не были приняты за голосъ Церкви всѣмъ вѣрующимъ народомъ“ (Хомяковъ[1])).

Приведенные нами факты и свидѣтельства ясно говорятъ о томъ, что соборность Церкви слѣдуетъ понимать въ смы-

[1]) Само собою понятно, что если бы означенные соборы *епископовъ* во-время прислушались къ голосу *вѣрующаго народа*, они не стали бы въ противорѣчіе съ ученіемъ Церкви и не пришли бы къ такимъ рѣшеніямъ и постановленіямъ, которыя тотчасъ же нужно было сдавать въ архивъ.

слѣ широкаго участія въ дѣлахъ Церкви всѣхъ членовъ ея, не только іерархіи, но и мірянъ. Къ этому приводятъ насъ и правильное пониманіе существа Церкви, и свидѣтельства преданія и практика древней Церкви. Изъ новѣйшаго же времени, мы можемъ привести свидѣтельство, которому придаемъ чрезвычайную важность. Мы разумѣемъ *окружное посланіе восточныхъ патріарховъ*, изданное восточною Церковью 6 мая 1848 года, ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, въ отвѣтъ на посланіе папы Пія IX-го. Посланіе восточной Церкви составлено было на соборѣ патріарховъ съ епископами, принято русскою Церковью и потому можетъ быть разсматриваемо какъ свидѣтельство, имѣющее *символическое* значеніе для православно-вѣрующихъ Греко-восточной Церкви. Вотъ что мы читаемъ, здѣсь, въ §§ 16 и 17:

„*Мы не имѣемъ*, — гласитъ это посланіе, — *никакого свѣтскаго надзирательства, или, какъ говоритъ его блаженство* (т. е. папа), *священнаго управленія, а только соединены союзомъ любви и усердія къ общей матери нашей въ единствѣ вѣры. У насъ ни патріархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ, который всегда желаетъ сохранить вѣру свою неизмѣнною и согласною съ вѣрою отцевъ своихъ*".

Изъ этого свидѣтельства ясно, что, во 1-хъ, въ Церкви, по православному пониманію, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо свѣтскомъ, тѣмъ болѣе о свѣтско-бюрократическомъ, *надзирательствѣ*, потому что православная Церковь, какъ мы уже сказали, знаетъ братство, но не знаетъ подданства и не терпитъ раболѣпства; во 2-хъ, *хранитель благочестія*, т. е., какъ это видно изъ дальнѣйшихъ словъ,—вѣры, считается не отдѣльная какая-либо часть Церкви, — пусть этой частью будетъ даже іерархія, а самое тѣло Церкви, *самый народъ*, руководимый къ вѣчному спасенію своими пастырями.

Итакъ, соборность есть основное начало всей церковной жизни и стоитъ въ тѣсной связи съ самымъ существомъ Церкви, и должна быть понимаема въ смыслѣ самаго широкаго участія въ дѣлахъ Церкви всѣхъ членовъ ея, какъ іерархіи, такъ и мірянъ.

Въ заключеніе мы не можемъ не сдѣлать того вывода, который самъ собою напрашивается изъ сказаннаго нами,

по отношенію къ предстоящимъ реформамъ въ нашей русской Церкви. Необходимость ихъ сознана какъ наверху, такъ и внизу. Мы не знаемъ, въ какомъ смыслѣ совершатся эти реформы. Но мы безошибочно можемъ сказать, что какія бы реформы ни были совершены, онѣ не будутъ отличаться жизненностію и плодотворностію, если въ основу ихъ не будетъ положенъ принципъ церковной соборности. Уже давно раздаются рѣзкія обвиненія противъ нашей Церкви. Обвиняютъ ее въ т. наз. цезаропапизмѣ, обвиняютъ ее въ бюрократизмѣ, говорятъ, что со времени Петра Великаго она—въ параличѣ и т. д. Нельзя сказать, чтобы эти обвиненія были одной напраслиной. Многое въ нихъ нужно признать и справедливымъ. И если мы искренно стремимся къ уврачеванію недуговъ своихъ, то прежде всего мы не должны закрывать глаза на самые эти недуги. Разбираясь во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, мы видимъ, что всѣ они могутъ быть сведены къ одному: нашу Церковь въ концѣ концевъ обвиняютъ въ томъ, что она, вслѣдствіе зависимости своей отъ государства, и по внутреннему устроенію своему перестала быть *сама собой*, и это, главнымъ образомъ, потому, что слишкомъ далеко уклонилась отъ того древне-церковнаго строя жизни, который всецѣло покоился *на соборномъ началѣ*. Теперь если мы хотимъ корректнымъ образомъ уврачевать тѣ недуги, которыми страдаетъ наша Церковь, если мы снова хотимъ направить ея жизнь на путь древне-церковной жизни, то мы должны начать съ проведенія въ нее въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, начиная съ высшихъ органовъ церковнаго управленія и кончая послѣднимъ приходомъ, того соборнаго начала, игнорированіе котораго и привело ее къ столь печальнымъ послѣдствіямъ. Только такая реформа, основывающаяся на привлеченіи къ дѣламъ Церкви всѣхъ членовъ ея, будетъ, дѣйствительно, животворна; только такая реформа способна будетъ сдѣлать нашу Церковь *самой собой*, т. е. могучей духовной организаціей, имѣющей свой *самостоятельный голосъ* и обладающей несокрушимымъ *нравственнымъ авторитетомъ*.

П. Мининъ.

Предстоящій Всероссійскій церковный Соборъ; его составъ и задачи [1]).

„Святая“ Русь—нерѣдко называетъ народъ нашъ свою родину. „Православные“! обычно на мірскомъ сходѣ начинаетъ рѣчь свою русскій крестьянинъ. Въ этихъ названіяхъ очевидно выражается утвердившееся въ русскомъ народѣ сознаніе, что православная вѣра составляетъ существенную, коренную основу его народной жизни. Еще въ прежніе вѣка, наблюдавшіе Россію иностранцы, какъ Герберштейнъ и Олеарій, уже замѣтили, какъ „московиты хвалятся, что они одни только христіане, а западныхъ осуждаютъ какъ отступниковъ отъ первобытной церкви и древнихъ святыхъ постановленій“ [2]); они говорятъ, „что они самые лучшіе христіане, какіе только живутъ на свѣтѣ [3]). Посторонніе наблюдатели и въ настоящее время обыкновенно указываютъ на религіозность и благочестіе, какъ на характерную особенность русскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, если судить по внѣшности, православная вѣра и народное благочестіе у насъ, на Руси, процвѣтаютъ. Всюду возвышаются и вновь созидаются величественные храмы; внутри блестятъ они золотомъ и красуются художествомъ; гудятъ колокола, народъ тѣснится при торжественныхъ богослуженіяхъ; сіяютъ десятки хоругвей при крестныхъ ходахъ; каждое крупное дѣло, каждое общественное предпріятіе освящается молебствіемъ;

---

[1]) Публичное чтеніе отъ Союза 17-го октября, произнесенное 19-го марта въ залѣ художественно-литературнаго кружка.

[2]) Записки о Московіи, перев. Анонимова. Спб. 1866. Стр. 68.

[3]) Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства. Перев. Барсова. Москва. 1870. Стр. 303.

въ часовняхъ и особо-чтимыхъ святыхъ мѣстахъ—непрерывныя толпы богомольцевъ и многія сотни и тысячи неугасимыхъ свѣчъ и лампадъ; плотною стѣной обступаетъ народъ выходящаго изъ церкви архіерея и цѣлый часъ готовъ простоять, чтобы только получить его благословеніе. Все это прекрасно и съ несомнѣнностію свидѣтельствуетъ о неугасающей силѣ всенароднаго русскаго благочестія; но кто же не знаетъ, что не въ одномъ этомъ дѣло. Не роскошна была гробница Сіонская; тѣсенъ, мраченъ и душенъ былъ подземный храмъ катакомбы; но собиравшіеся тамъ на молитву вѣрующіе были, конечно, неизмѣримо выше насъ, какъ христіане. Не богатствомъ и разнообразіемъ внѣшнихъ формъ благочестія превосходили они насъ, а тѣмъ, что тогда, по свидѣтельству священнаго дѣписателя, „у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа“ (Дѣян., IV, 32), „старались“ они, по апостолу, „сохранять единство духа въ союзѣ мира“ (Ефес. IV, 3), „единодушно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа“ (Римл. XV, 6).—Нельзя, къ сожалѣнію, не сознаться, что вотъ этато внутренняя сила духовнаго единенія несомнѣнно оскудѣла въ нашей православной русской церкви, при всемъ ея видимомъ процвѣтаніи. Широко раскинулись географическіе предѣлы этой церкви и почти девяносто милліоновъ насчитываетъ она своихъ послѣдователей; но внутри этихъ широкихъ предѣловъ и цифръ дѣло обстоитъ не совсѣмъ благополучно, какъ на верхнихъ слояхъ общества, такъ и въ его основѣ. У такъ называемой интеллигенціи отношенія къ церкви имѣютъ далеко не дружественный характеръ. Мы не станемъ, конечно, говорить о тѣхъ, къ сожалѣнію, не малочисленныхъ, представителяхъ русскаго образованнаго общества, которые давно отказались отъ всякой вѣры и не скрываютъ своихъ явно-атеистическихъ воззрѣній. Даже и тѣ просвѣщенные люди, которые исповѣдуютъ себя вѣрующими христіанами, часто никакъ не могутъ быть названы вѣрными чадами церкви православной. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этомъ грустномъ явленіи, достаточно хотя-бы припомнить то, что говорилось на петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ, или познакомиться съ тѣми журнальными и газетными статьями, которыя въ послѣднее время писались и пишутся по церковному вопросу.

По откровенному признанію самихъ представителей интеллигенціи, „неразрѣшимымъ противорѣчіемъ русской общественной жизни является съ одной стороны — священство Церкви и съ другой—представители свѣтской мысли и высшаго образованія. Эти силы разно понимаютъ и природу человѣка и его конечное призваніе. Интеллигенція и церковь—суть двѣ противоположныя, ведущія и подвизающіяся въ учительствѣ силы; онѣ находятся между собою въ глубокомъ разладѣ. Пропасть утвердилась между интеллигенціей и Церковью“ [1]). Этотъ разладъ выражается въ томъ, что одни изъ интеллигентовъ относятся къ церковной жизни и ея вопросамъ съ полнѣйшимъ безучастіемъ, считая эту область совершенно для себя чуждой и не интересной. Одинъ изъ нихъ напр., говоря о разныхъ мнѣніяхъ по вопросу о церковной реформѣ, прямо заявляетъ, что онъ „къ этому дѣлу нисколько неприкосновенъ и нисколько, поэтому, не заинтересованъ исходомъ этого историческаго турнира“ [2]) А другой по тому же поводу пишетъ: „по моему, отношеніе интеллигенціи къ этимъ событіямъ должно формулироваться словами: „какое намъ дѣло?!“ Ни горевать, ни радоваться намъ тутъ нечего“... „Не враждуя и не дружа, оставимъ въ покоѣ этотъ чуждый намъ міръ. Его радость не наша радость, его горе не наше горе, у насъ тамъ нѣтъ надеждъ и намъ тамъ нечего опасаться“ [3]).—Другіе представители интеллигенціи не такъ безучастны и, напротивъ, глубоко и искренно интересуются церковными вопросами; но тѣмъ не менѣе это нисколько не приближаетъ ихъ къ церкви. Они не признаютъ ее въ настоящемъ видѣ за истинную церковь Христову; историческое христіанство, по ихъ мнѣнію, представляется односторонимъ; церковь исказила Евангеліе, извратила его духъ и смыслъ, а потому они мечтаютъ о другой церкви, о церкви „будущаго“, и ищутъ для себя новыхъ путей [4]). При этихъ исканіяхъ, говорятъ, они, посред-

---

[1]) Записки религіозно-философскихъ собраній въ С.-Петербургѣ. Докладъ В. А. Тернавцева, стр. 5, 9 и 14.

[2]) Новое время № 10,468, 26 апр. 1906 г. Статья міряшина: „Въ ожиданіи церковной реформы“.

[3]) Новости № 80, 29 марта. Статья М. Энгельгардта „Чужая радость“.

[4]) Церковный Вѣстникъ 1905 г. № 19. Статья „Церковь будущаго“; записки рел.-фил. собраній. Записка Д. В. Философова, стр. 40;—Заря № 259, статья: „По поводу предполагаемой реформы высшаго церковнаго управленія“.

ство священника намъ не нужно [1]), а куда заходятъ они безъ такого посредства, о томъ свидѣтельствуютъ напр. прямыя заявленія, что „интеллигенція не признаетъ Христа“ и „никогда не приметъ догмата о богочеловѣчествѣ Іисуса Христа“. Они заявляютъ, что „каждое десятилѣтіе подвигаетъ насъ къ новому состоянію умовъ, къ новымъ формамъ богопониманія, къ новой, совсѣмъ особенной, нравственности“, или что „русскаго человѣка можетъ прельстить... полное освобожденіе всякаго живущаго на русской землѣ отъ церкви и кошмара „христіанскаго государства“ [2]).—Гдѣ же причина такого разлада, такого или безучастнаго или отрицательнаго отношенія къ церкви? „Мы“, говорятъ они,—„мы, люди современной культуры, никакой вѣры не имѣемъ, ничего кромѣ проспувшейся жажды вѣры“. „Мы—не вѣрующіе, но... томимые смертельной жаждой Бога и любви“ [3]). „Теперь больше, чѣмъ когда-либо, сердце русской интеллигенціи готово раскрыться на призывъ къ вѣрѣ во Христа Спасителя и, увѣровавъ, возродиться“ [4])... И при всемъ томъ, не смотря на такія признанія, эта интеллигенція отъ церкви уклоняется и глуха къ ея призывамъ. Уклоняется потому, что „христіанство историческое“, говорятъ не „удовлетворяетъ свѣтски-образованныхъ людей нашего времени, не вмѣщаетъ въ себя ихъ запросы“. Интеллигенція обратится лишь тогда, когда церковь станетъ давать ей отвѣтъ на ея запросы [5]).

Главная опора, главная сила нашей церкви, конечно, въ многомилліонной массѣ того народа, который всегда такъ славился своею неизмѣнною преданностію вѣрѣ православной. Однако нельзя сказать, чтобы и здѣсь за послѣднее время положеніе церкви было цвѣтущимъ. Давній ея соперникъ въ народѣ—старообрядческій расколъ, не смотря на усиленное распространеніе народнаго просвѣщенія, несмотря

---

[1]) Записки рел.-фил. собраній, стр. 23. Слова В. С. Миролюбова.

[2]) Записки рел.-фил. собраній стр. 30. Слова Д. С. Мережковскаго и Г. Тарновскаго.—Новое время № 10,459, 17-го апрѣля, статья М. Меньшикова: „Письма къ ближнимъ. Величавые пережитки“.—Заря № 270, 11-го апрѣля. Письмо въ редакцію свящ. Пестрякова, ссылка на Новости.

[3]) Записки рел.-фил. собраній, стр. 26 и 27.

[4]) Ibidem., стр. 19. Докладъ В. А. Тернавцева.

[5]) Ibidem., стр. 35 и 15. Слова А. В. Карташева и В. А. Тернавцева.

на дѣятельность соціально-созданнаго института епархіальныхъ миссіонеровъ, несмотря ни на какія собесѣдованія, повидимому, ни мало не ослабѣваетъ, но твердо отстаиваетъ свое существованіе, лепо тѣмъ показывая свою внутреннюю силу и жизненность. А наряду съ расколомъ растетъ еще и ширится сектанство въ его разнообразныхъ проявленіяхъ, въ особенности штунда, которая не защищается только, но нападаетъ на церковь, отторгая у нея ея послѣдователей и съ каждымъ годомъ принимая все болѣе и болѣе опасные размѣры. Здѣсь, въ сектанствѣ, не невѣріе, не слабость вѣры; но, напротивъ, вѣра сильная, живая, нерѣдко пламенная, готовая на всякія жертвы и страданія, доходящая до самосожженія и до погребенія себя за-живо, лишь бы остаться вѣрною своимъ убѣжденіямъ. И все-таки эта вѣра уклоняется отъ церкви и ищетъ себѣ какихъ-то новыхъ, нерѣдко дикихъ, путей. Почему такъ? Почему же и простой русскій человѣкъ, искренно религіозный, покидаетъ вѣру отцовъ своихъ, бросаетъ родной свой храмъ и уходитъ въ какую нибудь штунду? Безъ сомнѣнія потому, что и онъ, подобно русскому интеллигенту, также не находитъ въ церкви полнаго удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ, яснаго отвѣта на свои запросы. Его отпаденіе обыкновенно и начинается всегда съ недовольства существующимъ строемъ жизни церкви, съ критики ея вѣрованій, ея обрядовъ и порядковъ. И въ средѣ интеллигенціи и среди народа не мало такимъ образомъ людей, которые жадно ищутъ удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей, отвѣтовъ на свои запросы; но въ церкви ихъ не находятъ, а потому бросаются въ разныя стороны и блуждаютъ по ложнымъ путямъ. И призывный звонъ колоколовъ, и священныя пѣснопѣнія православныхъ храмовъ остаются для нихъ пустымъ звукомъ, который не находитъ себѣ родственнаго отклика въ ихъ мятущейся душѣ.—А что же церковь? Вѣдь твердо и неизмѣнно хранитъ она вѣками преданную ей святую истину Христова ученія. Вѣдь не оскудѣло въ ней апостольское преемство іерархіи. Вѣдь не изсякъ въ ней живой источникъ божественной благодати, преподаваемой въ святыхъ таинствахъ. Почему же такъ слабо, такъ безсильно въ настоящемъ случаѣ ея вліяніе?

Первохристіанская община сильна была тѣмъ, что въ ней

„у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа“ Апостолы настойчиво внушали вѣрующимъ, чтобы они болѣе всего были единодушны и единомышленны“ (Фил. II, 2), ибо въ единеніи—сила всякаго человѣческаго общества, которое не можетъ устоять, раздѣлившись на ся, и тѣмъ болѣе такого общества, какъ церковь, которая представляетъ собою союзъ, утверждающійся исключительно на духовно-нравственныхъ связяхъ. Современная церковь наша потому и обнаруживаетъ нѣкоторую слабость, что расшаталась, а иногда и совсѣмъ утратилась, среди ея членовъ эта внутренняя сила нравственнаго единенія.

Ослабѣла связь между паствой и ея пастырями. Что такое современный русскій епископъ? Это—прежде всего и больше всего, конечно, священнослужитель, т. е. совершитель торжественныхъ богослуженій; а затѣмъ—сановникъ и администраторъ. Пастырская сторона его дѣятельности совершенно заслоняется и оттѣсняется на задній планъ его дѣятельностію какъ администратора. И это совсѣмъ не потому, что онъ самъ желаетъ быть такимъ; нѣтъ, онъ поставленъ въ такое положеніе, что даже и при всемъ своемъ желаніи не можетъ быть инымъ. Онъ не знаетъ въ должной степени и не имѣетъ возможности знать свою паству. Его епархія обыкновенно тянется на многія сотни верстъ съ милліоннымъ населеніемъ, и, пребывая въ своемъ престольномъ городѣ, онъ въ уѣздные города и селенія попадаетъ лишь случайно и изрѣдка по какимъ либо особеннымъ поводамъ церковныхъ торжествъ. Правда, онъ совершаетъ поѣздки по епархіи; но какъ извѣстно, при этомъ его посѣщенія по необходимости бываютъ слишкомъ кратковременны и поверхностны, чтобы можно было при нихъ епископу пріобрѣсти надлежащее знакомство съ паствой. Даже и такія посѣщенія требуютъ очень много времени, такъ что нужно нѣсколько лѣтъ епископу совершать свои поѣздки, чтобы побывать во всѣхъ мѣстахъ своей епархіи. При частыхъ же переходахъ епископовъ съ одной епархіи на другую не удивительно, если многіе изъ нихъ никогда и не успѣваютъ совершить свой полный объѣздъ. Намъ лично пришлось узнать, что одно село, не далекое отъ престольнаго города и почти вплоть соединенное съ нимъ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ, нѣ-

сколько десятковъ лѣтъ не видывало у себя никакого архіерея. Даже и въ своемъ престольномъ городѣ епископъ развѣ знаетъ близко свою паству? Громадное большинство ея онъ видитъ лишь въ качествѣ благочестивой толпы, которая наполняетъ храмъ при его богослуженіяхъ, или тѣснится къ нему за благословеніемъ. Въ непосредственное общеніе, въ бесѣду, ему приходится вступать только съ немногими отдѣльными личностями, встрѣчаясь съ ними на какихъ-либо собраніяхъ, или у себя на дѣловыхъ пріемахъ. Такія свиданія въ громадномъ большинствѣ случаевъ ограничиваются нѣсколькими минутами или получасомъ времени и не выходятъ за предѣлы гостинныхъ или дѣловыхъ разговоровъ. Для задушевныхъ пастырскихъ бесѣдъ мало представляется поводовъ, мало удобства и времени, такъ что о духовной жизни паствы своей, о ея нуждахъ и запросахъ, епископъ узнаетъ лишь по бумажнымъ „дѣламъ“ да оффиціальнымъ отчетамъ.—Бумажныхъ же дѣлъ и вообще административныхъ заботъ у него великое множество. Цѣлый рядъ разнаго рода учрежденій и органовъ управленія стоитъ подъ его руководствомъ и наблюденіемъ: семинарія, нѣсколько духовныхъ училищъ, епархіальное женское училище, консисторія, училищный совѣтъ и нѣсколько его уѣздныхъ отдѣленій, свѣчной заводъ, эмеритальная касса, епархіальное попечительство, разныя братства благотворительныя или просвѣтительныя, монастыри, благочинные и пр. и пр. Отовсюду шлютъ ему журналы, доклады, вѣдомости, отчеты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и множество прошеній отъ частныхъ лицъ. Все это епископъ долженъ прочитать, разсмотрѣть и на все дать свое рѣшеніе или утвержденіе. Какъ-то одинъ епископъ говорилъ намъ, что къ нему лично поступаетъ ежегодно болѣе 8,000 бумагъ, а въ консисторіяхъ ихъ бываетъ и до 20 и до 30 тысячъ. Такимъ образомъ каждый день епископу приходится разсмотрѣть нѣсколько десятковъ, а иногда чуть не до сотни бумагъ и эта бумажная груда совсѣмъ заслоняетъ отъ него живую жизнь его паствы, отнимаетъ у него время и силы и парализуетъ его гораздо болѣе плодотворную пастырскую дѣятельность. Въ результатѣ — епископъ является не столько пастыремъ, сколько правителемъ. По видимости, онъ пользуется высокимъ, благоговѣйнымъ почтеніемъ; но стоитъ на какомъ-то, мало доступномъ для на-

рода пьедесталъ и нѣтъ у него съ паствою живого общенія, тѣснаго духовно-нравственнаго единенія.

Что касается священника, то его положеніе безъ сомнѣнія представляетъ гораздо болѣе удобствъ для успѣшной пастырской дѣятельности. При незначительныхъ размѣрахъ прихода священникъ имѣетъ, конечно, полную возможность видѣть и знать жизнь своихъ пасомыхъ, вступать съ ними въ близкое духовное общеніе, быть для нихъ руководителемъ и наставникомъ. Но, къ сожалѣнію, и у него сила пастырскаго вліянія значительно подрывается тѣми неблагопріятными условіями, въ которыя онъ поставленъ. Въ свой приходъ онъ является со стороны, по назначенію далекой епархіальной власти, иногда даже прямо вопреки желанію прихожанъ и во всякомъ случаѣ человѣкомъ совсѣмъ для прихода чужимъ и незнакомымъ, а потому долженъ съ самаго начала создавать себѣ положеніе, завоевывать нравственный авторитетъ. Между тѣмъ его пастырская дѣятельность до крайности стѣснена безчисленнымъ множествомъ всякихъ указовъ и предписаній, которые точно опредѣляютъ каждый его шагъ и связываютъ его по рукамъ и ногамъ. Надъ нимъ стоитъ всегда бдительное, подъ-часъ довольно своеправное начальство въ лицѣ благочиннаго, консисторіи и архіерея, при чемъ за всякое уклоненіе отъ многочисленныхъ предписаній мелочной регламентаціи, за малѣйшее свободное и необычное обнаруженіе живого пастырскаго духа, ему угрожаетъ строгое внушеніе, а иногда и тяжелая кара. Большое количество труда, времени и силъ у священника, въ ущербъ его прямому пастырскому долгу, тратится благодаря тому, что его превратили въ чиновника и навязали ему громадную канцелярскую работу. На его отвѣтственности лежитъ болѣе 30-ти разнаго рода записей, книгъ, книжекъ, вѣдомостей, росписей, свѣдѣній, выписокъ и свидѣтельствъ, значительное количество которыхъ обязательно пишется въ двухъ и даже въ трехъ экземплярахъ и затѣмъ представляется или посылается то въ консисторію, то въ земскую управу, то въ полицію, то въ воинское присутствіе, то въ статистическій комитетъ. Опутавшая священника канцелярщина совсѣмъ не соотвѣтствуетъ истиннымъ задачамъ пастырскаго служенія, внося въ него совершенно не церковный духъ мертвящаго формализма; но всего хуже еще то,

что на того же священника стали иногда возлагать обязанности чисто полицейскаго свойства, внушая ему безусловно поддерживать и защищать существующій государственный порядокъ, наблюдать за опасными для него лицами и явленіями и доводить о нихъ до свѣдѣнія гражданской власти, что, конечно, глубоко подрываетъ нравственный авторитетъ пастыря церкви, вынуждая пасомыхъ смотрѣть на него какъ на казеннаго чиновника, съ которымъ не мѣшаетъ быть осторожнѣе. Прибавьте ко всему этому еще тотъ унизительный способъ матеріальнаго обезпеченія, который заставляетъ иногда священника вести съ прихожаниномъ печальный торгъ при совершеніи священнодѣйствій, ставитъ его въ полную зависимость отъ благосклонности пасомыхъ, и конечно, связываетъ и парализуетъ его свободное пастырское слово. Въ приходахъ большихъ и столичныхъ городовъ это пастырское слово бываетъ иногда безсильнымъ и потому, что священникъ, воспитанный въ своеобразной, кастовой духовной школѣ, оказывается не настолько знакомымъ съ современными теченіями мысли и условіями общественной жизни, чтобы быть въ состояніи дать надлежащій отвѣтъ на религіозно-нравственные запросы тѣхъ, которые къ нему обращаются. Все это въ совокупности создало какую-то преграду между духовенствомъ и другими классами общества, взаимное непониманіе, и никакъ уже нельзя сказать, что у нихъ „одно сердце и одна душа“.—Общество смотритъ теперь на церковь, на духовенство, какъ на какое-то особое вѣдомство, находящееся подъ покровительствомъ, подъ опекой и на службѣ государства; къ церковнымъ дѣламъ общество относится, какъ къ чему-то совсѣмъ для него постороннему. И не удивительно! Воцарившійся въ нашей церкви бюрократическій строй совершенно устранилъ общество отъ всякаго участія въ дѣлахъ церковныхъ, а между тѣмъ такое устраненіе можетъ имѣть, и несомнѣнно имѣетъ, для Церкви роковое значеніе. Съ раннихъ лѣтъ насъ учили и мы знаемъ и вѣруемъ, что церковь есть собраніе вѣрующихъ, есть общество людей, соединенныхъ между собою единствомъ вѣры во Христа и общеніемъ въ таинствахъ, подъ видимымъ управленіемъ пастырей. Всякое общество живетъ именно общею жизнію: эта жизнь проявляется въ совмѣстныхъ усиліяхъ, въ объединенной дѣятельности всѣхъ членовъ для достиже-

нія единой, общей всѣмъ, цѣли. Каждый отдѣльный членъ потому и настолько дорожитъ своимъ обществомъ, насколько она даетъ ему возможность и просторъ развивать свои индивидуальныя силы и прилагать ихъ къ совмѣстной съ другими дѣятельности для достиженія общей цѣли. Видимъ ли мы такую жизнь въ нашей современной церкви? Къ сожалѣнію, она ни въ чемъ не проявляется. Каждому отдѣльному человѣку предоставляется жить только своею личною, внутреннею религіозною жизнію, какъ будто онъ совсѣмъ не членъ Церкви, какъ общества. Съ своими собратіями онъ сходится только за общественной молитвой въ своемъ приходскомъ храмѣ, но и здѣсь не принимаетъ онъ никакого дѣятельнаго участія, оставаясь при богослуженіи лишь безмолвнымъ свидѣтелемъ. Приходъ, какъ община, теперь есть звукъ пустой. Всякіе приходскіе вопросы и возбуждаются и разрѣшаются указами синода, предписаніями архіерея, консисторіи и благочиннаго, а текущія дѣла прихода вѣдаетъ лишь священникъ съ причтомъ да староста. Приходскую общину никто не собираетъ, ни о чемъ ее не спрашиваютъ и ея настроеніемъ, ея религіозно-нравственными запросами, повидимому, никто не интересуется. Объ епархіальной или всероссійской церковной жизни нечего и говорить; никакихъ органовъ для ея проявленія не существуетъ и ни въ чемъ она не обнаруживается. Наша церковь не есть общество въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ самодѣятельнаго, объединеннаго и организованнаго цѣлаго. Въ ней организована лишь та малая часть, которая учитъ и управляетъ. Все же остальное представляетъ собою не общество, а скорѣе просто толпу, которая при желаніи ходитъ молиться въ православные храмы, исправляетъ такъ называемыя требы, иногда назидается съ церковной каѳедры и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по предписаніямъ государственнаго закона, подчиняется управленію духовныхъ лицъ; но все это она дѣлаетъ безъ всякаго дѣятельнаго съ своей стороны интереса и участія. При такомъ положеніи дѣла понятно, что русскій міряшинъ часто смѣшиваетъ церковь съ іерархіей, а на эту іерархію и на церковныя дѣла смотритъ, какъ на нѣчто для себя постороннее. Въ немъ настолько заглохло церковное сознаніе, что даже въ приходскомъ храмѣ онъ чувствуетъ себя, по словамъ Розанова, не въ своемъ мѣстѣ,

чуждымъ и не нужнымъ, какимъ-то гостемъ, посѣтителемъ [1]). Вотъ почему онъ такъ равнодушенъ къ Церкви и даже уклоняется отъ нея. „Церковь, говорятъ, похолодѣла. Изъ холоднаго дома всѣ бѣгутъ. Гдѣ-то теплѣе? — Въ сектахъ! Туда и бѣгутъ“ [2])! —

Въ печати нерѣдко повторяются въ послѣднее время извѣстныя слова Достоевскаго, что „русская Церковь въ параличѣ“. Намъ думается, что это выраженіе слишкомъ сильно и слишкомъ мрачно. Сказать, что русская Церковь въ параличѣ, значитъ отрицать въ ней всякое движеніе въ настоящемъ и почти всякую возможность исцѣленія въ будущемъ. Отнюдь не соглашаясь съ такимъ ужаснымъ приговоромъ, мы припомнимъ лучше слова Соловьева, что русская Церковь только „задремала подъ сѣнью казенной опеки“ и вопросъ лишь въ томъ: „какъ пробудить, чѣмъ всколыхнуть эту дремлющую силу“ [3]). Силъ въ нашей Церкви много. Есть у нея іерархія и служители Церкви, въ средѣ которыхъ не мало людей, сіяющихъ дарами благодати, твердостію, чистотою и глубиною вѣры, самоотверженною ревностію служенія. Есть у нея люди религіознаго знанія, богословской науки, которые трудятся надъ разъясненіемъ и распространеніемъ истины христіанскаго ученія. Такихъ людей мы знаемъ не только въ духовной школѣ, но и среди просвѣщенныхъ представителей свѣтскаго общества. (Хомяковъ, Самаринъ, Аксаковъ, Соловьевъ, Кирѣевъ). Есть у нея подвижники благочестія, труженники молитвы, которыхъ мы видимъ не въ монастырскихъ только келліяхъ, но и повсюду, на всѣхъ поприщахъ общественной жизни. Есть у нея писатели и художники, которые стараются проводить возвышенныя идеи христіанскаго ученія въ произведеніяхъ изящной литературы и искусства. Есть у нея дѣятели практическіе, которые трудятся надъ осуществленіемъ высокихъ христіанскихъ принциповъ въ жизни общественной путемъ благотворительности или улучшенія нравовъ. Есть у нея, наконецъ, вѣра народная, часто не достаточно просвѣщенная

---

[1]) Ibidem., стр. 52.

[2]) Новое время № 10453-й, 11 апрѣля. Статья В. Розанова: „Государство и Церковь во взаимной автономіи“.

[3]) Собраніе сочиненій Вл. С. Соловьева т. IV стр. 181. Спб. изд. товарищества „Общественная Польза“.

и даже иногда слѣпая, но глубокая и искренняя. Не о параличѣ свидѣтельствуютъ, конечно, эти силы; но онѣ разрознены, иногда, по недоразумѣнію, даже сталкиваются между собою и не видимъ мы общей, объединенной церковной жизни. Потому Церковь, какъ цѣлое, дѣйствительно дремлетъ, потому и выступаетъ насущный вопросъ: „какъ пробудить, чѣмъ всколыхнуть эту дремлющую силу?"

Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ самъ собою. Если главная наша бѣда состоитъ въ разъединеніи силъ Церкви, то, конечно, прежде и важнѣе всего уничтожить это разъединеніе и постараться устроить жизнь Церкви такъ, чтобы она была дѣйствительно обществомъ, союзомъ, всѣ члены котораго живутъ въ тѣсномъ единеніи, одушевляются общимъ интересомъ, чтобы соединенными усиліями, неся тяготы другъ друга, исполнить законъ Христовъ, достигнуть возможнаго для человѣка совершенства и наслѣдовать спасеніе. Что же? Пригласить какихъ нибудь спеціалистовъ, чтобы они придумали и указали намъ наилучшій строй церковной жизни, который обезпечилъ бы ей единство и силу? Нѣтъ. Сочиненные уставы и для обычныхъ человѣческихъ обществъ часто оказываются непригодными; Церковь же есть учрежденіе божественное, утвержденное, какъ говоритъ Св. Ап. Павелъ, „на основаніи Апостоловъ и пророковъ, имѣя краеугольнымъ камнемъ самого Іисуса Христа". (Еф. II, 20). Не сочинять для нея новые уставы должны мы, а лишь уяснить себѣ со всею полнотою и точностію тѣ вѣчныя, основныя начала, которыя для нея установлены ея Божественнымъ Главою, и у Св. Апостоловъ и ихъ ближайшихъ послѣдователей поучиться тому, какъ примѣнять и проводить эти начала въ жизни.

Слово Божіе изображаетъ намъ Церковь, какъ „тѣло Христово". (Ефес. I, 22—23; Колос. I, 24). „Тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло... Не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны... Но Богъ соразмѣрилъ тѣло..., дабы не было въ немъ раздѣленія, а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ. Посему, страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены" (1 Кор. XII, 12, 21, 24—26). „И вы" говоритъ апо-

столъ, „тѣло Христово, а порознь члены... Всѣ мы крестились и всѣ напоены однимъ Духомъ... Всѣ мы одно тѣло и одинъ духъ, какъ и призваны къ одной надеждѣ нашего званія... Каждому же изъ насъ дана благодать по мѣрѣ дара Христова... Однихъ Богъ поставилъ Апостолами, другихъ пророками, иныхъ Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями. Къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова; доколѣ всѣ прійдемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова... Все тѣло..., при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви". (1 Кор. XII, 27, 13; Еф. IV, 4, 7, 11—13, 16). Итакъ, по слову Божію, церковь есть тѣсно сплоченное цѣлое, члены котораго живутъ и дѣйствуютъ во взаимномъ единеніи и Самъ Христосъ Спаситель молился о вѣрующихъ въ Него „да будутъ всѣ едино" (Іоан. XVII, 21). Такое представленіе о церкви непреложно сохраняется и живетъ въ христіанскомъ сознаніи съ самыхъ первыхъ вѣковъ и доселѣ. Свидѣтельствуютъ о немъ древніе отцы и учители церкви. „Прошу васъ", пишетъ Св. Игнатій Богоносецъ, „старайтесь все исполнять въ единомысліи Божіемъ..., ничего не дѣлайте безъ епископовъ и пресвитеровъ; и не думайте, чтобы что-либо, совершаемое вами отдѣльно, могло быть правильно; въ общемъ собраніи должна быть у васъ одна молитва, одно прошеніе; одна мысль, одна надежда, въ любви и непорочной радости" [1]). „Соединяйтесь узами одной и той же вѣры, одной и той же нравственности", говоритъ Тертулліанъ, „мы составляемъ, такъ сказать, одно тѣло" [2]). По мысли св. Амвросія Медіоланскаго, „церковь есть общее право всѣхъ; сообща она молится; сообща она работаетъ; сообща испытуется". Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „тѣло церкви питается при взаимной связи членовъ" [3]). То, что высказывали отцы и учители древности, неизмѣнно исповѣдуетъ и современная православная Церковь, когда напр. въ окружномъ посланіи 1848 года говорится: „что хранитель

---

[1]) Посланіе къ Магнезіанамъ. § 3, 6, 7.—Филаретъ, истор. уч. объ отцахъ.

[2]) Творенія Тертулліана, пер. Карпѣева I, стр. 80. Спб. 1849.

[3]) Бесѣды къ Антіохійскому народу, II, 511, Изд. 1848.

благочестія у насъ есть самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ“ [1]).

Какъ же проводилась въ жизнь, въ какихъ формахъ проявлялась эта идея соборности церкви, въ смыслѣ совокупнаго дѣйствія всѣхъ ея членовъ для достиженія единой, общей всѣмъ цѣли?

Раскройте книгу Дѣяній Св. Апостоловъ и она дастъ вамъ ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Пока первохристіанская община представляла собою лишь маленькій кружокъ вѣрующихъ, пока въ ней было, по свидѣтельству дѣписателя, только около ста двадцати человѣкъ, всѣ они единодушно пребывали вмѣстѣ (Дѣян. I, 16, 14; II, 1). Когда къ нимъ присоединилось около трехъ тысячъ, они всетаки постоянно пребывали въ общеніи; всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее (Дѣян. II, 41—42, 44, 46). Даже когда около пяти тысячъ еще увѣровали, у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее (Дѣян. IV, 4; 32); всѣ они пребывали единодушно, хотя собираться на молитву приходилось уже въ притворѣ Соломоновомъ (Дѣян. V, 12). Но такъ какъ, по свидѣтельству дѣписателя, вѣрующихъ болѣе и болѣе присоединялось къ Господу, множество мужей и женъ (Дѣян. V, 14), то, конечно, этому множеству уже не было возможности пребывать въ постоянномъ и непосредственномъ общеніи между собою, а потому при возникновеніи какихъ-либо вопросовъ, касавшихся всей общины, апостолы стали созывать особыя парочитыя собранія. Когда напр. возникли нѣкоторыя неудовольствія по поводу ежедневной раздачи потребностей вдовицамъ, апостолы нарочито созвали множество учениковъ и предложили имъ избрать изъ своей среды на это дѣло семь діаконовъ, что и было исполнено (Дѣян. VI, 1—5). Но слово Божіе, говоритъ дѣписатель, расло и число учениковъ весьма умножалось во Іерусалимѣ, а затѣмъ слово Господне распространялось по всей странѣ (Дѣян. VI, 7; XIII, 49). Когда такимъ образомъ вѣрующіе стали считаться многими тысячами и рас-

---

[1]) Окружное посланіе единой, святой, соборной и апостольской церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. § 17. Пер. съ греческаго Спб. 1859 г. стр. 37.

пространились по всѣмъ концамъ страны, стало невозможнымъ, созывать ихъ всѣхъ хотя-бы только иногда на общія собранія. Какъ же при такихъ условіяхъ поддерживалось въ церковной жизни желанное единеніе? А вотъ тому примѣръ. Среди вѣрующихъ въ Антіохіи возникло разногласіе по вопросу объ обязательности для христіанъ исполненія Моисеева закона. Тогда они послали къ апостоламъ въ Іерусалимъ Павла и Варнаву и нѣкоторыхъ другихъ. Апостолы созвали собраніе и при участіи присланныхъ изъ Антіохіи лицъ разсмотрѣли и обсудили вопросъ, послѣ чего, изложивъ соборное рѣшеніе въ посланіи, отправили его въ Антіохію чрезъ тѣхъ же антіохійскихъ посланныхъ и своихъ уполномоченныхъ. Отправленные пришли въ Антіохію, и, собравъ людей, вручили письмо (Дѣян. XV). Этотъ примѣръ показываетъ, что когда, по многочисленности вѣрующихъ и дальности разстоянія, утратилась для нихъ возможность принимать всѣмъ непосредственное участіе въ общецерковномъ собраніи, отдаленная община присылала своихъ представителей, которые принимали участіе въ обсужденіи вопроса, а затѣмъ состоявшееся рѣшеніе и словесно и письменно сообщалось по назначенію. Такимъ образомъ малая первохристіанская община вся въ совокупности сходилась на свои собранія, а получивъ широкіе размѣры стала принимать участіе въ обсужденіи возникавшихъ вопросовъ, посылая на общецерковныя собранія своихъ представителей. Вотъ образецъ, начертанный намъ апостольской исторіей,—образецъ того, какимъ путемъ, въ какихъ внѣшнихъ формахъ церковной жизни, первохристіанская община исполняла Божественный завѣтъ „да будутъ всѣ едино“, старалась „сохранять единство духа въ союзѣ мира“.

Послѣ періода апостольскаго, исторія первыхъ христіанскихъ вѣковъ, какъ ни скудна сохранившимися до насъ памятниками, ясно однако же свидѣтельствуетъ о томъ, что церковная жизнь въ то время неуклонно слѣдовала тому образцу, который былъ для нея начертанъ примѣромъ апостоловъ. Какъ скоро возникали въ той или другой помѣстной церкви какіе-либо вопросы относительно вѣроученія или церковной практики, собирались соборы, которые разсматривали эти вопросы и постановляли по нимъ свои рѣшенія. Во 2-мъ вѣкѣ, по свидѣтельству церковной исторіи Евсевія,

„вѣрующіе часто и во многихъ мѣстахъ Азіи собрались“ [1] для изслѣдованія и осужденія ереси Монтана. Достовѣрно извѣстны намъ соборы Іерапольскій и Анхіальскій, а также до семи соборовъ, собиравшихся по вопросу о времени празднованія Пасхи въ разныхъ концахъ міра и въ Іерусалимѣ и въ Римѣ и въ Галліи [2]. Въ 3-мъ вѣкѣ мы знаемъ напр. нѣсколько соборовъ противъ ереси Павла Самосатскаго въ церкви Антіохійской, а также нѣсколько соборовъ въ Африкѣ по вопросу о падшихъ и о крещеніи еретиковъ [3]. Взаимная связь между отдѣльными помѣстными церквами старательно сохранялась и поддерживалась посредствомъ частыхъ сношеній. Церкви обращались одна къ другой съ посланіями, въ которыхъ или просили одна у другой совѣта по поводу какихъ-либо недоумѣнныхъ вопросовъ, или предлагали свои наставленія, или сообщали о состоявшихся у нихъ соборахъ и постановленныхъ на нихъ рѣшеніяхъ, или извѣщали о совершившемся у нихъ избраніи епископа и вообще о чемъ-либо имѣющемъ важное значеніе въ церковной жизни. Такихъ посланій не мало сохранилось какъ въ подлинникѣ, такъ и въ свидѣтельствахъ, каковы напр. посланія епископовъ римскихъ: Климента, Сотира, Виктора, Корнилія, Стефана, Діонисія, а также Игнатія Антіохійскаго, Поликарпа Смирнскаго, Діонисія Коринѳскаго, Діонисія Александрійскаго и др. А затѣмъ, когда возникали вопросы, касавшіеся всей христіанской церкви, стали собираться, кромѣ помѣстныхъ, и соборы вселенскіе. Такимъ образомъ, какъ ни широко распространилась церковь Христова, она свято слѣдовала образцу, начертанному для нея апостолами, жила общею жизнію и старательно поддерживала связь своихъ отдѣльныхъ членовъ.

То-ли мы видимъ въ современной жизни нашей отечественной церкви? Можно-ли назвать ее соборною? Живетъ-ли въ ней единою, тѣсно-сплоченною жизнію малая церковная община прихода?—Нѣтъ, ничего подобнаго мы не видимъ. Собираются-ли соборы по епархіямъ?—Нѣтъ. Тамъ есть лишь епархіальные съѣзды, состоящіе только изъ де-

---

[1] Eusebii, Historia ecclesiastica, lib V, c. 16, 19. Ed. Schwartz-Mommsen.
[2] Hefele. Conciliengeschichte I, 81—83.
[3] Euseb. VII, 28, 1; 30, 2.

путатовъ духовенства или благочинныхъ, разсуждающіе только о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, да и то далеко не часто и далеко не вездѣ созываемые. Существуетъ-ли какая-либо связь, какія-либо спошенія между епархіями?—Никакихъ. Видали-ли мы Всероссійскіе помѣстные Соборы?—Нѣтъ, у насъ только синодъ, узкая коллегія, а никакъ не соборъ. Вотъ это-то основное, утраченное нами начало церковной жизни, начало соборности, нужно возстановить и послѣдовательно провести снизу до верху, чтобы наша церковь жила тою жизнію, которая ей свойственна по ея существу. Очевидно, это реформа громадная. Нужно существенно перестроить весь настоящій строй нашей церковной жизни, начиная съ самой ея основы, съ прихода, и оканчивая вершиной—синодомъ. Кто-же, какая власть можетъ и имѣетъ право взять на себя это великое дѣло?

Серьезные ученые люди, глубоко религіозные и искренно преданные заботамъ о благѣ церкви, говорятъ, что только сама церковь, во всей совокупности своей, имѣетъ власть производить реформу своей внутренней жизни и только такому совокупному голосу всей церкви долженъ подчиняться каждый изъ ея отдѣльныхъ членовъ. Органомъ, посредствомъ котораго выражается этотъ общій голосъ церкви, служитъ соборъ. Вотъ этотъ-то соборъ и долженъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы исцѣлить тѣ язвы, отъ которыхъ страдаетъ современная церковь, устранить вѣками скопившіеся въ ней недостатки и злоупотребленія и возвратить ее къ истинному, древне-христіанскому строю жизни [1]). Можетъ быть, Вы думаете, что я привелъ Вамъ слова современныхъ нашихъ русскихъ ученыхъ и вѣрующихъ людей? Нѣтъ,—эти рѣчи раздавались пятьсотъ лѣтъ тому назадъ и болѣе чѣмъ за двѣ тысячи верстъ отъ насъ. Они раздавались изъ устъ всѣмъ намъ хорошо извѣстныхъ Жерсона, Д' Аллы, Клеманжи; раздавались въ эпоху такъ называемыхъ реформаторскихъ соборовъ, когда западная церковь, изнемогая подъ бременемъ вѣковыхъ недостатковъ и злоупотребленій, вопіяла о настоятельной необходимости „ре-

---

[1]) Holzhausen. Der Protestantismus nach seiner geschichtlichen Entstehung. Begründung und Fortbildung. Leipz. 1846. Band. 1, s. 101. 102, 106, 110, 113.

формы во главѣ и членахъ" и когда ей указывали на соборъ, какъ на единственное средство спасенія. И вотъ, эти старыя рѣчи повсемѣстно повторяются теперь и у насъ, какъ во всѣхъ газетахъ и журналахъ, такъ и на устахъ у всѣхъ, ясно тѣмъ показывая, что въ нихъ такая несомнѣнная истина, которая всегда и вездѣ имѣетъ примѣненіе. Но неужели-же, скажутъ на это,—неужели намъ слѣдовать тому примѣру, который привелъ западную церковь къ распаденію и завершился расколомъ реформаціи? Уроки исторіи всегда назидательны, а въ приведенномъ примѣрѣ нѣтъ ничего такого, что могло-бы насъ пугать и отталкивать. Не реформаторскіе соборы привели къ расколу протестантизма, а упорство папской іерархіи, которая отнюдь не желала прислушиваться къ всенародному голосу христіанскаго запада. Пусть и теперь для насъ это послужитъ урокомъ. Хорошія же рѣчи, раздававшіяся пять вѣковъ тому назадъ, потому мы и слышимъ теперь у насъ повсюду, что это рѣчи вполнѣ православныя, утверждающіяся на глубокомъ изслѣдованіи ученій и каноновъ церкви вселенской. Какъ древняя христіанская церковь видѣла для себя высшій авторитетъ въ соборѣ и къ нему прибѣгала для рѣшенія всякихъ важныхъ вопросовъ и дѣлъ; какъ западная церковь XV-го вѣка въ соборѣ думала найти выходъ изъ своего удрученнаго положенія такъ, и мы теперь, съ грустію взирая на современный упадокъ нашей церковной жизни, съ нетерпѣніемъ ожидаемъ собора и на него возлагаемъ всѣ свои надежды.

О еслибы мы не обманулись въ своихъ надеждахъ! Для ихъ осуществленія необходимо, чтобы этотъ предстоящій, такъ горячо желаемый соборъ дѣйствительно получилъ у насъ всеобщее признаніе и твердый непререкаемый авторитетъ. Вѣдь одного лишь факта созванія собора еще далеко не достаточно. Бывали иногда соборы блестящіе по своему составу, грандіозные по задачамъ, но ничтожные и печальные по своимъ послѣдствіямъ. Припомните напр. соборъ Флорентійскій: и востокъ и западъ сошлись на немъ, вселенскимъ его наименовали, торжественнымъ гимномъ соединеніе церквей на немъ провозгласили; но что же вышло въ концѣ концовъ? Православный народъ, и въ Константинополѣ, и на всемъ востокѣ, и въ Россіи, съ негодованіемъ отвергъ его опредѣленія и соборъ этотъ ни во что же вмѣ-

нися. Что, если вдругъ и съ нашимъ предстоящимъ соборомъ, избави Богъ, случится то же? Не только блага не дастъ онъ намъ, но, напротивъ, станетъ источникомъ новыхъ великихъ бѣдствій для церкви; не объединитъ и не оживитъ онъ нашу церковную жизнь, а создастъ только еще большій разладъ, еще горшую смуту. Нужно потому приложить всѣ возможныя старанія, чтобы заранѣе предотвратить подобную бѣду; нужно устроить нашъ предстоящій соборъ такъ, чтобы онъ обязательно получилъ всеобщее признаніе и непререкаемый авторитетъ. Эта цѣль можетъ быть достигнута, мнѣ думается, прежде всего лишь въ томъ случаѣ, если соборъ будетъ составленъ на твердыхъ каноническихъ основаніяхъ, въ полномъ согласіи съ свидѣтельствами Слова Божія и христіанской древности и не будетъ съ этой стороны доступенъ какимъ либо возраженіямъ. Такой соборъ долженъ быть всенароднымъ, т. е. не одна лишь коллегія епископовъ должна засѣдать на немъ, но и клиръ и міряне.

Вопросъ о составѣ собора давно уже служитъ предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій; собрано и тщательно истолковано множество относящихся къ этому вопросу фактовъ и свидѣтельствъ, а потому я не имѣю, конечно, возможности предлагать теперь Вашему вниманію весь этотъ обширный научный матеріалъ. Ограничусь немногими примѣрами, имѣющими, на мой взглядъ, наибольшую убѣдительность.

Фактъ несомнѣннаго участія клира и мірянъ въ соборныхъ засѣданіяхъ можно признать доказаннымъ. На апостольскомъ соборѣ въ обсужденіи вопроса принимали участіе не одни лишь Апостолы, но и „пресвитеры со всею церковію“ и самое рѣшеніе, постановленное соборомъ, было написано въ посланіи отъ имени „Апостоловъ и пресвитеровъ и братіи“ (Дѣян. XV, 22—23).—Во 2-мъ вѣкѣ, на соборахъ противъ ереси Монтана „часто и во многихъ мѣстахъ Азіи собирались“ не епископы только, но „вѣрующіе“ вообще. Св. Ириней Ліонскій пишетъ соборныя, посланія „отъ лица галльскихъ паркій“ и „подчиненныхъ ему братій“ [1]); значитъ въ Ліонскомъ соборѣ участвовали и общины. Тертулліанъ о соборахъ въ Греціи пишетъ, что они служатъ „представи-

[1]) Euseb. V, 23, 3; 24, 11.

тельствомъ всего имени христіанскаго“ [1]). Оригенъ, на соборѣ въ Бострѣ Аравійской (ок. 244 г.), будучи пресвитеромъ, обличаетъ еретика-епископа Беррилла, въ присутствіи его паствы [2]). Св. Кипріанъ пишетъ, что по дѣлу о падшихъ въ соборѣ должны принять участіе „епископы, пресвитеры, діаконы, исповѣдники и устоявшіе въ вѣрѣ міряне“ [3]). Именно такой соборъ дѣйствительно и состоялся. Въ актахъ Карѳагенскаго собора 256 г. по вопросу о перекрещиваніи еретиковъ говорится, что „епископы сошлись во едино въ Карѳагенъ вмѣстѣ съ пресвитерами и діаконами, въ присутствіи также огромной части народа“ [4]). На римскомъ соборѣ по поводу Новаціанскаго раскола присутствовало, по свидѣтельству еп. Корнилія, „несмѣтное множество народа“ [5]). На соборѣ Эльвирскомъ (306 г.), по свидѣтельству дѣяній этого собора, были и епископы, и пресвитеры, и діаконы, и великое множество народа [6]). Участіе клира и мірянъ ясно засвидѣтельствовано и на соборахъ Вселенскихъ. На соборѣ Никейскомъ 1-мъ напр., по свидѣтельству Евсевія Кесарійскаго, „пресвитеровъ, діаконовъ, чтецовъ и многихъ другихъ невозможно было исчислить“ [7]). На этомъ соборѣ діаконъ Аѳанасій и простой старецъ міряниnъ принимаютъ ревностное участіе въ преніяхъ. На соборѣ Халкидонскомъ присутствовали императоръ и множество сановниковъ и низшихъ чиновниковъ. Дѣянія и другихъ Вселенскихъ соборовъ показываютъ, что на засѣданіяхъ присутствовали не одни епископы; но и клиръ, и монахи, и сановники, и другіе міряне. Такимъ образомъ фактъ присутствія и участія клира и мірянъ въ соборныхъ совѣщаніяхъ не подлежитъ сомнѣнію; но если такъ, то какой же смыслъ имѣютъ канонническія правила, которыя, начиная съ 37-го апостольскаго и продолжая цѣлымъ рядомъ правилъ Вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, всѣ единогласно говорятъ только о соборахъ епи-

---

[1]) De jejunio cap. 13.
[2]) Euseb. VI, 33, 3.
[3]) Epist. 30, c. 5.
[4]) Mansi t. 1, p. 951.
[5]) Cypriani Epist. 49, 2; Euseb. VI, 43, 6.
[6]) Mansi t. II, col. 5.
[7]) Евсевія Памфила. Жизнь бл. царя Константина. III, 8. Рус. перев. Спб. 1850 г. стр. 272.

скоповъ, безъ малѣйшаго упоминанія объ участіи въ нихъ клира и міряпъ (I, 5; II, 6; IV, 9, 17, 19; VI, 8; VII, 6; Апт. 19, 20; Карѳ. 27).? Чтобы уяснить себѣ истинный смыслъ этихъ правилъ, стоитъ лишь припомнить слова Св. Ап. Павла, гдѣ онъ сравниваетъ церковь съ человѣческимъ тѣломъ. Развивая это сравненіе, онъ очень ясно говоритъ, что въ церкви, какъ и въ тѣлѣ человѣческомъ, каждый членъ имѣетъ „дѣйствіе въ свою мѣру“. (Ефес. IV, 16). Привлекая всѣхъ своихъ членовъ, и епископовъ, и клиръ и мірянъ, къ совокупной дѣятельности на соборныхъ совѣщаніяхъ церковь не придаетъ однако всѣмъ имъ одинаковаго значенія. Клиръ и міряне участвуютъ въ соборѣ, но не на равныхъ условіяхъ съ епископами, которые одни лишь обладаютъ, каждый въ отдѣльности, правомъ рѣшающаго голоса, а потому, когда каноническія правила говорятъ только о соборахъ епископовъ, они не исключаютъ участія клира и мірянъ, но выражаютъ только ту мысль, что полноправными членами собора признаются одни епископы. Эта мысль подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что правила и историческіе памятники, упоминая напр. о Вселенскихъ соборахъ, нерѣдко обозначаютъ ихъ числомъ присутствовавшихъ на нихъ епископовъ: соборъ Никейскій именуется соборомъ 318, Константинопольскій—ста пятидесяти, Ефесскій—200-ть, Халкидонскій 630-ти, хотя число всѣхъ бывшихъ на этихъ соборахъ было гораздо бо́льшимъ. Акты соборовъ подписываются также епископами, какъ полноправными членами, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ ними присутствовало великое множество клира и мірянъ. (Ник. Еф-Халк.). Разность положенія на соборѣ тѣхъ и другихъ ясно выражается напр. въ подписи подъ актами Константинопольскаго собора 448 г. Епископы писали: „ ὁρίσας ὑπέγραψα “— „опредѣливъ,—подписалъ“, а архимандритъ просто,, ὑπέγραψα“ — „подписалъ“ [1]). Въ соборныхъ актахъ можно встрѣтить иногда прямыя и ясныя указанія на то, что опредѣленія постановлялись только епископами. На Карѳагенскомъ соборѣ 256 г. напр. присутствовали „пресвитеры, діаконы и огромная часть народа“, но св. Кипріанъ обращается съ словомъ только къ любезнѣйшимъ сотоварищамъ (collegae),

[1]) Mansi t. VI p. 752.

т. е. епископамъ, и только ихъ мнѣнія затѣмъ поименно перечисляются въ актахъ [1]). На соборѣ Эльвирскомъ (306 г.) засѣдали также пресвитеры, предстояли діаконы и множество народа; но рѣшеніе постановляли епископы [2]).—Судя по этимъ данным, можно, повидимому, придти къ тому заключенію, что клиръ и міряне только присутствуютъ на соборѣ, могутъ принимать участіе въ его совѣщаніяхъ и помогать ему въ уясненіи поставленныхъ вопросовъ, но голосъ ихъ только совѣщательный и отнестись къ ихъ мнѣнію такъ или иначе, постановить рѣшеніе въ ту или другую сторону, зависитъ исключительно отъ полноправныхъ членовъ собора, т. е. епископовъ.—Есть однако нѣкоторыя другія данныя, которыя не даютъ намъ возможности признать за клиромъ и мірянами на соборѣ голосъ только совѣщательный. Въ описаніи апостольскаго собора мы читаемъ что „Апостолы и пресвитеры со всею церковію разсудили". Ихъ постановленіе послано было отъ имени не однихъ Апостоловъ, но „и пресвитеровъ и братіи" и отъ всей ихъ совокупности въ посланіи говорилось „мы, собравшись, единодушно разсудили"; „угодно Святому Духу и намъ". Эти выраженія, не даютъ, конечно, точнаго юридическаго опредѣленія того значенія, какое имѣлъ голосъ пресвитеровъ и братіи при постановкѣ соборнаго рѣшенія; но они съ достаточною ясностію показываютъ, что во всякомъ случаѣ рѣчь идетъ здѣсь не о простомъ лишь присутствіи и совѣщаніи. Нѣсколько болѣе точныя указанія по этому вопросу можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ 4-го и 3-го вѣка. Св. Аѳанасій Александрійскій напр., говоря о жалобѣ на него, утверждаетъ, что „по церковнымъ правиламъ и по слову Павлову—собравшемуся народу" и епископамъ... „надлежало законно все изслѣдовать"... „въ присутствіи изъявляющихъ свое требованіе мірянъ и клириковъ" [3]). Такимъ образомъ, законный церковный порядокъ, очевидно, требовалъ, чтобы соборное изслѣдованіе жалобы на епископа происходило при собраніи народа, при чемъ міряне и клирики изъявляли свое требованіе. Такое „тре-

[1]) Mansi t. I. p. 951.

[2]) Mansi T. II, c. 5; Hefele I, 149.

[3]) Творенія ч. I. стр. 178. Перев. Моск. Д. Ак. Москва 1851.

бованіе не есть уже только участіе въ совѣщаніи.—Изъ свидѣтельства Кипріана можно видѣть, что голосъ неполноправныхъ членовъ на соборѣ имѣлъ такое важное значеніе, что епископы должны были серьезно съ нимъ считаться. „О дѣлѣ падшихъ", гов. Кипріанъ, „нужно разсудить, составивъ общій совѣтъ съ епископами, пресвитерами, діаконами, исповѣдниками и устоявшими въ вѣрѣ мірянами... Не можетъ быть твердымъ то опредѣленіе, о которомъ будетъ извѣстно, что на него не было согласія большинства" [1]). Это согласіе народнаго большинства на епископское рѣшеніе собора выражалась иногда даже въ формѣ прямого голосованія. О римскомъ соборѣ по поводу новаціанскаго раскола Корнилій пишетъ: „мы, (т. е. епископы) согласно съ голосованіемъ несмѣтнаго множества народа, простили кающихся" [2]). Сопоставляя эти данныя съ тѣмъ рѣшающимъ значеніемъ, какое въ древней церкви придавалось голосу клира и народа при соборныхъ избраніяхъ и постановленіяхъ епископовъ [3]), мы приходимъ къ заключенію, что вообще на соборѣ личнымъ правомъ рѣшающаго голоса обладали только епископы, по всей совокупности присутствовавшаго клира и народа предоставлялся голосъ коллективный и притомъ не совѣщательный только, но рѣшающій, къ которому епископы должны были прислушиваться и съ ними считаться, ибо безъ народнаго согласія и ихъ собственное опредѣленіе, по словамъ Кипріана, не можетъ быть твердымъ.—Таковъ, мнѣ думается, долженъ быть и нашъ предстоящій Всероссійскій соборъ; онъ долженъ быть соборомъ епископовъ, но съ допущеніемъ въ широкихъ размѣрахъ участія клира и народа и съ предоставленіемъ имъ коллективнаго рѣшающаго голоса. Только такой соборъ будетъ имѣть твердый каноническій авторитетъ и потому встрѣтитъ всеобщее признаніе.

На этотъ соборъ мы возлагаемъ всѣ свои надежды; мы жаждемъ, что онъ твердою рукою возьмется за великое дѣло обновленія нашей церковной жизни, объединитъ и оживитъ ея разрозненныя и дремлющія силы, а потому онъ

---

[1]) Cypr. epist., 30, c. 5.

[2]) Cypr. epist., 49, 2.

[3]) См. напр. Льва Вел., ер. 84, c. 5. а также обстоятельства избранія Мартина Турскаго. Binhgam, The Antiquites of the Christian Church vol I, b. IV ch. 2, sec. 4. p. 134. London. 1870.

встрѣтитъ наше всеобщее признаніе, мы единодушно преклонимся предъ его авторитетомъ лишь тогда, когда онъ съ честію выполнитъ свою задачу и дастъ достойный отвѣтъ нашимъ всеобщимъ пламеннымъ желаніямъ. Такихъ желаній, насущныхъ, настойчивыхъ, наболѣвшихъ вопросовъ у насъ накопилось не мало. Прежде всего и больше всего мы ждемъ, что властный разумъ собора укажетъ и осуществитъ такія мѣры, которыя могутъ обновить и оживить нашу церковную жизнь, избавятъ ее отъ порабощенія чуждымъ началамъ, освободятъ отъ опутывающихъ ее узъ бюрократизма, пробудятъ и возстановятъ въ ней духъ единенія и соборности съ возможно-болѣе широкимъ примѣненіемъ выборнаго начала. А затѣмъ еще цѣлый рядъ вопросовъ ждетъ своего разрѣшенія. Вопросъ напр. о клятвахъ 67 года, отъ разъясненія котораго м. б. зависитъ судьба милліоновъ, отпадшихъ отъ церкви людей. Вопросъ о дѣйствительности или недѣйствительности Австрійской Бѣлокриницкой іерархіи. Вопросъ о сближеніи съ церковію Англиканскою. Вопросъ старокатолическій, при чемъ въ тѣсной связи съ этими вопросами стоятъ существенно-важные вопросы о томъ, что нужно разумѣть теперь подъ церковію Вселенскою и гдѣ положить границу между догматомъ и богословскимъ мнѣніемъ. Вопросъ о болгарской схизмѣ, о способѣ принятія въ православіе римскихъ католиковъ и вообще объ установленіи надлежащаго единства и связи русской церкви съ другими православными церквами. Вопросъ объ упорядоченіи нашего богослуженія, чтобы сдѣлать его наиболѣе цѣлесообразнымъ, понятнымъ и назидательнымъ. Вопросъ о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній. Вопросъ о молитвѣ за усопшихъ инославныхъ. Вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ. Вопросъ объ условіяхъ развода и т. д. и т. д. Сколько же времени долженъ засѣдать нашъ соборъ и какими необычайными силами долженъ обладать онъ, чтобы разрѣшить все это вѣками накоплявшееся великое множество вопросовъ? Было-бы, мнѣ думается, большою и опасною ошибкой, если-бы онъ сразу взялся за разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ. Многіе изъ этихъ вопросовъ настолько сложны и существенны, что требуетъ серьезной предварительной разработки, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. вопросъ о богослуженіи, въ настоящее время нашей наукой и литературой

почти и не затронуты. При настоящихъ условіяхъ большинство членовъ будущаго собора явится не настолько освѣдомленнымъ во всѣхъ этихъ вопросахъ, чтобы произносить по нимъ свое окончательное рѣшеніе, и неизбѣжно подчинится вліянію тѣхъ предначертаній, которыя будутъ выработаны засѣдающей теперь предсоборной коммиссіей. При всемъ глубокомъ уваженіи къ почтенному составу этой коммиссіи, мы никакъ не можемъ признать ея рѣшеній голосомъ церкви. Всѣ назрѣвшіе вопросы, какъ имѣющіе общецерковное значеніе, должны подвергнуться предварительной разработкѣ не въ коммиссіяхъ только, какъ-бы ни былъ авторитетенъ ихъ составъ; но, по обнародованіи трудовъ этихъ коммиссій, должны стать предметомъ публичнаго обсужденія въ печати и затѣмъ по всѣмъ епархіямъ на съѣздахъ или другихъ какихъ-либо всенародно-церковныхъ собраніяхъ. Только послѣ такого обсужденія каждаго вопроса члены будущаго собора явятся истинными выразителями обще-церковнаго сознанія, и рѣшенія собора получатъ непререкаемый авторитетъ. Само собою разумѣется, что совершить такую подготовку всѣхъ поставленныхъ вопросовъ къ предстоящей осени, когда предполагается созваніе собора, нѣтъ никакой возможности. Вотъ почему мы думаемъ, что нашему первому Всероссійскому собору слѣдуетъ ограничить свою задачу.

Ближайшая и самая существенная цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы пробудить и обновить нашу церковную жизнь, а потому пусть онъ будетъ собраніемъ, такъ сказать, учредительнымъ. Пусть онъ, не отвлекаясь никакими другими вопросами, сосредоточитъ всѣ свои силы и все свое вниманіе на томъ, чтобы прежде всего устроить внутреннюю жизнь церкви, воплотивъ въ ней идею соборности съ возможно-болѣе широкимъ примѣненіемъ выборнаго начала на всѣхъ ступеняхъ. Осуществленія одной этой задачи было-бы вполнѣ достаточно для нашего перваго Всероссійскаго собора. Развѣ мало силъ и труда потребуется для всесторонняго канонической, историческаго и практическаго разрѣшенія вопросовъ: объ устройствѣ церковнаго прихода, объ участіи мірянъ въ приходской жизни, о правахъ прихода, о приходскихъ собраніяхъ, объ отношеніяхъ между пастыремъ и паствой, объ избраніи членовъ причта и выборныхъ пред-

ставителей приходской общины, о размѣрахъ епархій, о постановкѣ епархіальнаго управленія, объ епархіальныхъ собраніяхъ, о церковныхъ округахъ, объ окружныхъ соборахъ, объ избраніи епископовъ, о правахъ и дѣятельности митрополитовъ, о высшемъ церковномъ управленіи, объ организаціи синода, о власти патріарха, о помѣстномъ соборѣ, о срокѣ и порядкѣ его созванія, о его составѣ и дѣятельности? Неужели всѣхъ этихъ вопросовъ недостаточно, чтобы при серьезной всесторонней ихъ разработкѣ заполнить всю соборную сессію? Дай Богъ только съ ними справиться; а, между тѣмъ, ограничивъ такимъ образомъ свою задачу, уклонившись отъ разрѣшенія сразу всѣхъ поставленныхъ вопросовъ, соборъ избѣгнетъ опасности повредить своему авторитету торопливыми, а потому, можетъ быть, недостаточно полно освѣщенными и обоснованными рѣшеніями.

Ограниченіе задачи нашего перваго собора въ указанномъ направленіи нисколько не означаетъ того, что большинство назрѣвшихъ вопросовъ откладывается въ долгій ящикъ Если предстоящій соборъ съ честію и успѣхомъ выполнитъ свою первую и важнѣйшую задачу, обновитъ нашу церковную жизнь на широкихъ основахъ соборнаго и выборнаго начала, то уже тѣмъ самымъ вполнѣ будетъ обезпечено немедленное разрѣшеніе и всѣхъ другихъ церковныхъ вопросовъ. Въ обновленномъ строѣ церковной жизни Всероссійскій церковный соборъ будетъ постояннымъ, періодически-повторяющимся собраніемъ, на которомъ будутъ ставиться и разрѣшаться всѣ важные церковные вопросы, по мѣрѣ ихъ обстоятельной предварительной разработки. И такое рѣшеніе вопросовъ на соборахъ послѣдующихъ будетъ имѣть тѣмъ бо́льшій авторитетъ, что эти соборы, организованные при условіяхъ обновленной церковной жизни, будутъ истиннымъ выраженіемъ, несомнѣннымъ голосомъ Всероссійскаго общецерковнаго сознанія.

В. Соколовъ.

Соборъ, какъ представительство всей Церкви.

19 марта въ помѣщеніи Литературно-художественнаго клуба проф. В. А. Соколовымъ была прочитана публичная лекція „о предстоящемъ всероссійскомъ церковномъ соборѣ, его составѣ и задачахъ". Лекторъ обстоятельно указалъ какимъ *долженъ* быть этотъ соборъ, но къ сожалѣнію, не отмѣтилъ ясно, такимъ ли онъ обѣщаетъ быть. Указать же послѣднее существенно необходимо, потому что есть нѣкоторыя основанія опасаться, какъ бы соборъ не принялъ нежелательнаго характера, и такимъ образомъ вмѣсто ожидаемой отъ него пользы не причинялъ сильнаго, трудно поправимаго вреда. Нужно заранѣе предотвратить опасность. Въ предлагаемой небольшой статьѣ мы желаемъ коротко указать, о чемъ, по нашему мнѣнію, должно особенно позаботиться передъ созваніемъ церковнаго собора.

Какимъ обѣщаетъ быть предстоящій соборъ, судя по тѣмъ подготовленіямъ къ нему, которыя тянутся уже цѣлый годъ?

Онъ прежде всего не обѣщаетъ быть соборомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. По прекрасному выраженію Тертулліана, соборъ есть „repraesentatio totius nominis christiani", —„представительство всего христіанскаго имени". Но такого-то представительства всей Русской Православной Церкви и не особенно хотятъ допускать на соборъ. Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе,—какой предполагается составъ собора? кто будетъ допущенъ на него? Очень многимъ епископамъ желательно ограничить составъ собора только епископами; напр. Антоній, епископъ волынскій, всякими заклятіями заклинаетъ доступъ на соборъ кого-либо изъ клира и мірянъ

и надо замѣтить, что его голосъ является далеко не единичнымъ среди епископовъ. Однако необходимость присутствія клира и мірянъ на соборѣ выяснена въ настоящее время настолько основательно, что вожделѣнія волынскаго архипастыря и другихъ согласныхъ съ нимъ епископовъ едва ли будутъ имѣть успѣхъ. По всей вѣроятности, нѣкоторымъ изъ клира и мірянъ доступъ на соборъ будетъ открытъ. Но кому именно? Здѣсь и возникаютъ сильныя опасенія. Можетъ случиться, что каждый епархіальный архіерей получитъ право выбирать представителей на соборъ отъ духовенства и мірянъ по своему личному усмотрѣнію. Тогда въ число членовъ собора изъ духовенства войдутъ наперсники архіерейскіе, а изъ мірянъ — родственники епископовъ, посаженные ими на разныя мѣста, напр., инспекторскія и преподавательскія въ духовныхъ семинаріяхъ, училищахъ и т. д. Опасаться этого есть основанія. Епископы такъ уже поступали. Когда, напр., обсуждались разосланные лѣтомъ 1905 года отъ Святѣйшаго Синода вопросы для предстоящаго собора, то въ коммиссіи, которыя нѣкоторые архіереи нашли нужнымъ образовать въ своихъ епархіяхъ для выясненія этихъ вопросовъ, приглашены были лица, только ими избранныя, а не всею епархіей.

Итакъ вотъ каковъ можетъ быть составъ членовъ на предстоящемъ соборѣ. Тутъ, какъ видимъ, будетъ не одна только высшая іерархія; здѣсь будетъ участвовать и клиръ съ мірянами, будетъ „полная“ репрезентація церкви!

Нужно ли говорить, къ чему можетъ повести такой соборъ?

Его авторитетъ можетъ оказаться въ высшей степени подозрительнымъ. Многіе изъ христіанъ, и притомъ изъ такихъ, для которыхъ интересы православія особенно дороги, могутъ не признать значенія за такимъ соборомъ; могутъ произойти споры, несогласія и даже формальныя отдѣленія отъ церкви. Словомъ, нельзя даже перечислить всѣхъ бѣдъ, къ которымъ можетъ повести односторонняя репрезентація церкви на соборѣ.

Вотъ почему всякій, кому дѣйствительно дорога русская православная Церковь, обязанъ, пока еще не поздно, безбоязненно заявлять свои опасенія о грозящей ей опасности, указывая и мѣры къ предотвращенію такой грозы. Мы не

можемъ не привѣтствовать отъ всей души того заявленія, которое сдѣлалъ при открытіи засѣданія особаго присутствія при Святѣйшемъ Синодѣ для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію всероссійскаго собора, кн. Е. Н. Трубецкой. „Есть здѣсь (т.-е. предсоборной коммиссіи, открытой при Свят. Синодѣ),—сказалъ онъ,—представительство іерархіи и клира, но мы, міряне, до нѣкоторой степени случайны въ составѣ присутствія, мы не можемъ быть выразителями голоса всей Церкви. Государь изволилъ выразить желаніе, чтобы присутствіе точно опредѣлило время созыва собора, но можемъ ли мы въ настоящее время и въ этомъ составѣ присутствія исполнить волю Государя, когда мы безсильны опредѣлить *подлинный* голосъ Церкви о назрѣвшихъ нуждахъ? Нужно, чтобы дѣло подготовленія къ собору началось снизу, съ прихода, въ епархіяхъ. Нужно, чтобы выработанное здѣсь подвергалось соборному обсужденію на епархіальныхъ съѣздахъ съ участіемъ мірянъ, извѣстныхъ своею преданностью святой Церкви. Надо дать свободу устнаго и печатнаго обсужденія церковныхъ нуждъ. Необходимъ рядъ епархіальныхъ съѣздовъ и собраній духовенства и мірянъ для свободнаго обмѣна мыслей по тѣмъ или другимъ назрѣвшимъ вопросамъ. На этихъ собраніяхъ обозначатся и тѣ міряне, которыхъ окажется возможнымъ вызвать въ составъ собора. Мы не знаемъ, сколько времени потребуется для обсужденія на мѣстахъ этихъ вопросовъ. Но во исполненіе Высочайшей воли мы должны приложить всѣ усилія къ тому, чтобы Государь Императоръ выслушалъ *дѣйствительный голосъ всей Церкви*, какъ тѣла Христова. И мы въ настоящемъ составѣ присутствія можемъ только намѣтить рядъ вопросовъ, но они должны быть переданы на обсужденіе епархіальныхъ съѣздовъ духовенства". (*Синод. Церк. Вѣд. 1906, № 10*).

Кн. Е. Н. Трубецкой, по нашему мнѣнію, указываетъ совершенно правильный путь къ истинной, неподложной репрезентаціи Церкви на соборѣ. Если осуществится, что онъ предлагаетъ, тогда соборъ получитъ дѣйствительныхъ представителей Церкви, которые выразятъ подлинный голосъ церковный.

Не нужно бояться, что созваніе собора нѣсколько замедлится, за то соборъ не будетъ имѣть тѣхъ печальныхъ по-

слѣдствій, какими онъ можетъ грозить въ противномъ случаѣ. Едва ли можно опасаться и какихъ-либо „либеральныхъ“ рѣчей на епархіальныхъ съѣздахъ и частныхъ собраніяхъ духовенства и мірянъ, Въ епархіяхъ, въ которыхъ такіе съѣзды и собранія состоялись, кромѣ пользы, отъ нихъ ничего не получилось.

Здѣсь кстати считаемъ нужнымъ сдѣлать одно замѣчаніе. Въ отвѣтъ на приведенныя выше слова кн. Е. Н. Трубецкаго ему было сказано, что „вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію помѣстнаго всероссійскаго собора, разсматривались во многихъ епархіяхъ на епархіальныхъ съѣздахъ съ участіемъ преданныхъ святой Церкви мірянъ“ (*Синодск. Церк. Вѣдом. 1906 г. № 10*). Въ дѣйствительности такіе съѣзды были созваны въ очень немногихъ епархіяхъ (всѣ они наперечетъ), такъ что отзывы епархіальныхъ архіереевъ, представленные ими въ Святѣйшій Синодъ, какъ матеріалъ для опредѣленій на предстоящемъ соборѣ, никоимъ образомъ не могутъ служить голосомъ цѣлыхъ епархій.

Прот. Н. Добронравовъ.

Участіе клира и мірянъ на соборахъ въ первые девять вѣковъ христіанства [1]).

(Рефератъ, прочитанный въ Собраніи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, 1905 года 2-го Декабря) [2])

Кто имѣетъ право участвовать на церковныхъ соборахъ: *одни-ли только епископы* или и прочіе члены Церкви Христовой?

Конечно, для рѣшенія этого вопроса не малое значеніе имѣютъ историческія свидѣтельства о соборахъ. Пересматривая ихъ, мы видимъ, что Церковь никогда не ограничивалась участіемъ на соборахъ однихъ только епископовъ. Со-

---

[1]) Перепечатано съ нѣкоторыми добавленіями изъ „Богосл. Вѣстника“ 1906 г. февр.

[2]) Источниками и пособіями для автора служили:

1) *Евсевія Памфила.* Церковная Исторія въ русскомъ переводѣ. Спб. 1858.

2) *Св. Кипріана Карѳагенскаго.* Творенія въ русск. переводѣ. Часть I. Кіевъ 1879.

3) *Socratis,* Historia ecclesiastica (*Migne,* Ser. graec. t. LXVII).

4) *Sozomeni,* Historia ecclesiastica (*Migne,* Ser. graec. t. t. LXVII).

5) *Theodoriti,* Historia ecclesiastica (*Migne,* Ser. graec. t. LXXXII).

6) Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ, изданныя въ русскомъ переводѣ при Казанской Духовной Академіи. Т. I, Казань 1859. Т. II,—1861; Т. III—1879; Т. IV—1878; Т. V—1889; Т. VI—1882; Т. VII—1873 г. г.

7) *Baronii,* Annales ecclesiastici, una cum critica *Pagii;* tt. I—XV. Lucae 1738—1744.

8) *Hefele,* Conciliengeschichte.1 Bd. Freiburg. 1855.

9) *Иванцова-Платонова Прот. Проф.* „Къ наслѣдованіямъ о Фотіѣ—Патріархѣ Константинопольскомъ“. Спб. 1892 г.

10) *Лебедева А. Проф.* „Исторія раздѣленія Церквей въ IX, X и XI вѣкахъ“—Москва 1900 г.

11) *Langen,* Geschichte der Römischen Kirche. Bd. I—IV. Bonn.1881—1893.

боръ всегда представлялъ такъ или иначе *всю* Церковь: іерархію и паству. Это требуется самымъ понятіемъ о Церкви, какъ о Тѣлѣ Христовомъ. Въ живомъ здоровомъ тѣлѣ не должно быть мертвыхъ членовъ: всякій членъ необходимо долженъ принимать участіе въ общей жизни организма: *страдаетъ-ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены: славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены*, — говоритъ Апостолъ (1 Кор. 12, 26). Здѣсь,—выясняетъ эти слова св. Іоаннъ Златоустъ,—св. Павелъ предлагаетъ заповѣдь „имѣть *равное* попеченіе другъ о другѣ, считать все случающееся общимъ. Во всемъ случающемся, какъ пріятномъ, такъ и непріятномъ, члены взаимно связаны между собою. Часто, когда въ пяту вопьется терн, все тѣло чувствуетъ боль и тревожится, спина сгибается; желудокъ и бедра сжимаются, руки, какъ оруженосцы и слуги, простираются впередъ и вынимаютъ занозу, голова наклоняется, и глаза наблюдаютъ съ великою заботою. Опять, когда болятъ глаза, то и всѣ члены страдаютъ, всѣ впадаютъ въ бездѣйствіе: ноги не ходятъ, руки не работаютъ, желудокъ не принимаетъ обычной пищи, хотя болѣзнь въ глазахъ. Почему ты тогда умащаешь желудокъ? Почему покрываешь ноги? Почему обвязываешь руки? Потому, что они находятся въ связи съ глазами, и все тѣло невыразимо страдаетъ вмѣстѣ съ ними. Если бы они не страдали вмѣстѣ, то не нужно было бы и общаго о нихъ попеченія. Итакъ, помня сіе, будемъ всѣ мы подражать любви этихъ членовъ и *не поступать противно тому*“ [1]). Но если, согласно приведеннымъ словамъ Апостола и ихъ разъясненію, данному вселенскимъ учителемъ, ни одинъ членъ Церкви не долженъ чуждаться живаго, непосредственнаго общенія съ братьями своими по вѣрѣ, то неужели можно отказать кому бы то ни было изъ вѣрующихъ въ правѣ участвовать въ такомъ важнѣйшемъ отправленіи церковной жизни, какъ соборъ Церкви?

Нѣтъ. Въ христіанской Церкви соборъ не былъ и не долженъ быть какимъ-либо собраніемъ іерарховъ безъ клира, безъ міранъ. Вспомнимъ объ Апостольскомъ Соборѣ. Въ

---

[1]) Златоустъ, XXXI бес. на 1 Кор., 3—4. См. Полное собраніе твореній св. Іоанна Златоуста въ русскомъ переводѣ. Т. X. стр. 311—312. 1904. Спб.

Книгѣ Дѣяній ясно обозначается, что на немъ принимали участіе въ разсужденіяхъ и рѣшеніи не одни Апостолы, но также *и пресвитеры* (15, 6), *братія* (23), *вся, цѣликомъ, церковь: ὅλη ἡ ἐκκλησία* (22). Правда, святый Лука приводитъ рѣчи только двухъ Апостоловъ—Петра и Іакова, но несомнѣнно въ разсужденіяхъ принимала участіе и братія. Это совершенно ясно открывается изъ словъ (12): „тогда *умолкло* все собраніе и слушало Варнаву и Павла"; „умолкло", слѣдовательно до того времени собраніе не молчало. Рѣчи, какъ видно, далеко не были согласными, ибо Лука говоритъ, что *по долгомъ разсужденіи*, Петръ вставъ, сказалъ (—7). Однако братія не только разсуждала, но и самое рѣшеніе апостольскаго Собора состоялось не безъ ея согласія: „Тогда—читаемъ мы въ 22 ст.,—Апостолы и пресвитеры *со всею Церковію* разсудили, избравши изъ среды себя"..., и т. д. Поэтому и самое посланіе Апостольскаго Собора начиналось словами (23): „Апостолы, и пресвитеры *и братія*, находящаяся въ Антіохіи, Сиріи, Киликіи", и т. д.

Вотъ первый Соборъ, положившій начало всѣмъ прочимъ На немъ, какъ видимъ, братія или міряне—не простые слушатели, но живые участники разсужденій и преній. Апостолы лишь послѣ всесторонняго выясненія вопроса высказали свое авторитетное мнѣніе, которое, какъ рѣшающее, и было принято всѣмъ Собраніемъ.

Ближайшіе къ апостольскому времени соборы, о которыхъ сохранились историческія извѣстія, относятся къ половинѣ второго вѣка. Но мы знаемъ, что какъ въ первомъ, такъ и во второмъ столѣтіи въ церковныхъ дѣлахъ принимали самое дѣятельное участіе обыкновенно всѣ христіане. Такъ избраніе пастырей совершается въ это время всею Церковію, что ясно видно изъ древнѣйшаго памятника христіанской письменности—„Ученія 12 Апостоловъ" (гл. 15), [1]) и изъ твореній Мужей Апостольскихъ,—наприм. св. Климента Римскаго, св. Игнатія Богоносца [2]) и друг. Равнымъ образомъ

---

[1]) Ученіе 12 Апостоловъ. Переводъ съ греческаго К. Д. Попова. Москва 1898 г. Стр. 21.

[2]) Св. *Климента Римскаго*—1 посл. въ Коринѳ., гл. XLIV; *св. Игнатія Богоносца*—посл. къ Филадельфійцамъ гл. X. См. „Писанія Мужей Апостольскихъ"—въ русскомъ переводѣ *о. Преображенскаго*. Москва 1862 года, стр. 144—145; 415—416.

осужденіе и низложеніе пастырей также усвоивается всѣмъ христіанамъ, о чемъ говорятъ, напр., св. Климентъ Римскій и Поликарпъ Смирнскій [1]). Вообще все, что-бы ни случилось въ Церкви, вѣдалъ епископъ *со всею Церковію*. При такомъ порядкѣ вещей немыслимо, чтобы на какомъ-либо соборѣ древнѣйшаго времени міряне не принимали участія.

Дѣйствительно Евсевій въ своей исторіи приводитъ отрывокъ изъ сочиненія, по всей вѣроятности Аполлинарія Іерапольскаго, въ которомъ говорится, что, когда стало распространяться ученіе Монтана, то въ половинѣ втораго вѣка [2]) „вѣрующіе начали часто и во многихъ мѣстахъ Азіи собираться по сему случаю и, изслѣдовавъ новое ученіе, объявили его нечестивымъ и отвергли, какъ еретическое; тогда преданные ему отлучены были отъ Церкви и лишены общенія съ нею". [3]) Такимъ образомъ на соборахъ противъ монтанистовъ участвовали не одни только епископы, но вообще вѣрующіе, которые вмѣстѣ съ пастырями и изрекли осужденіе ереси.

Несомнѣнно такого-же рода были и тѣ соборы второго вѣка, которые собирались по спорному вопросу о времени празднованія Пасхи. Евсевій [4]) говоритъ только объ епископахъ составлявшихъ эти соборы; но это не обозначаетъ, что-бы на нихъ не было никого другого. Древній церковный историкъ даетъ намъ только бѣглыя замѣчанія объ этихъ соборахъ, не излагая подробно ихъ исторіи. Что-же удивительнаго, что онъ упоминаетъ только о главныхъ ихъ участникахъ—предстоятеляхъ Церквей? Утверждать, что онъ разумѣетъ присутствіе однихъ только епископовъ „было бы такъ же неосновательно, какъ, напр., современное выраженіе „епископское богослуженіе" толковать въ томъ смыслѣ, что въ бого-

---

[1]) *Св. Климентъ*. I Посл. къ Коринѳ. гл. XLVII и слѣд. *Св. Поликарпа Смирнскаго* Посл. къ Филиппійцамъ гл. XI. См. тамъ-же, стр. 148 и слѣд. 448.

[2]) *Hefele*, I, 71.

[3]) *Евсевій*, Церковная Исторія V, 16: стр. 266. По словамъ другого писателя второго вѣка, Сераціона Антіохійскаго, приведеннымъ тѣмъ-же Евсевіемъ (V, 19 стр. 274), монтанизмъ возбудилъ къ себѣ полное отвращеніе *всею братства*, живущаго на землѣ.

[4]) *Евсевій*, Церковная Исторія. V, 23—24; стр. 280 и слѣд.

служеніи такомъ не участвуетъ клиръ, и совершается оно безъ народа“ [1]).

Перейдемъ къ соборамъ третьяго вѣка. Въ правленіе императора Галліена въ Александрійской Церкви стало значительно распространяться хиліастическое ученіе („ученіе о тысячелѣтнемъ періодѣ чувственныхъ наслажденій“). Св. Діонисій Александрійскій старался всячески охранить свою паству отъ ложныхъ воззрѣній этого ученія. Между прочимъ св. отецъ описываетъ одинъ, такъ сказать, домашній, мѣстный соборъ, на которомъ шло разсужденіе о хиліазмѣ. Это описаніе можетъ намъ показать ясно, каковы были соборы того времени. Поэтому считаемъ не лишнимъ привести буквально слова св. Діонисія:

„Бывъ въ арсинойскомъ округѣ [2]) (въ Египтѣ), гдѣ издавна усилилось это ученіе (т. е. хиліазмъ) до того, что произошли расколы и отложенія цѣлыхъ Церквей, я,—пишетъ св. Діонисій Александрійскій,—созвалъ пресвитеровъ и учителей тамошнихъ братій—поселянъ и убѣдилъ ихъ въ присутствіи желавшихъ того братій изслѣдовать помянутое ученіе всенародно. Тогда то предложили мнѣ извѣстную уже книгу (т. е. книгу, излагающую ученіе хиліастовъ), будто какое оружіе и неодолимую стѣну, и я сряду три дня, отъ утра до вечера, сидѣлъ съ ними, стараясь разобрать ея содержаніе. Тутъ я весьма радовался, видя основательность и любовь къ истинѣ, вниманіе и понятливость братій. Мы предлагали свои вопросы, сомнѣнія и согласіе въ порядкѣ и съ благопристойностію; принятыхъ однажды мнѣній не хотѣли защищать съ упорствомъ и настойчивостью, если они не оказывались вѣрными; мы не уклонялись и отъ возраженій, но по возможности старались каждую изъ подлежащихъ разсмотрѣнію мыслей разобрать глубже и доказать основательно; не старались также перемѣнить свой взглядъ и согласиться съ другими, если требовало того разсужденіе, но добросовѣстно и безъ притворства, съ отверстыми къ Богу сердцами, принимали то, что подтверждалось доводами и изреченіями Священнаго Писанія. Подъ конецъ самъ вождь и

[1]) *Мищенко Ѳ.*, О составѣ помѣстнаго собора Всероссійской Церкви См. Труды Кіевской Духовной Академіи 1906. январь, стр. 59.

[2]) Арсиноэ городъ въ Египтѣ, въ провинціи Гептаномосъ, принадлежащій Александрійскому патріархату. *Hefele*. I, 108.

распространитель (хиліастическаго) ученія по имени Коракіонъ, признался и засвидѣтельствовалъ передъ нами, въ слухъ всѣхъ присутствовавшихъ братій, что, достаточно побѣжденный противными доводами, онъ не будетъ впередъ ни держаться его, ни защищать, ни вспоминать, ни преподавать. Прочіе-же присутствовавшіе братья возрадовались, что это собраніе примирило и привело къ единогласію всѣхъ ихъ". [1]).

Вотъ одинъ изъ соборовъ третьяго вѣка. Никто не исключается изъ участія на немъ. Всякій свободно высказываетъ свое мнѣніе, нисколько не боясь что-либо потерпѣть, если его мнѣніе окажется неправильнымъ. Даются возраженія, предлагаются разъясненія; нѣтъ упорства и стыда перемѣнить свой взглядъ, если доказана его неправильность. Всѣ воодушевлены однимъ желаніемъ — дознать и выяснить истину.

Какъ поступалъ на востокѣ св. Діонисій Александрійскій († 264 г.), такъ поступалъ на западѣ его современникъ—св. Кипріанъ († 257 г.). „Съ самаго начала епископства моего,— пишетъ Карѳагенскій епископъ, — я положилъ за правило, ничего не дѣлать по одному моему усмотрѣнію безъ совѣта съ клиромъ и безъ согласія народа" [2]). Дѣйствительно на соборахъ, которые св. Кипріанъ созывалъ для рѣшенія вопроса о принятіи падшихъ, имѣлъ большое значеніе голосъ клира (пресвитеровъ и діаконовъ) и мірянъ. „Принятіе падшихъ, — пишетъ св. Кипріанъ *пресвитерамъ и діаконамъ*, — „требуетъ общаго нашего совѣщанія и мнѣнія; поэтому я не дерзаю напередъ судить самъ и одному себѣ присвоить общее дѣло" [3]). „Я сострадаю и соболѣзную, — пишетъ онъ также *и народу*, — о братіяхъ нашихъ, которые не устояли противъ напора гоненія..., уврачевать ихъ можетъ отечественное милосердіе, но при этомъ я думаю не должно спѣшить, ничего не должно дѣлать неосмотрительно и поспѣшно...; когда Господь даруетъ всѣмъ намъ миръ, тогда по возвращеніи нашемъ къ Церкви (эти слова св. Кипріанъ писалъ во время Декіева гоненія, когда онъ, какъ извѣстно, удалился

---

[1]) *Евсевій*, Церковная Исторія VII, 24, стр. 398—399.

[2]) *Св. Кипріанъ*, письм. 27 (Т. I, стр. 105).

[3]) *Св. Кипріанъ*,—письм 18 (Т. I, стр. 63); срвн. письм 15 (Т I, стр.62)

изъ Карѳагена) *все будетъ изслѣдовано въ присутствіи вашемъ и по суду вашему....* Молю, пусть терпѣливо выслушаютъ совѣтъ нашъ и подождутъ возвращенія нашего; а когда мы, по милосердію Божію, придемъ къ вамъ, то *по созваніи многихъ сослисконовъ, въ присутствіи исповѣдниковъ и согласно вашему мнѣнію,* можно будетъ, примѣняясь къ божественному ученію, разсмотрѣть письма блаженныхъ мучениковъ (ходатайствовавшихъ о падшихъ) и ихъ желанія“ [1]). „Смиренномудріе, и ученіе, и самая жизнь наша требуютъ, чтобы мы предстоятели, собравшись съ клиромъ, въ присутствіи народа, которому также за вѣру его и страхъ должна быть воздана честь, — могли распорядиться во всемъ по общему соглашенію“ [2]).

Намѣреніе св. Кипріана обсудить вопросъ о принятіи падшихъ на соборѣ при общемъ совѣщаніи съ клиромъ и міряпами было вполнѣ одобрено римскою Церковію, которая признала, что только въ такомъ случаѣ опредѣленіе относительно падшихъ можетъ получить законную силу. „Въ столь важномъ дѣлѣ,—писалъ римскій клиръ карѳагенскому епископу,—мы согласны съ тѣмъ, что и ты утверждалъ, именно, что прежде нужно дождаться мира Церкви, а потомъ уже, составивъ общій совѣтъ съ епископами, пресвитерами, діаконами, исповѣдниками и твердыми въ вѣрѣ міряпами, разсудить о дѣлѣ падшихъ. Ибо намъ представляется весьма ненавистнымъ и тяжкимъ, если немногіе разсматриваютъ учиненное, повидимому, многими и если одинъ произноситъ приговоръ, когда столь важное преступленіе учинено, какъ показываетъ дѣло, при участіи многихъ. Да и не можетъ быть твердымъ то опредѣленіе, о которомъ будетъ извѣстно, что не было на него согласія большинства“ [3]).

По возвращеніи св. Кипріана въ Карѳагенъ послѣ гоненія Декія былъ дѣйствительно, для рѣшенія вопроса о падшихъ, созванъ соборъ, и міряне дѣйствительно не оставались при этомъ совершенно безгласными. Напротивъ, какъ говоритъ самъ Кипріанъ, они сильно противились принятію нѣкоторыхъ падшихъ въ церковное общеніе. „Чего мнѣ стоитъ,—

---

[1]) *Св. Кипріанъ*, письм. 11 (Т. I, стр. 52—54).

[2]) *Св. Кипріана*, письм. 13 (Т. I, стр. 57).

[3]) Смотри это письмо въ твореніяхъ св. Кипріана,—Т. 1, стр. 156.

пишетъ св. Кипріанъ римскому епископу Корнелію, — склонить къ терпѣнію нашихъ братьевъ, чтобы они, умѣривши сердечную досаду, согласились на принятіе злыхъ и на заботу о нихъ. Они радуются и довольны, когда возвращаются менѣе виновные и еще сносные люди; напротивъ ропщутъ и противятся всякій разъ, когда возвращаются въ Церковь люди неисправимые и дерзкіе, запятнанные прелюбодѣяніемъ или участіемъ въ жертвоприношеніяхъ, и къ тому еще падмепные, ибо отъ таковыхъ могутъ растлѣваться внутри ея добрыя души. Едва убѣждаю я народъ, даже силою вынуждаю, чтобы не противились принятію таковыхъ. И досада братства сдѣлалась тѣмъ справедливѣе, что тотъ или другой, принятые по моей снисходительности, не смотря на сопротивленіе и противорѣчіе народа, въ послѣдствіи оказывались гораздо худшими, чѣмъ какими были прежде, и не могли сохранить покаянной вѣры, потому что шли сюда безъ истиннаго покаянія“ [1]).

Точно также и въ римской Церкви вопросъ о падшихъ рѣшался не одними только епископами. Въ 251 году римскимъ епископомъ Корнеліемъ для этого былъ собранъ, какъ передаетъ Евсевій, „великій Соборъ въ Римѣ изъ шестидесяти епископовъ; *а пресвитеровъ и діаконовъ находилось на немъ еще больше*“ [2]). Также въ одномъ изъ своихъ писемъ св. Кипріану Корнелій пишетъ, что онъ „заблагоразсудилъ собрать пресвитеровъ, при чемъ находилось и пять епископовъ, дабы, составивши соборъ, *общимъ согласіемъ* опредѣлить, что должно наблюдать въ отношеніи тѣхъ лицъ“ (т. е. новаціанъ.)— „*Огромнымъ большинствомъ народнаго мнѣнія*“ эти лица,—говоритъ Корнелій,—были приняты въ церковное общеніе [3]).

Когда въ Карѳагенской Церкви при томъ же епископѣ св. Кипріанѣ поднялся вопросъ о перекрещиваніи еретиковъ, то и въ этомъ случаѣ на соборахъ голосъ клира и народа имѣлъ не меньшее значеніе, чѣмъ голосъ епископовъ. Изъ писемъ св. Кипріана мы узнаемъ, что онъ: „почелъ нужнымъ, собравши во едино многихъ *священниковъ* совѣтъ и открыть

---

[1]) *Св. Кипріана*,—письм. 47 (Т. I, стр. 210—211).

[2]) *Евсевій*,— Церковная Исторія V, 43; стр. 354.

[3]) См. это письмо въ твореніяхъ св. Кипріана, Т. I, стр. 139—140.

соборъ“ [1]); что опредѣленія этого собора „постановили весьма многіе сосписконы съ присутствовавшими сопресвитерами“ [2]); что соборныя опредѣленія утверждались „*общимъ мнѣніемъ*“ [3]). Въ частности о карѳагенскомъ соборѣ 256 года изъ сохранившихся его актовъ видно, что на немъ, кромѣ 87 епископовъ, присутствовало весьма много пресвитеровъ и діаконовъ и великое множество народа“ (maxima pars plebis. См. *Mansi*, s. I 951. sqq.; *Harduin.* 159, sqq.; цитуемъ по *Hefele*, I, 94).

Вотъ нужныя намъ историческія свидѣтельства о соборахъ при св. Кипріанѣ. Мы ясно видимъ, что на этихъ соборахъ епископы всегда принимали во вниманіе мнѣніе клира и мірянъ. Пусть голосъ послѣднихъ (клира и мірянъ) былъ только совѣщательнымъ (votum deliberativum), потому что изъ приведенныхъ нами выше свидѣтельствъ о соборахъ кипріанова времени нельзя вывести съ полною несомнѣнностью, что клиру и мірянамъ принадлежитъ на соборахъ голосъ рѣшающій (votum decisivum): но во всякомъ случаѣ епископы не опредѣляли чего-либо такого, съ чѣмъ не были бы согласны клиръ и міряне. Св. Кипріанъ, какъ мы показывали выше, принималъ падшихъ, лишь только убѣдивъ народъ не противиться принятію таковыхъ [4]), а если поступалъ вопреки желанію своей паствы, то изъ этого, по его же собственному признанію, ничего добраго не получалось, — возникала только „справедливая досада братства“.

---

[1]) *Св. Кипріана*,—письм. 59 (Т. I, стр. 281).

[2]) *Св. Кипріанъ*,—письмо 58, стр. 278.

[3]) *Св. Кипріанъ*,—письмо 60, стр. 284.

[4]) *Примѣчаніе редакціи „Богословскаго Вѣстника“*. Сужденіе автора о значеніи голоса мірянъ и клира на соборахъ требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ, особенно необходимыхъ въ виду практической важности вопроса. Утверждая, что клиру и мірянамъ на соборахъ принадлежалъ лишь совѣщательный голосъ, авторъ слишкомъ модернизируетъ древніе памятники, влагая въ нихъ наши современныя понятія. Въ настоящее время строго различается качество голоса, принадлежащаго тѣмъ или инымъ членамъ собранія, при чемъ совѣщательный голосъ ни къ чему не обязываетъ власть. Выслушавъ единогласное мнѣніе совѣщательнаго собранія или заявленіе большинства его членовъ, власть не лишается права поступить обратно высказанному совѣту. Ничего подобнаго не бывало и не могло быть на древнихъ соборахъ, и если нельзя доказать, что клиръ и міряне располагали рѣшающимъ голосомъ, то столь же трудно доказать исторически, что имъ принадлежалъ лишь совѣщательный голосъ

Нѣкоторые стараются доказать, будто бы св. Кипріанъ допускалъ участіе мірянъ на соборѣ далеко не всегда, а въ тѣхъ случаяхъ, когда допускалъ,—такому участію давалъ значеніе самое ничтожное, быть можетъ выражавшееся лишь въ томъ, что міряне были только безгласными слушателями разсужденій отцовъ собора. Ссылаются обыкновенно на то, что св. Кипріанъ объ одномъ изъ соборовъ выражается, что онъ долженъ происходить „въ присутствіи даже (etiam) предстоящаго народа“: „praesente etiam stantium plebe“. Здѣсь,—говорятъ,—слово *даже*—etiam—ясно обозначаетъ, что присутствіе народа на соборѣ было явленіемъ далеко не всегдашнимъ, а выраженіе *предстоящаго*—stantium plebe—будто указываетъ, что на соборѣ мірянамъ не придавалось особеннаго значенія: „конечно,—разсуждаютъ,—дѣйствительные члены соборовъ сидѣли, а не стояли; если же міряне не сидѣли, то это показывало, что они были далеко не равноправны съ прочими членами соборовъ“.

Но слово *etiam*, какъ извѣстно, имѣетъ первое значеніе „также“, „при томъ“. Въ такомъ именно смыслѣ оно и можетъ быть принято въ указанныхъ словахъ св. Кипріана. Слова эти читаются въ 13-омъ письмѣ карѳагенскаго епископа къ своему клиру, просившему у него совѣта (—св. Кипріана въ это время не было въ Карѳагенѣ—), какъ поступать съ тѣми раскаявшимися падшими, которые не получили отъ мучениковъ никакого свидѣтельства въ искренности ихъ раскаянія, но очень желаютъ войти въ единеніе съ Церковію. Св. Кипріанъ пишетъ, что спѣшить принятіемъ ихъ не нужно, но что, когда окажется возможнымъ, должно будетъ собрать соборъ, на которомъ — „ мы предстоятели, собравшись съ клиромъ (praepositi cum clero convenientes), а *также* (etiam) въ присутствіи народа, устоявшаго въ вѣрѣ [1])...,

---

въ современномъ значеніи слова. Качественное различіе голосовъ не сознавалось въ то время ясно и не было формулировано, но епископы руководились на соборѣ здравымъ тактомъ, который никогда не позволилъ бы имъ рѣзко разойтись съ мнѣніемъ большинства присутствующихъ на соборѣ клириковъ и мірянъ и принять рѣшеніе, не соотвѣтствующее желаніямъ своихъ пасомыхъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ требуетъ спеціальнаго изученія, результаты котораго могутъ совершенно разойтись съ выводами автора.

[1]) Такъ должно перевести выраженіе „praesente etiam stantium plebe“.

распорядимся во всемъ, по общему согласію“ [1]). Ничѣмъ нельзя доказать, что въ этихъ словахъ союзъ *etiam* непремѣнно означаетъ *даже* и не можетъ быть переведенъ *также*.

Равнымъ образомъ и выраженіе *stantium plebe* совершенно не доказываетъ того, что имъ хотятъ доказать. „Stantes“ у св. Кипріана не означаетъ „стоящіе“ въ противоположность „сидящимъ“ („sedentes“), а „твердые“, „стойкіе“, въ противоположность „слабымъ“, т. е. падшимъ („lapsi“). „Stantium plebs“—это не тѣ, которые не имѣютъ права сидѣть на соборахъ, а тѣ христіане, которые твердо устояли въ вѣрѣ во время Декіева гоненія. Это видно даже изъ того же самаго мѣста, гдѣ читается „praesente etiam stantium plebe“. Вслѣдъ за этими словами („въ присутствіи народа, устоявшаго въ вѣрѣ“) св. Кипріанъ пишетъ: „которому также за вѣру его и страхъ должна быть воздана честь“: „quibus et ipsis pro fide et timore suo honor habendus est“.

Правда, изъ нѣкоторыхъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ намъ извѣстно, что представители изъ клира и мірянъ на соборахъ иногда дѣйствительно стояли; но это не означаетъ, будто бы клиру и мірянамъ не придавалось почти никакого значенія при соборныхъ рѣшеніяхъ, а объясняется тѣмъ, что на соборы являлось чрезмѣрное множество вѣрующихъ, такъ что не было никакой возможности сидѣть всѣмъ. Такъ Корнелій, епископъ римскій, пишетъ, что на одномъ, происходившемъ подъ его предсѣдательствомъ соборѣ въ Римѣ, было „несмѣтное множество народа“ [2]). Само собою понятно, что низшіе клирики и міряне должны были уступить свои мѣста епископамъ и пресвитерамъ, т. е. должны были стоять.

Итакъ ни откуда не видно, что св. Кипріанъ только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ допускалъ на соборахъ участіе мірянъ и не придавалъ имъ особеннаго значенія.

На другихъ соборахъ третьяго столѣтія мы не станемъ долго останавливаться. Укажемъ, что на соборъ противъ Беррилла, епископа Бостры въ Аравіи, былъ приглашенъ знаменитый пресвитеръ Оригенъ, который „обличилъ Беррилла въ неправославіи, убѣдилъ своими основаніями, преклонилъ

---

[1]) *Св. Кипріана*, творенія I, 56 - 57: *Migne*, Patr. lat. t. IV. 261.

[2]) „Cum ingenti populi suffragio“. См. Cornelii epist. ad Cyprian. VI, 23. *Migne*, Patr. lat. III. 723.

доказательствами, поставилъ на путь истины и возвратилъ къ прежнему здравому образу мыслей“ [1]). Тотъ же Оригенъ на другомъ аравійскомъ соборѣ опровергалъ гипнофизитовъ, которые говорили, что „человѣческая душа, тотчасъ послѣ настоящей жизни, умираетъ и разрушается вмѣстѣ съ тѣломъ; когда же тѣло воскреснетъ, то и она снова оживетъ съ нимъ“ [2]). Противъ Павла Самосатскаго епископы собирались на соборъ „вмѣстѣ съ пресвитерами и діаконами“ [3]). По свидѣтельству Евсевія [4]), на соборѣ 269 года въ Антіохіи, „не смотря на скрытность Павла, особенно опровергъ и обличилъ его Малхіонъ, мужъ учепѣйшій, начальникъ одного греко-софистическаго училища въ Антіохіи, за безмѣрную преданность вѣрѣ во Христа удостоенный даже пресвитерства въ тамошней епархіи; онъ-то вступилъ съ Павломъ въ преніе..., и одинъ изъ всѣхъ умѣлъ обнаружить мысли этого столь скрытнаго и обманчиваго человѣка“. Замѣчательно, что въ составленномъ на этомъ соборѣ посланіи противъ Павла Самосатскаго, разосланномъ по всѣмъ епархіямъ, за именами важнѣйшихъ епископовъ, составлявшихъ соборъ, слѣдуетъ упоминаніе о пресвитерахъ и діаконахъ: „...и прочіе епископы, пресвитеры и діаконы ближайшихъ къ намъ городовъ и народовъ, и Церкви Божіи — возлюбленнымъ о Господѣ желаемъ здравія“ [5]).

Видимъ клиръ и міранъ присутствующими и на соборахъ первой четверти четвертаго вѣка. Но къ сожалѣнію, историческія свидѣтельства объ этомъ слишкомъ скудны, такъ что нѣтъ возможности точно указать, въ чемъ именно выразилось здѣсь участіе клира и міранъ. Намъ извѣстно, напр., что на эльвирскомъ соборѣ (305—306 г.), кромѣ 19 епископовъ, присутствовали 24 пресвитера, діаконы и міряне. Изъ актовъ собора видно, что на засѣданіяхъ соборныхъ пресвитеры сидѣли какъ епископы, діаконы же и міряне стояли; рѣшеніе давали одни епископы, такъ какъ въ соборныхъ

---

[1]) *Евсевій*, Церковная Исторія VI, 33: стр. 328—329.
[2]) *Евсевій*, Церковная Исторія, VI, 37: стр. 341.
[3]) *Евсевій*, Церковная Исторія, VII, 28: стр. 407—408.
[4]) *Евсевій*, Церковная Исторія, VII, 29: стр. 408—409.
[5]) *Евсевій*, Церковная Исторія, VII, 30: стр. 409.

актахъ читаемъ: „episcopi universi dixerunt“, безъ упоминанія о пресвитерахъ, діаконахъ, клирѣ [1]).

Около же этого времени, именно въ 316 году, былъ созванъ соборъ въ Арелатѣ (Арлѣ), состоявшій изъ 33 епископовъ. Но на немъ присутствовали и пресвитеры съ діаконами. Нѣкоторые изъ нихъ явились замѣстителями своихъ епископовъ, и слѣдовательно имѣли на соборѣ такой же голосъ, какъ и епископы; но иные явились безъ такого замѣстительства [2]).

На неокесарійскомъ соборѣ (между 314 и 325 гг.), т. е. на второмъ изъ принимаемыхъ нами девяти помѣстныхъ вмѣстѣ съ епископами присутствовали также и хорепископы [3]), которые, какъ извѣстно, въ началѣ четвертаго столѣтія не были, такъ сказать, полными епископами, потому что имѣли право поставлять только въ низшія должности—не выше иподіакона. [4]).

Вотъ и всѣ историческія указанія о присутствіи мірянъ и клира на соборахъ начала четвертаго вѣка. Очень мало говорятъ они намъ. Но во всякомъ случаѣ, основываясь на нихъ, едва-ли можно думать, что клиръ и міряне были только простыми зрителями и слушателями того, что совершалось и говорилось на соборахъ. Трудно въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы изъ одного только любопытства люди являлись на соборы иногда изъ очень отдаленныхъ странъ, какъ это нужно сказать, напр., о соборѣ эльвирскомъ,

Мы дошли до эпохи вселенскихъ соборовъ. Хотя въ это время міряне уже не принимаютъ такого дѣятельнаго участія въ дѣлахъ церковныхъ, какъ въ первые три вѣка, тѣмъ не менѣе они не устраняются отъ этихъ дѣлъ совершенно Есть твердыя, несомнѣнныя историческія свидѣтельства, что клиръ и міряне присутствовали на всѣхъ семи вселенскихъ соборахъ, а слѣдовательно не были удаляемы и изъ соборовъ помѣстныхъ. Вспомнимъ исторію аріанства. Какъ извѣстно, Арій прежде всего былъ осужденъ на помѣстномъ соборѣ

---

[1]) *Hefele*. 1, 132. *Herzog-Hauck*, Realencyklopädie Bd. V. Lpz. 1898. Art. „Elvira“. S. 327 ff.—То же самое сообщается о діаконахъ и мірянахъ въ актахъ соборовъ—римскаго (465 г.) и равенскаго (967 г.). См. *Hefele*, I, 18.

[2]) *Hefele*, I, 170.

[3]) *Hefele*, I, 16.

[4]) Анкирскаго собора правило 13.

въ Александріи. Соборъ происходилъ въ 321 году подъ предсѣдательствомъ св. Александра Александрійскаго и состоялъ изъ 100 епископовъ Египта, Маріота, Пентаполя и Ливіи. Но также на немъ было большое множество пресвитеровъ и діаконовъ. Тогда то именно въ первый разъ и обратилъ на себя всеобщее вниманіе извѣстный діаконъ Аѳанасій, которому въ это время не было еще и 25-ти лѣтъ отъ роду. Ясно такимъ образомъ, что на соборѣ этомъ (а слѣдовательно и на другихъ) свободно давалось слово не однимъ только сѣдовласымъ старцамъ, но и молодымъ талантамъ, хотя бы они носили столь невысокую степень, какъ діаконская [1]). Объ осужденіи Арія на Александрійскомъ соборѣ было оповѣщено св. еп. Александромъ по всѣмъ направленіямъ особымъ окружнымъ посланіемъ. Оно было, кромѣ епископовъ, подписано и множествомъ пресвитеровъ и діаконовъ [2]).

Если теперь отъ этого помѣстнаго собора обратимся къ собору вселенскому, то и на немъ также увидимъ присутствіе клира и мірянъ. Евсевій Кесарійскій, участникъ перваго вселенскаго собора, пишетъ [3]), что на этомъ соборѣ „находилось множество епископовъ—числомъ болѣе 250, а сопровождавшихъ *ихъ пресвитеровъ, діаконовъ, чтецовъ и многихъ другихъ невозможно было исчислить*“. Но это не были одни только клирики; здѣсь было огромное множество мірянъ, какъ объ этомъ прямо говорятъ древніе церковные историки, напр. Сократъ [4]), Созоменъ, [5]) Геласій еп. Кизическій [6]) и др. На соборъ были допущены, по свидѣтельству тѣхъ же историковъ, даже язычники-философы, которые явились сюда, чтобы поспорить съ христіанами относительно ихъ вѣрованій. На основаніи арабскихъ актовъ Никейскаго собора [7]) предполагаютъ, что число лицъ, на немъ присутствовавшихъ, доходило до 2000. Извѣстно, что самъ

---

[1]) *Hefele*, I. 237.

[2]) *Hefele*, ibid.

[3]) *Евсевія Памфила*, „Жизнь Блаженнаго царя Константина“, III, 8, въ русскомъ переводѣ С.-Петербургъ, 1850 г., стр. 172. 173.

[4]) *Sokrat.*, Hist. eccl. I. 8 (*Migne*, LXVII, 60 sqq).

[5]) *Sozomen.*, Hist. eccl. I, 17—18 (*Migne*, LXVII, 912 sqq).

[6]) См. его свидѣтельства въ дѣяніяхъ I-го вселенскаго собора, т. I, стр. 101. и слѣд.

[7]) *Hefele*, I, 258.

Императоръ Константинъ почтилъ соборъ своимъ присутствіемъ. Не епископы только вели разсужденія. Стоитъ вспомнить о знаменитомъ архидіаконѣ, упомянутомъ уже выше, св. Аѳанасіи. Что же касается мірянъ, то на 1-мъ соборѣ они вели пренія съ языческими философами. У Геласія приведенъ одинъ разсказъ, который для насъ имѣетъ не малое значеніе. Онъ разсказываетъ, что одинъ изъ языческихъ философовъ на соборѣ ѣдко насмѣхался надъ христіанскимъ вѣроученіемъ. „Тогда,—пишетъ Геласій,—одинъ простой старецъ (мірянинъ) изъ числа тѣхъ, которые прославились исповѣдашемъ вѣры (во время гоненій), не перенесъ его гордости. Чуждый хитрости и всякихъ тонкостей, не знавшій ничего кромѣ Іисуса Христа, и сего распята, онъ просилъ епископовъ, чтобы ему дозволили вступить въ бесѣду съ философомъ. Людей дерзкихъ, знавшихъ исповѣдника, такая рѣшимость расположила къ смѣху, а въ скромныхъ возбудила опасеніе, какъ бы этотъ старецъ передъ человѣкомъ, искусномъ въ словѣ, не оказался слабымъ, Однако же епископы не смѣли ему долго прекословить и дозволили". Бесѣда окончилась тѣмъ, что простецъ мірянинъ обратилъ ученаго язычника ко Христу [1]). Этотъ разсказъ Геласія показываетъ, что міряне могли выступать на соборахъ съ своими предложеніями и заявленіями только съ дозволенія епископовъ, но епископы, какъ видимъ, не были въ этомъ отношеніи слишкомъ строги и разборчивы: „не смѣли, скажемъ словами Геласія, долго прекословить" [2]).

---

[1]) Дѣянія вселенскихъ соборовъ I, 101 и слѣд.

[2]) Нѣкоторые считаютъ присутствіе мірянъ на первомъ вселенскомъ соборѣ „исторической иллюзіей" и приведенный разсказъ Геласія „обветшалой легендой", такъ какъ ни Аѳанасій Александрійскій, ни Евстаѳій Антіохійскій, присутствовавшіе на соборѣ въ Никеѣ, ничего не говорятъ о мірскихъ людяхъ на немъ. Не имѣя возможности вступать въ подробное раскрытіе неправильности такого мнѣнія, ограничимся двумя краткими замѣчаніями. 1) Argumentum e silentio—не надежное основаніе. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно допустить, чтобы древніе церковные историки—Руфинъ (Historia ecclesiastica lib I. cap. 3; Migne Patr. lat. XXI, col. 460—461), Сократъ, Созоменъ, измыслили сами сказаніе о мірянахъ на первомъ вселенскомъ соборѣ, не имѣя никакихъ твердыхъ историческихъ данныхъ для этого? Думать такъ было бы тѣмъ болѣе неосновательно, что о мірянахъ упоминаетъ Сократъ,—этотъ, по общему признанію, правдивѣйшій, умѣвшій провести точную границу между истиннымъ, вѣроят-

Переходимъ ко 2-му вселенскому собору. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ мало свѣдѣній о немъ. Сократъ [1]) Созоменъ [2]) Ѳеодоритъ [3]) и другіе древніе историки указываютъ, что на немъ присутствовало 150 епископовъ, называютъ болѣе извѣстныхъ изъ нихъ по именамъ, но ничего не говорятъ о клирѣ и мірянахъ. Цѣнное свидѣтельство мы находимъ только у св. Златоуста. Въ своей „похвальной бесѣдѣ о св. Мелетіи Антіохійскомъ", который, какъ извѣстно, присутствовалъ на второмъ вселенскомъ соборѣ, но не дожилъ до конца его, св. Іоаннъ говоритъ, что въ Константинополь на соборъ „епископы церквей были созваны царскими грамотами". „тогда же и многіе изъ многихъ мѣстъ стеклись туда" [4]). Послѣднія слова даютъ полное основаніе думать, что и на константинопольскомъ соборѣ кромѣ епископовъ были многія другія лица.

Больше свѣдѣній имѣемъ мы о третьемъ вселенскомъ соборѣ. Такъ изъ дѣяній этого собора о главномъ его участникѣ, св. Кириллѣ Александрійскомъ, мы узнаемъ, что онъ явился на соборъ съ огромнымъ числомъ „клириковъ", „египетскихъ корабельщиковъ и азійскихъ поселянъ" [5]). Это послужило для Несторія поводомъ обратиться къ императору съ жалобой на Кирилла и просить, какъ онъ выражается,

---

нымъ, невѣроятнымъ и вздорнымъ (слова Гарнака), древній церковный историкъ (см. подробнѣе у проф. *А. Лебедева*, „Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV вѣка по XX". Мскв. 1898, стр. 154). „Собрались,—пишетъ Сократъ (Hist. eccl. 1, 8; *Migne*, Patr. graec; LXVII, 64),—также и многіе міряне, опытные въ діалектикѣ, готовые помогать каждый своей партіи" (συμπαρῆσαν δὲ λαϊκοὶ πολλοὶ διαλεκτικῆς ἔμπειροι ἐν ἑκατέρᾳ μέρει δυνηγορεῖν προθυμούμενοι). Не видимъ ли мы здѣсь яснаго свидѣтельства о присутствіи свѣтскихъ лицъ на первомъ соборѣ, ибо когда же они, опытные въ діалектикѣ, могли бы оказать свою помощь, какъ не во время самыхъ соборныхъ преній? 2) Говорить, что на соборѣ ничего не могло быть такого, что находимъ у Геласія, довольно рискованно, такъ какъ его разсказъ по существу не расходится съ тѣмъ, что передается Руфиномъ, Сократомъ и Созоменомъ.

[1]) *Socrat.* Hist. eccl. V, 8 (*Migne*, LXVII. 576 sq).

[2]) *Sozom.* Hist. eccl, VII, 7 (*Migne*, LXVII. 1429 sq).

[3]) *Theodorit.*, Hist. eccl. V, 8 (*Migne*, LXXXII, 1209).

[4]) Полное собраніе сочиненій Св. Іоанна Златоустаго въ русскомъ переводѣ, т. II, С.-Петерб., 1896 г. стр. 561.

[5]) Дѣянія вселенскихъ соборовъ, т. I, стр. 651, 661, 634.

„составить законный соборъ, не допуская никого изъ клириковъ и монаховъ, наши ли то будутъ или египтяне“ [1]). Но и самъ Несторій, какъ сообщаетъ Сократъ [2]), пріѣхалъ на Ефесскій соборъ σὺν πολλῇ δυνάμει ὄχλων — съ огромною силою народа. Императоръ Ѳеодосій II не присутствовалъ на соборѣ, но прислалъ въ Ефесъ двухъ сановниковъ Иринея и Кандидіана. Обращаетъ на себя вниманіе „Высочайшая грамота“, врученная Кандидіану для прочтенія на соборѣ. Здѣсь отъ лица императоровъ Ѳеодосія и Валентина говорится: „Знатнѣйшему придворному сановнику нашему Кандидіану повелѣно прибыть къ вашему святѣйшему собору съ тѣмъ, однако же, чтобы онъ нисколько не вмѣшивался въ происходящее изслѣдованіе о догматахъ (ибо не принадлежащему къ числу святѣйшихъ епископовъ не справедливо вмѣшиваться въ дѣла церковныя), а съ другой стороны, чтобы онъ, какъ мірянъ, такъ и монаховъ, и собравшихся уже и имѣющихъ еще собраться, всячески отдалялъ отъ самаго города (ибо людей нисколько не нужныхъ для предстоящаго изслѣдованія догматовъ, не надобно допускать, чтобы они производили смятеніе и такимъ образомъ препятствовали мирнымъ постановленіямъ вашей святыни). Равнымъ образомъ, онъ долженъ заботиться и о томъ..., чтобы по чьему либо требованію не былъ предложенъ совершенно посторонній церковный вопросъ или отъ кого нибудь не возникло предложеніе, не относящееся къ предлежащему разсмотрѣнію святаго ученія, прежде чѣмъ рѣшены будутъ недоумѣнія о вопросномъ предметѣ“ [3]). Эти слова высочайшей грамоты говорятъ многое. Изъ нея мы видимъ, что царскіе сановники, замѣняющіе собою самого императора, не имѣли на соборѣ такого голоса, какъ епископы. Они посылаются государемъ главнымъ образомъ для того, чтобы не нарушался должный порядокъ на соборѣ. Видимъ также и то, что на соборахъ иногда присутствовало чрезмѣрное множество мірянъ и монаховъ, такъ что являлась необходимость удалять ненужныхъ и незванныхъ изъ нихъ. Наконецъ, грамота показываетъ намъ, что на соборѣ не запрещалось об-

---

[1]) Тамъ же стр. 616.

[2]) *Socrat*, Hist. eccl. VII, 34 (*Migne*, LXVII, 813).

[3]) Дѣянія вселенскихъ соборовъ, т. I, стр. 487, 488.

суждать вопросы, не имѣющіе прямого отношенія къ главному предмету, ради котораго соборъ созванъ; требовалось только, чтобы такіе вопросы обсуждались не прежде, чѣмъ рѣшены будутъ всѣ недоумѣнія о главномъ предметѣ.

Кандидіанъ, равно какъ и другой уполномоченный, присланный Ѳеодосіемъ Вторымъ на Ефесскій соборъ, комитъ Іоаннъ, присвоили себѣ права, какихъ не должны были имѣть. Они вмѣшивались въ дѣла собора и заставляли епископовъ поступать по ихъ желанію, непокорныхъ же отдавали даже подъ стражу. Но это было злоупотребленіемъ, а злоупотребленія возможны всегда и вездѣ, такъ что дѣлать изъ исторіи третьяго вселенскаго собора тотъ выводъ, что вообще и всегда не желательно присутствіе свѣтскихъ лицъ на соборахъ, было бы неправильно. Дальнѣйшая исторія соборовъ, какъ увидимъ сейчасъ, представляетъ нѣсколько фактовъ, когда участіе свѣтскихъ сановниковъ въ соборныхъ дѣлахъ оказывалось весьма полезнымъ. Нежелательно только то, чтобы они стѣсняли свободу соборныхъ рѣшеній.

Послѣ третьяго вселенскаго собора Церковь продолжала раздираться спорами. Вскорѣ возникла ересь монофизитская или евтихіанство. Евтихій прежде всего осужденъ былъ на помѣстномъ соборѣ въ Константинополѣ, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ Константинопольскаго епископа Флавіана въ 448 году. Кромѣ 32 епископовъ, на немъ присутствовало много клириковъ-пресвитеровъ и діаконовъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые были архимандритами монастырей [1]). Самое осужденіе Евтихія было подписано на этомъ соборѣ, кромѣ епископовъ, также 23 клириками [2]). Императоръ не былъ на соборныхъ засѣданіямъ. Онъ прислалъ „знатнѣйшаго и славнѣйшаго изъ префектовъ и консуловъ“, патриція Флоренція, благодаря которому Евтихій и былъ изобличенъ въ своей ереси ясно для всѣхъ. [3]).

Годъ спустя послѣ собора въ Константинополѣ былъ созванъ въ Ефесѣ извѣстный соборъ Разбойничій. Діоскоръ Александрійскій и Варсума, настоятель одного сирійскаго монастыря, явились на него съ громаднымъ множествомъ

---

[1]) Тамъ же т. III, стр. 93.

[2]) Тамъ же стр. 131—132.

[3]) Дѣянія вселенскихъ соборовъ, т. III, стр. 124—131.

монаховъ, параволановъ, а также съ большою толпою и всякаго другого народа [1]) Тѣ безчинства, которыя имѣли мѣсто на этомъ соборѣ, побудили императрицу Пульхерію издать передъ IV-мъ вселенскимъ соборомъ на имя военачальника Виѳиніи указъ, въ которомъ повелѣвалось изгонять изъ Никеи, гдѣ сначала предполагалось созвать соборъ, и изъ сосѣднихъ къ ней областей всѣхъ клириковъ, монаховъ и мірянъ, явившихся на соборъ безъ приглашенія. „Нѣкоторые,—пишетъ императрица въ своемъ указѣ,—пахлынувшіе въ Никею клирики и монахи и мірскіе, привыкшіе возмущать и разстраивать богопріятное благочиніе, покушаются произвести шумъ, возставая противъ того, что намъ угодно. Поэтому мы сочли за необходимое отправить къ твоей свѣтлости это посланіе, чтобы ты съ полною властью и всячески изгналъ изъ города и изъ самыхъ этихъ областей, какъ клириковъ, проживающихъ тамъ безъ нашего приглашенія, или безъ дозволенія своихъ епископовъ, будутъ ли то клирики, находящіеся въ этомъ чинѣ, или какіе либо отлученные своими епископами, такъ и монаховъ и мірскихъ, которыхъ никакая причина не призываетъ на соборъ“ [2]), Отмѣтимъ, что въ этихъ словахъ указа не запрещается присутствіе на соборѣ всѣхъ безъ исключенія клириковъ и мірянъ: говорится только, что не должно допускать тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣютъ императорскаго приглашенія или епископскаго дозволенія. Дѣйствительно на IV-мъ вселенскомъ соборѣ въ Халкидонѣ, кромѣ 630 епископовъ, присутствовало великое множество и другихъ лицъ—сенатъ и многіе иные высшіе сановники, присутствовало, по мѣткому выраженію профессора Н. А. Заозерскаго, „въ маломъ видѣ все Византійское государство“ [3]), ибо и самъ императоръ Маркіанъ съ своею женою Пульхеріей посѣтилъ одно изъ засѣданій собора [4]). Читая дѣянія Халкидонскаго собора, нельзя не видѣть, сколь полезнымъ было присутствіе на немъ свѣтскихъ сановниковъ. Только благодаря имъ, соборъ не

---

[1]) Тамъ же, стр. 160—161.

[2]) Дѣянія вселенскихъ соборовъ. т. III, стр. 6.

[3]) *Заозерскій* Н. А. „О средствахъ усиленія власти нашего высшаго церковнаго управленія“ Богословскій Вѣстникъ за 1903 г. № 4.

[4]) См. 6-ое Дѣяніе IV-го вселенскаго собора, т. III, стр. 57.

принялъ такого характера, какъ соборъ Разбойничій. Сторонники Діоскора александрійскаго не разъ пытались „сорвать соборъ", не разъ производили крикъ и шумъ, но всегда призывались къ порядку „славнѣйшими сановниками и знаменитымъ сенатомъ" [1]).

Когда заходитъ рѣчь о предстоящемъ всероссійскомъ соборѣ, то защитники состава этого собора изъ однихъ только епископовъ иногда указываютъ, что на четвертомъ вселенскомъ соборѣ нѣкоторые заявляли: „Зачѣмъ кричатъ клирики? Соборъ составляютъ епископы, а не клирики. Лишнихъ вонъ изгоните" [2])... „Мы просимъ вонъ выгнать лишнихъ. Императоръ созывалъ епископовъ: соборъ составляютъ епископы. Лишніе зачѣмъ кричатъ.?" [3]) Но—1) Въ соборныхъ дѣяніяхъ прямо говорится, что такое заявленіе принадлежало „египетскимъ епископамъ и бывшимъ съ ними", т. е. сторонникамъ Діоскора. Слѣдовательно нельзя придавать особеннаго значенія тѣмъ членамъ собора, которые не были тверды въ православіи. 2) Заявленіе это было сдѣлано съ особою, не доброю цѣлію,—именно тогда, когда разоблачались ужасныя безчинства, допущенныя Діоскоромъ на Разбойничьемъ соборѣ. Очевидно, приверженцамъ александрійскаго епископа хотѣлось многое скрыть, вслѣдствіе чего они такъ настойчиво и требовали, чтобы „лишніе", т. е. кто присутствовалъ на соборѣ въ Ефесѣ, были удалены. 3) Египетскіе епископы ссылаются на то, что императоръ созывалъ на соборъ только епископовъ. Дѣйствительно, Маркіанъ посылалъ пригласительныя посланія епископамъ; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что онъ не желалъ допускать участія клира и мірянъ на соборѣ. Приглашая епископовъ, императоръ подразумѣвалъ, что вмѣстѣ съ ними явятся и клирики съ мірянами. Иначе чѣмъ объяснить, что на Халкидонскомъ соборѣ, кромѣ епископовъ, было огромное множество и другихъ лицъ? Что за страшное противленіе императорской власти? 4) На заявленіе египетскихъ епископовъ отцы Халкидонскаго собора не обратили рѣшительно никакого вниманія, что однако не помѣшало собору быть признаннымъ

---

[1]) См. первое дѣяніе этого собора; т. III, стр. 56 и сл.

[1]) Дѣянія вселенскихъ соборовъ, III, 74.

[2]) Тамъ же, стр. 76.

вселенскимъ. Для нашего времени это имѣетъ особенно важное значеніе: *Вселенскій соборъ своимъ примѣромъ показываетъ намъ, что не нужно обращать вниманія, когда заявляется, хотя бы даже и епископами, что клириковъ и мірянъ должно изгонять съ собора, какъ лишнихъ.*

Изъ соборовъ, имѣвшихъ мѣсто въ промежутокъ времени отъ четвертаго до пятаго вселенскаго собора нельзя не упомянуть о соборѣ 536 года въ Константинополѣ. Подъ предсѣдательствомъ св. патріарха Мины собралось не малое число епископовъ и не изъ одного только патріархата константинопольскаго: были представители отъ римскаго папы, а также отъ патріарховъ антіохійскаго и іерусалимскаго. Но на этомъ соборѣ присутствовалъ также весь константинопольскій клиръ и множество мірянъ. На соборѣ главнымъ образомъ изобличали въ монофизитствѣ низложеннаго Константинопольскаго патріарха Анѳима и другихъ еретиковъ, въ особенности оригенистовъ. Дѣянія этого собора говорятъ намъ о самомъ дѣятельномъ участіи на немъ клириковъ [1]).

Что касается *пятаго* вселенскаго собора, то на немъ, кромѣ лицъ священнаго сана, присутствовали также свѣтскія [2]). Замѣчательны прочитанныя на этомъ соборѣ дѣянія помѣстнаго собора Мопсуестскаго, бывшаго въ 549 году. Эти дѣянія говорятъ, что на соборъ, кромѣ епископовъ митрополіи, были созваны „всѣ благочестивѣйшіе пресвитеры", „также всѣ благочестивѣйшіе діаконы, иподіаконы и чтецы святѣйшей Церкви Мопсуеста"; сверхъ того, „славнѣйшіе военачальники", „трибуны", „царедворцы" и просто „достохвальные обитатели града Мопсуеста, напримѣръ архитекторы, ходатаи по дѣламъ, нотаріусы и даже простые посыльщики умершихъ" [3]). Всѣ эти лица имѣли голосъ на соборѣ, такъ какъ выступали съ своими показаніями о Ѳеодорѣ. Но подпись подъ дѣяніями соборными положили только одни епископы, т. е. только они имѣли рѣшающій голосъ.

На *шестомъ* вселенскомъ соборѣ (680 г.) на всѣхъ засѣданіяхъ (именно на 12 изъ 18) предсѣдательствовалъ самъ

---

[1]) *Baronii*, Annal. t. IX: ann. 536. n. LXXII. sq.; p. 546 sq.

[2]) Дѣянія вселенскихъ Соборовъ, т. V, стр. 16.

[3]) Дѣянія вселенскихъ соб. т. V, стр. 101 и сл.

императоръ Константинъ Погонатъ. Число епископовъ доходило до 200, но кромѣ нихъ, присутствовали также 12 высшихъ сановниковъ имперіи и множество клириковъ и монаховъ [1]). Судимый на соборѣ защитникъ монофелитской ереси, антіохійскій патріархъ Макарій, давалъ свои объясненія не одинъ, но вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ, *пресвитеромъ* Стефаномъ [2]). Равнымъ образомъ и изобличали въ ереси того и другого не одни только епископы, но вмѣстѣ съ ними самъ императоръ [3]) или, когда онъ не присутствовалъ на соборѣ, уполномоченные имъ сановники [4]), а также клирики, изъ которыхъ особенно выдѣлялся пресвитеръ Ѳеофанъ, игуменъ обители Баія [5]). На пятнадцатомъ засѣданіи собора одинъ монахъ Полихроній, сторонникъ монофелитства, съ позволенія епископовъ, сдѣлалъ заявленіе, что онъ докажетъ истинность своего ученія воскрешеніемъ мертвеца. Несмотря на то, что Полихроній, по свидѣтельству дѣяній VI вселенскаго собора, былъ „дѣтскаго сумасброднаго ума“ [6]), ему однако не было отказано совершить предлагаемый опытъ. Отцы собора отправились къ одной общественной банѣ, куда было принесено на носилкахъ мертвое тѣло. Полихроній положилъ написанное имъ свое исповѣданіе вѣры на грудь мертвеца, шепталъ ему что-то въ уши; однако чуда не послѣдовало [7]). Этотъ случай говоритъ намъ, что отцы соборовъ не находили возможнымъ оставлять безъ всякаго вниманія даже такихъ заявленій клириковъ, которымъ, повидимому, не должно было-бы придавать никакого значенія.

О седьмомъ вселенскомъ соборѣ должно сказать, что отъ прочихъ соборовъ онъ не отличался. Кромѣ 350 епископовъ, на него собралось множество иноковъ и прочаго духовенства, нѣсколько сенаторовъ и другихъ мірянъ [8]). Изъ актовъ собора видно, что особенно дѣятельное участіе принимали на соборѣ иноки, напр., Савва, игуменъ Студійскаго мона-

---

[1]) См. Дѣянія этого собора. Т VI.
[2]) См. 8, 9 и 10 дѣянія VI всел. собора.
[3]) Дѣянія VI всел. соб.: I—11 и 16-е.
[4]) Дѣянія VI всел. соб. 12, 13, 14 и 15-ое.
[5]) Дѣянія VI всел. соб. 10 и 11-ое.
[6]) Дѣянія вселенскихъ соборовъ, Т. VI, стр. 244.
[7]) Дѣянія вселен. соб. Т. VI, стр. 213 и слѣд.
[8]) Дѣянія вселен. соб. Т. VII. стр. 63 и слѣд.

стыря. На второмъ засѣданіи собора было прочитано посланіе папы Адріана, излагающее исповѣданіе православной вѣры. Послѣ прочтенія отцы собора—епископы и ихъ замѣстители заявляли, каждый въ отдѣльности, о своемъ согласіи съ этимъ посланіемъ. Когда это окончилось, то,—читаемъ въ дѣяніяхъ соборныхъ,—святый соборъ сказалъ: „справедливость требуетъ, чтобы и достопочтенные иноки подали свой голосъ". Досточтимые иноки сказали: „если порядокъ требуетъ, чтобы и иноки подавали голоса, то пусть будетъ по вашему приказанію". Святѣйшій патріархъ сказалъ: „порядокъ требуетъ, чтобы каждый изъ находящихся на соборѣ провозгласилъ свое исповѣданіе" [1]). На четвертомъ засѣданіи подъ исповѣданіемъ вѣры, провозглашеннымъ Евнміемъ, епископомъ сардійскимъ, послѣ подписей епископовъ значится 131 подпись иноковъ [2]).

Не станемъ долго останавливаться на помѣстныхъ соборахъ западныхъ въ эпоху вселенскихъ соборовъ. Ограничимся лишь краткими замѣчаніями объ нихъ.

Въ 465 году папа Иларій на соборъ въ Римѣ, состоявшій изъ 48 епископовъ, пригласилъ также весь клиръ — *всѣхъ пресвитеровъ и діаконовъ* римской церкви. Изъ сохранившихся актовъ этого собора видно, что предложенія, сдѣланныя на немъ папою, напр., не удостоивать священныхъ степеней второбрачныхъ и женатыхъ не на дѣвицахъ, принимались и одобрялись не только епископами, *но и пресвитерами*, потому что вмѣстѣ съ епископами и пресвитеры восклицали: „сіе мы подтверждаемъ, сему мы учимъ" [3]). Въ 493 году при папѣ Геласіи опять былъ созванъ въ Римѣ соборъ и на немъ, кромѣ 45 епископовъ, присутствовали: 58 пресвитеровъ, два сенатора и большое число діаконовъ и прочихъ клириковъ [4]). На Таррагонскомъ соборѣ въ Испаніи въ 516 г., кромѣ епископовъ и духовенства, присутствовали „вѣрные сыны изъ мірянъ" [5]). Архіепископъ ліонскій, Вивенціолъ,

---

[1]) Дѣянія вселен. соб. Т. VII, стр. 183.

[2]) Тамъ же, стр. 374—380.

[3]) *Baronii*, Annal. t. VIII, ann. 465, n. XVII, sqq., p. 267 sq. *Langen*, II 121 ff.

[4]) *Baronii*, ibid. ann. 495. n. V., p. 588; *Langen*, II, 186 ff.

[5]) *Hefele*, I, 21.

созывая въ 517 году соборъ, писалъ: „мы допускаемъ міянъ присутствовать на соборѣ, чтобы постановленное одними священниками могъ признать и народъ“ (laicos permittimus interesse, ut quae a solis pontificibus ordinanda sunt, et populus possit agnoscere [1]).

Также было и позднѣе. Напр. о четвертомъ (633) и восьмомъ толедскихъ соборахъ извѣстно, что на нихъ присутствовали міряне [2]). Латеранскій соборъ 745 года, при папѣ Захаріи, составляли семь епископовъ, 17 римскихъ пресвитеровъ, діаконы и весь клиръ: были на немъ и свѣтскія лица [3]). Въ 769 году самозваннаго папу Константина судилъ въ Римѣ соборъ изъ 53 епископовъ; но кромѣ нихъ, соборъ этотъ составляли также пресвитеры и прочіе клирики, монахи и огромное множество народа изъ всякихъ сословій [4]).

Намъ остается сказать о болѣе извѣстныхъ соборахъ IX вѣка. Въ 842 году въ правленіе императрицы Ѳеодоры, былъ собранъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха св. Меѳодія Исповѣдника, соборъ, окончательно осудившій иконоборческую ересь и установившій „торжество православія“. По свидѣтельству одного современника, Пресвитера Ѳеофана, на соборъ „собралось такое множество, что и исчислить нельзя“ [5]). Конечно это были не одни епископы. Немного позднѣе на такъ называемомъ первовторомъ или двукратномъ соборѣ въ Константинополѣ (861 г.), кромѣ іерарховъ, присутствовалъ императоръ Михаилъ, кесарь Варда, много сановниковъ и множество другого народа [6]). То же самое должно сказать и о соборѣ 867 года, созванномъ Фотіемъ въ Константинополѣ для осужденія злоупотребленій, обнаруживавшихся въ христіанствѣ со стороны царства. По сви-

---

[1]) *Hefele*, ibid.

[2]) *Hefele*, I, 22.

[3]) *Baronii*, Annal. t. XII, ann. 715, n. XXII, p. 527. sq.; *Langen*. II, 637, ff.

[4]) *Baronii*, Annal. t. XIII, ann. 769, n. 1 sq., p. 53 sqq. *Langen*, II 692 ff.

[5]) *Baronii*, Annal. t. XIV, ann. 842, n. XII sq., p. 263.

[6]) *Иванцовъ-Платоновъ, Прот.-Проф.*, — Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патріархѣ Константинопольскомъ. Спб. 1892, стр. 100 и слѣд. *Лебедевъ А. Проф.* Исторія раздѣленія Церквей въ IX, X и XI вѣкахъ. Москва, 1900. стр. 51 и сл.

дѣтельству Анастасія библіотекаря, подъ актами этого собора значилось до тысячи именъ, какъ полагаютъ „не однихъ епископовъ, но и свѣтскихъ лицъ высшихъ и низшихъ званій [1]). Наконецъ, въ 879 году, состоялся соборъ, извѣстный подъ именемъ Софійскаго. Это—послѣдній изъ девяти помѣстныхъ соборовъ, признаваемыхъ православною церковію. По многочисленности членовъ и внѣшнему блеску его уподобляютъ древнему Халкидонскому [2]). На немъ, кромѣ епископовъ, собравшихся въ числѣ 383, мы видимъ также многихъ сановниковъ и другихъ мірянъ, напр. на шестомъ засѣданіи, происходившемъ въ царскомъ дворцѣ въ присутствіи самого императора Василія Македонянина [3]).

На этомъ соборѣ, которымъ заканчивается эпоха семи вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ, мы и остановимся и приведемъ все сказанное къ одному знаменателю:

Соборы не составлялись изъ однихъ епископовъ, иначе они не представляли бы собою всей церкви. Нѣтъ. На соборѣ никогда не запрещалось присутствовать клиру и мірянамъ. Иногда клириковъ и мірянъ было даже больше, чѣмъ епископовъ. На первомъ вселенскомъ соборѣ епископы, составляли только шестую часть всѣхъ присутствовавшихъ. Но конечно, съ расширеніемъ предѣловъ церкви и съ увеличеніемъ числа вѣрующихъ не всѣ христіане получали возможность присутствовать на соборѣ; присутствовали только избранные для этого или тѣ, которые получали приглашеніе отъ императора, какъ это видимъ изъ актовъ третьяго и четвертаго вселенскихъ соборовъ. Клирики и міряне являясь на соборъ, принимали дѣятельное участіе въ соборныхъ

---

[1]) *Иванцовъ-Платоновъ*, стр. 108 и слѣд.

[2]) *Hergenröther*, Photius, Patriarch von Konstantinopel. Bd. II, 462.

[3]) *Иванцовъ-Платоновъ*, *124*; *Лебедевъ*. 292. Также и на признаваемомъ католическою Церковію восьмомъ вселенскомъ соборѣ (869 г. въ Константинополѣ), созванномъ для низложенія патріарха Фотія, присутствовали вмѣстѣ съ епископами многіе сановники и другіе міряне, а шестое засѣданіе посѣтилъ и самъ императоръ (*Иванцовъ*, 113 и слѣд.; *Лебедевъ*, 125 и слѣд.; *Langen*, III, 138 ff.). Въ томъ же 869 году четырьмя мѣсяцами ранѣе Константинопольскаго собора папа Адріанъ созвалъ въ Римѣ для осужденія того же Фотія соборъ изъ 30 епископовъ, 9 римскихъ пресвитеровъ и 5 діаконовъ; но присутствовали при этомъ также и міряне (*Langen*, III, 130 ff).

разсужденіяхъ, вступали на нихъ съ своими предложеніями и заявленіями, какъ это было, напр., на первомъ и шестомъ вселенскихъ соборахъ; но рѣшенія соборныя постановлялись только одними епископами. Должно однако замѣтить, что епископы не позволяли себѣ игнорировать мнѣній, высказываемыхъ клиромъ и міряпами, какъ это видно изъ исторіи соборовъ при св. Кипріанѣ. Наконецъ пельзя не отмѣтить также и того, что нерѣдко передъ большими, напр., вселенскими соборами составлялись предварительные соборы, какъ передъ первымъ никейскимъ, халкидонскимъ и др. Обыкновенно въ составъ ихъ входили весь клиръ и міряне. Такіе соборы созывали, напр., св. Александръ Александрійскій, св. Флавіанъ и св. Мина Константинопольскіе. Таковъ же былъ и соборъ мопсуестскій. Но древняя церковь не знала никакихъ тайныхъ, секретныхъ коммиссій, составляемыхъ изъ лицъ епископамъ любезныхъ. Въ древней церкви церковное дѣло считалось дѣломъ всякаго христіанина. Тогда никому изъ вѣрующихъ пельзя было-бы сказать: „тебѣ нѣтъ дѣла до того, какъ будетъ рѣшенъ тотъ или другой церковный вопросъ; ты долженъ вполнѣ положиться на своего епископа и людей ему близкихъ, угодныхъ; что они опредѣлятъ, то и исполняй“. Древняя церковь не забывала, что „уши народа бываютъ иногда святѣе сердецъ епископскихъ“, по прекрасному выраженію св. Иларія Пиктавійскаго [1]); что „не всѣ епископы суть епископы“, какъ говоритъ бл. Іеронимъ. Нѣтъ, не одно епископство, не одна высшая іерархія, хотя-бы и съ тайными коммиссіями, но *вся церковь* есть столпъ и утвержденіе истины; поэтому „совершеннѣйшій соборъ не есть судилище однихъ только епископовъ“ [2]).

Прот. Н. Добронравовъ.

---

[1]) *Hilarii*, c. Auxent. 6.

[2]) Слова *Христофора Филалета* въ его „Апокрисисъ“.

Замѣтка по поводу реферата о. протоіерея Н. П. Добронравова объ участіи клира и мірянъ на древнихъ соборахъ.

Рефератъ охватываетъ поставленный вопросъ широко, разсматриваетъ его по существу и съ достаточной обстоятельностью и полнотой, такъ что авторъ его по справедливости заслуживаетъ полной благодарности съ нашей стороны.

О. протоіерей Добронравовъ довольно подробно обслѣдовалъ исторію соборовъ первыхъ девяти вѣковъ христіанской эры и вездѣ нашелъ болѣе или менѣе ясные слѣды участія на соборныхъ засѣданіяхъ и клира съ міряшами, на ряду съ епископами.

Правда, тотъ выводъ, къ которому онъ пришелъ, быть можетъ, не особенно утѣшителенъ: по мнѣнію почтеннаго референта, факты исторіи уполномочиваютъ насъ на признаніе лишь совѣщательнаго голоса за клиромъ и народомъ, отличнаго отъ рѣшающаго голоса епископовъ

Но здѣсь я, прежде всего, позволю себѣ внести существенную историческую поправку, или точнѣе, поясненіе. Далеко не всѣ соборы отводятъ такую второстепенную роль клиру и народу: если это и становится замѣтнымъ на исторіи соборовъ IV—IX в., то такому различію голосовъ на рѣшающіе и совѣщательные не было мѣста на древнѣйшихъ соборахъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, когда отношенія между пастырями паствой, между епископомъ и клиромъ были гораздо патріархальнѣе и ближе. И уже только въ послѣдующую эпоху, съ начала IV вѣка, мы видимъ, что отношенія эти измѣняются: между клиромъ и міряпами, между епископатомъ и пресвитеріатомъ возникаетъ довольно рѣзкое различіе положеній, которое отражается и на различіи ихъ голосовъ на соборахъ.

И если о. протоіерей въ своемъ интересномъ рефератѣ освѣтилъ намъ вопросъ о голосѣ клира и міранъ съ положительной стороны—со стороны опредѣленныхъ историческихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что этотъ голосъ раздавался на соборахъ,—то я тотъ же самый вопросъ хотѣлъ бы освѣтить съ отрицательной стороны, т. е. отвѣтить на вопросъ, почему же голосъ не всегда звучалъ одинаково, въ частности,—когда и почему голосъ низшаго клира и міранъ утратилъ свое равноправіе съ голосомъ епископовъ и снизошелъ на положеніе совѣщательнаго мнѣнія, съ которымъ иногда не находили даже нужнымъ и считаться? Словомъ, я намѣренъ освѣтить обратную сторону медали и выяснить тѣ причины, которыя повлекли за собою ослабленіе духа мощнаго единства и равенства въ взаимоотношеніи личныхъ членовъ церковнаго организма и замѣну его началомъ внѣшне-юридическаго подчиненія низшихъ высшимъ.

На мой взглядъ, два параллельно развивавшихся историческихъ теченія въ равной мѣрѣ содѣйствовали развитію означеннаго процесса: это—духъ кастоваго отчужденія клира отъ міра, съ одной стороны, и ростъ централизаціи въ средѣ самого клира, съ другой стороны.

Апостольская община первенствующей церкви даетъ намъ умилительную картину полнаго разцвѣта начала истинной соборности во взаимныхъ отношеніяхъ вѣрующихъ: у всѣхъ у нихъ, по словамъ дѣписателя,—„были одно сердце и одна душа“ (Дѣян. IV, 32); здѣсь не существовало никакихъ граней, или рѣзко обособленныхъ церковныхъ служеній—пастырь церкви снискивалъ себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ, а міряне свободно проповѣдывалъ и училъ въ церкви, если чувствовалъ на себѣ дѣйствіе Св. Духа. Въ этомъ, какъ извѣстно, состояла сущность такъ называемыхъ, харизматическихъ или энтузіастическихъ служеній, о которыхъ такъ часто говорится въ посланіяхъ ап. Павла (I Кор. XII, гл. 28; Еф. IV, II сл.; II Тим. I, II сл. и др.).

Но къ сожалѣнію такой, въ высокой степени идеальный, строй жизни въ христіанской общинѣ, не удержался въ ней навсегда и приблизительно съ половины II вѣка началъ замѣтно падать. Самый сильный ударъ нанесло ему вырожденіе харизматическихъ служеній, повлекшее за собой стремленіе къ искусственному возвышенію степеней постоянной

іерархіи, т. е. къ кастовому обособленію клира отъ народа.

Въ этомъ печальномъ обособленіи сказалось, съ одной стороны, вліяніе ветхозавѣтной, левитской тенденціи, а съ другой, и въ еще бо́льшей степени,—римской, классовой точки зрѣнія. Въ такъ называемыхъ „Климентинахъ“ (II—IV в.) уже возводится въ принципъ, что клиръ не долженъ предаваться никакимъ мірскимъ занятіямъ, такъ какъ они низки для него и будто бы мѣшаютъ его прямому служенію. Этимъ клиръ довольно рѣзко возвышался надъ трудящимся сословіемъ и становился въ особое привиллегированное положеніе.

Еще рѣзче та же самая тенденція сказалась на Западѣ, гдѣ она уже откровенно отразила на себѣ вліяніе узкоклассовыхъ, партійныхъ интересовъ языческаго Рима. Черезъ всю исторію Рима проходитъ, какъ извѣстно, борьба патриціевъ съ плебеями; и это дѣленіе общества на двѣ враждебныхъ группы было одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ этого римскаго права. Мы видимъ, что оно же переходитъ и въ церковное сознаніе: по крайней мѣрѣ у извѣстнаго Кипріана, еп. Карѳагенскаго (III в.), въ его спеціальномъ трактатѣ о церкви, мы находимъ ясное раздѣленіе церкви на двѣ неравныхъ части—на церковь правящую (*ordo*, откуда произошло и самое слово ordinatio, т. е. „посвященіе“ въ какую-либо степень клира) и церковь управляемую (*plebs*, народъ, міряне).

Желая еще яснѣе подчеркнуть обособленность и превосходство клира передъ народомъ, стали вводить, опять такп преимущественно на Западѣ, целибатъ, т. е. безбрачіе духовенства, чѣмъ имѣлось въ виду поставить клиръ на высшую передъ всѣмъ народомъ, ступень нравственнаго совершенства. Хотя фактически это часто приводило къ совершенно противоположному результату, но въ глазахъ высшихъ ревнителей церкви, это было неважно—имъ нуженъ былъ извѣстный внѣшній, правовой принципъ.

Возвышеніе клира шло на счетъ сокращенія церковныхъ правъ мірянъ. Это особенно сильно сказалось въ категорическомъ запрещеніи мірянамъ учить и проповѣдывать въ церкви, вопреки ясному повелѣнію о томъ апостола (1 Кор.). Такимъ путемъ была искусственно вырыта пропасть между клиромъ и мірянами, которая съ теченіемъ вѣковъ стано-

вилась все шире и шире, пока въ католической церкви она не превратилась въ цѣлую непроходимую бездну.

Усиленный ростъ этого печальнаго разъединенія начался съ IV вѣка, съ эпохи торжества христіанства, когда клиръ въ своихъ искательствахъ получилъ возможность опираться на содѣйствіе гражданской власти и еще сильнѣе заразился господствовавшими въ гражданской жизни узко-классовыми, централизаторскими стремленіями.

Печальный результатъ новаго порядка церковныхъ отношеній не замедлилъ, прежде всего, сказаться, сначала въ ослабленіи, а затѣмъ и въ полномъ упадкѣ стараго выборнаго начала духовенства. Въ эпоху трехъ первыхъ вѣковъ— весь клиръ, начиная съ епископа и кончая послѣднимъ аколуѳомъ, обыкновенно выбирался общимъ голосомъ всей помѣстной церкви, при самомъ живомъ и дѣятельномъ участіи всего вѣрующаго народа. Это выборное начало и служило, безъ сомнѣнія, главной нравственной силой, которая крѣпкой внутренней связью объединяла всѣхъ членовъ общины въ одинъ духовно-родственный церковный организмъ.

И вотъ мы видимъ, что усилія высшаго клира, тяготившагося равенствомъ и стремившагося къ господству, направляются къ тому, чтобы подорвать значеніе выборнаго начала. Первыя попытки въ этомъ родѣ замѣтны еще въ 3-мъ вѣкѣ; но съ четвертаго они становятся настойчивѣе и систематичнѣе. Сначала, по новеллѣ Юстиніана, — выборное участіе народа было ограничено лишь представительствомъ немногихъ, *именитыхъ гражданъ* (римскіе-nobiles), а затѣмъ единственнымъ замѣстителемъ всѣхъ міранъ сдѣлался одинъ только византійскій императоръ, который очень широко и часто во вредъ церкви пользовался этимъ своимъ правомъ (напр. въ эпоху аріанскихъ, монофизитскихъ и иконоборческихъ смутъ). Но какъ бы то ни было, а выборное начало духовенства прекратило свое существованіе и назначеніе клириковъ перешло въ руки духовной и гражданской администраціи, начавшей смотрѣть въ силу этого на духовенство, какъ на особый классъ церковно-правительственныхъ чиновниковъ.

Само собою понятно, что это уже окончательно подорвало престижъ клира, удалило его отъ народа и превратило въ какую-то своеобразную клерикально-бюрократическую

касту. Завершеніе этого историческаго процесса—по крайней мѣрѣ для Западной церкви—должно относить къ концу VI вѣка, такъ какъ въ сочиненіи папы Григорія Двоеслова, мы встрѣчаемся съ опредѣленіемъ духовенства, какъ съ *„огражденнымъ сѣдалищемъ мудрыхъ* и какъ съ *рѣшеткой, раздѣляющей церковь на два міра.“*

Вторымъ процессомъ, подрывавшимъ торжество выборнаго начала церковной жизни, было развитіе централизаціи въ кастахъ самого клира. Это развитіе шло параллельно отчужденію клира отъ народа и было въ сущности отраженіемъ того же самаго стремленія къ возвышенію и господству однихъ (епископовъ), на счетъ умеиьшенія и сокращенія правъ другихъ (остальныхъ клириковъ).

Въ эпоху древнѣйшей церковной жизни епископъ былъ истиннымъ отцомъ (рара) мѣстной церковной общины, управлявшимъ ею въ согласіи со всею своею паствою и совмѣстно съ пресвитерами, какъ своими ближайшими сотрудниками. Безъ совѣта съ своей церковью, безъ согласія и одобренія окружающихъ его пресвитеровъ, ни одинъ епископъ не рѣшался предпринимать ничего важнаго, какъ объ этомъ весьма выразительно и ясно свидѣтельствуетъ въ своихъ письмахъ, уже извѣстный намъ Кипріанъ, еп. Карѳагенскій. Такая практика утверждена была и авторитетами древнѣйшихъ соборовъ.

Съ теченіемъ времени такія простыя, сердечныя, отношенія епископа къ своему клиру радикально измѣнились: изъ отца руководителя и предсѣдателя пресвитерскаго совѣта, онъ перешелъ на положеніе его безконтрольнаго начальника и господина (δεσπότης). Впервые со всей ясностью сказалось это приблизительно съ половины IV вѣка, когда въ церковное управленіе успѣли проникнуть и привиться, здѣсь принципы государственной централизаціи власти. Къ тому времени соотвѣтственно гражданскому дѣленію имперіи на префектуры, діоцезы и округа все церковное управленіе дѣлится на подобные же церковно-правительственные округа, во главѣ съ епископами, митрополитами, архіепископами, экзархами, а въ послѣдствіи—и патріархами. И подобно тому, какъ въ политическомъ отношеніи между всѣми вышеуказанными административными единицами существовала извѣстная субординація, такъ и въ церковномъ

управленіи развивается и крѣпнетъ то же самое начало постепенной централизаціи. Логически проведенное въ жизни это начало дѣлало каждаго епископа единственнымъ центромъ или главой мѣстной церковной общины; каждаго митрополита—главой всѣхъ епископовъ его провинціи; каждаго патріарха—главой всѣхъ провинціальныхъ митрополитовъ его діоцеза.

Послѣдней ступенью въ развитіи этой клерикальной централизаціи было возвышеніе Константинопольскаго патріарха надъ всѣмъ Востокомъ (къ VII вѣку) и римскаго папы—надъ всѣмъ Западомъ. Это централизаторское теченіе имѣло тенденціи и къ дальнѣйшему развитію — къ объединенію всей церковной власти въ одинѣхъ рукахъ. Но историческія обстоятельства не дали возможности ей осуществиться: они привели только къ роковому столкновенію двухъ высшихъ главъ восточной и западной церкви (IX—XI в.), окончившемуся печальнымъ фактомъ раздѣленія церквей. Своего высшаго развитія и наиболѣе полнаго воплощенія идея централизаціи достигла на Западѣ въ ультрамонтанской системѣ папскаго абсолютизма.

Вотъ, въ схематическомъ видѣ, главныя черты того сложнаго историческаго процесса, который привелъ насъ къ утратѣ духа истинной соборности, къ отчужденію клира отъ народа и къ развитію бюрократической централизаціи въ нѣдрахъ самого клира. На крайнихъ полюсахъ этого процесса стоитъ, съ одной стороны, свѣтлая эпоха апостольской общины и первенствующей церкви съ ея духомъ общаго единенія и взаимной любви, а съ другой—мрачная картина современной католической церкви, съ папой—абсолютнымъ, теократическимъ монархомъ, епископами—князьями церкви и простой вѣрующей массою—ея духовными илотами. Ясно, что плодотворная, истинно-церковная реформа должна очистить и снять всѣ эти позднѣйшіе и случайные наросты на церковномъ организмѣ и этимъ самымъ дать возможность снова процвѣтать коренному ея свободному началу во всей его жизненной силѣ и гармонической полнотѣ.

Приватъ-доцентъ А. Покровскій.

По вопросу о составѣ предстоящаго церковнаго собора.

По вопросу, о томъ изъ кого долженъ составляться предстоящій нашъ церковный соборъ,—изъ однихъ только епископовъ, или же въ него войдутъ представители клира и мірянъ,—создалась уже значительная литература. Изъ всѣхъ работъ по этому вопросу наиболѣе обстоятельными и компетентными представляются намъ изслѣдованія о. прот. Н. Н. Доброправова („Участіе клира и мірянъ на соборахъ въ первые девять вѣковъ христіанства". Оттискъ ст. въ *Богосл. Вѣстн.*, 1906, № 2 и въ предлагаемомъ сборникѣ, стр. 74. и сл.); группы петербургскихъ священниковъ („Къ церковному собору", Спб. 1906), проф. Ѳ. Н. Мищенко (*Тр. Кіевск. Дух. Акад.*, 1906, № 1) и проф. Ал. Петр. Лебедева (Душеполезное чтеніе, 1906, № 3). И во всѣхъ изслѣдованіяхъ данный вопросъ обсуждается не столько съ канонической, сколько съ исторической точки зрѣнія. Это и понятно. Съ того времени, какъ церковная жизнь стала регулироваться опредѣленными правилами, она все больше и больше проникалась стремленіемъ къ сближенію своихъ формъ съ тѣми, какія стали пріобрѣтать господство въ жизни государственной; а послѣдняя съ развивавшимся въ ней началомъ абсолютизма верховной власти далеко не благопріятствовала представительству народа не только въ жизни политической, но и въ жизни церковной. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ Византіи, территорія которой во время вселенскихъ соборовъ отъ Месопотаміи простиралась до Испаніи, отъ Египта до сѣвернаго берега Чернаго моря и до Галліи съ Британіей включительно. Византійскіе императоры, унаслѣдовавшіе отъ

древняго языческаго міра титулъ верховнаго жреца (pontifex maximus), величавшіеся „владыками вселенной“, стремясь къ большей и большей централизаціи власти, постепенно съуживали и ограничивали самоуправленіе древнихъ муниципій съ ихъ выборными служилыми людьми [1]). Подобная же тенденція стала параллельно обнаруживаться и въ жизни церковной, гдѣ въ VI вѣкѣ рядомъ съ прежними епископами и архіепископами явилось уже пять патріарховъ, искавшихъ такой же независимости, какой пользовались императоры [2]). Понятно, этотъ идеалъ отражался и на церковномъ законодательствѣ, которое въ своемъ развитіи и кодификаціи все болѣе и болѣе примѣнялось къ гражданскому. Ясно, что церковные канопы, не разъ подвергавшіеся тщательной переработкѣ и „очищенію“ въ указанномъ направленіи [3]), и не могутъ давать удовлетворительнаго матеріала для выясненія роли клира и мірянъ на соборахъ. За то такой матеріалъ дастъ сама церковная жизнь, гдѣ апостольскія начала избранія и соборности, широко практиковавшіяся въ первые три вѣка, долго еще отстаивали свое существованіе и при неблагопріятныхъ для нихъ условіяхъ политической жизни вѣрующихъ. Поэтому исторія церковной жизни и указываетъ болѣе данныхъ для сужденій объ участіи клира и мірянъ въ устроеніи этой самой жизни.

Къ какимъ заключеніямъ по указанному вопросу приходятъ упомянутые изслѣдователи при свѣтѣ историческихъ фактовъ?—Петербургскіе священники говорятъ объ участіи клира и мірянъ на соборахъ довольно неопредѣленно, такъ какъ ведутъ рѣчь вообще о присутствіи этихъ элементовъ на соборахъ. Опредѣленнѣе высказывается о. Н. П. Добронравовъ. Признавая, что въ древней церкви голосъ клира

---

[1]) *Грибовскій В. М.*—Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ Спб. 1897. Стр. 184—185. *Скабалановичъ Н.*—Византійская церковь и государство въ XI в. Спб. 1884. Стр. 132. *Нотосъ Н.* Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историч. отношеніи. М. 1892. Стр. 17.

[2]) *Византійскій Временникъ.* т. I, вып. 1. Сокольскій. О характерѣ и значеніи Эпанагоги. Стр. 28—35.

[3]) *Каллистъ* іером.—Номоканонъ св. Фотія. М. 1899. Стр. 25, 29, 41—42. 107. *Азаревичъ Д.* Исторія византійскаго права. Ярославль. 1877. Стр 103, т. I.

и народа иногда имѣлъ на соборахъ не меньшее значеніе чѣмъ голосъ епископовъ („Участіе клира и мірянъ на соборахъ", стр. 81), этотъ изслѣдователь приходитъ къ выводу, что, хотя клирики и міряне и принимали *дѣятельное* участіе въ соборныхъ разсужденіяхъ, однако ихъ голосъ былъ только совѣщательнымъ (82 стр.); соборныя рѣшенія постановлялись одними епископами (99 стр.). Совѣщательнымъ голосомъ пользовались на соборахъ клирики—и по заявленію проф. Ал. П. Лебедева (Душеп. Чт., стр. 365), который относительно мірского элемента на древнихъ соборахъ утверждаетъ, что въ тѣ времена онъ былъ представленъ вообще слабо (387 стр.). Такъ же признавая за клиромъ и мірянами въ отдѣльности совѣщательный голосъ на соборахъ, проф. Мищенко однако находитъ, что согласіе клира и мірянъ съ соборными постановленіями „является какъ бы коллективнымъ рѣшающимъ голосомъ паствы" (Тр. Кіев. Дух. Акад., стр. 100—101); „никакое постановленіе не могло получить канонической силы вопреки воли клира и мірянъ" (101 стр.).

Не принимая на себя всесторонняго разбора приведенныхъ сужденій о степени участія на церковныхъ соборахъ клира и мірянъ, мы всетаки беремъ смѣлость не вполнѣ соглашаться съ этими сужденіями.—Оставляя въ сторонѣ не ясныя для насъ сужденія нашихъ Петербургскихъ собратій, относительно другихъ изслѣдователей даннаго вопроса мы прежде всего должны повторить то, что высказано редакціей *Богословскаго Вѣстника* о работѣ о. Н. П. Доброправова: „авторъ слишкомъ модернизируетъ древніе памятники, влагая въ нихъ наши современныя понятія. Въ настоящее время строго различается качество голоса, принадлежащаго тѣмъ или инымъ членамъ собранія". Но „ничего подобнаго не бывало и быть не могло на древнихъ соборахъ, и, если нельзя доказать, что клиръ и міряне располагали рѣшающимъ голосомъ, то столь же трудно доказать исторически, что имъ принадлежитъ лишь совѣщательный голосъ въ современномъ значеніи слова. Качественное различіе голосовъ не сознавалось въ то время ясно и не было формулировано" (О. Доброправовъ.—„Участіе клира и мірянъ на соборахъ" стр. 82). Самое же важное препятствіе признать лишь совѣщательный голосъ на соборахъ за клиромъ и мірянами

(что отмѣчено и проф. Мищенко) заключается въ томъ, что историческіе факты призываютъ насъ къ убѣжденію въ большей долѣ участія на соборахъ клира и міянъ, по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшій періодъ церковной жизни. Такіе факты приводятся въ указанныхъ же изслѣдованіяхъ о. Н. П. Добронравова (стр. 76—82), Мищенко (стр. 66—70) и—что особенно цѣнно для насъ—не замалчиваются такимъ историкомъ, какъ проф. Ал. П. Лебедевъ [1]). Такъ, приводя отрывокъ изъ одного письма св. Кипріана, епископа карѳагенскаго, онъ находитъ, что на „соборахъ карѳагенскихъ міряне являлись почти такими же полномочными членами ихъ, какъ и лица іерархическаго чина". „Выраженіе согласія съ соборнымъ постановленіемъ со стороны народа не было дѣломъ пустымъ", говоритъ проф. Ал. П. Лебедевъ и тотчасъ же ссылается на ученое сочиненіе одного свѣтскаго автора, по мнѣнію котораго—„безъ участія общины въ лицѣ ея представителей немыслимо было сколько нибудь авторитетное рѣшеніе какого-либо общаго вопроса" (Дух. Чт., стр. 362, 365). Говоря за тѣмъ о III вселенскомъ соборѣ, проф. Лебедевъ замѣчаетъ, что „соборъ не могъ вести своего дѣла безъ участія хотя нѣкоторыхъ мірянъ", и одинъ изъ нихъ (комитъ Кандидіанъ, уполномоченный императора [2]) „чуть ли не становился предсѣдателемъ собора" (375 стр.). На IV всел. соборѣ, по изслѣдованію того же ученаго, оказа-

---

[1]) Правда, въ концѣ своей статьи, послѣ „исторической справки" высказывая и свое личное мнѣніе о составѣ предстоящаго русскаго церковнаго собора, онъ пишетъ: „рѣшающій голосъ пусть принадлежитъ епископамъ, а пресвитерамъ совѣщательный", а о міряпахъ говоритъ, что самъ соборъ долженъ рѣшить вопросъ объ участіи ихъ на дальнѣйшихъ соборахъ. Но это, насколько мы поняли рѣчь проф. Ал. П. Лебедева, выражается имъ не по указанію исторіи, а лишь по чисто практическимъ соображеніямъ („безопаснѣй было бы"...), которыя каждый, конечно, въ правѣ оцѣнивать самостоятельно.

[2]) Сами же императоры всегда считались въ Византіи представителями народа.—Грибовскій, ор. c., стр. 228, 242, 253 и слѣд. „при томъ они состояли и въ клирѣ—на положеніи чтецовъ или иподіаконовъ и поэтому принимали даже непосредственное участіе въ общественномъ богослуженіи: совершали каженіе, выносили свѣтильники, вѣяли рипидами, прикасались къ священнымъ сосудамъ и т. д.—Д. Ѳ. Бѣляевъ. Byzantina. Кн. II. Спб. 1893. Стр. 150 и слѣд. Іером. Іоаннъ. Обрядникъ Византійскаго двора. М. 1895. Стр. 90—91. П. Поповъ. Императ. Левъ VI Мудрый Стр. 98, 118.

лось уже „значительное количество мірянъ: именно *сановники и сенатъ*. И роль этихъ мірянъ на соборѣ оказалась очень значительной... Міряне считаютъ своимъ дѣломъ принять участіе въ вопросѣ Діоскора“ (381 стр.). Если „міреской элементъ на церковныхъ соборахъ представленъ былъ вообще слабо“, то „это, по заключенію профессора, зависѣло не отъ того что іерархи устраняли народъ отъ дѣлъ церковныхъ: этого доказать нельзя.., Дѣло объясняется много проще. Между епископами и мірянами тогда не было большого различія въ религіозно-умственномъ отношеніи... Въ сущности въ лицѣ епископовъ на соборѣ былъ представленъ и народъ. Епископовъ древности можно назвать мірянами въ рясѣ“ (387 стр.).—Если же такъ, то намъ представляется непонятнымъ, почему теперь на предстоящемъ соборѣ міряне не могутъ пользоваться значительной ролью, тѣмъ болѣе, что „окружающая насъ дѣйствительность, по признанію одного изъ правителей церкви (см. № 1 Син. Вѣд., 1906 г., проэктъ преосв. Сергія), говоритъ объ отсутствіи довѣрія къ епископамъ со стороны людей вполнѣ серьезно настроенныхъ и искренно преданныхъ церкви. Что же касается клира, то для насъ еще болѣе непонятно, какъ можно говорить объ его „лишь совѣщательномъ голосѣ“, когда даже міряне пользовались на соборахъ „очень значительной ролью“. И профессоръ А. П. Лебедевъ подтверждаетъ, что соборные протоколы рядомъ съ епископами (и не въ качествѣ ихъ замѣстителей) подписывали „иногда и пресвитеры“ (364 стр.). Очевидно въ такихъ случаяхъ имъ принадлежалъ уже не совѣщательный, а рѣшающій голосъ [1]).

Чѣмъ же однако объясняется такое умаленіе степени участія клира и мірянъ на соборахъ, какое встрѣчаемъ мы даже въ работахъ изслѣдователей, по видимому, свободныхъ отъ посторонннихъ вліяній?—Это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что церковно-историческая наука теперь по данному

---

[1]) Дѣянія вселен. соборовъ, изд. въ русск. перев. при Казан. Дух. Академіи. Казань. 1891 г. Изд. 2. Т. VII. Подъ V дѣяніемъ VII всел. соб. стоятъ подписи 131 монашествующаго лица съ присоединеніемъ слова „тоже“, т. е. „во всемъ согласенъ съ вышеприведеннымъ ученіемъ святыхъ отцовъ и подписался“, какъ подписывались выше и епископы.

вопросу застигнута врасплохъ [1]), неподготовленной: раньше она никогда его спеціально не обсуждала, ибо и нужды въ этомъ какъ будто не видѣла... И вотъ, въ настоящее время изслѣдователи состава церковныхъ соборовъ такъ неувѣренно говорятъ о правахъ на участіе въ предстоящемъ соборѣ клира и мірянъ, готовые скорѣе умалить ихъ участіе, чѣмъ впасть въ отвѣтственную ошибку, тѣмъ болѣе, что извѣстные намъ теперь канопы, какъ замѣчено выше, относительно этого „не многословны и не договариваютъ всего“ (А. П. Лебедевъ, стр. 356).

Можетъ быть нашей научной неподготовленностью (говоримъ вообще) и поспѣшностью, съ какой теперь вынуждаемся мы трактовать данный вопросъ, объясняется и забвеніе цѣлаго ряда фактовъ, которые, въ связи съ другими, могли бы привести насъ къ убѣжденію и въ болѣе активной роли клира и мірянъ на церковныхъ соборахъ, чѣмъ та, какую предоставлялъ бы имъ „лишь совѣщательный голосъ“.

Въ дополненіе къ тому, на что уже указано въ русской литературѣ для выясненія активнаго участія клира и мірянъ на соборахъ, мы можемъ привести и другіе факты, которые, думается, говорятъ о томъ, что этимъ элементамъ церкви принадлежалъ на соборахъ иногда и рѣшающій голосъ.

Такъ, между подписями Арелатскаго собора въ 314 г., составившагося въ Галліи противъ донатистовъ, нарушавшихъ церковную дисциплину, на которомъ было много и епископовъ и пресвитеровъ [2]), стоятъ подписи даже двухъ чтецовъ [3])!—Пусть намъ выяснятъ, что ихъ голосъ не былъ рѣшающимъ.

Среди подписей I всел. собора, изданныхъ Гельцеромъ [4]), насчитывается до 12 — 15 самостоятельныхъ подписей хорепископовъ, функціи которыхъ въ IV в. были уже значительно ниже епископскихъ и приближали ихъ къ пресви-

---

[1]) *Ал. П. Лебедевъ*, Душепол. Чт., стр. 388.

[2]) *Hefele*, Conciliengeschichte, B. I. Freiburg, 1855. S. 170.

[3]) *Harnack*, Die Quellen der Apostolisch. Kirchenordnung, S. 63, 79. См. у *Ал. П. Лебедева*—Церковный чтецъ, М. 1901, стр. 16. Его же—Духовенство древн. вселен. церкви, М. 1905, стр. 99.

[4]) *Gelzer Henricus*—Nomina patrum Nicaenorum, 1900. Lipsiae. Cap. XI. p. LXI—LXIV: p. 63 — 65, 68 — 69. p. 71 —73, 75; p. 149, 151, 153, 159, 165, 167, 173, 177.

терамъ, вслѣдствіе чего толкователь церковныхъ правилъ— Вальсамонъ и ставитъ ихъ въ рядъ съ протопопами [1]). — Ужели опять можно утверждать, что лишь епископы пользовались рѣшающимъ голосомъ на соборахъ?

Что не всегда бывало такъ, — видно еще изъ подписей лицъ, присутствовавшихъ на II всел. соборѣ, гдѣ вслѣдъ за подписью епископа Антіохійскаго Мелетія, находятся подписи антіохійскихъ же пресвитеровъ Флавіана и Елпидія, которые, такимъ образомъ вовсе не были замѣстителями своего епископа и присутствовали на соборѣ вполнѣ самостоятельно [2]).

На IV всел. соборѣ, какъ сообщаетъ въ письмѣ своемъ къ папѣ Льву патріархъ Анатолій, инициатива соборныхъ рѣшеній исходила не только отъ отцовъ собора, но и отъ императорской четы, сената и константинопольскаго клира [3]). Въ XI засѣданіи собора, когда поднялся споръ о мѣстѣ рукоположенія епископа во Ефесъ и когда одинъ изъ епископовъ выразилъ пожеланіе, чтобъ этимъ мѣстомъ былъ Константинополь, клирики константинопольскіе воскликнули: „пусть не нарушаются преимущества Константинополя, пусть рукоположеніе совершается по обычаю тамошнимъ архіепископомъ“ [4])! Славнѣйшіе сановники сказали: „мы усматриваемъ, что святому собору необходимо разсудить о рукоположеніи на ефесское епископство: по этому, если угодно, пусть завтра это будетъ опредѣлено“ [5]). Когда же на слѣдующемъ засѣданіи сановники вмѣстѣ съ епископами подтвердили, что послѣдовательно, но не правильно занимавшіе ефесскую каѳедру Вассіанъ и Стефанъ должны быть устранены, и для этой церкви необходимо рукоположить другого епископа, весь соборъ воскликнулъ: „этотъ судъ справедливъ, это благочестивое *рѣшеніе*; это хорошо“. — Восторжествовало, какъ видно изъ соборныхъ опредѣленій (28), и утвержденіе константинопольскихъ клириковъ о привилегіяхъ ихъ церкви [6])

---

[1]) Antioch. 10, Ancir. 13, Neocesar. 14, Basilii B. 89, VII всел. 14, Срав. *Ал. И. Лебедева*— Духовн. древ. всел. церкви, стр. 168—169.

[2]) Дѣянія всел. соборовъ. Казань, 1887. Т. I, стр. 112.

[3]) Тамъ же, Казань. 1878. Т. IV, стр. 100, 127, 169.

[4]) Тамъ же. Т. IV, стр. 119.

[5]) Тамъ же.

[6]) Тамъ же. Стр. 151.

въ дѣлѣ рукоположенія епископа ефесскаго. — „Пусть не нарушаются преимущества Константинополя!“, „это благочестивое рѣшеніе“ — такія выраженія, которыя не вяжутся съ совѣщательнымъ лишь голосомъ клира и мірянъ на соборѣ.

Подъ IV дѣяніемъ VII вселенскаго собора по римской редакціи подписей вслѣдъ за подписями епископовъ стоитъ безъ всякихъ оговорокъ болѣе 130 подписей игуменовъ, пресвитеровъ и иноковъ разныхъ обителей [1]).

---

[1]) Вотъ эти подписи: „Константинъ, недостойный епископъ карпійскій, во всемъ согласенъ съ вышеприведеннымъ ученіемъ святыхъ отцовъ и подписался... Стефанъ, епископъ синайскій, тоже. Савва, архимандритъ и игуменъ обители студійской, тоже. Григорій, игуменъ ормиздскій, тоже. Симеонъ, игуменъ хорскій, тоже. Іоаннъ, игуменъ пагурійскій, тоже. Евставій, игуменъ максимпискій, тоже. Іосифъ, игуменъ и архимандритъ праклійскій, тоже. Ѳома, инокъ и представитель Іоанна, игумена хеноласкскаго, тоже. Платонъ, игуменъ и архимандритъ саккодеонскій, тоже. Ѳеодоръ, игуменъ и архимандритъ пандскій, тоже. Макарій, игуменъ и архимандритъ вардскій, тоже. Стратегій, инокъ святаго Сіона, тоже. Григорій, игуменъ гіацинѳскій, тоже. Іосифъ, игуменъ акемидскій, тоже. Михаилъ, игуменъ святаго Петра, тоже. Ѳеодоръ, игуменъ и архимандритъ бодскій, тоже. Ѳеофилактъ, инокъ каѳскій, тоже. Константинъ, игуменъ калаврскій, тоже. Антоній, игуменъ дійскій, тоже. Иларій, игуменъ флорскій, тоже. Никита, игуменъ святаго Александра, тоже. Ѳеодоръ, игуменъ ксероципскій, тоже. Никита, игуменъ гудильскій, тоже. Никита, игуменъ святаго Иліи, тоже. Ѳеоктистъ, игуменъ авлетскій, тоже. Констасъ, игуменъ святаго Кирика, тоже. Стефанъ, игуменъ кареонскій и архимандритъ, тоже. Никифоръ, игуменъ святыя Богородицы, тоже. Ѳеофилактъ, игуменъ святаго Иліи, тоже. Іоаннъ, игуменъ хеноласкскій, тоже. Павелъ, игуменъ вистильскій, тоже. Стефанъ, игуменъ святаго Кирика, тоже. Лазарь, игуменъ святаго Автонома, тоже. Игнатій, игуменъ сикейскій, тоже. Григорій, игуменъ каллистратскій, тоже. Григорій, игуменъ мопагрскій, тоже. Сисиній, игуменъ аритскій, тоже. Анастасій, игуменъ Карнейскій, тоже. Ваанъ, игуменъ и архимандритъ ѳермскій, тоже. Петръ, игуменъ омерикскій, тоже. Стефанъ, игуменъ ѳермизскій, тоже. Ѳома, игуменъ Іерагаѳскій, тоже. Ѳеофилактъ, игуменъ каѳадскій, тоже. Никифоръ, игуменъ святаго Андрея, тоже. Давидъ, игуменъ святаго Ѳирса, тоже. Левъ, игуменъ святаго Георгія келлійскаго, тоже. Іоаннъ, игуменъ ласкскій, тоже. Левъ, игуменъ левскій, тоже. Григорій, игуменъ агаврскій, тоже. Ѳеодоръ, игуменъ латрскій, тоже. Досѳей, игуменъ мнемосинскій, тоже. Никифоръ, игуменъ святаго Сергія медиціонскаго, тоже. Ѳеодоръ, игуменъ аморійскій, тоже. Ѳеодоръ, игуменъ атрактскій, тоже. Константинъ, игуменъ святыхъ трехъ отроковъ, тоже. Іоаннъ, игуменъ циладскій, тоже. Антоній, игуменъ додекатропскій, тоже. Павелъ, игуменъ агпійскій,

Несомнѣнно, и монашествующіе тутъ пользовались такимъ же рѣшающимъ голосомъ, какимъ обладали епископы.

тоже. Павелъ, игуменъ святаго Петра пиманинскаго, тоже. Евхимонъ, игуменъ кризскій, тоже. Монарисъ, игуменъ исародскій, тоже. Епифаній, игуменъ паранандскій, тоже. Антоній, игуменъ перистеріонскій, тоже. Давидъ, игуменъ святаго Георгія, тоже. Іоаннъ, игуменъ святаго Зотика, тоже. Агаѳій, игуменъ святаго Ѳирса, тоже. Даніилъ (Гавріилъ), игуменъ святыхъ апостоловъ въ Магнезіи, тоже. Ѳеодосій, игуменъ святой Богородицы въ Перизетахъ, тоже. Каллистъ, игуменъ различныхъ монастырей кипрскихъ, тоже. Ѳеофилактъ, игуменъ бордскій, тоже. Ѳеодоръ, игуменъ лимбскій, тоже. Констасъ, игуменъ ипискій, тоже. Георгій, игуменъ домницкій, тоже. Евѳимій, игуменъ оксибедскій, тоже. Антоній, игуменъ узійскій, тоже. Василій, игуменъ святаго Андрея, тоже. Филиппъ, игуменъ святыя Богородицы въ Ортицидахъ, тоже. Акакій, инокъ святаго Ореста, тоже. Іоаннъ, игуменъ Спасителя, тоже. Петръ, инокъ и представитель целларійскій, тоже. Захарія, игуменъ сандейскій, тоже. Ѳеофилъ, инокъ и представитель игумена святыя Богородицы въ Фотинахъ, тоже. Кириктъ, игуменъ долокомскій тоже. Сергій, игуменъ гермійскій, тоже. Іоаннъ, пресвитеръ святаго Сергія Герлійскаго, тоже. Никита, игуменъ октайскій, тоже. Антоній, игуменъ аккаборскій, тоже. Петръ, игуменъ платаніискій, тоже. Маркъ, игуменъ святаго Іоанна Богослова, тоже. Левъ, игуменъ святыя Богородицы салдалской, тоже. Константинъ, игуменъ святаго Стефана антиспилійскаго, тоже. Ѳеодоръ, инокъ и представитель Ѳеодота, игумена святой Богородицы калокетской, тоже. Евтихіанъ, инокъ каллистратскій, тоже. Ѳеодотъ, инокъ святой Богородицы епиканзской, тоже. Іоаннъ, инокъ и представитель Стефана, игумена бонисскаго, тоже. Каллистъ, инокъ того же монастыря бонисской, тоже. Никита, игуменъ монастыря святой Богородицы, что въ Кастрѣ тійскомъ, тоже. Самуилъ, инокъ архангела Гавріила, тоже. Ѳеодосій, игуменъ святыя Троицы, тоже. Іоаннъ, инокъ и представитель Стратегія, игумена святой Богородицы, тоже. Иларіонъ, инокъ святой Богородицы целлійской, тоже. Ѳеодосій, инокъ святаго Ѳеодора сикундскаго, тоже. Павелъ, игуменъ святой Богородицы, тоже. Левъ, игуменъ святаго Киріака, тоже. Епифаній, игуменъ святой Богородицы лимпской, тоже. Георгій, игуменъ святой Богородицы, тоже. Косма, игуменъ святой Богородицы парадиской, тоже. Евхимонъ, инокъ Спасителя близъ Виранка, тоже. Варда, игуменъ и архимандритъ прусіадскій, тоже. Петръ, игуменъ святыхъ апостоловъ въ Кастропротилѣ, тоже. Василій, инокъ святой Богородицы въ Аморіѣ, тоже. Василій, пресвитеръ монастыря акеипетскаго, тоже. Филиппъ, игуменъ евменійскій, тоже. Василій, игуменъ святаго Луківна, тоже. Ѳеофилактъ, игуменъ Пегадія, тоже. Аѳѳимъ, инокъ исамаѳскій, тоже. Михаилъ, игуменъ святаго мученика Георгія, тоже. Христоферъ, игуменъ канделскій, тоже. Николай, игуменъ кепургскій, тоже. Михаилъ, инокъ и представитель игумена святой Богородицы пиргской, тоже. Григорій, игуменъ святой Богородицы символьской, тоже. Іоаннъ, игуменъ святой Богородицы рудской, тоже. Констасъ (Косма), игуменъ святаго

ны [1]), хотя по 4 правилу IV всел. собора они не принадлежали и къ клиру. — „Святый соборъ сказалъ: справедливость требуетъ, чтобы и достопочтенные иноки подали свой голосъ“ [2]).

Въ 893 году въ Константинополѣ состоялся соборъ для избранія преемника умершему патріарху Стефану: на этомъ соборѣ епископами, пресвитерами, монахами и сенатомъ на патріаршій престолъ былъ избранъ игуменъ Антоній Кавлей [3]). Такой способъ избранія патріарха практиковался и впослѣдствіи. Между документами, входящими въ составъ „Актовъ Константинопольскаго Патріархата“, существуетъ, говоритъ проф. А. П. Лебедевъ, одно письмо патріарха Матѳея (1397—1410 гг.), „повидимому писанное отъ лица синода константинопольскаго къ паствѣ города Анхіала“. Патріархъ Матѳей, между прочимъ, „разъясняетъ, какъ происходило дѣло въ томъ случаѣ, если сама паства имѣла въ виду достойнаго кандидата на должность архіерея. Паства въ этомъ случаѣ обращалась съ письменною просьбою на имя Константинопольскаго синода и патріарха, черезъ которую рекомендовала своего кандидата, какъ человѣка достойнаго занять каѳедру, и предоставляла синоду сдѣлать надлежащее разслѣдованіе относительно этого лица. При просьбѣ должно было быть приложено засвидѣтельствованіе отъ лица всѣхъ мѣстныхъ клириковъ. Всѣ этого рода грамоты долженъ былъ доставить въ Константинополь въ синодъ самъ кандидатъ лично, чтобы избиратели могли познакомиться съ ними и испытать его, буде же окажется онъ че-

---

Петра иденрскаго, тоже. Симеонъ игуменъ святой Богородицы аврамитской, тоже. Григорій, игуменъ святаго Климента, тоже. Ѳеогнисъ, игуменъ святаго апостола Тимоѳея на островѣ Критѣ, тоже. Іоаннъ, игуменъ святаго мученика Ѳеодора, тоже. Ѳеодосій, игуменъ святой Богородицы, тоже. Петръ, игуменъ святаго Іоанна Богослова на островѣ Критѣ, тоже.

[1]) Срав. тамъ же, дѣян. I, стр. 37, 45 и 49.

[2]) Тамъ же, дѣян. III, стр. 90.

[3]) Migne, Part. curs. compl., t. 106, p. 190. Acta, c. XI: Leo Grammatic., Bon., t. 46, p. 266; Continuat., p. 397; Sym. Mag., p. 702; Ioël, p. 56: Ephraemii, p. 401; Zonara, I. XIV, c. XII: Migne, t. 135, p. 68. Поповъ Н.—Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церк.-историч. отношеніи. М. 1892. Стр. 73.

ловѣкомъ безукоризненнымъ, тогда синодъ избираетъ и назначаетъ его, и именно его, а не другого кого" [1]).

Отъ активнаго участія на церковныхъ соборахъ клиръ и народъ не устранялись и въ позднѣйшее время.

Въ сочиненіе Никиты Акомината (Хоніата) Thesaurus orthodoxae fidei сохранились отрывки актовъ константинопольскаго собора по поводу толкованія словъ, читаемыхъ на тайной литургійной молитвѣ: „Ты еси приносяй и приносимый и пріемляй". Въ царствованіе императора Мануила Комнина, читаемъ въ актахъ, по поводу этихъ словъ возникли сомнѣнія и споры. Одни говорили, что крестная жертва принесена была только Отцу и Духу, а не самому Слову, принесшему себя въ жертву, утверждая, что въ противномъ случаѣ Сынъ Божій раздѣлился бы на два лица. Другіе же доказывали обратное мнѣніе, что крестная жертва принесена и Сыну, какъ нераздѣльному во Святой Троицѣ. По запросу вновь назначеннаго русскимъ митрополитомъ Константина, отбывавшаго на свою каѳедру, въ 1156 году, 26 января, индикта IV, въ храмѣ св. Ѳомы составился соборъ подъ предсѣдательствомъ патріарха константинопольскаго Константина и іерусалимскаго Николая [2]), въ присутствіи [3]) 4-хъ министровъ, при засѣдающихъ [4]) 23-хъ епископахъ востока и запада, при предстоящихъ [5]) сановникахъ, архонтахъ и многихъ другихъ [6]). Митрополитъ Константинъ полагалъ, что крестная жертва принесена была и ежедневно приносится нераздѣльной Троицѣ. Съ этимъ мнѣніемъ согласились большинство епископовъ, министры, сановники [7]), церковные должностные люди и другіе, кончая діаконами.

---

[1]) Ал. П. Лебедевъ—Очерки исторіи византо-вост. церкви XI—XV вв. М. 1892. Стр. 430—431.

[2]) Προκαθημένου τοῦ ἁγιωτατου ἡμων δεσποτου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ἐν τῳ Θωμαΐτῃ, συνδιατριβοντος αὐτῳ Νικολάου τοῦ ἱερωτάτου πατριάρχου Ἱεροσολύμων. Migne, Patrol. curs. compl., ser. gr., t. CXL p. 147—148.

[3]) Ἐπὶ παρουσίᾳ· Ib.

[4]) Συνεδριαζόντων. Ib.

[5]) Παρισταμένων. Ib. p. 149—150.

[6]) Καὶ ἑτέρων οὐκ ὀλίγων. Ib.

[7]) Συμφρόνας ἐπὶ τουτοις εὑροῦσα καὶ ὁμογνώμονας ὅσον τε τοῦ συλλόγου μέρος, ἐκ τῆς συγκλήτου συήδρευε, καὶ ὃς ἄλλοθεν παρεστηκώς ἐγνωρίζετο Ib. p. 151—152.

которые особенно поддерживали общесоборное мнѣніе [1]). Къ нему наконецъ присоединились и первоначально придерживавшіеся противоположнаго мнѣнія протекдикъ Михаилъ Солунскій и епископъ Драча Евстаѳій [2]). Но этимъ дѣло не кончилось. Соборъ подвергъ осужденію (безъименно) виновниковъ мнѣнія, будто крестная жертва принесена была только Отцу и Духу, а и не самому Слову, раскаявшихся же допустилъ къ общенію [3]). На соборномъ же засѣданіи были приведены и мнѣнія св. Отцовъ Церкви въ подтвержденіе принятаго толкованія словъ: „Ты еси приносяй и приносимый“ [4]).

Такъ какъ споры относительно пониманія ихъ всетаки не прекращались, то въ Константинополѣ въ 1157 году, 12 мая, V индикта соборъ происходилъ во Влахернскомъ дворцѣ подъ предсѣдательствомъ императора, въ присутствіи принцевъ, министровъ, сената, константинопольскаго патріарха Константина, іерусалимскаго Іоанна и только что избраннаго на каѳедру патріарха антіохійскаго, діакона Сотириха Пантевгена, при участіи 26-ти епископовъ патріархата (кромѣ тѣхъ, которые случайно пребывали въ столицѣ) и церковныхъ властей [5]).

На соборѣ прежде всего подтверждено было то, что въ 1156 году архіерен и прочіе участники собора рѣшили по запросу русскаго митрополита [6]). Потомъ, по желанію императора, относительно этого стали отбирать голоса отъ всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ, начиная съ чина діаконскаго [7]). Тогда діаконъ, дидаскалъ апостоловъ, Никифоръ

---

1) Οὐκ ὀλίγη τε τῶν περὶ τὸ βῆμα ἐλλογιμωτέρων εὐλαβεστατων διακονων ἀπόμοιρα οἵ γε καὶ ἀδιστάκτῳ γνώμῃ τοῖς περὶ τῆς προσαγωγῆς τῆς ζωοποιοῦ θυσίας διειλεγμένοις δεδογμένοις προσκεῖσθαι ξύμπαντες διετείναντο, ὡς μηδὲ συζητησιν διανοητικα ἔχουσι παρα τοῖς προσέκειν ὅλως εἰθέλουσιν. Ib.

2) Ib.

3) Ib., p. 153—154.

4) Ib., p. 155—178.

5) Συμπαρισταμένων καὶ τῶν θεοφιλεστατων ἐκκλησιαστικῶν ἀρχόντων. Ib., p. 177—180.

6) Ἀ... ἱερωτατοι ἀρχιερεῖς καὶ λοιποι, οἷς καὶ τινες ἐξ ἡμῶν τῷ τοτε συμπαρεγένηθησαν, ὡς πρὸς ἐρώτησιν εἰσαχθεῖσαν τὸ τηνικαῦτα παρὰ τοῦ ἱερωτάτου συναδέλφου ἡμῶν καὶ μητροπολίτου Ῥωσίας Κωνσταντίνου εὐσεβῶς ἀπεκρίναντο. Ib. p. 181.

7) Ἐ ἔπρεπε λοιπὸν διὰ ταῦτα καὶ ὑμῶν τοῦ καθ' ἕνα πυθέσθαι, ὅπως ἕκαστος ἔχει περὶ τούτου φρονήματος, καὶ δὴ καὶ τούτων ὁπόσοι τοῦ συλλόγου μέρος ὄντες, καὶ οὗτοι τὸ τίμιον ἐν διακόναις συνεξετάξονται. Ib. p. 185.

Василаки выступилъ съ особымъ мнѣніемъ, несогласнымъ съ общимъ ученіемъ [1]). Затѣмъ спрошенъ былъ какъ сочленъ собора упомянутый Сотирихъ, составившій послѣ собора 1156 года діалогъ, въ которомъ доказывалась нелѣпость церковнаго ученія по спорному вопросу [2]).—Такимъ образомъ эти оба лица участвовали на соборѣ какъ его члены, пользовавшіеся полными правами [3]).

Сотирихъ просилъ у собора времени на размышленіе, но безуспѣшно. Самъ императоръ склонялъ его отказаться отъ своего упорства и не вводить раздѣленія въ церковь. Сотирихъ не счелъ возможнымъ вести борьбу со столь внушительнымъ противникомъ и осудилъ свое собственное воззрѣніе и сочиненіе [4]). Однако и послѣ этого поднялся вопросъ о томъ, какъ поступить съ Сотирихомъ.

Большинство высказалось, что Сотирихъ долженъ быть лишенъ священнаго сана [5]), семь же членовъ собора (епископовъ) просили отложить рѣшеніе этого послѣдняго вопроса до слѣдующаго засѣданія, которое и состоялось 13 мая подъ предсѣдательствомъ императора [6]), въ присутствіи [7]) сановниковъ, патріарховъ [8]) и прочихъ архіереевъ [9]), но уже въ отсутствіе Сотириха. Къ слушанію соборнаго опредѣленія 12 мая рѣшено было пригласить Сотириха, къ которому и была отправлена коммиссія изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ съ предупрежденіемъ, что опредѣленіе можетъ быть заслушано и безъ него, если онъ не явится на соборъ. Сотирихъ, лежавшій въ лихорадкѣ, на соборъ прибыть отказался. Тогда, по прочтеніи соборнаго опредѣленія, всѣ при-

---

1) Ib.

2) Ἔδει καὶ τὸν ὑποφήτιον πατριάρχην Θεουπόλεως μεγάλης Ἀντιοχείας Σωτήριχον ὡς συνεδριάζοντα καὶ ταῦτον ἐρωτηθῆναι. Ib., 188.

3) Ѳ. И. Успенскій—Очерки по исторіи византійской образованности. СПб. 1892, стр. 219.

4) Ἀναθέματι καθυποβάλλω. Ib., p. 190.

5) Συνδιασκεψαμένοις οὖν ἡμῖν ἐν κοινῷ περὶ τούτου (εἰς ἀνασκοπὴν συνελθόντες, ib., p. 196) ἀπεντεῦθεν πάσης ἱερατικῆς ἀξίας ἀνάξιος κεκρίται. Ib., p.189.

6) Προκαθημένου τοῦ θεοστέπτου βασιλέως., Ib. p. 193.

7) Περισταμένων. Ib., p. 193.

8) Συνεδριαζόντων, Ib., p. 193.

9) Συνδιαγνωμονούντων. Ib., p. 196.

шли къ единодушію, въ томъ числѣ и семь епископовъ, желавшихъ было спасти Сотириха отъ низложенія [1]).

Хотя соборныя опредѣленія съ низложеніемъ Сотириха и были подписаны только патріархами, митрополитами, архіепископами и епископами [2]), однако можно-ли утверждать, что на соборахъ 1156—1157 г. г. императоръ, сановники церковныя власти и діаконы располагали лишь совѣщательнымъ голосомъ?

Подобный же составъ членовъ мы видимъ и на константинопольскомъ соборѣ 2 марта 1166 года, созванномъ тѣмъ же императоромъ Мануиломъ для выясненія словъ Спасителя: „Отецъ Мой болій Мене есть“. Изложеніе дѣяній этого собора находится опять въ сочиненіи Никиты Акомината Thesaurus [3]). Подъ ними стоятъ подписи трехъ патріарховъ, множества митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ [4]). И однако наряду съ послѣдними подавали свои голоса и великій экономъ, и скевофилаксъ, и саккеларій, и кантризій, и референдарій, и остіарій и тому под. лица [5]).—Къ изложенному еще слѣдуетъ добавить, что самъ историкъ Никита Акоминатъ, сохранившій намъ свѣдѣнія о всемъ этомъ, всегда пользовался большимъ уваженіемъ къ наукѣ за искренность тона, истинность и безпристрастіе своего повѣствованія [6]).

Въ 1283—1284 г. г. константинопольскій соборъ, состоявшій изъ епископовъ, клириковъ, сенаторовъ и ученыхъ, снова судилъ низложеннаго патріарха Іоанна Векка [7]). Историкъ Никифоръ Григора объ этомъ соборѣ замѣчаетъ, что „ложь взяла бы верхъ надъ истиною и ловкость осилила добродѣтель, если бы патріархъ Григорій и великій логоѳетъ Музалонъ (ученый вельможа) не противостали ему

---

[1]) Καὶ ὡς οὐδεὶς ἐξ ἡμῶν ἀμφιβάλλων πρὸς τὸ ἀναγνωσθῆναι τοῦτο ἐτύγχανεν ἀντεγνώσθη αὐτό. Τῶν ἄλλων ἁπάντων εἰπόντων ἀναξίαν πασῆς ἱερατικῆς καταστάσεως εἶναι εἴπομεν καὶ ἡμεῖς Ib., p. 197.

[2]) Ib., p. 197—201.

[3]) Ib., p. 202—282.

[4]) Ib., p. 256—261; 280—281.

[5]) Напр., ὁ δεύτερος ὁστιάριος εἶπε ταῖς γνώμαις τῶν ἁγιωτάτων πατριαρχῶν στοιχεῖν. Ib., 249

[6]) Проф. Ал. П. Лебедевъ .—Очерки исторіи византійской церкви XI—XV вв. М. 1882, стр. 21.

[7]) Ibid., стр. 353.

(Векку) со своей обширной ученостью и избранными мѣстами Св. Писанія и тѣмъ не укротили его бурной рѣчи". (Римская исторія, кн. VI, гл. 2) [1]—Какое знаменательное сопоставленіе: патріархъ Григорій и міряпинъ Музалонъ, и голоса ихъ одинаково авторитетны на соборѣ!

Въ началѣ XIV в. цѣлая половина епископовъ, многіе игумены и нѣкоторые клирики рѣшили не имѣть общенія съ суровымъ патріархомъ Аѳанасіемъ, который и вынужденъ былъ удалиться съ каѳедры, при чемъ онъ издалъ однако грамоту, проникнутую духомъ всепрощенія и примиренія со всѣми [2]).

На этомъ, думается, можно пока и остановиться. Къ фактамъ рѣшающаго вліянія клира и мірянъ на соборныя постановленія, указаннымъ прежде, мы присоединяемъ нѣкоторое дополненіе въ томъ же смыслѣ—за время выработки каноническаго кодекса православно-восточной церкви. Сравнивая теперь весь извѣстный уже историческій матеріалъ, касающійся участія клира и мірянъ на соборахъ, мы видимъ, сколь многаго „не договариваютъ" объ этомъ „не многословные" каноны. Идея закономѣрнаго участія клира и мірянъ въ дѣятельности соборовъ, не смотря на стремленія узаконить его фактическое нарушеніе, всегда была присуща церковному сознанію, хотя иногда и въ искаженномъ видѣ. Клиръ и міряне сначала въ своемъ большинствѣ, а потомъ въ лицѣ своихъ представителей (хорепископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ и чтецовъ, императоровъ, сената и сановниковъ) присутствовали на соборахъ, принимали живое и непосредственное участіе въ обсужденіи соборныхъ дѣлъ, брали на себя инпціативу соборныхъ рѣшеній, подавали свои голоса наряду съ епископами, самостоятельно подписывали соборные акты [3]).—Такимъ образомъ, каноны, въ

---

1 Визант. историки, перев. съ греч. при С.-Петерб. Дух. Академіи, Спб. 1862. Т. I, стр. 162.

2) Ал. П. Лебедевъ.—Очерки исторіи визант. вост. церкви. М. 1892, стр. 386, 390.

3) Дѣян. всел. соборовъ (въ русск. перев. Казань. 1878. Т. IV. Халкидонскаго соб. дѣяніе V, стр. 45; дѣян. X, стр. 109. Казань. 1882, Т. VI, Констан. 3-го, всел. IV соб. дѣян. IV, стр. 74; тамъ же (стр. 312), въ началѣ подписей подъ опредѣленіями собора, читается подпись императора киноварью. Срав. дѣян. I и II Халкидон. собора.—Казань. 1879. Т. III стр. 133, 220—221.

ихъ настоящемъ видѣ умалчивающіе о всемъ этомъ, представляютъ собою одно, а церковно-историческая дѣйствительность—другое: она въ широкомъ смыслѣ понимала начало соборности, при которомъ всѣ члены Христова тѣла—церкви имѣютъ одинаковое право на участіе въ устроеніи жизни. И до сихъ поръ еще никто не заявлялъ, что самостоятельныя подписи и „благочестивыя рѣшенія“ клира и мірянъ на прежнихъ соборахъ „неканоничны“. Поэтому, если бы за этими элементами былъ хотя и одинъ фактъ рѣшающаго голоса въ церковной жизни, то и тогда мы были бы въ правѣ надѣяться, что такой фактъ безъ нарушенія каноновъ возможенъ и въ настоящее время. Да будетъ же дана возможность и на нашемъ предстоящемъ „чрезвычайномъ“ соборѣ наравнѣ съ епископами подавать свои голоса съ „благочестивыми рѣшеніями“ и клиру, и мірянамъ! Лишь при этомъ условіи можно надѣяться на оживленіе церковной жизни, какимъ поражаютъ насъ христіане первыхъ вѣковъ.

Свящ. Николай Поповъ.

Протоколъ собранія Коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17-го октября“ отъ 13 марта 1906 года.

Собраніе началось чтеніемъ протокола предыдущаго собранія. Затѣмъ, согласно съ послѣдовавшими заявленіями, о. Предсѣдателемъ Коммиссіи, прот. Н. Добронравовымъ, предложено было избрать новыхъ членовъ Коммиссіи. Избранъ Алексѣй Яковлевичъ Евдокимовъ. Послѣ этого собранію предложенъ былъ о. Н. Г. Поповымъ рефератъ на тему: „По вопросу о составѣ предстоящаго церковнаго собора“. (См. стр. 106 и сл.).

Въ послѣдовавшихъ за рефератомъ разсужденіяхъ прежде всего дано было нѣкоторое освѣщеніе литературы вопроса, которую указалъ референтъ.

О. прот. Добронравовъ сказалъ, что въ его статьѣ мнѣніе о совѣщательномъ голосѣ клира и мірянъ не есть мнѣніе твердо высказанное. „Моя мысль по существу не расходится съ высказаннымъ редакціей „Богословскаго Вѣстника“ и съ статьей проф. Мищенко. Самъ я держусь мнѣнія Ѳ. И. Мищенко. Голосъ епископовъ на соборѣ имѣлъ больше значенія, чѣмъ голосъ мірянъ, но епископы никогда не поступали вопреки голосу мірянъ, если не желали дурныхъ послѣдствій. Особое положеніе въ литературѣ вопроса о предстоящемъ соборѣ занимаетъ статья проф. Лебедева. Н. Г. Поповъ не желаетъ ясно указать мысли проф. Лебедева. Проф. Лебедевъ поставляется у него на ряду съ прочими авторами, писавшими о соборѣ. Но всѣ они рѣзко расходятся съ А. П. Лебедевымъ. Всѣ они говорятъ, что только одно доброе выходило отъ участія мірянъ на соборахъ, а Лебедевъ вторитъ Волынскому епископу: „ради Бога не пу-

скайте мірянъ на соборъ". Исторія (по Лебедеву) показала, будто допущеніе мірянъ было вредно для дѣла. Референтъ долженъ былъ бы все это отмѣтить".

Референтъ возражалъ, что сужденія Лебедева не расходятся принципіально съ другими авторами. Какъ человѣкъ науки, онъ высказывается въ желательномъ смыслѣ. Личное же его мнѣніе для насъ неважно. А. П. Лебедевъ находитъ неприличнымъ участіе мірянъ въ церковныхъ рѣшеніяхъ, но это вопросъ условный.

А. И. Покровскій также отмѣтилъ, что проф. Лебедевъ принципіально защищаетъ присутствіе мірянъ на соборѣ. Выраженіе народомъ согласія на постановленія епископовъ, говоритъ онъ, не было дѣломъ пустымъ. Рѣшеніе епископовъ, по категорическому заявленію проф. Лебедева, не имѣло значенія. Все дѣло было въ рецепціи народа. Если профессоръ вооружается противъ участія мірянъ, то только потому, что это участіе было неправомѣрно, въ видѣ давленія на дѣла со стороны императоровъ и сановниковъ. Въ такомъ видѣ это участіе и, дѣйствительно, нельзя признать желательнымъ. Кромѣ того, временное исключеніе мірянъ теперь, по его мнѣнію, нужно и по соображеніямъ тактическаго свойства: въ настоящее время настолько ослабла церковная мысль, что даже одни епископы, пожалуй, сразу не столкуются. Профессоръ смотритъ на дѣло съ практической стороны. Сначала пусть епископы выработаютъ основанія всеобщаго приглашенія мірянъ, а затѣмъ и міряне войдутъ на соборъ.

На возраженіе *о. Кедрова*, что можно ли разсчитывать на правильное разрѣшеніе этого вопроса епископами, *А. И. Покровскій* отвѣтилъ, что проф. Лебедевъ все же не придаетъ рѣшающаго значенія первому собору изъ однихъ епископовъ; онъ смотритъ на него, скорѣй какъ на учредительный, который долженъ разработать организацію непосредственно слѣдующаго за нимъ, настоящаго полнаго собора.

Далѣе *о. прот. Добронравовъ* коснулся вопроса о подлинности подписей пресвитеровъ подъ актами 2 го Вселенскаго собора. Древніе церковные историки очень мало говорятъ объ участникахъ этого собора. Подвергаются сомнѣнію и самыя подписи подъ его актами.

Н. Г. Поповъ отвѣтилъ, что онъ въ наукѣ сомнѣній не

встрѣчалъ. Если же мы будемъ подвергать сомнѣнію подписи пресвитеровъ, то такому же сомнѣнію подвергнутся и подписи епископовъ: и во всякомъ случаѣ не на нашей обязанности лежитъ доказательство подлинности этихъ подписей.

Видное мѣсто въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ занималъ вопросъ о значеніи голоса клира и мірянъ на соборахъ. *О. прот. Добронравовъ* указалъ на то, что у древнихъ церковныхъ писателей III в., напр., у св. Кипріана Карѳагенскаго, этотъ голосъ обозначался терминомъ suffragium—подача голосовъ: очень было бы желательно выяснить, что собственно означало это слово у знаменитыхъ римскихъ юристовъ той эпохи: Гая, Папиніана, Ульпіана, Модестина и др.; вѣдь св. Кипріанъ въ юности изучалъ римскую юриспруденцію, готовясь сдѣлаться адвокатомъ, такъ что, несомнѣнно, слово suffragium онъ употреблялъ въ томъ же смыслѣ, какъ и римскіе юристы его времени. Если это выяснить, то будетъ ясно и значеніе голоса клира и мірянъ на соборахъ: былъ ли этотъ голосъ только совѣщательный или рѣшающій.

Проф. Каптеревъ высказалъ предположеніе, не принимались ли на соборахъ во вниманіе только доказательныя мнѣнія клириковъ и мірянъ, напр. Аѳанасія и другихъ. Голосовки, можетъ быть, и не было. Но выступали спеціалисты и ихъ голосъ имѣлъ значеніе.

Н. Г. Поповъ. Вся бѣда въ томъ, что слишкомъ узко понимаютъ значеніе совѣщательнаго голоса.

А. П. Покровскій. Я протестую противъ самого слова „совѣщательный", ибо у насъ это понятіе модернизируютъ. И это нужно выяснить. Термина „совѣщательный" въ древней церкви не было: тамъ всѣ голоса имѣли одинаковую силу, различаясь только по степени своей убѣдительности. Голосъ пустынника Пафнутія на 1-мъ всел. соборѣ вѣсилъ, напр., гораздо больше голоса многихъ епископовъ; suffragium есть голосъ рѣшающій, какъ это довольно убѣдительно было выяснено на университетскомъ диспутѣ пр.-доц. Гидулянова профессоромъ Н. С. Суворовымъ.

Проф. Н. Ф. Каптеревъ. О томъ же говоритъ и древнерусское сознаніе. При патріархѣ Никонѣ Неронов говорилъ: „царь, собери соборъ, но не жидовское сонмище, а настоящій изъ епископовъ, игуменовъ, священниковъ, діаконовъ,

мірянъ, пустынниковъ, которые угодили Богу". Очевидно для того, чтобы каждый имѣлъ голосъ, и голосъ пустынника былъ особенно желателенъ. Отъ личности зависѣло и значеніе голоса: чѣмъ выше была личность въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ выше и ея голосъ.

Н. П. Поповъ разъяснилъ, что suffragium есть подача голосовъ въ плебисцитѣ. Самое слово происходитъ отъ sub-frango — отламываю черепокъ (разсказъ объ Аристидѣ у у Корнелія Непота) и означаетъ голосъ рѣшающій.

А. П. Покровскій подвергъ принципіальному сомнѣнію самую значимость историческихъ фактовъ для рѣшенія вопроса о роли мірянъ въ церкви. Положительные факты отрывочны, случайны и неопредѣленны, и главное—имъ всегда можно противопоставить такое же количество и отрицательныхъ случаевъ. Ясно, что критерій для рѣшенія вопроса — не въ этихъ случайныхъ историческихъ фактахъ, а въ самомъ существѣ дѣла, т. е. въ догматическомъ принципѣ церковной соборности, который не всегда ясно сознавался и фактически выражался въ исторіи. Можно даже и наблюдать довольно раннюю историческую тенденцію къ ограниченію правъ мірянъ и увеличенію правъ епископа, такъ что даже на вселенскихъ соборахъ и то уже не было полнаго представительства. Міряне здѣсь часто замѣняла бюрократія: чиновники, императоры. Только въ первые вѣка было истинное положеніе дѣла, и они предпочтительно должны служить для насъ образцомъ.

О. Н. Г. Поповъ. Необходимо указать факты; иначе не будетъ достаточной почвы.

О. Цвѣтковъ. Сейчасъ мы уже видимъ фактическое участіе мірянъ въ будущемъ соборѣ. Починъ въ вопросѣ о соборѣ былъ сдѣланъ міряниномъ Тихомировымъ его брошюрой. Ознакомившись съ трудомъ Тихомірова, Государь Императоръ (міряпинъ) дѣлаетъ властный починъ въ созывѣ собора. Наконецъ, предсоборная коммиссія, состоящая въ значительной степени изъ мірянъ, служитъ прецедентомъ и для будущаго участія мірянъ на соборѣ.

Прот. Добронравовъ. Я придаю прочитанному реферату большое значеніе. Если ограничивать значеніе приведенныхъ въ немъ фактовъ, то можно, пожалуй, не найти другихъ.

П. М. Громогласовъ. Изъ предшествующихъ разсужденій

выяснилось, что нужно осторожно относиться къ извѣстіямъ о роли мірянъ на соборахъ. Насъ интересуютъ два вопроса. Во 1-хъ, могутъ ли міряне присутствовать на соборѣ? Во 2-хъ, какой голосъ они имѣли? Для рѣшенія этихъ вопросовъ привлекаются каноны и историческіе факты. Но каноны не есть полный комплектъ существующихъ положеній. Они не отражаютъ всего процесса развитія церковныхъ нормъ. Возможно, что нѣкоторыя церковныя черты съ нихъ стерты. Поэтому нельзя придавать большого значенія канонамъ. Что касается историческихъ фактовъ, то они разнообразны: въ нихъ замѣчается колебаніе. Является вопросъ: выражаютъ ли факты правомѣрное явленіе или отклоненіе отъ нормъ? Если воспользоваться историческими указаніями, то можно установить, что участіе мірянъ на соборахъ доказать можно, но роль ихъ опредѣлить нельзя. Въ виду всего этого является необходимость рѣшать вопросъ принципіально. Принципомъ является идея соборности, когда всѣ члены церкви должны принимать живое участіе въ соборѣ. Наиболѣе смущаютъ при этомъ догматическіе вопросы. Говорятъ, что ихъ должны рѣшать только епископы, такъ какъ они болѣе облагодатствованы. Но съ этимъ согласиться нельзя, такъ какъ хранителемъ вѣры являются не одни только епископы, но все тѣло церкви. Поэтому и міряне одинаково могутъ принимать участіе въ рѣшеніи догматическихъ вопросовъ. Что же касается практическихъ вопросовъ, то тутъ не требуется и особаго водительства благодати Божіей. Компетентный голосъ свѣдущихъ мірянъ тутъ можетъ быть иногда даже дороже и епископскаго.

Согласно съ П. М. Громогласовымъ, о второстепенномъ значеніи каноновъ по сравненію съ христіанскими принципами высказался и *Н. П. Поповъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ сдѣланы были нѣкоторыя фактическія добавленія къ реферату по вопросу о подписяхъ клира подъ актами русскихъ соборовъ. Такъ, напр., подъ соборомъ, бывшимъ въ XVII в. относительно Григорія Перопова, подписей бѣлаго духовенства приходится наполовину. Изъ разсмотрѣнія этихъ актовъ также выясняется, что подписи собирались позднѣе, не на самихъ соборахъ.

Ник. Дм. Кузнецовъ. Принципіальная точка зрѣнія должна служить основнымъ моментомъ въ рѣшеніи затронутаго во-

проса. Мы должны бояться простого народа, если русскій соборъ по внѣшнему виду не будетъ походить на прежніе. На вселенскихъ соборахъ представителемъ всѣхъ мірянъ быть Императоръ. Присутствіе Императора обезпечивало самую рецепцію. Если же понятіе объ Императорѣ у насъ иное, то нужно допустить въ церкви институтъ представительства отъ мірянъ.

О. Предсѣдатель Коммиссіи, прот. Добронравовъ, дѣлаетъ слѣдующее заключеніе:

Рефератъ не расходится съ нашими раннѣйшими выводами. Ник. Григ. сдѣлалъ большую услугу нашей Коммиссіи, заполнивъ существовавшій пробѣлъ: онъ указалъ самое живое и дѣятельное участіе клира и мірянъ на соборахъ Византіи въ болѣе позднее время, — послѣ IX вѣка. Очень желательно, чтобы рефератъ былъ напечатанъ.

Вторая половина засѣданія была посвящена чтенію и обсужденію записки А. И. Покровскаго „о возникновеніи коммиссіи по духовнымъ вопросамъ при Союзѣ 17-го Октября“ и объ ея задачахъ.

Очеркъ характеристики древне-русскихъ церковныхъ соборовъ.

„Соборы отстояли для человѣка великое ученіе, благотворные плоды котораго питаютъ его донынѣ въ продолженіе многихъ вѣковъ, облагораживая его помыслы и направляя его къ безконечно высокой цѣли“.

Хомяковъ. Сочиненія т. V II стр. 49.

Въ высшей степени справедливыя слова эти нашего великаго отечественнаго богослова и философа покойнаго А. С. Хомякова о значеніи вселенскихъ церковныхъ соборовъ имѣютъ отчасти приложеніе и къ древне-русскимъ соборамъ.

Въ извѣстныхъ отношеніяхъ и соотвѣтственной мѣрѣ и они „отстаивали для насъ, русскихъ людей, великое ученіе, облагораживали и возвышали помыслы нашихъ предковъ и также умѣли направлять ихъ къ безконечно высокимъ цѣлямъ“. Справедливость сказаннаго краснорѣчиво подтверждается какъ внѣшнею, такъ и внутреннею исторіею древне—русскихъ соборовъ въ ея связи съ историческою жизнію общества.

Въ виду понятнаго интереса, возбужденнаго въ наши дни къ выдвинутому теченіемъ общественной жизни и поставленному на самую первую и неотложную очередь для рѣшенія вопроса о созывѣ помѣстнаго всероссійскаго церковнаго собора, настоящая статья даетъ справку о бывавшихъ на Руси ранѣйшихъ церковныхъ соборахъ. При чемъ означенная справка совсѣмъ далека отъ мысли о какихъ-либо строго научныхъ изысканіяхъ по предмету вопроса и совершенно не претендуетъ на вполнѣ точное и всестороннее его развитіе и разработку.

Настоящая справка имѣетъ въ виду лишь одну ближайшую цѣль—посильное освѣщеніе вопроса съ тѣхъ именно его сторонъ, съ которыхъ возбуждено къ нему въ современномъ обществѣ большее или меньшее вниманіе и любопытство. А такими сторонами въ нашемъ вопросѣ, поскольку можно безошибочно судить на основаніи отзывовъ и заявленій современной свѣтской и духовной печати, являются вопросы: а) о времени возникновенія церковныхъ соборовъ на Руси и продолжительности ихъ существованія въ связи съ постепеннымъ развитіемъ ихъ, б) о лицахъ, участвовавшихъ въ соборахъ и соборныхъ рѣшеніяхъ, в) объ отношеніи къ соборамъ верховной гражданской власти и наконецъ г) о самыхъ предметахъ соборныхъ совѣщаній. Очеркомъ означенныхъ вопросовъ, по нашему мнѣнію можетъ быть изображена болѣе или менѣе цѣлостная картина исторіи древне-русскихъ церковныхъ соборовъ, ознакомленіе съ которой, можетъ быть, нѣсколько поможетъ разобраться въ вопросѣ о желательномъ правильной постановки помѣстнаго всероссійскаго собора, созваніе котораго готовится въ наши дни. Но предъизображеніе этой картины мы все же не можемъ не оговорить тѣмъ примѣчаніемъ, которымъ старинные троицкіе переписчики снабжали свои книги въ концѣ. „Отцы и братіе, оже ся гдѣ будетъ описали, или переписали, или не дописали, чтите исправливая Бога дѣля, а не кляните, зане же книги ветшаны, а умъ молодъ, не дошелъ".

I.

„Дважды въ годъ да бываетъ соборъ епископовъ", предписываетъ 37-е правило апостольское, „и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія" [1]). „Дващи въ лѣто собору быти, еже сходитися всея области епископомъ, идѣже повелитъ митрополитъ". „Повелѣно быть соборомъ бывати по вся лѣта, собиратися всѣмъ области епископомъ, идѣже аще повелитъ митрополитъ" [2]) — повторяютъ затѣмъ тоже

[1]) См. Догматич. Богосл. Макарія изд. 1857 г., т. 2-й, § 175.

[2]) Тамъ же и Христіан. Чтеніе. Февраль, 1906 г. стр. 240.

постановленіе вышеозначеннаго апостольскаго правила и правила соборовъ Лаодикійскаго (39-е) и 4-го вселенскаго (19-е).

Естественная и вполнѣ законная сообразно съ вышеозначенными правилами для всякой истинно православной церкви соборная форма рѣшенія важнѣйшихъ церковныхъ вопросовъ была усвоена и нашимъ древнерусскимъ церковнымъ управленіемъ уже въ самый первоначальный періодъ исторіи отечественной церкви [1]). Такъ уже ближайшій ко времени святого просвѣтителя Руси благовѣрнаго князя Владиміра—кіевскій митрополитъ Иларіонъ въ одномъ изъ своихъ словъ, обращаясь къ равноапостольному Владиміру, между прочимъ говоритъ: „великій князь Константинъ съ святыми отцами Никейскаго собора законъ человѣкомъ полагаше, ты же съ новыми отцами нашими епископы снимаяся (сходясь), часто совѣщавашеся, како въ человѣцѣхъ сихъ новопознавшихъ Господа законъ уставиши“ [2]). Правда, что слишкомъ скудны,—чтобы не сказать болѣе,—сохранившія намъ исторіею свѣдѣнія о нашихъ древнерусскихъ церковныхъ соборахъ за первоначальный періодъ исторіи нашей церкви. Въ большинствѣ случаевъ свѣдѣнія эти ограничиваются только лишь указаніемъ года собора, или мѣстности, гдѣ онъ происходилъ съ чрезвычайно рѣдкимъ и краткимъ указаніемъ другихъ интересныхъ въ вопросѣ подробностей—напримѣръ имени предсѣдателя собора, или князя, при которомъ происходилъ соборъ. Тѣмъ не менѣе эта скудость и краткость историческихъ свѣдѣній о древне-русскихъ церковныхъ соборахъ, конечно, отнюдь не должна приводить насъ къ мысли объ отрицаніи самаго факта ихъ существованія или о какомъ либо численномъ ограниченіи соборовъ въ такъ называемый кіевскій періодъ Руси и это прежде всего потому, что и о всякомъ другомъ фактѣ или явленіи древнерусской общественной жизни мы имѣемъ отнюдь не больше точныхъ и достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, и по недостатку или ограниченности такихъ

---

[1]) Голубинскій. Исторія русской церкви т. I-й, 1-я половина тома стр. 428 и др.

[2]) Похвальное слово м-та Иларіона великому князю Владиміру. Твор. св. отц. 1844 г., кн. 2-я.

свидѣтельствъ намъ поневолѣ пришлось бы успокоиться на безотрадной мысли объ отрицаніи такихъ фактовъ, которые тѣмъ не менѣе должны быть по всей справедливости причислены къ области строго научныхъ историческихъ выводовъ и гипотезъ. Скудныя историческія свѣдѣнія о явленіяхъ древне исторической жизни, естественно, возлагаютъ на изслѣдователя обязанность болѣе внимательнаго къ нимъ отношенія и тщательнѣйшаго и обстоятельнаго изученія ихъ. Равнымъ образомъ мы не имѣемъ также въ своемъ распоряженіи достаточныхъ историческихъ данныхъ на то, чтобы ограничивать, какъ обнаруживаютъ стремленіе это сдѣлать нѣкоторые [1]) изслѣдователи древнерусскихъ церковныхъ соборовъ, ихъ число извѣстною опредѣленною цифрою четырехъ соборовъ—1051-го, 1147-го, 1168 и 1171 годовъ. Это ограниченіе несомнѣнно будетъ стоять въ прямомъ противорѣчіи съ принятымъ нашею іерархіею съ самаго начала христіанства при св. Владимірѣ правиломъ церкви древнехристіанской о собраніи помѣстныхъ соборовъ епископовъ по крайней мѣрѣ дважды въ годъ для общихъ разсужденій о дѣлахъ церковныхъ. А что означенное правило дѣйствительно было воспринято нашею церковію на самыхъ первыхъ порахъ ея существованія, это подтверждается и современнымъ свидѣтельствомъ изъ 12-го вѣка. Въ означенное время митрополитъ всея Руси Іоаннъ [2]) по вопросу о соборахъ церковныхъ напоминаетъ своимъ собратьямъ епископамъ это древне-христіанское установленіе и требуетъ отъ нихъ точнаго его исполненія [3]). Очевидно, что правило о собраніи въ помѣстный соборъ епископовъ болѣе или менѣе строго соблюдалось въ древнерусской церкви до XII столѣтія и только лишь въ половинѣ послѣдняго столѣтія стали наблюдаться отклоненія отъ него въ церковной жизни, повлекшія за собою вышеозначенное напоминаніе митрополита Іоанна. Иначе совершенно непонятно, какой смыслъ

---

[1]) См. Лихницкій. Освященный соборъ въ Москвѣ въ XVI и XVII в.в. Христ. Чтеніе. Январь 1906 г. стр. 74. Примѣч. 11-е. Впрочемъ въ примѣчаніи 14-мъ на на стр. 76 авторъ названнаго изслѣдованія замѣняетъ означенное число четыре—пятью соборами.

[2]) Іоаннъ 2-й.

[3]) Русскія достопамятности, ч. I-я правило митрополита Іоанна.

могло бы имѣть напоминаніе митрополита о томъ, чего раньше никогда не соблюдалось въ практикѣ церковной жизни II такъ, мы должны на основаніи вышеизложеннаго допустить, какъ имѣющее полную историческую достовѣрность, предположеніе, что помѣстные соборы въ древнерусской церкви въ періодъ Кіевскій или домонгольскій не сомнѣнно существовали и ихъ было гораздо большее число, чѣмъ какимъ желаютъ ограничить ихъ нѣкоторые изъ современныхъ изслѣдователей. „Въ періодъ домонгольскій, справедливо говоритъ нашъ отечественный ученый историкъ академикъ Е. Голубинскій, епископы собирались къ митрополиту въ Кіевъ гораздо чаще, нежели какъ это стало въ послѣдствіи и соборы не ежегодно регулярные и необязательные были устрояемы митрополитами довольно не рѣдко". „Въ періодъ домонгольскій, продолжаетъ онъ, митрополиты греки, послѣдуя добрымъ обычаямъ своей родины, нѣтъ сомнѣнія, и при отсутствіи регулярныхъ соборовъ, въ достаточной степени поддерживали духъ коллегіальности и братства между епископами и духъ совѣщательности въ общецерковномъ управленіи". [1]) — Мы не имѣемъ достаточныхъ историческихъ данныхъ къ подтвержденію мысли, что извѣстное напоминаніе митрополита Іоанна собратьямъ соепископамъ о соборахъ принято было ими съ того времени къ точному исполненію, хотя равно также нѣтъ историческихъ данныхъ и къ утвержденію мнѣнія противоположнаго, однако, въ опроверженіе мысли, будто за весь кіевскій періодъ нашей церковной исторіи сохранились свѣдѣнія всего лишь о четырехъ церковныхъ соборахъ, мы считаемъ необходимымъ присовокупить также и упоминаніе нѣкоторыхъ лѣтописей подъ 1108 г.—стало быть еще раньше напоминанія митрополита Іоанна — о соборѣ, бывшемъ въ Кіевѣ, на которомъ между прочимъ былъ сопричисленъ къ лику святыхъ преподобный Ѳеодосій печерскій (1074 †) [2]). Въ томъ, что событіе причисленія къ лику святыхъ преподобнаго Ѳеодосія совершено было соборно не сомнѣвается и извѣстнѣйшій нашъ отечественный агіографъ — покойный архіепископъ Владимірскій Сергій, который говоритъ, что печерскій игу-

---

[1]) Истр. р. церк., тамъ же, стр. 295—296.

[2]) Никоновская лѣтопись, ч. II, см. Христ. чтеніе 1852 г. I, стр. 304.

менъ Ѳеодосій со причисленъ къ лику святыхъ соборно [1]). И естественно, что столь важное дѣло, какъ сопричисленіе къ лику святыхъ, отнюдь не могло быть, какъ кажется, никогда не бывало и позднѣе въ допетровской Руси, безъ соборнаго рѣшенія и изслѣдованія [2]).

Въ древней Руси, говоритъ Голубинскій, существовалъ обычай, чтобы священники епархій ежегодно собирались къ своимъ архіереямъ на епархіальные соборы или сборы. Опредѣленнымъ временемъ этихъ сборовъ была недѣля православія или первая недѣля великаго поста, которая и получила отъ нихъ названіе соборною (II. Р. Ц. стр. 482 т. I,— 1-я полов. 7 отд.).

Но для насъ важенъ въ настоящее время не столько вопросъ о томъ или иномъ количествѣ церковныхъ соборовъ въ Кіевской или домонгольскій періодъ нашей церковной исторіи, сколько лишь самый фактъ существованія соборной формы рѣшенія церковныхъ вопросовъ въ этотъ самый начальный періодъ историческаго бытія нашей церкви. Мало того: въ этотъ именно періодъ обнаруживается весьма важное и знаменательное въ исторіи древнерусскихъ церковныхъ соборовъ явленіе, постепенно за тѣмъ развивавшееся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, почти до времени образованія Московскаго государства и царства—это именно стремленіе наряду съ попытками отстоять какъ можно большую самостоятельность автокефальной церкви въ дѣлахъ внутренняго управленія церковнаго, права и прерогативы первоіерарха (митрополита) постепенно перенести на соборъ епископовъ области, дабы такъ или иначе оградить самостоятельность церковной жизни отъ самовластія Константинопольскаго патріарха и его гражданскаго правительства. Подъ вліяніемъ этихъ освободительныхъ попытокъ власть первоіерарха русской церкви видимо начинаетъ слабѣть и, хотя номинально остается при прежнихъ своихъ правахъ и привиллегіяхъ,

---

[1]) Полный мѣсяцесловъ Востока т. II, стр. 114.

[2]) Никоновская лѣтопись (ч. II,) и Татищевъ (исторія кн. 3) говорятъ о Кіевскомъ соборѣ въ 1171 г., созванномъ для суда надъ епископомъ ростовскимъ Ѳеодоромъ. Но древнѣйшіе лѣтописцы говорятъ только: „посла Ѳеодора Андрей—князь Суздальскій, къ митрополиту въ Кіевъ; митрополитъ же повелѣ ему языкъ урѣзати, яко злодѣю и руку правую уяти. См. лѣтописи Лаврент. 152., Суздальск. 77; нашъ цитатъ заимствованъ изъ журнала Христіан. чтеніе 1852 г. ч. II, страница 310.

но фактически уже начинаетъ постепенно уступать свой верховный авторитетъ въ дѣлахъ управленія русской церковью стоящему рядомъ съ нимъ собору епископовъ подчиненной ему области. [1])

Во второй, такъ называемый монгольскій періодъ, обнимающій собою время отъ нашествія монголовъ до раздѣленія русской митрополіи на Московскую и Кіевскую въ 1459 г., соборная жизнь русской церкви, несмотря на всю столь достопамятную въ лѣтописяхъ нашей исторіи тяжесть пережитого отечествомъ времени подъ пресловутымъ игомъ татарскимъ далеко, какъ естественно было бы ожидать сего, не замираетъ окончательно. „Бичъ Божій, говоритъ Голубинскій о монгольскомъ нашествіи, обрушившійся на наше отечество, для церкви не явился бичемъ, по крайней мѣрѣ со стороны ея внѣшней свободы и внѣшняго положенія“ [2]). За монгольскій періодъ исторической жизни нашей церкви мы имѣемъ повидимому больше положительныхъ историческихъ данныхъ для сужденія о церковныхъ соборахъ. Къ тому же и самая дѣятельность послѣднихъ направляется и развивается какъ будто въ предѣлахъ болѣе широкой программы, выдвигавшейся потребностями и нуждами церковно—общественной жизни тогдашняго времени, хотя справедливость требуетъ упомянуть о томъ, что послѣ перенесенія митрополичьей каѳедры въ Москву, какъ замѣчаетъ Голубинскій, въ иныхъ людяхъ и подъ иными вліяніями начался тотъ духъ разъединенія и разобщенія, которому могли бы воспрепятствовать только соборы. Если бы Москва наслѣдовала отъ Кіева обычай ежегодно совѣщаться о дѣлахъ церкви, то вѣроятно весьма много хорошаго придумала бы она на пользу сей послѣдней [3]).

Церковно—историческія, лѣтописи насчитываютъ за такъ называемый монгольскій періодъ болѣе десятка церковныхъ соборовъ и при томъ такихъ, которые имѣли чрезвычайно важное и какъ бы исключительное значеніе въ послѣдующихъ историческихъ судьбахъ русской церковно—общественной жизни. Изъ означеннаго періода исторіи извѣстны

---

[1]) Христ. чтеніе. Январь 1906 г., стр. 75—76.

[2]) Исторія р. ц. т. II, стр. 17.

[3]) И. р. ц. т. I, стр. 296.

соборы: Владимірскій 1274 г., созванный по инициативѣ тогдашняго всероссійскаго митрополита Кирилла для обсужденія общихъ нуждъ и неустройства русской церкви разоренной татарами. Дѣянія этого собора, называемыя въ ихъ надписаніи „правиломъ", должны быть драгоцѣнными для насъ, потому что они представляютъ собою первыя по времени изъ сохранившихся до насъ письменныхъ дѣяній помѣстныхъ соборовъ нашей русской церкви [1]). Костромской соборъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Петра — годъ котораго неизвѣстенъ — для точнѣйшаго разграниченія предѣловъ епархій сарайской, основанной митрополитомъ Кириллом въ самомъ началѣ порабощенія Руси татарами и рязанской, такъ какъ неопредѣленность границъ означенныхъ епархій бывала причиною несогласій между ихъ епископами [2]). Слѣдовавшіе за тѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ церковные соборы: 1284 г.; Переяславскій 1313 г., созванный митрополитомъ Петромъ для суда надъ какимъ то еретикомъ—Сентомъ и Тверскимъ епископомъ Андреемъ оклеветавшемъ Петра. Соборъ 1347 г., созванный митрополитомъ Ѳеогностомъ „для разсужденія монастырскаго и служителей церковныхъ",—Соборъ 1378 г.—инициатива созванія котораго принадлежитъ великому князю Дмитрію Ивановичу, домогавшемуся рукоположенія въ митрополиты русской церкви своего любимца — архимандрита Михаила (Митяя). Тверской соборъ 1390 г, — для суда надъ Тверскимъ епископомъ Евѳиміемъ. Московскій 1401 г. тоже для суда надъ нижегородскимъ архіепископомъ Іоанномъ. Шемякинскій соборъ 1446 г., созванный по инициативѣ Димитрія Шемяки для обсужденія его отношеній къ его сопернику по престолонаслѣдію, великому князю Василію Темному. Московскій соборъ 1447 г. для избранія на митрополичью каѳедру рязанскаго епископа Іоны [3]). Московскій же соборъ 1478 г.— при великомъ князѣ Иванѣ III Васильевичѣ и митрополитѣ Геронтіи—побудившій послѣдняго уничтожить ранѣе данную имъ грамоту, по которой Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, находившійся подъ властію ростовскаго архіепископа былъ пе-

---

[1]) И. р. ц. Голуб., т. 2-й, I-я полов. тома, стр. 67.

[2]) Христіан. чтеніе 1852 г., ч. I, стр. 355.

[3]) Христ. чтеніе, январь 1906 г. стр. 76.

реданъ Геронтіемъ Бѣлозерскому князю Михаилу Андреевичу, — и оставить по прежнему монастырь въ вѣдѣніи ростовскаго архіепископа. Замѣчательны также Московскіе соборы конца XV в. по случаю ереси жидовствующихъ (1488 — 1491 г.), на одномъ изъ которыхъ также былъ избранъ митрополитъ на мѣсто умершаго Геронтія. Соборъ 1492 г., утвердившій пасхалію на восьмое тысячелѣтіе и съ тѣмъ вмѣстѣ постановившій считать гражданскій годъ вмѣстѣ съ церковнымъ съ сентября вмѣсто марта, какъ считался опъ до сего времени [1]).

Самый блестящій періодъ развитія русскихъ церковныхъ соборовъ совпадаетъ въ исторіи съ началомъ XVI столѣтія и продолжается въ теченіе дѣлыхъ двухъ вѣковъ. Если, согласно съ мнѣніемъ изслѣдователей, означенный періодъ времени—XVI и XVII вѣка слѣдуетъ назвать относительно соборности вообще „золотымъ вѣкомъ“, то это названіе едвали не преимущественно должно быть отнесено къ исторіи церковныхъ соборовъ данпаго времени. Если въ предшествовавшій періодъ соборы созывались нерѣдко какъ бы по случайнымъ побужденіямъ, то теперь всякій вопросъ, имѣющій церковный характеръ, или касающійся только церкви въ государственномъ порядкѣ, необходимо дѣлался предметомъ общаго соборнаго обсужденія. Сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ количество церковныхъ соборовъ въ названные вѣка возрастаетъ съ непомѣрною быстротою и соборы теперь исчисляются не однимъ или двумя, а нѣсколькими десятками. Иногда они собираются не только ежегодно, но даже по нѣсколько разъ въ одинъ и тотъ же годъ. Великіе князья, а за ними и цари Московскіе, подобно пророку Иліѣ, по выраженію соборныхъ актовъ тогдашняго времени, „ревностію ревнуютъ о дѣлѣ созванія церковныхъ соборовъ“ „на вящее утвержденіе и подкрѣпленіе святыя православныя церкви, ради совершеннаго исправленія зѣло погрѣшенныхъ винъ церковнаго благочинія“. [2]) Подобно равноапостольному князю Константину, издаютъ они частыя повелѣнія о созывѣ на церковные соборы „всѣхъ

---

[1]) Христ. чтеніе 1852 г., стр. 378.

[2]) Большой Москов. Соборъ. Богословскій См. Пров. Обозр. 1871 Февраль 237 стр.

архіереевъ своея благочестивыя державы со архимандриты игумены и прочимъ священнымъ соборомъ, и яко небопарніи орли устремляются въ престольный градъ Москву отцы собора," такъ что, по словамъ повѣствователя о Стоглавомъ соборѣ, „зѣло чудно было зрѣти се, яко весь богоспасаемый градъ Москва потрясеся, красяшеся отецъ спришествіемъ и самъ царь о пришествіи ихъ зѣло веселися и великія чести ихъ сподобляше". Далеко неполный перечень церковныхъ соборовъ за одно лишь XVI столѣтіе ясно покажетъ намъ быстрый прогрессивный ростъ и развитіе соборной жизни церкви въ означенное время. Начальный годъ XVI столѣтія, 1500-й, былъ ознаменованъ церковнымъ въ Москвѣ соборомъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Симона по вопросу о недвижимыхъ (населенныхъ) церковныхъ имѣніяхъ. Въ 1503-мъ году въ Москвѣ же состоялся многочисленный соборъ подъ тѣмъ же предсѣдательствомъ, на которомъ было семь святителей. Въ слѣдующемъ 1504 г. тѣ же епископы снова собрались въ Москву къ великому князю и митрополиту для разсужденій по поводу стригольниковъ Годъ не успѣлъ закончиться, какъ въ послѣднихъ его мѣсяцахъ—въ Москвѣ организовался новый церковный соборъ для окончательнаго суда надъ жидовствующими, а одновременно съ нимъ происходили въ Вильнѣ засѣданія знаменитаго въ исторіи югозападной церкви Виленскаго собора. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить изъ первой же половины XVI столѣтія соборъ при митрополитѣ Варлаамѣ (1511—1525 г.), одобрившемъ первый трудъ ученаго Максима Грека—переводъ съ греческаго на славянскій такъ называемой толковой псалтири. Соборъ 1525 и 1531 годовъ при митрополитѣ Даніилѣ, на которомъ тотъ же Максимъ былъ обвиненъ яко бы въ поврежденіи нашихъ церковныхъ книгъ и отлученъ отъ святыхъ тайнъ. Московскій соборъ 1547 г. для установленія церковнаго празднованія русскимъ святымъ. Тамъ же соборъ 1549 г. для пересмотра житій святыхъ и дополненія ихъ еще новыми именами угодниковъ Божіихъ. Знаменитый Стоглавый соборъ 1551 г., свѣдѣнія о которомъ заключены въ особомъ сборникѣ (извѣстномъ подъ именемъ Стоглавника), дошедшемъ до насъ во многихъ спискахъ XVI и XVII вѣковъ. Во второй половинѣ XVI в. (1553—1554 г.) повелѣніемъ царя составленъ былъ соборъ противъ ереси Башки-

на. Едва окончено было соборное изслѣдованіе о Башкинѣ, какъ на сѣверѣ отрыто было новое лжеученіе Ѳеодосія Косого, и вотъ въ 1555 г. въ Москвѣ „сшидошася вси рустіи архіепископы и епископы о многоразличныхъ чинѣхъ церковныхъ"—для изысканія мѣръ къ окончательному пресѣченію ересей Башкина и Косого, а памятникомъ этого собора, между прочимъ, осталось учрежденіе Казанской епархіи. Въ 1564 г.—по кончинѣ митрополита Московскаго и всея Руси Макарія—парочитый соборъ въ Москвѣ для избранія новаго митрополита—преемника Макарію. Въ 1566 г. церковный соборъ въ Москвѣ по внѣшнимъ дѣламъ государственнымъ. Въ 1573 г.—тамъ же соборъ, постановившій въ большіе монастыри, гдѣ отчинъ много, впередъ отчинъ не давать. Черезъ семь лѣтъ царь Иванъ Грозный въ 1580 году по обстоятельствамъ тогдашней затруднительной войны съ Польшей созываетъ соборъ съ цѣлію предложенія духовенству добровольной жертвы на дѣло войны въ разсужденіи недвижимыхъ имуществъ. Два церковныхъ собора созваны были въ Москвѣ же въ 1582 г. по случаю прибытія изъ Рима папскаго посла Поссевина, имѣвшаго цѣлію вести переговоры о церковномъ единеніи. На соборѣ 1584 г. при царѣ Ѳедорѣ—было снова разсужденіе о церковныхъ имуществахъ. Въ 1586 г. тотъ же царь созвалъ въ Москву со всей Россіи епископовъ и прочее знатнѣйшее духовенство для сужденій по вопросу объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, а въ Январѣ 1589 г. составился соборъ подъ предсѣдательствомъ цареградскаго патріарха Іереміи, на которомъ первымъ всероссійскимъ патріархомъ и наречепъ былъ митрополитъ Іовъ „мужъ благъ, во священныхъ законахъ воспитанъ, въ молитвахъ и чистотѣ житія вѣдомъ". [1]) Мы представили далеко не полный перечень церковныхъ соборовъ изъ одного лишь XVI вѣка. Слѣдующій XVII вѣкъ не меньше своего предшественника былъ богатъ церковными соборами. Не утомляя вниманія скучнымъ перечисленіемъ длиннаго ихъ ряда за означенное время, мы только отмѣтимъ, что въ послѣднемъ XVII вѣкѣ состоялись столь знаменитые соборы Московскіе, какъ „Большой Московскій соборъ 1666—1667 г., какъ соборъ 1681-го—1682 г., и что съ учрежденіемъ патріар-

[1]) Христ. чтеніе 1852 г. т. II стр. 539 и другія.

шества на Руси уже къ началу вѣка окончательно организовался постоянный—„освященный соборъ“ при Московскомъ и всея Руси патріархомъ,—непрерывно отправлявшій возложенныя на него функціи и права до самого времени учрежденія великимъ преобразователемъ Святѣйшаго Сунода. Родоначальникъ Сунода—Петровскій „Духовный Коллегіумъ“—почти цѣликомъ вмталъ въ себя прежній патріаршій „Освященный Соборъ“. Послѣдній былъ только, говоря строительнымъ языкомъ, отремонтированъ великимъ преобразователемъ по заграничному образцу, павѣянному великому преобразователю знаменитымъ нѣмецкимъ философомъ Лейбницемъ. Исполненіе ремонта было поручено,—можетъ быть по жалкой игрушкѣ судьбы,—подъ руку попавшемуся и по плечу великому Петру пришедшемуся блистательному церковному панегиристу великихъ дѣлъ Петровыхъ, но едвали способному на бережливо кропотливую ремонтную работу—знаменитому Псковскому архіепископу Ѳеофану Прокоповичу. И не отъ первоначальнаго ли малоудачнаго исполненія сложной ремонтной работы произошло то, что отремонтированное зданіе по временамъ давало весьма чувствительныя и небезопасныя для него трещины и подъ стѣнами его малонадежной охраны время отъ времени становилось жутковато жить всѣмъ тѣмъ, кто опредѣленіемъ рока обреченъ былъ на такую жизнь?! Но обратимся къ вопросу о древнерусскихъ церковныхъ соборахъ.

Съ XVI столѣтія древне-русскіе церковные соборы замѣтно измѣняютъ, если можно такъ сказать, свою физіономію, что отчасти сказалось даже и въ самыхъ наименованіяхъ, которыя стали именно съ того времени получать соборы. Въ памятникахъ разсматриваемаго времени соборы именуются терминами то просто „соборъ“—какъ соборъ 1503—1504 г., то „священный“, или „освященный соборъ“, какъ соборъ 1547 г., то соборъ „преосвященный“, какъ соборъ 1630 г., то, наконецъ, даже „вселенскій“ соборъ, какимъ названіемъ нерѣдко титуловались тѣ же самые соборы очевидно для того, чтобы придать имъ наибольшій характеръ полноты церковной власти и авторитетности. [1]) Для удобства характеристики церковныхъ соборовъ XVI и XVII вв. ученые изслѣдо-

[1]) Христ. Чтеніе. Февраль 1906 г. стр. 243.

ватели [1]) ихъ исторіи склонны подраздѣлять на два разряда—соборы великіе и малые. Въ основаніе такого дѣленія кладется самый составъ собора, дополненный указаніемъ на характеръ его дѣятельности.

Весьма многоразличныя причины, хотя и не всѣ въ одинаковой мѣрѣ, содѣйствовали широкому прогрессивному росту и развитію церковныхъ соборовъ въ древней Руси XVI и XVII вѣковъ. Очеркъ раскрытія и выясненія этихъ причинъ въ связи съ явленіями церковно-общественной жизни тогдашняго времени могъ бы быть любопытнымъ предметомъ отдѣльнаго историческаго изслѣдованія. Здѣсь же мы кратко отмѣтимъ лишь то, что въ ряду этихъ причинъ первое мѣсто занимаетъ ставшая къ означенному времени историческимъ фактомъ автокефальность русской церкви, отрѣшенность ея отъ зависимости Константинопольскаго патріарха. Всякая независимость отъ чего бы или кого бы то ни было, естественно, всегда бодритъ силы и придаетъ всегда большую рѣшимость человѣческой дѣятельности. Это законъ, примѣнимый и къ жизни отдѣльныхъ людей и равно къ жизни совокупныхъ человѣческихъ обществъ. Съ окончательнымъ отдѣленіемъ отъ Константинополя пробудилась гораздо большая самостоятельность и самодѣятельность во всей внутренней жизни нашей церкви и особенно въ рѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ церковныхъ. Русская іерархія не имѣла теперь больше надобности обращаться къ Константинопольскому патріарху за рѣшеніемъ тѣхъ или иныхъ церковныхъ вопросовъ. Ей предстояло жить, не отступая отъ каноновъ церковныхъ, своимъ умомъ-разумомъ и не поучаться болѣе у грековъ, уроки которыхъ иногда слишковъ дорого ей обходились и отъ докучливой зависимости отъ которыхъ такъ упорно стремилась освободиться церковь въ предшествовавшіе вѣка. Съ другой стороны, тому же явленію—развитію церковной соборности и едва ли не въ большей мѣрѣ, чѣмъ и самая автокефальность русской церкви содѣйствовалъ въ разсматриваемое нами время и другой историческій факторъ—это постепенное возвышеніе власти великаго князя и царя Московскаго. Историческій ростъ этого возвышенія нерѣдко и при томъ весьма тѣсно сопри-

---

[1]) Горчаковъ. Лекціи по церк. праву 1888-9 г. стр. 311.

касался и чувствительно затрогивалъ собою интересы церковные. Такъ настойчиво добивавшіеся въ предшествовавшій періодъ времени того, чтобы русская церковь пріобрѣла самостоятельность, великіе князья и цари Московскіе, послѣ того, какъ эта самостоятельность сдѣлалась историческимъ фактомъ, нерѣдко обнаруживали настойчивое стремленіе имѣть свой великокняжескій патронатъ или даже прямой контроль въ дѣлахъ церковныхъ. Въ виду же такого посягательства гражданской власти на дѣла церкви, іерархическая власть, естественно, должна была искать опоры къ упроченію церковной самостоятельности въ церковныхъ соборахъ. На дорогѣ къ этимъ поискамъ ей пришлось близко столкнуться съ властью гражданской, великокняжеской. Князья и цари Московскіе также въ соборахъ видѣли наилучшую для себя форму болѣе или менѣе непосредственнаго управленія дѣлами церкви. Они не могли не понимать, что вести борьбу съ митрополитомъ на личной почвѣ иногда сопряжено съ большими осложненіями для дѣла, а если поставить какой нибудь спорный вопросъ, напримѣръ, вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ на судъ „всѣхъ епископовъ и другихъ духовныхъ старцевъ", провести его черезъ соборъ, то дѣло скорѣе получитъ желанный оборотъ. Такимъ образомъ понятно, что церковные соборы явились самой желательной формой церковнаго управленія какъ для іерархической, такъ равно и для гражданской, свѣтской власти. Въ связи съ вышеозначенными явленіями, содѣйствовавшими процвѣтанію соборовъ въ русской церкви въ XVI и XVII в., дѣлу этого процвѣтанія благопріятно помогало и самое теченіе общественной жизни тогдашняго времени. Выдвинутое этимъ теченіемъ новое направленіе русской религіозной мысли не могло не предъявлять, иногда при томъ даже въ очень рѣзкой формѣ появленія ересей и расколовъ (стригольники, жидовствующіе), такъ называемыхъ „новыхъ началъ." Для объединенія послѣднихъ съ духомъ нережитого времени не могло быть конечно избираемо лучшихъ формъ и способовъ, какими являлись церковные соборы. Такъ быстро зарождавшіеся въ это время такъ называемые „недоумѣнные" вопросы,—попутно съ разрѣшеніемъ которыхъ выяснялось и положительное ученіе православной церкви, едва ли и не составляли главныхъ предметовъ соборныхъ совѣща-

ній въ XVI и XVII вѣкахъ русской исторіи. Наконецъ, подъ вліяніемъ все того же духа времени на очередь выдвигался и настойчиво требовалъ неотложнаго рѣшенія длинный рядъ другихъ, болѣе мелкихъ вопросовъ, которые хотя и сознавались въ предшествовавшее время, но рѣшеніе ихъ не предъявлялось съ такой требовательной настойчивостію, какъ это стало замѣчаться теперь. Это были стародавніе вопросы, иные изъ нихъ едва-ли не ровесники самому зарожденію христіанства на Руси, — вопросы о церковныхъ святыняхъ, книжномъ и иконномъ исправленіи, вопросы о разныхъ чинахъ, обрядахъ, благочиніяхъ, словомъ сказать— включительно до вопроса о пріемѣ въ православіе „фрязей и прочихъ латинянъ". Безъ совѣщаній на церковныхъ соборахъ не могъ быть разрѣшенъ ни одинъ изъ этихъ вопросовъ.

Всѣ означенныя явленія древне-русской церковно-общественной жизни въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ болѣе мелкихъ историческихъ причинъ и отношеній содѣйствовали въ той или иной мѣрѣ тому быстрому и широкому развитію и проявленію русской церковной жизни въ соборахъ, какое мы замѣчаемъ въ ея исторіи XVI и XVII вѣковъ.

II.

Обращаясь къ историческому обозрѣнію второго изъ намѣченныхъ настоящимъ рефератомъ вопросовъ—о лицахъ, участвовавшихъ въ нашихъ древнерусскихъ церковныхъ соборахъ и въ соборныхъ рѣшеніяхъ, мы должны прежде всего припомнить вышеупомянутые тексты правилъ соборовъ Лаодикійскаго (39-е) и четвертаго вселенскаго—19. Сообразно съ сими правилами, какъ во вселенской древне-христіанской церкви, такъ ровно и въ нашей русской, помѣстный соборъ церковный издревле разсматривался, какъ собраніе всѣхъ наличныхъ іерархическихъ силъ страны, а не избранныхъ только съ нарочитою для сего цѣлью тѣхъ или другихъ епископовъ. Это краснорѣчиво подтверждаютъ всѣ относящіеся до исторіи древне-русскихъ церковныхъ соборовъ историческіе документы и памятники. Такъ уже

въ самое начальное время исторической жизни нашей церкви извѣстный панегиристъ, великаго князя Владиміра Кіевскій митрополитъ Иларіонъ, въ особенную похвалу князю ставитъ то, что онъ снимался (сходился на соборъ) съ новыми отцами нашими епископами, разумѣя, конечно, всѣхъ бывшихъ тогда на Руси епископовъ. Послѣдующіе исторические документы также не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что на нашихъ церковныхъ соборахъ по самой канонической идеѣ послѣднихъ должны были присутствовать, какъ стали выражаться въ позднѣйшее время, „духовные чины всѣхъ городовъ Россійскаго царствія". Древневселенскими церковными канонами полагались особыя наказанія—до отлученія отъ общенія съ прочими епископами включительно—неявившемуся безъ уважительной причины на соборъ епископу.[1]) И въ нашей древне-русской церкви отсутствовавшій почему либо на соборѣ епископъ, непремѣнно обязывался оправдать свое отсутствіе присланной имъ на соборъ особой „свящтительской или новольной" грамотой. Въ этой послѣдней отсутствовавшій на соборѣ епископъ напередъ выражалъ свое полное согласіе на принятіе и проведеніе въ церковную жизнь ввѣренной ему епархіи вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію въ данномъ соборномъ засѣданіи. Насколько позволяютъ судить исторические документы епископы русской церкви, повидимому, издавна не пренебрегали весьма широко пользоваться такими грамотами и нерѣдко подъ различными предлогами уклонялись отъ личнаго присутствованія на соборахъ. Въ дѣйствительной жизни на практикѣ составъ соборовъ за все время существованія послѣднихъ никогда не представлялъ изъ себя чего либо устойчиваго и опредѣленнаго, а разнообразился чуть ли не съ каждымъ новымъ соборомъ. Общая цифра соборныхъ членовъ изъ епископовъ никогда не бывала въ дѣйствительности одинаковой или соотвѣтствовавшей количеству епархій даннаго времени.

Исторія русской церкви сохранила намъ свидѣтельства о присутствіи на нѣкоторыхъ соборахъ однихъ только епископовъ, которые одни также и дѣлали на нихъ свои поста-

---

[1]) 19-е правило четвертаго Вселенскаго собора, 8-е правило шестого Вселенскаго собора; 87 88 правило Карѳагенскаго собора.

повленія, безъ всякаго участія здѣсь пресвитеровъ и діаконовъ. Таковые церковные соборы 1051 г. при великомъ князѣ Ярославѣ для избранія митрополита Иларіона. Число и имена епископовъ, бывшихъ при семъ случаѣ на соборѣ, не сохранены намъ историческими актами[1]). Кіевскій соборъ 1147 г., при великомъ князѣ Изяславѣ,—для избранія митрополитомъ всей Руси архимандрита Климента Смолятича, этого не только своимъ благочестіемъ сіявшаго достойнаго мужа, но, по выраженію лѣтописца, „книжника и философа, якоже въ русской землѣ не бяше[2])". На соборѣ по однимъ лѣтописнымъ сказаніямъ присутствовало шесть, по другимъ девять епископовъ. Между присутствовавшими особенно замѣчателенъ былъ Новогородскій епископъ Нифонтъ,—славный въ свое время просвѣщеніемъ и ревностію на благо отечества, за что и поименованъ былъ „поборникомъ земли русской"[3]). Владимірскій соборъ 1274 г., при митрополитѣ Кириллѣ 2-мъ, давшій рѣшеніе относительно нѣкоторыхъ таинствъ и другихъ предметовъ церковнаго благочестія и богослуженія. На немъ присутствовало также нѣсколько однихъ лишь епископовъ[4]). Соборы съ половины XV—до конца XVI в., составлявшіеся для избранія и поставленія на нихъ митрополитовъ.

Но съ весьма ранняго уже времени, по историческимъ документамъ о нихъ, становится возможнымъ отмѣчать слѣды присутствія на русскихъ церковныхъ соборахъ и духовныхъ лицъ низшихъ іерархическихъ степеней—пресвитеровъ, архимандритовъ, игуменовъ, протоіереевъ, іереевъ, иногда діаконовъ, простыхъ монаховъ и старцевъ пустынниковъ, вовсе не имѣвшихъ священнаго сана и наконецъ мірянъ[5]). Изъ самаго ранняго времени русской церковной исторіи мы имѣемъ свидѣтельство о такомъ присутствіи въ лѣтописныхъ сказаніяхъ о замѣчательномъ по своей послѣдующей исторической важности, Кіевскомъ соборѣ 1168 г., созванномъ для рѣшенія вопросовъ о постѣ въ среду

---

[1]) Христ. чтеніе 1852 г. ч. II стр. 304.
[2]) Тамъ же стр. 306.
[3]) Тамъ же стр. 504.
[4]) Тамъ же стр. 311.
[5]) Труды Кіев. дух. акад. Февраль 1906 г. стр. 306.

и питокъ, когда въ эти дни случается Господскій или Богородичный праздникъ, или память великаго святого. На соборѣ было уже до 150 духовныхъ лицъ, а также не мало и свѣтскихъ[1]). Здѣсь даже обнаружились два противоположныхъ между собою лагеря по сужденіямъ о постѣ: „епископами Смоленскимъ, Владимірскимъ, Галицкимъ и другими лицами поддерживались одни воззрѣнія по вопросу собора, а епископы Черниговскій, Переяславскій и нѣкоторые другіе высказывали иное мнѣніе" (Рук. и. р. ц., Доброклонскаго вып. 1. § 23 стр. 95). На тверскомъ соборѣ 1390 г., созванномъ „о мятежи церковномъ" противъ Тверского епископа Евѳимія, соборный судъ надъ виновнымъ Евѳиміемъ происходилъ въ присутствіи митрополита, прибывшаго въ Тверь по приглашенію тамошняго князя въ сопровожденіи двухъ митрополитовъ греческихъ, двухъ епископовъ — Пермскаго св. Стефана, и Смоленскаго, многочисленаго духовенства, Тверского князя и бояръ.[2]) Для такого же суда надъ Новгородскимъ епископомъ Іоанномъ и епископомъ Луцкимъ Саввой на Московскій соборъ 1401 г., кромѣ тогдашняго митрополита Кипріана, прибыли девять епископовъ и не мало прочаго духовенства[3]). На соборѣ 1441 г. противъ ереси жидовствующихъ присутствовали, кромѣ епископовъ, „архимандриты, и игумены, и старцы, и протопопы, и іереи, и діаконы, и весь священническій соборъ Русской митрополіи". На соборахъ 1503, 1504, 1511, 1572 г. присутствовали — „епископы, игумены и со всѣмъ священнымъ соборомъ". На соборахъ 1553—1554 г. по поводу Башкинской ереси „въ государевы палаты собрались митрополитъ Макарій, архіепископъ Ростовскій, епископъ Суздальскій, Рязанскій, Тверской, Коломенскій и Сарскій—купно же архимандриты со игумены и протопопы, іереи, и старцы со бояры." На Вселенскомъ соборѣ 1509 г.[4]) присутствовало семь епископовъ, семь архимандритовъ, шесть игуменовъ, семь протоіереевъ и нѣсколько священниковъ.[5]) На соборъ 1547 года при Грозномъ для установ-

---

[1]) Христ. чтеніе 1852 г. ч. II. стр 309.
[2]) Христ. чтеніе 1852 г. ч. II. стр. 356.
[3]) Тамъ же, стр. 359.
[4]) Труды Кіев. дух. акад. 1906 г. Февраль.
[5]) Тамъ же.

ленія церковнаго празднованія русскимъ святымъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія было семь русскихъ епископовъ и опять со архимандриты, игумены, протоіереи и прочимъ духовенствомъ. На Стоглавомъ соборѣ 1551 г. подъ предсѣдательствомъ того же Макарія присутствовали: архіепископъ новгородскій Θеодосій, ростовскій Никаноръ, епископы суздальскій Трифонъ, смоленскій Гурій, рязанскій Кассіанъ, тверской Акакій, коломенскій Θеодосій, сарскій Савва, и пермскій Кипріанъ, со многими архимандриты и игумены, протоіереи и іереи, діаконы и старцы. На такъ называемомъ Большомъ Московскомъ соборѣ 1666 г. присутствовало три патріарха, четырнадцать митрополитовъ, восемь архіепископовъ, пять епископовъ, 25 архимандритовъ, шесть игуменовъ и 25 протопоповъ. О личномъ составѣ собора 1681 и 1682 г. изъ его дѣяній ничего неизвѣстно (тамъ, гдѣ должны стоять подписи членовъ собора, оставленъ пробѣлъ). Извѣстно только, что на немъ, кромѣ патріарха, присутствовали митрополиты, архіепископы и епископы. Между тѣмъ въ одно время съ означеннымъ соборомъ засѣдалъ въ Москвѣ же другой, земскій соборъ, созванный царемъ для разсужденій о мѣстничествѣ. Соборъ этотъ закончилъ свои засѣданія въ январѣ 1682 г. и подъ актами его, между прочимъ, подписались митрополиты: Корнилій новгородскій и великолуцкій, Никифоръ астраханскій и тверской, Іона ростовскій и ярославскій, Симеонъ смоленскій и дорогобужскій, Варсонофій сарскій и подольскій, Филаретъ нижегородскій и алатырскій, архіепископы Иларіонъ суздальскій и юрьевскій, Симонъ вологодскій и бѣлозерскій; архимандриты: Спаса новаго монастыря Гавріилъ, изъ Великаго Новгорода Спаса новаго монастыря Іовъ, и Симонова монастыря Гавріилъ. Весьма вѣроятно, что упомянутые представители высшей церковной власти присутствовали также и на духовномъ соборѣ и очень можетъ быть, что царь только потому пригласилъ ихъ и на земскій соборъ, что они находились въ это время въ Москвѣ[1]). Было бы въ высшей степени любопытно прослѣдить, въ какомъ именно количествѣ и цифрѣ выражалось всякій разъ присутствіе на нашихъ церковныхъ собо-

---

[1]) О москов. соборѣ 1681—1682. Опытъ истор. изслѣд. Григорія Воробьева. Петербургъ 1885 г. стр. 13—14.

рахъ лицъ какъ высшихъ, такъ ровно и низшихъ іерархическихъ степеней. Къ сожалѣнію, недостатокъ точныхъ историческихъ данныхъ не дозволяетъ сдѣлать такого ариѳметически правильнаго исчисленія. Можно только отмѣтить, что на Руси церковные соборы бывали какъ съ слишкомъ малымъ составомъ членовъ, такъ равно и весьма многочисленные по своему составу соборы. Для наглядности подтвержденія означеннаго замѣчанія сошлемся на примѣры. На сентябрьскомъ соборѣ 1503 г. присутствовало всего лишь восемь членовъ: митрополитъ Симонъ, новгородскій епископъ Геннадій и шесть епархіальныхъ епископовъ. И на соборѣ 1620 г. было только семь членовъ: патріархъ Филаретъ, два митрополита, три архіепископа и одинъ епископъ. На февральскомъ соборѣ—6-го февраля 1539 г. цифра членовъ собора упала до 5-ти человѣкъ. Но наряду съ отмѣченными фактами можно наблюдать и обратное явленіе, когда общее количество членовъ собора бывало сравнительно весьма велико. Такъ въ составѣ извѣстныхъ соборовъ 1580 и 1581 мы насчитываемъ на первомъ 59, а на второмъ 39 членовъ. Въ составѣ же собора 1589 г. общая цифра членовъ собора изъ духовенства достигла до 75. Въ 1555 „по повелѣнію царя и великаго князя Іоанна Васильевича и по благословенію митрополита Макарія, снидошася вси Рустіи архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены о многоразличныхъ чинѣхъ церковныхъ и о многихъ дѣлахъ ко утвержденію вѣры христіанской“[1]). Всѣ архипастыри, повидимому, присутствовали также на Московскомъ соборѣ 1564 г. для избранія преемника митрополиту Макарію. Изъ десяти епископовъ „со множествомъ архимандритовъ и прочихъ чиновъ духовныхъ“ при Грозномъ же состоялся соборъ не по церковнымъ, а исключительно почти по политическимъ государственнымъ дѣламъ—по поводу заявленнаго Сигизмундомъ Августомъ Польскимъ требованія, чтобы русскій царь отказался отъ правъ на важнѣйшіе города Ливоніи. Этотъ церковный соборъ выказалъ себя твердымъ политикомъ —патріотомъ въ рѣшеніи означеннаго вопроса, занеся въ соборные акты постановленіе, „что государю нашему тѣхъ

---

[1]) Хр. чтеніе. ч. II. 1852 г. стр. 538

городовъ Ливонскихъ отступаться никакоже возможно" [1]). Крайнее разнообразіе лицъ іерархическихъ степеней, присутствовавшихъ то въ томъ, то въ иномъ количествѣ на древнерусскихъ церковныхъ соборахъ, начиная отъ патріарха или митрополита и кончая діаконами, при неоднократномъ притомъ участіи въ соборныхъ совѣщаніяхъ высшаго духовенства церквей восточныхъ, кажется, болѣе всего слѣдуетъ объяснять обстоятельствами времени, въ которое созывался тотъ или другой соборъ, и важностію выставлявшихся и предлагаемыхъ къ рѣшенію церковныхъ вопросовъ. Свойствомъ послѣднихъ опредѣлялось не только то или другое количество членовъ собора, но и групповой ихъ составъ. Въ этомъ послѣднемъ одинъ только элементъ, повидимому, оставался всегда неизмѣнно устойчивымъ, представителями котораго являлись лица, облеченныя высшею іерархическою властію—саномъ епископа. „А на соборѣ были съ отцемъ своимъ богомольцемъ всея Руси (имя рекъ) преосвященные митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ". Такими отмѣтками почти неизмѣнно возглавляются акты всѣхъ дошедшихъ до нашего времени древнерусскихъ церковныхъ соборовъ XVI—XVII вѣковъ. Лица чернаго духовенства—архимандриты, игумены и старцы являлись на соборахъ элементомъ болѣе или менѣе постояннымъ лишь относительно. Можно насчитать изъ исторіи соборовъ XV—XVII в. около двухъ десятковъ соборовъ, акты которыхъ помѣчаютъ въ числѣ присутствовавшихъ на нихъ лицъ членовъ чернаго духовенства. Причемъ монастыри, столичные московскіе и подмосковные, кажется, преимуществуютъ предъ прочими въ этомъ отношеніи. Представительства на нашихъ древнерусскихъ церковныхъ соборахъ второй половины духовенства—бѣлаго выражено было во все время существованія соборовъ, повидимому, гораздо слабѣе. Преимущество и здѣсь, повидимому, всецѣло принадлежало тому же столичному, или точнѣе говоря, кремлевскому духовенству, естественно, по самому мѣсту своего служенія ближе извѣстному въ царскихъ и княжескихъ дворцахъ. Лишь очень рѣдко документы упоминаютъ о присутствіи на соборахъ бѣлаго духовенства провинціальнаго

[1]) Тамъ же. Февраль 1906 г. Стр. 246.

или иноепархіальнаго. Кремлевскіе московскіе протопопы присутствовали также сравнительно чаще простыхъ священниковъ и тѣмъ болѣе діаконовъ. Къ изложенному слѣдуетъ присовокупить, что всегда по особому приглашенію правительства на нашихъ церковныхъ соборахъ иногда присутствовали члены греческаго или южнославянскаго духовенства. Въ большинствѣ случаевъ это бывало тогда, когда соборному обсужденію подлежалъ вопросъ, въ рѣшеніи котораго за означенными лицами признавалась наибольшая компетентность.

Древнерусскіе церковные соборы происходили также въ большинствѣ случаевъ при участіи лицъ свѣтскаго званія, начиная отъ князя и царя и членовъ высшаго боярскаго класса, и кончая даже частными людьми. Кіевскіе князья, Ярославъ и Изяславъ Мстиславичъ, оба были на состоявшихся въ княженіе ихъ церковныхъ соборахъ 1051 и 1147 г. Мы упоминали уже о присутствіи на Тверскомъ соборѣ князя Тверского. Московскіе князья Иванъ III, Василій Ивановичъ, и цари Иванъ Грозный, Ѳеодоръ Іоанновичъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ — также неоднократно бывали на современныхъ ихъ правленію соборахъ. Изъ исторіи XVI и XVII вѣковъ мы можемъ отмѣтить лишь весьма немногіе соборы, на которыхъ не присутствовалъ самъ князь или царь. Такъ Иванъ III, не желая открыто стѣснять русскихъ святителей, не присутствовалъ на соборѣ 1504 г., на которомъ обсуждался вопросъ о церковныхъ имуществахъ. Такъ сынъ его, великій князь Василій Іоанновичъ, не былъ на соборѣ 1531 г. противъ князя—старца Вассіана Косого, а вмѣсто него здѣсь находились „боярин великаго князя Михайло Юрьевичъ и дьяки князя“[1]). Такъ позднѣе царь Алексѣй Михайловичъ отсутствовалъ по случаю войны съ Польшею на соборѣ 1655 г.[2]). Тотъ же Иванъ III-й присутствовалъ на соборѣ 1488 и 1491 годовъ противъ жидовствующихъ и да-

---

[1]) Труды Кіев. дух. акад. Февраль стр. 311, 1906 годъ.

[2]) Христ. чт. Февраль 1906 г. Не знаемъ, по какимъ даннымъ авторъ цитируемой нами статьи „Освященный соборъ въ Москвѣ XVI и XVII вѣковъ“ заявляетъ, что извѣстны только лишь два собора, а именно 1504 и 1555 г., на которыхъ глава русскаго правительства не присутствовалъ.

же съ сыномъ своимъ Василіемъ. Этотъ сынъ, князь Василій Ивановичъ, присутствовалъ на соборѣ 1525 г. съ своими братьями и со многими боярами. Царь Иванъ Грозный присутствовалъ на Стоглавомъ соборѣ 1551 г. Царь Алексѣй Михайловичъ открывалъ соборъ 1666—1667 г. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ на засѣданіяхъ Московскаго собора 1681 и 1682 г.

Рѣшеніе весьма интереснаго вопроса въ исторіи древнерусскихъ церковныхъ соборовъ о правахъ лицъ, участвовавшихъ на соборахъ, по отношенію къ соборнымъ сужденіямъ и опредѣленіямъ, мы должны начать также съ указанія на практику церкви древне-вселенской. Въ древне-вселенской церкви пресвитеры и діаконы, какъ извѣстно, нерѣдко подавали свои мнѣнія на соборахъ, вели состязанія съ еретиками и приносили своими свѣдѣніями существенную пользу при соборныхъ разсужденіяхъ, но всегда имѣли голосъ, повидимому, только совѣщательный, но не рѣшающій. Они считались помощниками своихъ епископовъ и совѣтниками ихъ, и занимали на соборахъ второе мѣсто, а діаконы должны были даже стоять въ присутствіи епископовъ. Окончательныя же рѣшенія на соборахъ всегда составлялись одними епископами. Наши древнерусскіе церковные соборы, начиная со времени утвержденія православной церкви и почти до XV столѣтія включительно, происходили всегда большею частію по иниціативѣ епископовъ и они являлись полными ихъ руководителями. Открытіе совѣщаній на соборахъ обыкновенно и начиналось рѣчью присутствовавшаго на нихъ первоіерарха русской церкви. Образецъ такой рѣчи сохраненъ намъ актами Владимірскаго собора 1274 г. „Я, смиренный всея Руси митрополитъ, говорилъ предсѣдатель его къ собравшимся членамъ собора, многое вижу и слышу нестроеніе въ церквахъ нашихъ, много несогласій и безпорядковъ, происходящихъ или отъ нерадѣнія, или отъ неразумныхъ обычаевъ, или отъ непосѣщенія епископами своихъ епархій, или же отъ невразумительности самыхъ правилъ церковныхъ. Ибо доселѣ правила сіи были затемнены для насъ непонятностію греческаго языка, нынѣ же они просіяли, т. е. истолкованы и благодатію Божіею стали ясны, разгоняя тьму невѣдѣнія, озаряя свѣтомъ разумнымъ и избавляя насъ отъ грѣховъ

невѣдѣнія. Да сохранитъ насъ Богъ впредь, а грѣхи прежніе да проститъ и вразумитъ насъ во всѣхъ святыхъ правилахъ, дабы не наслѣдовать намъ горя себѣ, преступая отеческія заповѣди. Ибо какую пользу получили мы, оставивъ Божественныя правила? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не взяты ли врагами города наши? Не пали ль князи наши сильные подъ остріемъ меча? Не отведены ли въ плѣнъ чада наши? Не запустѣли ли святые церкви Божіи? Не томимся ли мы каждый день подъ игомъ невѣрныхъ и нечестивыхъ враговъ? И все это случилось съ нами за то, что не храним правилъ святыхъ отецъ нашихъ. Посему я заблагоразсудилъ съ соборомъ преосвященныхъ епископовъ произвести нѣкоторое изслѣдованіе о церковныхъ дѣлахъ[1])." „Повиновеніе имамы, говорилъ въ своей предсоборной рѣчи другой іерархъ, Кіевскій митрополитъ Іосифъ, открывая Виленскій соборъ, всяко преслушаніе и преступленіе закона нашея православныя вѣры отсѣкати, утверждати же и исправляти по древнему обычаю Божественные церковные уставы. Христосъ Богъ да просвѣтитъ и вразумитъ насъ, никакоже отеческія заповѣди преступати намъ, оставивше Божія правила, самовольному ученію послѣдовати, якоже сице умножися нынѣ въ насъ[2])." Открывая соборы рѣчами, образцы которыхъ нами приведены, епископы древней Руси руководили затѣмъ и всѣмъ ходомъ соборныхъ совѣщаній. Окончательныя рѣшенія и опредѣленія на соборахъ всегда также составлялись одними епископами. Впрочемъ, случалось и у насъ, что лица не имѣвшія епископскаго сана имѣли на соборахъ весьма важное значеніе по своимъ познаніямъ и мнѣніямъ. Такъ преподобный Іосифъ игуменъ Волоколамскій, просвѣщеннѣйшій мужъ своего времени, имѣлъ даже преобладающій голосъ на нѣсколькихъ такихъ соборахъ начала XVI в. Но окончательныя рѣшенія и на нашихъ соборахъ принимались и утверждались только епископами. Это видно изъ того, напримѣръ, что хотя на соборахъ 1503—1504 годовъ, несомнѣнно, присутствовали архимандриты, игумены и другія лица, не имѣвшія епископскаго сана, по рѣшенія этихъ со-

---

[1]) Христ. чт. 1852 г. ч. I. стр. 312.

[2]) Тамъ же ч. II, стр. 21.

боровъ подписаны были только епископами. Впрочемъ, и здѣсь справедливость требуетъ отмѣтить, что иногда, по крайней мѣрѣ со второй половины XVI в., подъ соборными рѣшеніями подписывались и у насъ не одни епископы, а и архимандриты, и игумены, и простые монахи, и старцы[1]). Иногда же акты соборныхъ рѣшеній посылались на просмотръ даже къ лицамъ, совсѣмъ отсутствовавшимъ на соборныхъ засѣданіяхъ. Такъ къ проживавшему на покоѣ въ Сергіевой лаврѣ митрополиту Іосифу отправлены были акты соборныхъ совѣщаній Стоглаваго собора—для просмотра ихъ вмѣстѣ съ соборными старцами Лавры. Послѣдняя сотая глава Стоглава есть именно не что иное, какъ замѣчаніе Іосифа и Троицкихъ старцевъ на соборныя опредѣленія Стоглава[2]). Представители восточнаго и южнаго славянскаго духовенства, участвовавшіе нерѣдко на нашихъ церковныхъ соборахъ, повидимому, не имѣли никакихъ большихъ правъ сравнительно съ своими русскими собратьями.

Что касается участія лицъ свѣтскихъ въ дѣлѣ соборныхъ совѣщаній и составленія соборныхъ опредѣленій, то здѣсь прежде всего должна быть рѣчь о правахъ высшаго правительства русскихъ князей и царей. Два и, повидимому, рѣзко отличавшихся между собою періода въ исторіи соборовъ, кажется, можно различать въ отношеніи означеннаго вопроса. Въ періодъ Кіевскій или домонгольскій, и, пожалуй, по крайней мѣрѣ во всю первую половину втораго, до времени замѣтнаго усиленія власти Московскаго князя, все отношеніе князей къ церковнымъ соборамъ выражалось исключительно лишь въ томъ, что они содѣйствовали всѣми зависящими отъ нихъ гражданскими мѣрами, какъ самому созванію собора, такъ равно обезпеченію правильнаго хода соборныхъ совѣщаній и распространенію принятыхъ тѣмъ или другимъ соборомъ соборныхъ рѣшеній. Непосредственнаго участія въ соборныхъ рѣшеніяхъ или въ составленіи соборныхъ опредѣленій древнерусскіе князья, кажется, никогда не принимали. Если иногда и слышался ихъ голосъ на соборахъ, то онъ имѣлъ характеръ исключительно лишь голоса совѣщательнаго. Въ соборныхъ ак-

[1]) Труды Кіев. дух. акад. тамъ же стр. 306—307.

[2]) Правосл. собесѣдникъ 1860 г. ч. II. стр. 258.

тахъ до XVI-го столѣтія, кажется, не встрѣчается княжескихъ рѣчей при открытіи соборныхъ совѣщаній или во время самаго хода послѣднихъ. Совершенно иное положеніе по отношенію къ церковнымъ соборамъ заняли великіе князья и за ними державные цари Московскіе. Крутой вихрь быстраго возвышенія политическаго положенія князей московскихъ какъ бы отуманилъ ихъ и заставилъ выдти изъ скромной роли послушныхъ сыновъ церкви и попечителей внѣшнихъ дѣлъ ея, какой довольствовались князья, ихъ предшественники, никогда не обнаруживавшіе стремленій систематически настойчиво простирать свою власть по отношенію къ церкви за установленныя канонами границы. И вотъ уже въ XV в. на Руси вошло въ обычай, что соборъ имѣлъ право въ большинствѣ случаевъ созывать и часто даже и предсѣдательствовать на немъ не первоіерархъ русской церкви, а великій князь и царь Московскій. Отъ того же времени постепенно укореняется обычай, что великій князь и царь не только предсѣдательствуетъ на соборахъ, но въ большинствѣ и указываетъ самые предметы соборныхъ разсужденій и притомъ такіе, какіе относились не только къ сферѣ внѣшняго, но и внутренняго права церкви. Словомъ, своимъ непосредственнымъ вліяніемъ гражданская власть приблизительно съ XVI вѣка стала направлять дѣла церковныя по тому пути, какой она считала для себя выгоднымъ въ извѣстный политическій моментъ, такъ что, по мѣткому и отчасти справедливому замѣчанію покойнаго профессора Павлова[1]), „церковный соборъ сталъ постепенно не столько органомъ духовныхъ дѣлъ, сколько органомъ государственнаго законодательства по дѣламъ церкви“. И не въ этомъ ли именно моментѣ жизни древнерусской церкви слѣдуетъ искать прототипъ того „государственнаго мундира“, честь облеченія въ который нашей церкви съ легкой руки славянофиловъ и понынѣ приписывается нерѣдко Петру Великому. Голландскій по всякому ремеслу выученикъ, Петръ, быть можетъ, только лишь переперефасонилъ мундиръ, заготовленный ранѣе, какъ умѣютъ нерѣдко перефасонивать старыя вещи ловкіе мастера

---

[1]) Курсъ церк. права стр. 168.

- портные. Вѣдь не даромъ, припомнимъ, и самъ Петръ въ извѣстномъ о немъ анекдотѣ касательно изготовленія Духовнаго Регламента его другомъ Ѳеофаномъ прибѣгалъ къ тому же—изъ портновской мастерской заимствованному сравненію, которое сейчасъ примѣнили и мы...

Непосредственное участіе великихъ князей и Московскихъ царей въ церковныхъ соборахъ начиналось съ того, что за ихъ подписомъ и печатью изъ приказа Большого Дворца за нѣсколько дней до открытія соборныхъ засѣданій епархіальный епископъ получалъ такъ называемую „извѣстительную грамоту", въ которой указывалось время и мѣсто соборныхъ совѣщаній, а также предписывалось, чтобы епископъ явился въ условное время въ Москву на соборъ или прислалъ „новольную грамоту". Только именно получившій извѣстительную грамоту епископъ и могъ явиться на соборъ: въ противномъ случаѣ епархіальному епископу строго воспрещалось оставлять мѣсто своего служенія даже въ томъ случаѣ, если онъ сдѣлаетъ это для соборныхъ цѣлей. „Самовольствомъ, безъ царскаго указа и безъ грамоты, какъ говоритъ одинъ историческій документъ, епископы къ Москвѣ не ѣзживали"[1]). Соборныя засѣданія открывались въ присутствіи царя или великаго князя чаще всего ихъ рѣчами. Приведемъ образчики двухъ такихъ рѣчей царей Ивана Грознаго и Алексѣя Михаиловича, произнесенныхъ первымъ на Стоглавомъ, а вторымъ на Большомъ Московскомъ соборахъ. Эти рѣчи весьма любопытны, какъ свидѣтельство того тона, который держали оба названныя лица по отношенію къ церковнымъ соборамъ. „Вы, о богоизбранный соборъ, взывалъ грозный царь къ отцамъ собора въ означенной рѣчи, потрудитесь ради вѣры Христовой въ исправленіи нуждъ церкви по правиламъ святыхъ отецъ, на что я и созвалъ васъ, испросивъ у Бога помощи; соборно съ нами о всѣхъ нуждахъ посовѣтуйте, разсудите и уложите, и утвердите по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по прежнимъ законамъ прародителей нашихъ, чтобы всякое дѣло и всякіе обычаи получали законное устройство въ нашемъ царствѣ, а тѣ, которые въ прежнія

---

[1]) Христ. чтеніе. Февраль 1906.

времена поисшатались, и все, что учинено по своимъ волямъ, преданія и законы, которые нарушены, всякія земскія строенія, все это должно занять васъ въ вашемъ духовномъ совѣщаніи, должно быть представлено и обсуждено на соборѣ, и вы все, что будетъ рѣшено вами, намъ возвѣстите[1]).“ Еще болѣе торжественнымъ и отмѣнно витіеватымъ тономъ держалъ свою царскую рѣчь къ отцамъ собора 1666 и 1667 г. Алексѣй Михайловичъ. Вотъ для образца стиля начало этой знаменитой царской рѣчи: „Насѣя Домовитъ небесный благогобзовитую ниву православной державы нашея чистаго благочестія пшеницею, но врагъ завистливый всѣя куколь душевредный, его же аще ревность ваша умедлитъ исторгнути и искоренити, бѣдство будетъ о пшеницы, да не озлобится[2]). Куколь же есть душепагубный секратъ, діаволомъ насѣянные расколы[3]).“

Вліяніе свѣтскаго правительства въ такъ называемый Московскій періодъ нашей исторіи на дѣла церковныхъ соборовъ ярко обнаруживалось даже и въ тѣхъ нерѣдко случаяхъ, когда не замѣчалось ихъ личнаго присутствія на соборахъ Иванъ III не присутствовалъ, какъ мы замѣчали, на одномъ изъ соборовъ по вопросу о церковныхъ имуществахъ, тѣмъ не менѣе онъ заочно живо интересовался всѣмъ ходомъ соборныхъ совѣщаній отцовъ, дважды требуя себѣ на просмотръ письменныя ихъ постановленія по вопросу совѣщаній и даже личнаго представленія къ себѣ членовъ собора для устнаго разъясненія взглядовъ ихъ на церковныя имущества. [4]) Подобные примѣры вліянія на ходъ и дѣятельность церковно-соборныхъ совѣщаній со стороны гражданскаго правительства повторялись и въ послѣдующей исторіи нашей церкви. Принимая дѣятельное участіе въ обсужденіи вопросовъ на церковныхъ соборахъ, великіе князья и государи Московскіе утверждали затѣмъ и самыя соборныя опредѣленія. Это они выражали вопервыхъ тѣмъ, что привѣшивали къ соборнымъ уложеніямъ или постанов-

---

[1]) Прав. собес. 1860 г. ч. II. стр. 122.

[2]) Греч. ἔλαιον, το, растеніе кунжутъ, изъ котораго на востокѣ приготовляется освѣтительное масло.

[3]) Прав. обозр. 1871, Февраль 237.

[4]) Хр. чтен. Февр. 1906 г. 249—250 стр.

леніямъ свои печати, а вовторыхъ тѣмъ, что обнародовали эти постановленія чрезъ свои указы или наказы, въ которыхъ выражались, что, „и мы милостію Божіею государь и великій князь всея Руси (имя рекъ), поговоря съ митрополитомъ и съ епископами и со всѣмъ освященнымъ соборомъ уложили есмя и укрѣпили (тото и тото)"; затѣмъ слѣдовали самыя постановленія собора. Такъ къ опредѣленіямъ соборовъ 1503-4 г. Іоаннъ III привѣсилъ свою печать вмѣстѣ съ печатью сына своего Василія, и тогда обнародовалъ эти опредѣленія въ своихъ указахъ, въ заключеніе которыхъ говорилъ: „а на большее утвержденіе сего уложенія и укрѣпленіе мы Іоаннъ Божіею милостію государь всея Руси и и великій князь, и сынъ мой князь великій Василій Ивановичъ всея Руси къ сей грамотѣ печать свою привѣсили" [1]). Соборныя опредѣленія обычно и разсылались по Россіи при царскихъ указахъ и владычнихъ грамотахъ. Такъ опредѣленія Стоглава уже въ іюнѣ мѣсяцѣ въ самый годъ созванія собора посланы были при царскомъ указѣ въ Новгородъ. А въ декабрѣ того же года былъ изданъ окружной царскій наказъ, въ которомъ повторены были къ исполненію многія изъ соборныхъ опредѣленій. Въ апрѣлѣ 1552 г. изданъ дополнительный указъ къ судебнику съ выпискою изъ Стоглавника о благочиніи духовенства и правахъ общественныхъ. Въ 1572 г. изданъ также дополнительный указъ къ судебнику, касавшійся вопроса о земельныхъ пожертвованіяхъ въ монастыри. Кромѣ указанныхъ актовъ, изданныхъ отъ имени царя и свидѣтельствующихъ объ утвержденіи царемъ Иваномъ Грознымъ соборныхъ уложеній Стоглава и приведеніе ихъ въ дѣйствіе по всей Россіи, о томъ же свидѣтельствуютъ многіе отдѣльные акты церковные, составленные послѣ собора во исполненіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ соборныхъ постановленій. Таково было отношеніе высшей правительственной власти къ церковнымъ соборамъ въ Московскомъ великомъ княжествѣ, а затѣмъ государствѣ. Впрочемъ, справедливость требуетъ отмѣтить, что отцы соборовъ, не смотря на явныя попытки произвести на нихъ давленіе свыше, не всегда соглашались съ царскими или княжескими предло-

---

[1]) Труды К. д. Акад. Февр. 1906 г. стр. 312.

женіями собору и позволяли не только критиковать, но и измѣнять, если не совершенно отвергать ихъ. Такъ по царскому предложенію соборомъ 1681-2 г. предполагалось подчинить митрополитамъ шесть архіепископовъ и девятнадцать епископовъ. Но когда царь предложилъ это собору, послѣдній согласился съ его мнѣніемъ только на половину. На соборѣ было рѣшено открыть вновь каѳедры архіепископовъ и епископовъ только безъ зависимости ихъ отъ митрополитовъ, „дабы въ архіерейскомъ чинѣ не было какого разногласія и межъ себя распри и высости и въ томъ несогласіи для святой церкви пріобидѣнія и отъ народа укоризны“[1])

Наряду съ княземъ и царемъ, какъ мы знаемъ, на церковныхъ соборахъ присутствовали въ древней Руси также и свѣтскіе бояре. Чаще всего это бывало на тѣхъ соборахъ, на которыхъ обсуждался вопросъ, близко касавшійся свѣтскаго правительства. Такъ въ присутствіи многихъ бояръ происходили соборы 1573, 1580, 1584 гг., на которыхъ обсуждался вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ. Бояре присутствовали также на соборѣ 1551 г., гдѣ между прочимъ разсматривались многочисленные вопросы, касавшіеся общаго состоянія русской церкви. Хотя съ другой стороны извѣстно, что бояре присутствовали иногда на такихъ соборахъ, на которыхъ разсматривались вопросы строго церковнаго характера: такъ мы видимъ ихъ на соборѣ 1553 и 1554 г., гдѣ обсуждалась ересь Башкина и Косого, а также и на соборѣ 1660 г., созванномъ для обсужденія дѣла патріарха Никона[2]). Эти уполномоченные, наблюдая на соборахъ за порядкомъ и благочиніемъ, не могли, повидимому, вмѣшиваться въ самыя разсужденія собора. Потому, когда на соборѣ 1554 г. знатный дьякъ государевъ Висковатый позволилъ себѣ выразить предъ соборомъ свое мнѣніе объ иконахъ, митрополитъ Макарій замѣтилъ ему: „ты не право мудрствуешь объ иконахъ: смотри, не попади въ еретики; зналъ бы ты свои дѣла, которыя тебѣ поручены“.

---

[1]) Истор. изслѣд. о соборѣ 1681- 1682 г. Григорія Воробьева. Петербургъ 1885, стр. 27.

[2]) Христ. Чтеніе 1906. Февраль 250-251.

[3]) Труды Кіевской д. Акад. Февраль 1906 г. стр. 311.

III.

Всматриваясь въ кругъ дѣлъ, подлежавшихъ соборному обсужденію и рѣшенію въ древней Руси, необходимо отмѣтить, что въ него прежде всего входили всѣ предметы, относящіеся до христіанской вѣры и церкви, т. е. касающіеся и христіанскаго ученія во всѣхъ его подробностяхъ, также ересей и расколовъ; и христіанскаго богослуженія, священныхъ мѣстъ, временъ, дѣйствій, въ частности таинствъ и обрядовъ, и церковнаго управленія или святительскаго суда во всѣхъ подробностяхъ; и поведенія духовенства бѣлаго и монашествующаго, особенно устройства монастырей, и поведенія міряпъ, ихъ суевѣрій, нравовъ, обычаевъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній и отношеній церковной власти къ власти гражданской.—Первоначально, при самомъ введеніи христіанства на Руси, главнымъ предметомъ совѣщаній великаго князя съ соборомъ епископовъ было устройство общественной жизни по духу Божественной вѣры, просвѣтившей Россію. Къ такому устройству руководствомъ служили ученіе православной каѳолической церкви и церковныя постановленія, переданныя намъ съ Востока, древнія узаконенія православныхъ греческихъ государей, проникнутыя чистымъ духомъ христіанства и потому способствовавшія утвержденію того же духа въ нашемъ отечествѣ. Въ лѣтописяхъ сохранилась память соборнаго совѣщанія великаго князя Владиміра съ епископами о дѣйствіи въ Россіи этихъ узаконеній. Лѣтописцы говорятъ, что по случаю умножившихся разбоевъ въ народѣ епископы предлагали великому князю ввести греко-римскіе уголовные законы, опредѣлявшіе за разбой смертную казнь [1]).

Послѣдующіе затѣмъ древне-русскіе церковные соборы касались защиты вѣры православной противъ еретиковъ—жидовствующихъ, стригольниковъ, Башкина и Косого (соборы 1488, 1491, 1504 и 1554 г.). Соборы по вопросамъ, касавшимся церковнаго богослуженія и благочинія: Кіевскій—1167 г.

---

[1]) Нестор., Лаврент. Лѣт. 996 г.

по вопросу о постѣ въ среду и пятокъ, Владимірскій 1274 г. по вопросамъ о совершеніи нѣкоторыхъ таинствъ и благочинія при богослуженіи, Московскій 1503 г. о невзиманіи мзды за хиротонію, Московскій 1547 г. для установленія новыхъ праздниковъ въ честь русскихъ святыхъ, и другіе. Соборы, касавшіеся церковнаго управленія: Московскій 1503 г. о вдовыхъ священникахъ, монахахъ и монахиняхъ; Московскій— 504 и 1580 г. о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ; Московскій 441 г. для суда надъ митрополитомъ Иездеромъ; Московскій 1666 г. для суда надъ патріархомъ Никономъ. Соборы, касавшіеся болѣе или менѣе почти всѣхъ сторонъ церковнаго богослуженія, церковнаго управленія и жизни мірянъ и духовенства бѣлаго и особенно монашествующаго. Таковъ былъ по преимуществу Стоглавый соборъ, на которомъ Грозный съ особеннымъ усердіемъ молилъ святителей исправить вѣру въ народѣ „на просвѣщеніе и оживленіе душамъ православнымъ, дабы непоколебима была въ роды и роды и на вѣки неповрежденна отъ всякихъ козней вражіихъ". „Проникнутые чувствомъ вашего назначенія, говорилъ царь собору истрезвите умъ вашъ, просвѣтитеся въ познаніи божественныхъ узаконеній, какъ предано отъ Самого Господа; порученное вамъ отъ Бога стадо словесныхъ овецъ, православный русскій народъ и меня сына своего, вразумляйте и просвѣщайте на всякое благочестіе, равно и братію мою и всѣхъ князей и бояръ нелѣностно и тщательно руководствуйте, да вси непорочно сохранимъ истинный христіанскій законъ... Если я самъ буду сопротивенъ, прибавлялъ царь, божественнымъ правиломъ и общимъ нашимъ согласительнымъ постановленіямъ, вы о семъ не умолкните; если преслушникъ буду, воспретите мнѣ безъ всякаго страха, да жива будетъ душа моя" [1]).

Собственно догматическихъ вопросовъ древнерусскіе церковные соборы касались слишкомъ рѣдко. Можно отмѣтить очень немного вопросовъ догматическаго характера, обсуждавшихся на соборахъ. Это были—больной въ свое время вопросъ о крещеніи латинянъ, обсуждавшіеся на соборахъ при патр-хѣ Филаретѣ вопросы о расколѣ и связанные съ

---

[1]) Пр. Соб. 1860 г. стр. 124.

ними нѣкоторые догматическіе вопросы, напр. вопросъ о православіи восточныхъ патріарховъ, вопросъ о православіи самихъ русскихъ іерарховъ и русскаго собора 1654 г., вопросъ о правильности нѣкоторыхъ догматовъ, исповѣдуемыхъ православной вѣрой и т. п. вопросы, разсмотрѣнные на соборѣ 1666—7 годовъ, и наконецъ вопросъ о канонизаціи русскихъ святыхъ, бывшій предметомъ обсужденія на извѣстномъ соборѣ при митрополитѣ Макаріи въ 1547, и затѣмъ на соборѣ 1621 г., прошедшемъ подъ предсѣдательствомъ патріарха Филарета.

Болѣе, чѣмъ догматическими вопросами, древнерусскіе соборы занимались обсужденіемъ вопросовъ нравственнаго свойства и строя русской жизни. Соборному обсужденію подлежала вся жизнь и дѣятельность членовъ церкви, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, во всѣхъ ея многоразличныхъ развѣтвленіяхъ. Въ поведеніи бѣлаго и чернаго духовенства особенно останавливалъ на себѣ вниманіе соборовъ издавна глубоко укоренившійся здѣсь порокъ пьянства. По связи съ этимъ порокомъ соборному сужденію часто подлежалъ вопросъ о вдовствующемъ духовенствѣ, о попахъ и діаконахъ которые, по замѣчанію акта собора 1682 г., „упиваются безмѣрнымъ пьянствомъ и овіи у себя въ домахъ держатъ зазорніи лица“. Соборы рѣшали иногда безъ разбора всѣмъ такимъ священникамъ возбранять священнослуженіе и даже лишать сана. Но наиболѣе смѣлые изъ нихъ, какъ это было еще напр. на соборѣ 1503 г., основательно протестовали противъ такого соборнаго рѣшенія и справедливо говорили, „что пусть подвергаются запрещенію тѣ, которые не хранятъ своего вдовства: за чѣмъ же безъ вины осуждать всѣхъ? правильно ли, что вдовый священникъ, постригшись, можетъ служить, а тотъ же священникъ, не постригшись, не можетъ служить? Развѣ женою попъ святъ? Который попъ имѣя жену чистъ, а не имѣетъ жены не чистъ, а чернецъ, не имѣя жены чистъ?. И вы, господіе, которымъ духомъ прозрѣли чистыхъ и нечистыхъ?“ Вмѣстѣ съ поведеніемъ духовенства соборами обсуждались особо рѣзкіе пороки и преступленія въ жизни мірянъ. Здѣсь достаточно отмѣтить хотя бы правила Стоглава о волшебныхъ средствахъ употреблявшихся тяжущимися „на полѣ“, т. е. на судебныхъ поединкахъ, о скоморошскихъ ватагахъ, бродившихъ по городамъ и весямъ земли русской, о лживыхъ

пророкахъ и пророчицахъ, объ употребленіи разныхъ волшебныхъ и гадательныхъ книгъ; или правила собора, бывшаго въ концѣ XVII в. о надлежащемъ отношеніи къ мѣстамъ общественнаго богослуженія и къ мѣстамъ погребенія умершихъ, къ мощамъ и другимъ реликвіямъ, а также весьма важныя правила о призрѣніи нищихъ и объ обузданіи ихъ назойливаго попрошайничества; или, наконецъ, правила собора 1647 г. о прекращеніи работъ въ воскресные и праздничные дни.

Изъ вопросовъ каноническаго характера особенно усиленно обсуждался на соборахъ вопросъ о правѣ церкви владѣть имуществами. Онъ былъ поставленъ спеціальнымъ пунктомъ рѣшеній по крайней мѣрѣ на пяти соборахъ, начиная съ 1500 г., постоянно преслѣдуя одну цѣль—возможное ограниченіе вотчинныхъ правъ духовенства. Свѣтское правительство, дѣлая давленія на ходъ соборныхъ совѣщаній, время отъ времени достигало соборныхъ постановленій о полномъ запрещеніи монастырямъ пріобрѣтать недвижимую собственность. „Вотчинникамъ вотчинъ своихъ по душамъ не давать, говоритъ актъ собора 15-го января 1580 г., а митрополиту, владыкамъ и монастырямъ земель не покупать и закладныхъ не держать. А кто послѣ сего уложенія куритъ землю, или закладки за собою учнетъ держати, и тѣ земли имати на государя безденежно“. Рядомъ съ вопросомъ о церковныхъ имѣніяхъ на соборахъ выставлялись и другіе болѣе или менѣе важные вопросы канонническаго характера. Таковъ былъ вопросъ о книжномъ исправленіи, еще на Стоглавѣ вызвавшій рядъ засѣданій, а въ XVII в. ставшій почти также спеціальнымъ пунктомъ соборовъ, собиравшихся въ періодъ междупатріаршества, и на соборѣ 1682 г., занимавшемся на ряду съ другими дѣлами между прочимъ и вопросомъ объ исправленіи текста книги часовникъ. Къ каноническимъ же, пожалуй, вопросамъ, останавливавшимъ на себѣ вниманіе соборовъ, слѣдуетъ отнести и длинный рядъ другихъ, менѣе важныхъ вопросовъ, какъ объ установленіи праздниковъ, вопросъ соборно обсуждавшійся въ патріаршество Іова, вопросъ о великомъ освященіи воды въ навечеріе Богоявленія, о церковномъ пѣніи, о крестномъ знаменіи, объ аллилуіи, о просфорахъ, о священническомъ благословеніи, и пр., и пр., и пр.

Въ области чисто административной первое мѣсто въ кругу предметовъ, подлежавшихъ соборнымъ обсужденіямъ, должно быть отведено вопросамъ объ организаціи высшаго областнаго управленія русской церкви. Таковъ былъ вопросъ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, поставленный на очередь на январьскомъ соборѣ 1589 г. проектъ переустройства областнаго церковнаго управленія въ Россіи по образцу греческой церкви, разсмотрѣнный на соборѣ 1682 г. Соборному же рѣшенію за весьма нечастыми исключеніями, имѣвшими мѣсто особенно при Иванѣ III и Грозномъ, всегда подлежали назначенія и перемѣщенія епархіальныхъ архіереевъ съ одной каѳедры на другую. Соборами, какъ извѣстно избраны митрополиты: Филиппъ II-й, Кириллъ, Варлаамъ: патріархи: Филаретъ и Іосифъ, и другіе іерархи. Изъ административныхъ мѣръ, касавшихся членовъ низшаго клира, заслуживаетъ упоминанія соборно разработанный и утвержденный, столь богатый по своимъ послѣдствіямъ въ жизни духовенства, институтъ поповскихъ старостъ, и затѣмъ также рядъ многочисленныхъ распоряженій касавшихся, говоря языкомъ соборныхъ актовъ, „исправленія нѣкоторыхъ многоразличныхъ церковныхъ вещей". Наконецъ, на древнерусскихъ церковныхъ соборахъ часто подвергался обсужденію рядъ административныхъ мѣръ общаго характера, касавшихся всѣхъ безъ исключенія членовъ церкви. Это были мѣры, предпринятыя для урегулированія религіознаго и общественнаго положенія раскольниковъ, распоряженія относительно пошлинъ праздничныхъ и тіунскихъ, заботы объ улучшеніи положенія православныхъ, жившихъ въ пограничныхъ пунктахъ съ Швеціей и Польшей, учрежденіе старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ, по всѣмъ городамъ, пригородамъ, волостямъ, погостамъ и у дѣтей боярскихъ [1]).

Послѣдними въ кругу вопросовъ, подлежавшихъ соборному суждепію въ древней Руси были многочисленные вопросы судебнаго характера. Сюда должны быть отнесены дѣла по дѣламъ вѣры и нравственности, дѣла, являвшіяся результатомъ правонарушеній чисто административнаго характера. Таковы были процессы судебные противъ Башкина

---

[1]) Прав. Соб. 1862 г., стр. 122, 123.

и Косого, судъ по дѣлу Максима грека и старца Васcіана Патрикѣева, оправдательный процессъ по дѣлу о московскихъ справщикахъ, архимандритѣ Діонисіѣ, Арсеніи, Иванѣ Насѣдкѣ, крупное дѣло по заблужденію дьяка Висковатаго, разсмотрѣніе вины и заблужденій лицъ, державшихся старой вѣры, и др., знаменитый судебный процессъ надъ новгородскимъ архимандритомъ Сераціономъ за самовольное отлученіе старца Іосифа Волоцкаго, суды соборные надъ митрополитомъ Филиппомъ и патріархомъ Никономъ за самовольное оставленіе каѳедры и связанное съ послѣднимъ судебное слѣдствіе надъ блюстителемъ патріаршаго престола митрополитомъ Іоною; судебныя дѣла надъ лицами церкви грековосточной, проживавшими по тѣмъ или инымъ поводамъ въ предѣлахъ Московскаго государства, какъ напр. судебное слѣдствіе надъ газскимъ митрополитомъ Паисіемъ по доносу на него п. Никона, разбиравшееся соборно въ 1665 г., и въ томъ же году сродное дѣло по обвиненію никопійскимъ митрополитомъ Аѳанасіемъ іеродіакона Мелетія, привезшаго грамоты отъ восточныхъ патріарховъ съ подложными подписями послѣднихъ. Наконецъ, соборному же разбирательству подлежали судебныя дѣла, касавшіяся лицъ свѣтскихъ, какъ напримѣръ судъ надъ боярином Звягинымъ за его активное участіе въ извѣстномъ дѣлѣ „о полупочномъ“ пріѣздѣ патріарха Никона изъ Воскресенскаго монастыря въ Московскій Успенскій соборъ во время утренняго богослуженія, и другія дѣла судебнаго характера.

IV.

Изложеніемъ очерка круга дѣлъ, подлежавшихъ обсужденію на древне-русскихъ церковныхъ соборахъ, согласно принятому плану настоящаго очерка, мы заканчиваетъ справку о соборахъ. Составитель ея желалъ бы, чтобы читатели сами приняли на себя трудъ сдѣлать выводы на основаніи представляемой имъ исторической справки, по весьма любопытному затрогиваемому ею вопросу и притомъ выводы въ ихъ примѣненіи къ помѣстному всероссійскому церковному собору, готовящемуся въ наши дни. Впрочемъ, и самъ со-

ставитель чувствуетъ, что онъ не исполнилъ бы взятой имъ на себя долгъ работы, если бы не подвелъ итоги тому, что вытекаетъ изъ его справки.

Подводя итоги сказанному, я прежде всего спѣшу повторить поставленную мною епиграфомъ къ очерку мысль Хомякова о вселенскихъ соборахъ, въ примѣненіи ея къ нашимъ древне-русскимъ церковнымъ соборамъ. „Соборы отстояли и для насъ русскихъ людей великое ученіе, благотворные плоды котораго питаютъ насъ въ продолженіе многихъ вѣковъ и донынѣ, облагораживая и возвышая помыслы и направляя ихъ къ безконечно высокой цѣли". Если хоть отчасти справедлива въ приложеніи къ нашимъ церковнымъ соборамъ золотая мысль Хомякова, то нетерпѣливое и вожделѣнное стремленіе, которымъ охвачены умы и сердца просвѣщенной части современнаго намъ русскаго общества, видѣть какъ можно скорѣе осуществленіе на дѣлѣ великой идеи объ организаціи всероссійскаго собора, становится вполнѣ понятнымъ. Кому изъ просвѣщенныхъ людей нашего времени не извѣстно, какъ тяжко пострадалась православная русская церковь подъ гнетомъ бюрократическаго режима, господствовавшаго въ ней со временъ Петра? Если соборъ всероссійскій, о чемъ бы и какъ ни разсуждалъ онъ, утолитъ хотя часть общественныхъ страданій, то и тогда онъ совершитъ поистинѣ великое и святое дѣло. Вѣдь церковный соборъ—не случайное явленіе въ нашей церкви. Онъ яркою нитью проходитъ черезъ всю исторію допетровской Руси. Временное его прекращеніе, разразившееся столь болѣзненно тяжкими послѣдствіями въ организмѣ нашей церковно общественной жизни, отнюдь не свидѣтельствуетъ о его непригодности для питанія живительныхъ соковъ этой жизни. Подъ благодатнымъ небомъ юга нерѣдко чудодѣйственно оживаютъ и самые безнадежные туберкулезные больные. Надобно только всѣми силами стремиться къ тому, чтобы предстоящій церковный соборъ способенъ былъ пролить въ нашу жизнь эти соки. А для этого слѣдуетъ обратиться въ дѣлѣ его организаціи къ неповрежденно-чистой его исторіи, имѣвшей мѣсто приблизительно до XVI в. въ жизни нашей церкви. Пусть соборъ будетъ дѣйствительнымъ церковнымъ соборомъ, а не пародіею лишь его, при участіи всѣхъ епископовъ русской церкви, избранныхъ отъ духовенства того

и другого класса и міряпъ. Такъ бывало и въ старой Руси. Пусть свободно и смѣло высказываются на немъ всѣ, кто чувствуетъ себя способнымъ понимать интересы церковной жизни, искренне радѣть о святомъ благѣ церкви и отечества. Пусть и голосъ честнаго іерея, и діакона, и простого міряпина, приглашенныхъ на соборъ хотя бы простыми совѣщателями, не теряется въ массѣ голосовъ рѣшающихъ. „Намъ всѣмъ, скажемъ витіеватыми словами патріарха Никона,—а не однимъ лишь избраннымъ епископомъ и честнымъ иноком, должно есть отъ Спаса Нашего Господа Іисуса Христа преданныя заповѣди и святыми апостолами и святыми отцами, возсіявшими на святѣмъ Никейстѣмъ вселенстѣмъ соборѣ ста и осмью десятьми богоносными отцами и въ послѣдующихъ вселенскихъ соборѣхъ, даже до седьмого, второе въ Никеѣ собравшагося, такожде и между седьми вселенскими въ различныя времена собравшихся помѣстныхъ соборѣхъ, хранити“ [1]).

И въ литературѣ, какъ свѣтской, такъ и духовной, и въ нашихъ просвѣщенныхъ собраніяхъ неоднократно и живо обсуждался вопросъ о томъ, что дѣлать предстоящему всероссійскому церковному собору. Я едва ли могу прибавить къ вопросу что либо новое сравнительно съ тѣмъ, что сказано по его предмету людьми, болѣе меня въ вопросѣ компетентными. Но я не могу умолчать, пользуясь извѣстнымъ фигуральнымъ выраженіемъ царя Алексѣя, что „на насѣянной Домовитымъ благогобзовитой современной нивѣ Русской державы чистой благочестія пшеницей, поросли цѣлыя полосы душепагубныхъ секратовъ и куколей“... Мнѣ кажется, нужно рѣшить вопросъ объ отношеніи церкви къ государству: должна ли церковь быть отдѣлена отъ государства, или же между ними должно быть устроено взаимоотношеніе взаимопомощи. Какъ опредѣлить нормы подобныхъ отношеній? Не отъ такого ли или иного рѣшенія означенныхъ вопросовъ будетъ зависѣть на предстоящемъ соборѣ и все остальное церковное устройство? Вопросъ, конечно, долженъ разрѣшаться на основаніяхъ церковно-каноническихъ, при которыхъ государству всегда и вездѣ предо-

---

[1]) Прав. обозр. 1871 г. стр. 230, 2-е полугодіе.

ставлялось завѣдываніе внѣшнимъ положеніемъ церкви, опредѣленіе же внутренняго церковнаго быта должно принадлежать исключительно церкви. При этомъ внутреннее устройство церкви могло бы быть учреждаемо и направляемо путемъ внутреннихъ соборовъ, какъ главнаго органа православной церкви, исполнительнымъ же органомъ въ семъ дѣлѣ долженъ быть постоянный соборъ—лучше сказать весь теперешній Сѵнодъ.

Если предполагаемый всероссійскій соборъ или своимъ составомъ, или самою дѣятельностію своею не осуществитъ возлагаемыхъ на него надеждъ и идеаловъ, едва ли не возможно опасаться, какъ бы не перешелъ въ оглушительный вопль тотъ голосъ отважнаго ростовскаго священника, Георгія Скрипицы, который впервые услышанъ былъ на соборѣ 1503, г. по отзвуки котораго изъ глубины вѣковъ по временамъ и притомъ все пронзительнѣе и чаще раздаются и въ наши дни: „Господа священноначальницы! Не благословно надсматриваете надъ вѣрными людьми, говорилъ Скрипица, назираете церковь по царскому чину земного царя—боярами, дворецкими, недѣльщиками, доводчиками, для своихъ прибытковъ, а не по достоинству святительскому: вамъ достоитъ пасти церковь священниками благоразумными, а не мірскимъ воинствомъ“. [1])

Н. Кедровъ.

---

[1]) См. Знаменскаго учебникъ ц. исторіи.

Соборы въ русской церкви до половины XV вѣка.

(Историческія справки).

Въ Русской церкви, съ самаго начала ея существованія вплоть до открытія Святѣйшаго Синода, церковные соборы созывались очень часто по разнымъ причинамъ. Если наши лѣтописи, повѣствуя, наприм., о домонгольскомъ періодѣ, ясно говорятъ только о немногихъ соборахъ, то здѣсь нѣтъ доказательства, что соборы были чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ на Руси. Кому не извѣстно, что наши древніе историческіе памятники часто даютъ намъ даже о важныхъ событіяхъ свѣдѣнія самыя скудныя, на что такъ горько жалуются историки? Замѣтимъ при этомъ, что лѣтописи, не описывая подробно исторіи всѣхъ древнерусскихъ соборовъ, однако нѣкоторыми своими выраженіями и указаніями даютъ понять, что въ Русской церкви соборы собирались при всякомъ удобномъ случаѣ [1]). Русскій народъ всегда любилъ и любитъ рѣшать свои дѣла сообща, по соглашенію всѣхъ, не придавая значенія различію сословій. Въ древности, особенно въ домонгольскій періодъ, эта національная черта не сдавливалась такъ сильно, какъ впослѣдствіи при царяхъ. Вспомнимъ прекрасное былинное изображеніе, отмѣченное К. Аксаковымъ: на богатырской скамьѣ у краснаго солнышка, князя Владиміра, сидятъ и Ставръ, богатый бояринъ, и Алеша, сынъ попа, и Иванъ, сынъ гостя (купца), и наконецъ Илья Муромецъ, крестьянинъ, — всѣмъ имъ равный почетъ; отношенія богатырей къ великому князю почтительны, но не подобострастны; они охотно служатъ ему, но ни въ чемъ

---

[1]) См. объ этомъ у *Макарія*, Исторія Русской Церкви т. II. Спб. 1857. стран. 226 и сл.; т. III, Спб. 1857, стр. 202 и сл.

не выражаютъ унижепнаго отношенія къ князю; во всемъ слышится воля, во всемъ ясно обнаруживаются признаки общиннаго порядка дѣлъ [1]). Но если русскій народъ такъ любитъ общинный строй жизни, то предлагаемая христіанствомъ соборность, т. е. самое живое участіе каждаго члена церкви въ церковныхъ дѣлахъ, должна была притти по сердцу нашимъ предкамъ и обнаружиться съ особенною силой. Дѣйствительно, русскіе не относились безучастно къ тому, что совершалось въ церкви, и никто не смѣлъ отгонять ихъ отъ этого. Дѣло церковное не считалось дѣломъ одной высшей іерархіи, — въ немъ принимали широкое участіе и клиръ съ мірянами. Умиралъ или выбывалъ священникъ: прихожане сами выбирали ему преемника и приводили его къ епископу; послѣдній же только посвящалъ его, или, если онъ былъ уже посвященнымъ, давалъ ему свое благословеніе [2]). Дѣятельное участіе принималъ народъ и при избраніи епископовъ. Если въ какой либо епархіи умиралъ епископъ или оставлялъ каѳедру, то мѣстный князь вмѣстѣ съ своими подданными избиралъ кандидата, отправлялъ его въ Кіевъ къ князю Кіевскому и митрополиту и просилъ о рукоположеніи новоизбраннаго во епископы [3]), Если митрополитъ самъ, безъ сношенія съ мѣстнымъ княземъ и народомъ, поставлялъ куда либо епископа, избраніе его признавалось незаконнымъ [4]). Самое управленіе паствою не было

---

[1]) *Аксаковъ К.* „Богатыри временъ великаго князя Владиміра, по русскимъ пѣснямъ". Статья эта впервые была помѣщена въ извѣстномъ, навлекшемъ на себя преслѣдованіе цензуры, „Московскомъ сборникѣ" изданномъ И. Аксаковымъ въ Москвѣ. См. Русск. Старина, 1905 г., Майстран. 392-403.

[2]) *Голубинскій.* Исторія Русской Церкви, т. I, первая половина тома. Изд. 2-ое. Москва. 1901, стр. 454 и сл.

[3]) *Макарій.* Исторія Русской Церкви III, 203 и сл.; *Голубинскій Е.* Исторія Русской Церкви т. I, I половина, 360 и сл.

[4]) Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1185 г. читаемъ: „Въ лѣто 6693. Князь Всеволодъ посла къ Кыеву къ Святославу къ Всеволодичу и къ митрополиту Никифору, прося епископа, хотя поставити Луку смѣреннаго, духомъ кроткого, игумена святаго Спаса на Берестовѣмь: митрополитъ же Никифоръ не хотяше поставити его, зане бѣ на мьздѣ поставилъ Николу Грьчина. Князю Всеволоду не хотящю его, паче же Богови, *пьсть бо достойно наскакати на святительскый чинъ на мьздѣ, но его же Богъ позоветъ и святая Богородица, князь възхочеть и людье*: тако и сего игумена

единоличнымъ управленіемъ епископа. Въ домонгольскій періодъ при епархіальныхъ архіереяхъ были учреждены такъ называемые „клиросы“, которые представляли изъ себя постоянные пресвитерскіе совѣты или соборы при епископахъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣній объ этихъ клиросахъ сохранилось очень мало [1]).

При такой интенсивности въ Русской Церкви духа соборности въ періодъ домонгольскій, не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что церковные соборы созывались въ это время, лишь только представлялась возможность. Въ предлагаемой статьѣ мы желаемъ дать историческія справки объ извѣстныхъ по историческимъ памятникамъ соборахъ въ Русской церкви, въ періодъ ея зависимости отъ церкви Константинопольской (до 1448 г.), т. е. въ то время, когда власть гражданская еще не получила особенной силы надъ церковію. При этомъ постараемся обратить особенное вниманіе на тѣ стороны этихъ соборовъ, которыя могутъ имѣть значеніе для предстоящаго всероссійскаго помѣстнаго Собора.

Когда, гдѣ и по какому поводу былъ собранъ первый соборъ на Руси, неизвѣстно. Лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ о соборѣ епископовъ подъ 1051 годомъ; но это конечно не можетъ непремѣнно означать, что здѣсь идетъ рѣчь о первомъ соборѣ.

„Въ лѣто 6559 (т. е. 1051 г. по Р. Х.). Постави Ярославъ Ларіона Митрополита Русина въ святѣй Софьи, собравъ епископы“. Вотъ и все лѣтописное повѣствованіе о соборѣ Ярославова времени. Но при всей скудости этого извѣстія, открывается однако возможность строить нѣкоторыя пред-

---

Луку Богу извольшу и святѣй Богородицѣ и князю Всеволоду, за его кротость и смѣренье. Митрополитъ же Никифоръ повелѣ Николѣ Грьчину отписатися землѣ Ростьской, и поставя сего Луку епископомъ Ростову и Володимерю и Суждалю и всей земли Ростовьской“ (Полное собраніе русск. лѣт. изд. Археограф. Коммиссіи, т. I, Спб. 1846, стран. 165). Также и по Ипатьевской лѣтописи (1183 г.), князь Всеволодъ, отказываясь принять епископомъ грека Нилолая, заявляетъ, митрополиту Никифору: *„не избрашя сего людье земль нашей*, но же еси поставилъ, ино камо, тобѣ годно, тамо же и держи“ (Полное собраніе русск. лѣтоп., изд. Арх. Коммиссіи, т II. Спб. 1843. стр. 127).

[1]) См. о нихъ у *Голубинскаго Е.* Исторія Русской Церкви, т. I, I полов., стр. 376 и сл.

положенія. Такъ прежде всего должно полагать, что лѣтопись въ данномъ мѣстѣ говоритъ намъ о собраніи епископовъ не для одной хиротоніи митрополита, но именно для собора, т. е. для соборнаго рѣшенія важнаго церковнаго вопроса. До митрополита Иларіона всѣ первосвятители Русской церкви получали поставленіе въ Константинополѣ и были природными греками. Иларіонъ первый митрополитъ родомъ изъ русскихъ, первый не рукоположенный въ Византіи. Ярославъ, желая допустить такое нововведеніе, не долженъ ли былъ предварительно обсудить это на соборѣ? Не для этого ли прежде всего онъ собралъ въ Кіевъ епископовъ русскихъ? Лѣтопись говоритъ о соборѣ епископовъ; но несомнѣнно здѣсь принимали участіе и нѣкоторые изъ духовенства и мірянъ. Имѣя въ виду живое отношеніе къ церковнымъ дѣламъ нашихъ предковъ, едва ли можно признать, чтобы въ избраніи и поставленіи Иларіона митрополитомъ никто не принималъ участія — ни изъ епископскихъ „клиросовъ", ни изъ другихъ вѣрующихъ. Притомъ русскіе, пожелавъ сами назначить себѣ первосвятителя, конечно, должны были поступить такъ, какъ поступали въ такихъ случаяхъ греки, тѣмъ болѣе что въ числѣ собранныхъ княземъ Ярославомъ епископовъ въ Кіевъ нѣкоторые могли быть изъ грековъ [1]). Въ Византіи же избраніе патріарха никогда не обходилось безъ участія клира и народа [2]). Въ частности и патріархи половины XI вѣка — современникъ митрополита Иларіона, Михаилъ Керулларій (отъ 1043 г. до 1058 г.), и его преемникъ, Константинъ Лихудъ (1059—1063 г.), были избраны такимъ же порядкомъ, какъ и другіе [3]).

Послѣ 1051 года наши лѣтописи не говорятъ ни объ одномъ соборѣ до половины XII вѣка. Только подъ 1147 годомъ

---

[1]) Сравн. *Голубинскій Е.* Исторія Русск. Церкви, т. I, I полов., стр. 344 и сл.

[2]) Описаніе избранія константинопольскихъ патріарховъ, составленное на основаніи свидѣтельства Константина Багрянороднаго (I, 564—566), Кодина (101—102) и Симеона Солунскаго (*Migne, CLV.* 438—439) см. у *Скабалановича Н.* „Византійское Государство и Церковь въ XI вѣкѣ отъ смерти Василія II Болгаробойцы до воцаренія Алексѣя I Комнина". Спб. 1884, стр. 365—366. Срв. также *Іеромонаха Іоанна*, „Обрядникъ Византійскаго двора (De ceremoniis aulae Byzantinae), какъ церковно-археологическій источникъ". Москв. 1895, стр. 184 и сл.

[3]) *Скабалановичъ*, стр. 374—375, 394.

мы встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Изяславъ Мстиславичъ собралъ соборъ въ Кіевѣ точно по такому же поводу, какъ и Ярославъ,—для избранія и рукоположенія митрополитомъ Климента Смолятича, родомъ русскаго. Но тогда какъ въ 1051 году никакого разногласія на соборѣ не было, теперь нѣкоторые епископы отказались признать Климента своимъ первосвятителемъ. Дѣло въ томъ, что Иларіонъ, хотя и былъ поставленъ митрополитомъ въ Кіевѣ, однако послѣ своего избранія и рукоположенія испросилъ себѣ благословеніе и утвержденіе отъ константинопольскаго патріарха, такъ что единеніе русской церкви съ греческою не нарушилось [1]). Климентъ же не желалъ итти въ Константинополь. Лаврентьевская лѣтопись описываетъ соборъ 1147 года очень кратко: „Въ лѣто 6655 (1147 отъ Р. Х.) Изяславъ постави митрополита Клима, калугера, Русина, особь съ шестью епископы“ [2]). Болѣе подробно представляетъ дѣло лѣтопись Ипатьевская: „Въ то же лѣто (т. е. 1147 г.) постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича, выведъ изъ Заруба; бѣ бо черноризечь скимьникъ, и бысть книжникъ и философъ, такъ якоже въ Русской земли не бяшеть. Рече бо Черниговьскій епископъ: „азъ свѣде, яко достоить съшедшеся епископомъ митрополита поставити“. И спидошась Черниговски епископъ Онофрій, Бѣлгородьскій епископъ Ѳеодоръ, Переяславьскій епископъ Еѵѳимій, Гюргійскій епископъ Демьянъ, Володимерьскій Ѳедоръ, Новгородьскій Нифонтъ, Смоленьскій Мануилъ, рекоста: „не есть того въ законѣ, яко ставити епископомъ митрополита безъ патріарха, но ставить патріархъ митрополита; а не поклонивѣ ти ся, ни служивѣ съ тобою, зане не взялъ еси благословенія у святоѣ Софьи, ни отъ патріарха; аще ли ся исправиши, благословившися отъ патріарха, и тогда ти ся поклонивѣ: мы взяли отъ Михаила отъ митрополита рукописаніе, яко не достоить намъ безъ митрополита въ святѣй Софьи служити“. Онъ же на ня про то тяжко сердце имѣя. Онофрій же Черниговьскій рече: „азъ свѣде, достоить ны поставити, а глава у насъ есть святаго Климента якоже ставять Греци рукою святаго Ивана“. И тако

---

[1]) *Макарій*. Исторія Русской Церкви, т. II, стр 6 и 263—264.

[2]) Полное собраніе русск. лѣтопис. I, 137.

сгадавше епископи, главою святаго Климента поставиша митрополитомъ "[1]).

Приведенныя слова двухъ лѣтописей возбуждаютъ нѣкоторые вопросы. Прежде всего: всѣ ли епископы присутствовали на соборѣ 1147 года, и если не всѣ, то почему: потому ли, что сами не захотѣли явиться на соборъ, или потому, что не получили приглашенія?

Въ 1147 году въ Россіи было 10 или 11 архіерейскихъ каѳедръ: Черниговская, Переяславская, Владиміро-Волынская, Бѣлгородская, Юрьевская, Туровская, Полоцкая, Новгородская, Ростовская, Смоленская и, какъ думаютъ нѣкоторые, Галичская[2]). Ипатьевская лѣтопись въ числѣ епископовъ, составлявшихъ соборъ, не упоминаетъ о епископахъ туровскомъ, полоцкомъ, ростовскомъ и галицкомъ. Такимъ образомъ представляется, что на соборѣ присутствовало только семь епископовъ. Однако и изъ числа этихъ послѣднихъ академикъ Е. Е. Голубинскій исключаетъ двухъ—Нифонта новгородскаго и Мануила смоленскаго. „Ипатьевская лѣтопись",—пишетъ почтенный историкъ,—какъ будто представляетъ дѣло такимъ образомъ, что епископы, несогласные на поставленіе Климента, протестовали на соборѣ. Но Новгородская 1-я лѣт., весьма подробная о своемъ новгородскомъ епископѣ Нифонтѣ, бывшемъ противъ поставленія Климента, ничего не говоритъ объ его путешествіи въ Кіевъ въ 1147 году, и слова, съ которыми Ипатьевская лѣтопись заставляетъ Нифонта обращаться къ Клименту какъ бы на соборѣ, могли быть говоримы только уже послѣ него (когда Климентъ былъ посвященъ). Само по себѣ непонятно, зачѣмъ епископы, несогласные на поставленіе Климента, прибыли бы на соборъ (и даже какъ были бы нущены на него), и Нифонтъ, если бы былъ на немъ, долженъ былъ попасть въ заточеніе тотчасъ послѣ него. Впрочемъ, если въ лѣтописи, въ данномъ мѣстѣ измѣнить пунктуацію и въ перечисленіи епископовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, послѣ „Володимерьскии Ѳедоръ" поставить не запятую, какъ въ печатномъ, а точку: то и она не бу-

---

[1]) Полное собраніе русск. лѣтоп. т. II, стр. 29-30.

[2]) См. *Голубинскій*. Исторія Русск. Церкви т. I, I половина, стр. 304.

детъ говорить, что епископы несогласные присутствовали на соборѣ".[1])

Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ авторитетности знаменитаго историка, не можемъ однако не замѣтить, что едва ли есть существенная необходимость отрицать присутствіе на Изяславовомъ соборѣ епископовъ новгородскаго и смоленскаго. Если Новгородская лѣтопись ничего не говоритъ о поѣздкѣ епископа Нифонта въ Кіевъ въ 1147 г., то, по замѣчанію самого же Е. Е. Голубинскаго, „наши лѣтописцы въ отношеніи къ церковнымъ дѣламъ вовсе не могутъ быть признаны людьми, имѣющими наклонность говорить опредѣленно и обстоятельно"[2]). Что же касается словъ, которыя, по Ипатьевской лѣтописи, Нифонтъ и Мануилъ говорили Клименту на соборѣ, то почему же предполагать что они могли быть сказаны только послѣ посвященія Климента? Развѣ пельзя представлять дѣло такимъ образомъ: на соборѣ рѣшено было поставить митрополита безъ благословенія константинопольскаго патріарха; на это нѣкоторые епископы не согласились и, обращаясь къ новоизбранному, сказали: „мы не признаемъ тебя и не будемъ совершать съ тобою богослуженія, пока ты не получишь благословенія отъ патріарха"? Съ такимъ пониманіемъ вполнѣ согласуется заключительное извѣстіе лѣтописи о постановленіи Климента: когда на соборѣ слишкомъ ясно обнаружилось, что обойтись безъ патріаршаго благословенія не законно, то Онуфрій, епископъ черниговскій, предложилъ замѣнить это благословеніе постановленіемъ новаго митрополита главою св. Климента римскаго. Наконецъ, едва ли можно согласиться и съ тѣмъ, что Нифонтъ, если бы былъ на соборѣ, то, какъ воспротивившійся желанію великаго князя, тотчасъ же былъ бы заточенъ. Князю не было особыхъ причинъ спѣшить наказаніемъ новгородскаго епископа. Этимъ онъ только бы увеличилъ въ народѣ недовольство собою, такъ какъ Нифонтъ пользовался великимъ уваженіемъ среди всѣхъ[3]).

---

[1]) *Голубинскій Е.*, I т., I полов., стр. 305.

[2]) *Голубинскій* тамъ же, стран. 303

[3]) См. Ипатьевская лѣтопись подъ 1156 г. (Полн. соб. лѣтоп. II, 79), первая Новгородская лѣтопись подъ 1130 г. (Полн. собр. лѣт. III. 6.)

Прежде чѣмъ прибѣгать къ насилію, Изяславу разумнѣе было посмотрѣть, не кончится ли все миромъ.

Но если открывается возможнымъ допустить присутствіе на соборѣ 1147 года семи, а не пяти епископовъ, то какъ же однако объяснить, что мы не видимъ здѣсь остальныхъ четырехъ: галичскаго, ростовскаго, туровскаго и полоцкаго?

Относительно галичскаго епископа должно замѣтить, что достовѣрно неизвѣстно, была ли открыта къ 1147 году епископія въ Галиціи. Въ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается о постановленіи галичскаго епископа только подъ 1157 годомъ[1]). Не знаемъ мы, кто былъ и епископомъ ростовскимъ въ годъ Кіевскаго собора. Подъ 1149 годомъ упоминается Несторъ, какъ епископъ Ростова[2]), но занималъ ли онъ каѳедру въ 1147 году и былъ ли на соборѣ, остается неизвѣстнымъ. Въ житіи св. Нифонта новгородскаго, помѣщенномъ въ печатномъ Печерскомъ патерикѣ, находимъ указаніе, что на соборъ собралось девять епископовъ, именно къ указаннымъ въ Ипатьевской лѣтописи семи прибавляется Іоакимъ туровскій и Косма полоцкій.[3]) Но это житіе появилось только въ XV вѣкѣ[4]), и такимъ образомъ, какъ памятникъ болѣе поздняго времени, дастъ намъ свидѣтельство, къ которому должно относиться съ особенною осторожностью. Такъ, едва ли можно допустить, чтобы на соборѣ присутствовалъ Іоакимъ туровскій, потому что по лѣтописямъ[5]) въ 1146 году онъ былъ лишенъ каѳедры княземъ Изяславомъ. Митрополитъ Макарій въ своей исторіи пишетъ (т. III. стр. 7 Спб. 1857): „надобно допустить, что Іоакимъ присутствовалъ на соборѣ; не задолго передъ тѣмъ, по волѣ великаго князя, онъ былъ приведенъ изъ Турова въ Кіевъ вмѣстѣ съ посадниками туровскими и дѣйствительно находился въ

---

[1]) Воскресенская лѣтоп. подъ 1157 г. См. Полное собран. лѣт. VII. стран. 66. Спб. 1856. Подробнѣе о Галичской епархіи см. у Голубинскаго I т. I пол. стр. 691 и сл.

[2]) *Голубинскій*, тамъ же 667.

[3]) Кіево-печерскій патерикъ. Листъ 236 на обор. Кіевъ 1872.

[4]) *Ключевскій*. Древнерусскія житія святыхъ, стр. 261. Москва. 1871

[5]) Лаврентьевская подъ 1146 г. (Полн. собр. лѣт. I, 136) и Ипатьевская подъ тѣмъ же годомъ (т. II, стр. 25).

Кіевѣ во время собора.“ Но лѣтописное свидѣтельство не даетъ никакого основанія предполагать, что Іоакимъ находился въ чести у Изяслава.[1]) Онъ былъ низведеннымъ епископомъ, и поэтому едва ли могъ присутствовать на соборѣ. Вѣрнѣе предполагать, что туровская каѳедра въ 1147 году оставалась праздною, почему на соборѣ и не было епископа изъ Турова. Наконецъ, Полоцкій епископъ, очень можетъ быть, на соборѣ дѣйствительно присутствовалъ, какъ сообщаетъ житіе св. Нифонта. Въ Полоцкѣ епископскую каѳедру въ это время занималъ Косма, поставленный въ 1143 году[2]). Лѣтопись не называетъ его въ числѣ присутствовавшихъ на соборѣ; но можетъ быть, епископъ Косма, когда соборъ обсуждалъ вопросъ о постановленіи Климента Смолятича, не желалъ рѣшительно высказываться ни за, ни противъ, признавъ болѣе полезнымъ для себя примкнуть къ той части епископовъ, которая одержитъ верхъ. Поэтому лѣтопись и не упомянула о немъ, какъ о молчавшемъ на соборѣ. Правда, Ипатьевская лѣтопись подъ 1156 годомъ, говоритъ, что послѣ низложенія Климента Смолятича, вмѣстѣ съ протестовавшими противъ его постановленія епископами Нифонтомъ и Мануиломъ, поспѣшилъ поѣхать встрѣтить избраннаго константинопольскимъ патріархомъ новаго митрополита Константина, также и Косма[3]), но это не говоритъ непремѣнно, чтобы полоцкій епископъ на соборѣ со всею силою возставалъ противъ Климента: „онъ могъ быть только человѣкомъ гибкимъ,“ по выраженію академика Голубинскаго[4]).

Итакъ, на соборѣ 1147 года несомнѣнно присутствовали семь епископовъ; что же касается остальныхъ четырехъ, то: туровскаго не было, по всей вѣроятности, потому, что епископская каѳедра оставалась не замѣщенною; о ростовскомъ опредѣленнаго ничего нельзя сказать; галичскій—неизвѣстно существовалъ ли: а полоцкій—можетъ быть и присутствовалъ. Мы намѣренно остановились на этомъ, желая пока-

---

[1]) „Изяславъ же... посадникы псковавъ приведе, и Туровьскаго епископа Якима“ (Лавр. лѣт. въ указ. мѣстѣ).

[2]) См. *Голубинскій*, тамъ же, стр. 682.

[3]) Полное собран. лѣтоп. II, 80.

[4]) Истор. Русск. Церкви 1 т., I полов., стр. 305.

зать, что если кто изъ епископовъ и не былъ на соборѣ, то нѣтъ никакихъ твердыхъ историческихъ данныхъ признавать, что это произошло по распоряженію Изяслава, будто бы не пригласившаго пріѣхать въ Кіевъ тѣхъ епископовъ, о которыхъ онъ зналъ, что они несогласны съ его намѣреніемъ относительно постановленія Климента[1]). Выраженіе Лаврентьевской лѣтописи: „Изяславъ постави митрополита Клима, калугера, русина, *особь съ пятью епископы*“ вовсе не доказываетъ, что соборъ состоялъ только изъ этого числа епископовъ, но говоритъ, что князь не придалъ значенія протесту на соборѣ двухъ епископовъ и, несмотря на ихъ несогласіе, повелѣлъ остальнымъ („особь“) шести рукоположить Климента. Число *шесть* или можетъ указывать на присутствіе Космы полоцкаго или, если кто желаетъ отрицать это присутствіе, должно считаться неточностію, допущенною лѣтописцемъ, т. е. вмѣсто шестью вѣрнѣе было бы сказать пятью. Изъ лѣтописей не видно, чтобы на соборѣ присутствовалъ князь съ міряпами, но имѣя въ виду сказанное выше о соборѣ 1051 года, должно предположить, что и въ 1147 году соборъ составили не одни только епископы.

Третьимъ, упоминаемымъ въ лѣтописяхъ, соборомъ домонгольскаго періода должно назвать соборъ, созванный около 1160 года[2]) по поводу спора о постѣ въ среду и пятницу, если на эти дни падаютъ большіе праздники. Въ 1157 году ростовцы изгнали своего епископа Нестора за то, что онъ не разрѣшалъ поста во всѣ праздничныя среды и пятницы, за исключеніемъ Рождества Христова и Крещенія. По этому поводу митрополитомъ былъ собранъ соборъ, на которомъ „митрополитомъ Кіевскимъ и всеа Руси и сущими его епископами иже подъ нимъ суть“ Несторъ былъ совершенно оправданъ, какъ по данному вопросу, такъ и по какимъ то другимъ обвиненіямъ, возведеннымъ на него

---

[1]) См. *Голубинскій* тамъ же.

[2]) Въ *Прощеніи* Питирима, епископа нижегородскаго, приведено „Соборное дѣяніе на еретика армянина, на миниха Мартина, въ лѣто отъ созданія міра 6665, а отъ Рождества Христова 1157, м. Іунія, въ 7 день“. Но уже Карамзинъ доказалъ (Ист. Госуд. Росск., т. II, прим. 415) подложность этого дѣянія.

Андреемъ Боголюбскимъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія объ этомъ соборѣ очень скудны[1]).

По поводу того же спора о постѣ былъ созванъ немного спустя, именно въ 1164 году, Андреемъ Боголюбскимъ другой соборъ. „Въ то же лѣто (6672 т. е. 1164 по Р. Х.),—читаемъ въ Лаврентьевской лѣтописи,—вста ересь Леоптіанская. Скажемъ вмалѣ: Леонъ епископъ не по правдѣ поставися Суждалю, Нестеру епископу Суждальскому, живущю, перехвативъ Нестеровъ столъ; почя Суждаль учити не ѣсти мясъ въ Господьскыя празники, въ среды и пятки, ни на Рожьство Господне, ни на Крещенье, и *бысть тяжа про то велика предъ благовѣрнымъ княземъ Андреемъ, предо всѣми люд-*

---

[1]) Упоминаніе о немъ находимъ въ посланіи патріарха Луки Хризоверга къ Андрею Боголюбскому, приведенномъ въ Никоновской лѣтописи подъ 1160 годомъ: „Прочтохомъ же, -пишетъ патріархъ князю Владимірскому.—и другаа посланія твоя, присланая къ намъ, на нихъ бѣаху обинныя вины на боголюбиваго епископа твоего, еще же наипаче извѣстихомся и отъ пресвященнаго митрополита Кіевьскаго и всеа Руси и иже подъ нимъ сущихъ епископовъ посланіемъ, и отъ самого посла дръжавнаго сына нашего царя и отъ инѣхъ многихъ, яко таковая на епископа твоего обвиненіа глаголана суть многажды въ своемъ тамо у васъ соборѣ и предъ великимъ княземъ Кіевскимъ пришедъшимъ о томъ пѣкимъ мужемъ благородіа твоего, и явившася тѣ всѣ вины не тверды, якоже бы епископу напаствовати и яту быти въ винахъ. И оправленъ убо есть сей епископъ своимъ соборомъ своего ему суще митрополита Кіевскаго и всеа Руси, и отнюдь неподобно мы пепщуемъ того священнаго собора посудити и претворити, запеже суть истязана тамо; и яко убо священная правила не повелѣваетъ намъ того творити, но коемуждо епископу своимъ соборомъ отъ своего митрополита судитися повелѣваютъ, и сице мы тако соблюдаемъ священныя и божественыя правила, яко же пріяхомъ и яко же научени быхомъ; но убо попеже епископъ, надѣяся на свою правду, неотступно съ веліемъ моленіемъ и слезами стужаше намъ, яко да испытаемъ извѣстно еще о немъ священнымъ и божественнымъ соборомъ таковаа, попеже скорбію и печалію много напуряшеся, послушахомъ убо его моленій и слезъ, и прочтохомъ иже па него благородіемъ твопмъ присланая къ намъ по коейждо вины своей въ правду сплиѣ по священнымъ и божественымъ правпломъ отвѣщалъ есть, сице же убо и нынѣ оправданъ есть и намп и въ священную и божественую службу съ собою его пріяхомъ и служилъ есть съ нами священныя и божественыя службы, и послахомъ его оправдана къ твоему благородію, да пріпмеши его съ любовію и честію, яко воистину отъ самого Бога оправдана и послана нашимъ смиреніемъ и священнымъ и божественнымъ великимъ соборомъ". Пол. собр. лѣт. IX. стр. 224-225. Спб. 1862.

ми, и упрь его владыка Ѳеодоръ". [1]) Изъ этихъ словъ лѣтописи мы не видимъ ясно, гдѣ происходилъ соборъ [2]) и всѣ ли русскіе епископы съ митрополитомъ во главѣ присутствовали на немъ; [3]) но мы находимъ въ нихъ цѣнное указаніе, что, во 1-хъ, соборъ происходилъ предъ „всѣми людьми", т. е. міранамъ былъ открытъ широкій доступъ на него, вслѣдствіе чего онъ по всей справедливости можетъ быть названъ церковно-земскимъ; [4]) во 2-хъ, въ жаркихъ преніяхъ соборныхъ принимали участіе не одни духовныя лица, но и міряне съ княземъ своимъ, такъ какъ лѣтописецъ замѣчаетъ: „бысть тяжа велика предъ благовѣрнымъ княземъ Андрѣемъ, предо всѣми людми".

Споры о постѣ въ праздничныя середы и пятницы не кончились и послѣ собора 1164 года. Можно предполагать, что по этому же поводу четыре года спустя митрополитомъ Константиномъ былъ собранъ соборъ въ Кіевѣ. Татищевъ въ своей исторіи пишетъ: Сего же году (т. е. 6676—1168) Поликарпъ игуменъ Печерскаго Монастыря съ братіею положили во всѣ господскіе праздники, ежели прилучатся въ среду и пятокъ, ѣсть сыръ, масло, яйца и молоко, которому согласовалъ Святославъ Князь Черниговскій и другіе князи и Епископы; но Митрополитъ возбранялъ и было о томъ прѣніе многое и распря великая. Мстиславъ же Великій Князь положилъ созвать на соборъ всѣхъ епископовъ, игуменовъ, священниковъ и монаховъ ученыхъ, и сошлося ихъ до ста-пятидесяти, отъ Андрея Юрьевича пришелъ Ѳеодоритъ игуменъ Суздальскій, у которыхъ было прѣніе многое, одни держались митрополита; Антоній Епископъ Черниговскій и

---

[1]) Полное собран. лѣтоп. I, 150.

[2]) Срв. *Макарій*, Истор. Русск. Церкви III, 81. Спб. 1857.

[3]) По всей вѣроятности, соборъ происходилъ во Владимірѣ. Неяснымъ остается также и то, кого должно разумѣть подъ владыкою Ѳеодоромъ: допускать ли, что въ 1164 году еще былъ живъ митрополитъ Ѳеодоръ, занимавшій митрополію отъ 1161 г., и такимъ образомъ признавать, что онъ руководилъ соборомъ; или же лѣтописецъ говоритъ о мѣстномъ (т. е. Ростовскомъ) епископѣ Ѳеодорѣ. Срв. *Макарій*. Истор. Русск. Церкви, III, 81 и сл.: 292-293; *Филаретъ Черниговскій*, Исторія Русск. Церкви I, 160 и сл. Москв. 1888; *Голубинскій*, I, 1 полов., 677, 955.

[4]) Такъ называется онъ академикомъ Голубинскимъ. Исторія Русск Церкви, т. I, 2-ая полов. Москв. 1881, стр. 404.

Антоній Епископъ Переяславскій и другіе благоразумные игумены, священники и монахи; другіе утверждали мнѣніе Поликарпово, отвергающе уставы Студитове, большее же число отъ сонедшихся не хотя Митрополиту ни Князьямъ досады наносить, отговаривались недознаніемъ истины, и никакого мнѣнія не объявили, полагая болѣе, что то состоитъ въ волѣ митрополита и игуменовъ въ ихъ монастыряхъ; иные полагали послать сіе на разсмотрѣніе и опредѣленіе къ Патріарху, какъ онъ положитъ. Но князи не хотѣли сіе на Патріарха, но паче на уставы вселенскихъ соборовъ полагали, Андрей Юрьевичъ писалъ ко Мстиславу, дабы Митрополита ссадить, и выбрать епископомъ инаго, и потомъ на соборѣ безпристрастно разсмотрѣть, представляя, что отъ власти Патріарховъ въ Руси великій вредъ и напрасные убытки, о чемъ Ѳедорецъ паче всѣхъ прилежалъ. Мстиславъ же Великій Князь хотя самъ довольно письма ученъ былъ и законы зналъ, но вѣдая многихъ князей на себя ненависть, опасался епископовъ раздражать, дабы оные паче князей не возмутили, и его Кіева не лишили, оставилъ безъ рѣшенія; и какъ всѣ, несогласные Митрополиту Епископы Смоленскій, Владимірскій и Галицкій, разошлися, тогда Митрополитъ съ Антоніями Черниговскимъ и Переяславскимъ осудили Поликарпа въ заточеніе, а Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій изгналъ изъ Чернигова Антонія Епископа, понеже онъ поносилъ Князя за ѣденіе мясъ. Онъ же шедъ въ Кіевъ и былъ при Митрополитѣ, а Ѳедорецъ шедъ въ Царьградъ, и тамъ великими дарами испросилъ себѣ Епископство Ростовское и поставленъ возвратился въ Ростовъ". [1])

Такъ описываетъ соборъ 1168 года В. Татищевъ. Всѣмъ извѣстно, что нашъ знаменитый историкъ XVIII вѣка могъ пользоваться такими историческими памятниками, которые въ настоящее время остаются неизвѣстными; но съ другой стороны извѣстно также и то, что онъ писалъ „русскую исторію не такъ, какъ она была, но какъ хотѣлъ представлять ее самъ, и свои собственныя измышленія, къ величайшему сожалѣнію и къ величайшему несчастію позднѣй-

[1]) Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, описанная В. Татищевымъ. Книга третья. Москва. 1774. стр. 160-161

шихъ историковъ, не стѣснялся выдавать за почерпнутое въ источникахъ“ [1]). Поэтому трудно сказать, можно ли съ полнымъ довѣріемъ отнестись ко всему тому, что написалъ Татищевъ о соборѣ 1168 г. Обращаясь къ лѣтописямъ, мы видимъ, что собственно о соборѣ онѣ ничего не говорятъ, упоминая лишь о томъ, что митрополита Константина, заточившаго игумена Поликарпа, одобряли епископы Черниговскій и Переяславскій [2]). Однако утверждать, что соборъ не могъ быть созванъ митрополитомъ, основаній конечно нѣтъ; нельзя отрицать и того, что, если соборъ дѣйствительно происходилъ, то онъ былъ многолюднымъ; но состоялъ ли онъ именно изъ 150 членовъ, или такое число указано самимъ Татищевымъ, равнымъ образомъ—такъ ли въ дѣйствительности происходило дѣло на соборѣ, какъ описалъ нашъ старинный историкъ, сказать обо всемъ этомъ что либо опредѣленное довольно затруднительно. [3])

Два года спустя послѣ заточенія игумена Поликарпа, т. е. 1170 году, по суду русскаго митрополита былъ казненъ за разнаго рода тяжкія преступленія ростовскій епископъ Ѳедорецъ. Исторія эта очень темная и, по справедливому замѣчанію Е. Е. Голубинскаго, „не принадлежитъ къ числу лучшихъ страницъ русской церковной исторіи“ [4]). Предполагаютъ, [5]) что митрополитъ судилъ Ѳедорца не единолично, а, согласно съ каноническими правилами, соборомъ епископовъ. Но о соборѣ лѣтописи ничего не говорятъ; не-

---

[1]) *Голубинскій*, I, 1-я половин. 315; срвн. 871-880.

[2]) Лаврентьевская лѣтопись подъ 1168 г.: „Въ то бо время запретилъ бѣ (разумѣется митрополитъ Константинъ) Поликарпа игумена Печерьского про Господьскыѣ праздники, не веля ему ясти масла, ни молока, въ среды и пятки въ Господьскыѣ праздники. Помогашеть же ему и Черниговьскый епископъ Антоній“ (Полн. собр. лѣт. I. 151). Никоновская лѣтопись (1163 г.) добавляетъ, что, кромѣ Черниговскаго епископа, сторону митрополита держалъ также и епископъ переяславскій (Полн. собр. лѣтоп. т. IX, стр. 236. Спб. 1862).

[3]) Филаретъ Черниговскій признаетъ, что по дѣлу Поликарпа дѣйствительно былъ созванъ соборъ, не пускаясь однако въ описаніе этого собора (Истор. Русск. Церкви. I, 161); Макарій (III, 84-85) всецѣло довѣряетъ Татищеву.

[4]) *Голубинскій*. I, 1 полов. 443.

[5]) *Макарій*. Ист. Р. Церкви III, 202.

умѣстна рѣчь и о канонахъ, такъ какъ каноны на смертную казнь никого не осуждаютъ. Очень можетъ быть, что митрополитъ расправился съ Ѳедорцомъ самъ, своею властію, безъ всякаго собора. [1])

Этимъ мы и заканчиваемъ разсмотрѣніе лѣтописныхъ указаній о русскихъ церковныхъ соборахъ домонгольскаго періода и переходимъ къ дальнѣйшему времени.

Прежде всего мы должны отмѣтить соборъ Владимірскій. Въ 1274 году, какъ сообщаетъ Никоновская лѣтопись, „прінде изъ Кіева Кирилъ митрополитъ въ Володимерь и приведе съ собою Серапіона архимандрита Печерскаго въ епископы Володимерю и Суздалю". [2]) Посвященіе Серапіона митрополитъ совершилъ съ епископами: Далматомъ новгородскимъ, Игнатіемъ ростовскимъ, Ѳеогностомъ сарайскимъ и Семеономъ полоцкимъ. Съ этими же епископами онъ составилъ соборъ, памятникомъ котораго служитъ „Правило", [3]) заключающее предписанія, направленныя къ искорененію разныхъ злоупотребленій въ нашей церкви. Только ли одни епископы составляли этотъ извѣстнѣйшій соборъ? Въ своемъ „Правилѣ" митрополитъ Кириллъ говоритъ: „Нынѣ же азъ помыслихъ *съ святымъ съборомъ и съ преподобными епископы* нѣкако о церковныхъ вещехъ испытаніе извѣстно творити". [4]) Выраженіе „соборъ и епископы" не ясно ли указываетъ, что кромѣ архипастырей, въ разсужденіяхъ о „церковныхъ вещехъ" принималъ участіе также и „святый соборъ" другихъ лицъ?

Десять лѣтъ спустя послѣ Владимірскаго собора преемникъ Кирилла, митрополитъ Максимъ, собралъ на соборъ

---

[1]) О возможности подобныхъ случаевъ въ домонгольскій періодъ см. у *Голубинскаго*, I. 1 стр. 293.

[2]) Никоновск. лѣтоп. 1274 г. См. Полное собр. русскихъ лѣтоп., т. X. Спб. 1885, стр. 152.

[3]) Правило Кюрила, митрополита роусьскаго, сѣшьдъшихся епископъ: Далмата новугородьского, Игнатья ростовьскаго, Феогноста Переяславьскаго, Симеона Полотьскаго, на поставленіе Серапиона володимирскаго". См. въ „Памятникахъ древне-русскаго каноническаго права". Часть I. Памятники XI-XV вѣка. Спб. 1880, стр. 84 и сл. („Русская Историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіей". Томъ шестой. Спб. 1880).

[4]) Ем. въ указ. изданіи, стр. 86.

въ Кіевъ всѣхъ епископовъ. „Позвани быша,—говоритъ Никоновская лѣтопись подъ 1284 годомъ,—епископи вси русскіа въ Кіевъ къ Максиму митрополиту кіевскому и всеа Русіи.“ [1]) Призваніе всѣхъ епископовъ,—пишетъ объ этомъ соборѣ академикъ Е. Е. Голубинскій,— заставляетъ предполагать, что причиною собора было что нибудь особенное и важное; но наши лѣтописи, по своему истинному и до слезъ прискорбному, позволительно выразиться,—ужасному обычаю молчать обо всемъ, касающемся церкви, не говорятъ о причинѣ ниединаго слова. Можетъ быть, митрополитъ что нибудь важное привезъ, требовавшее призыва всѣхъ епископовъ, отъ хана изъ Орды; можетъ быть, прежде Орды онъ привезъ что нибудь подобное отъ патріарха....; въ концѣ концовъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго положительнаго даннаго, чтобы сдѣлать какое-нибудь предположеніе. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что намъ сообщается о важномъ церковно-историческомъ фактѣ, но сообщается такимъ образомъ, что все равно, и даже пожалуй лучше было бы, если бы и не сообщалось...“ [2]) Однако, несмотря на всю скудость свѣдѣній о соборѣ 1284 года, все таки мы должны признать, что если митрополитъ желалъ видѣть на немъ непремѣнно *всѣхъ* епископовъ, т. е. очевидно желалъ обсудить что-то важное и серьезное, касающееся *всей* церкви, то, по всей вѣроятности, на соборъ явились представители всей церкви, т. е. вмѣстѣ съ епископами въ Кіевъ пріѣхали также нѣкоторые изъ клира и мірянъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія имѣемъ мы о соборѣ 1311 года въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, когда судили св. митрополита Петра, по доносу на него константинопольскому патріарху епископа тверскаго Андрея. Митрополитъ Кипріанъ въ составленномъ имъ въ концѣ 14 вѣка житіи св. Петра [3]) описываетъ этотъ соборъ такимъ образомъ. Епископъ тверской Андрей желалъ достигнуть низложенія святителя Петра, чтобы самому занять его мѣсто. Съ этой цѣлію онъ от-

---

[1]) См. Полное собр. русс. лѣт. т. X, Спб. 1885, стр. 162.

[2]) *Голубинскій*, Исторія Русской Церкви 2-й т., 1 половина, стр. 91. Москв. 1900.

[3]) Житіе это помѣщено въ Степенной книгѣ, степ. 10, гл. 4. Москв. 1775 г., ч. I, стр. 410-425.

правилъ въ Константинополь къ патріарху донось на митрополита съ обвиненіями его въ какихъ то тяжкихъ преступленіяхъ. Тогда „посылаетъ единаго отъ клирикъ церковныхъ Святый Аѳанасій съ писаніемъ глаголюще сице...: подщися убо сіе очистити и исправити“.... И яко патріархомъ посланный клирикъ прінде на Русь и соборъ собирается во градѣ Переяславли, приходитъ боголюбивый, Епископъ Ростовскій Симеонъ, и преподобный игуменъ Прохоръ: тогда сый призванъ бывшу Андрею, епископу Тверскому, иже бяше самодѣлатель всѣмъ тогдашнимъ молвамъ. Князю бо Михаилу тогда самому во Ордѣ сущу, но сынове его пріидоша Дмитрій и Александръ и инихъ князей довольно, и вельможъ множество, еще же и лучшія отъ игуменовъ и черпецъ и священниковъ множество. Тогда посланный Патріархомъ клирикъ писанія и словеса преподобному Святителю Петру предъ всѣми являетъ, и велику мятежу бывшу о лживомъ и льстивомъ оклеветаніи на святаго; толико бо молва бысть, яко вмалѣ не безмѣстно что бысть, аще не бы самъ Святитель Божій человѣкъ вонь уставилъ“ [1]).

Изъ этихъ словъ Кипріана совершенно ясно открывается не только то, что Переяславльскій соборъ состоялъ изъ представителей какъ высшей іерархіи, такъ и клира и разпаго

[1]) Книга степенная. Часть I. Мскв. 1775, стр. 417- 418. Въ другомъ древнемъ житіи Святителя Петра, приписываемомъ Прохору, епископу ростовскому, поставленному самимъ св. Петромъ и умершему въ 1328 г., (напечатано въ приложеніяхъ къ исторіи Русск. Церкви Макарія, т. IV. Спб. 1886, стр. 308-312), читаемъ: „позавидѣ дьяволъ, вложи въ сердце вражду Андрею, епископу Тферьскому, послати хулу на святаго Петра митрополита Аѳонасею патріарху. И посла преподобный патріархъ Аѳонасей единаго отъ клирикъ своихъ мужа сановита, разсудна и разума мудра и тиха, рекши: „чадо Петре! Не азъ тя избрахъ, но Святый Духъ постави тя пастуха и учителя Христову стаду словесныхъ овецъ. Се пріидоша отъ вашего языка словеса тяжка на твою святыню. Подщився буди предъ святымъ соборомъ и дай отвѣтъ симъ словомъ.“ Бывши же собору въ градѣ Переславлѣ и ту бывшю преподобному Семеону, епископу Ростовскому, и преподобному игумену Прохору сущи: пріѣхавши же клирику отъ Костянтина града и призванну сущи Андрею епископу, а князю великому Михаилу въ Ордѣ бывши, по пріѣхавши сыну его, князю великому Дмитрею, и брату его Олександру, и инымъ князи многи, вельможи и воеводы и множество преподобныхъ игуменъ и ерей. И абіе посрамленъ бысть Андрей, епископъ Тферьскій“ (см. *Макарій*. IV, 310).

рода міряпъ, но и что на соборѣ клиръ и міряне не были „безмолвными зрителями“ и „безгласными слушателями“, такъ какъ нельзя же допустить, чтобы великая „молва“, едва не доведшая до „безмѣстности“, была произведена на соборѣ одними только епископами.

При преемникѣ святителя Петра, митрополитѣ Ѳеогностѣ, по сообщенію четвертой Новгородской лѣтописи, въ 1353 году „бысть снемъ (т. е. съѣздъ или соборъ) на Москвѣ князю Семіону (разумѣется великій князь Симеонъ Іоанновичъ) и князю Константину Васильевичу (Суздальскому) про причетъ церковный.“ [1]) Лѣтопись не упоминаетъ объ епископахъ и духовенствѣ; но само собою понятно, что безъ нихъ разсуждать „про причетъ церковный“ князья не могли бы [2]).

При томъ же митрополитѣ Ѳеогностѣ былъ соборъ въ Костромѣ, на которомъ рѣшался споръ между двумя епископами—рязанскимъ и сарайскимъ о границахъ ихъ епархій. Но объ этомъ соборѣ сохранилось только слѣдующее извѣстіе въ грамотѣ св. митрополита Алексія на Червленый Яръ (см. „Памятники древне-русск. канонич. права“, стран. 171-172): „О томъ же передѣлѣ, по Великую Ворону, возлѣ

---

[1]) Полное собран. лѣтоп. т. IV, стр. 60 Спб. 1848 .

[2]) Татищевъ въ своей исторіи пишетъ (ч. IV, Спб. 1784, стр. 163): Въ 1347 году „Преосвященный Ѳеогностъ имѣ соборъ о дѣлахъ духовныхъ ко исправленію монастырскаго служенія и служителей церковныхъ. И уставиша начало года отъ сентемврія 1 числа и списавше списокъ посла Князь великій Симіонъ Ивановичъ со Архимандритомъ Рожественскимъ въ Царьградъ къ Патріарху, о благословеніи проса.“ Татищевъ несомнѣнно основывается на показаніи Никоновской лѣтописи подъ 1347 годомъ: „Того же лѣта преосвященный Ѳеогностъ, митрополитъ Кіевскій и всея Русіи, посовѣтова нѣчто духовнѣ съ сыномъ своимъ великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ, и тако послаша въ Царьградъ къ патріярху о благословеніи“ (Полн. собран. лѣт. стр. 218, Спб. 1885). Но 1) здѣсь идетъ рѣчь вовсе не о какомъ либо соборѣ, а о закрытіи Галицкой митрополіи; 2) подъ благословеніемъ отъ патріарха должно разумѣть благословеніе третьяго брака Симеона Іоанновича (см. *Голубинскій*, Истор. Русск. Церкви II, I полов., стр. 161); наконецъ 3), какъ извѣстно, у насъ на Руси долгое время существовали два счисленія времени: по одному годъ начинался съ 1 сентября, по другому—съ перваго марта, и не съ 1347 года, а позднѣе, въ началѣ XV вѣка, какъ полагаютъ, при митрополитѣ Кипріанѣ, мартовскій годъ окончательно замѣнился сентябрьскимъ.

Хоноръ, до Дону, по карауломъ, церкви, что тотъ передѣлъ, какъ то пишутъ грамоты брата моего Максима митрополита, и Петра, и Ѳеогноста, что сборомъ створили на Костромѣ, и владыка Софоній далъ грамоты изъ устъ своихъ, что ему отъ тѣхъ мѣстъ, по тѣмъ грамотамъ не лзѣ вступатися въ тотъ передѣлъ чюжій и явно есть и всѣ вѣдаютъ, что тотъ передѣлъ не сарайскій.“

Представляетъ нѣкоторый интересъ соборъ 1379 года, какъ показывающій, что наши древніе архипастыри не всегда были послушными и безпрекословными исполнителями всякихъ велѣній верховной гражданской власти. Послѣ смерти святителя Алексія Димитрій Донской очень желалъ видѣть митрополитомъ своего любимца архимандрита Митяя. Для поставленія его великій князь собираетъ соборъ въ Москвѣ. Однако епископы отказываются исполнить желаніе князя, требуя, чтобы Митяй отправился въ Константинополь къ патріарху. Діонисій, епископъ суздальскій, прямо говорилъ Димитрію: „не подобаше сему тако быти.“ Великій князь долженъ былъ повиноваться. [1])

Но если соборъ 1379 года показываетъ намъ, что власть великаго князя не всегда торжествовала надъ епископами, то тверской соборъ, бывшій при митрополитѣ Кипріанѣ въ 1390 году, ясно говоритъ, что рѣшеніе собора необходимо должно было соотвѣтствовать общимъ желаніямъ всего народа. Тверской князь Михаилъ Александровичъ и весь его народъ были очень недовольны своимъ епископомъ Евѳиміемъ Висленемъ. По этому поводу въ Тверь отправляется Кипріанъ, „а съ нимъ два митрополита Гречина, Матѳей и Никандръ Гаанскый, владыко Михаило Смолепьскый и Стефанъ Перьмскій“ [2]), а также епископы Даніилъ звенигородскій и Іеремія рязанскій. [3]) На четвертый день по пріѣздѣ всѣхъ этихъ лицъ открылся соборъ: „собрашася архимандриты и игумены и презвитеры, діакони

---

[1]) См. Воскресенская лѣтоп. подъ 1377 г. (Полн. собр. лѣт. VIII. Спб. 1859, стр. 28 и сл.); Никоновская лѣтоп. подъ 1378 г. (IV, 66 и сл.).

[2]) Приписка къ харатейному Церковному Уставу Синодальной библіотеки № 216, напечатанная Карамзинымъ въ примѣчаніи къ V тому его исторіи (прим. 232; изд. Смирдина, Спб, 1852, стр. 152 и сл.).

[3]) Никоновская лѣт. IV, 195 и сл.

и весь священническій и иноческій чинъ къ великому князю; онъ же созва бояре свои и совокупи обои въ едино мѣсто и священный соборъ и мірскихъ соборъ и посла къ Кипріану митрополиту всея Русіи; они же начаша жаловатися на своего владыку Виѳленя тверскаго о мятежи и раздорѣ церковнѣмъ; Кипріанъ же митрополитъ всеа Русіи съ епископы, со всѣмъ священнымъ соборомъ и съ гостьми съ митрополиты греческими, сяде на судищѣ и нача судити по божественнымъ и священнымъ правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и быша клеветы многи на Еуѳимія владыку тверскаго, вси возсташа нань, клевещуше, архимандриты и игумены и священницы и бояре и вельможи и простіи; Кипріанъ же митрополитъ со всѣмъ священнымъ соборомъ суди по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и повелѣ епископу пребывати просто кромѣ священныхъ, дондеже еще истязавъ размыслитъ." [1]) Должно замѣтить, что епископъ Евѳимій, по всей вѣроятности, не былъ такъ виновенъ, какъ представлялъ князь съ своимъ народомъ и духовенствомъ. Это можно заключить изъ того, что Тверской князь всячески желалъ привлечь на свою сторону митрополита. Онъ устроилъ ему торжественную встрѣчу. За 30 верстъ отъ Твери Кипріана встрѣтилъ внукъ Михаила Александровича, князь Александръ, съ многими боярами. На другой день за 20 верстъ отъ города встрѣтилъ его старшій сынъ великаго князя, Иванъ Михайловичъ, также въ сопровожденіи многихъ бояръ. Наконецъ, на третій день самъ великій князь Михаилъ Александровичъ съ множествомъ бояръ и князей встрѣтилъ митрополита за пять верстъ отъ города, и принялъ его съ великою честію, облобызалъ и долго бесѣдовалъ. Послѣ этого впродолженіе цѣлыхъ трехъ дней въ честь митрополита и его спутниковъ были пиры великіе; поднесены были имъ и дары не малые. [2]) Однако на соборѣ митрополитъ желалъ защитить Евѳимія Виѳленя: онъ „много смиряше и въ любовь вводяше великаго князя со владыкою его Еуѳиміемъ, и не бысть мира и любви, но паче вражда и брань велія воздвигашеся, тожъ потомъ и ины многи клеветы сотвориша на Еуѳимія

---

[1]) Никоновская лѣт. IV, 195.

[2]) Тамъ же. Стр. 197-198.

владыку Висленя тяжки зѣло и неудобопосимы, и бысть вражда и брань люта зѣло, и о семъ много смутись Кипріанъ митрополитъ и не возможе вражды утолити и любви сотворити". [1]) Такимъ образомъ митрополитъ не достигъ на соборѣ, чего желалъ, и *долженъ былъ исполнить желаніе князя и народа*, т. е. на мѣсто Евѳимія Висленя рукоположить для Твери иного епископа. Евѳимій былъ взятъ имъ въ Москву и поселенъ въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ вскорѣ и скончался.

При томъ же митрополитѣ Кипріанѣ въ 1401 году былъ собранъ въ Москвѣ соборъ для осужденія епископовъ Іоанна новгородскаго и Саввы луцкаго. Но подробности этого собора неизвѣстны. Изъ Никоновской лѣтописи [2]) мы узнаемъ только, что въ Москву прибыло семь русскихъ архипастырей, которые вмѣстѣ съ митрополитомъ лишили архіерейскихъ каѳедръ обоихъ епископовъ, но въ чемъ заключалась вина послѣднихъ и какъ происходилъ самый судъ надъ ними, лѣтопись умалчиваетъ, ограничиваясь неяснымъ замѣчаніемъ: „бѣ бо на нихъ брань возложилъ Кипріанъ митрополитъ за нѣкія вещи святительскія, да не точію сами полезное и спасеное обрящутъ, но и нѣмъ полезно и спасеное будетъ, ничто-же бо тако сѣти демонскія разрушаетъ, яко же покореніе и смиреніе". [3])

При преемникѣ Кипріана, митрополитѣ Фотіи, князь литовскій Витовтъ въ 1414 году собралъ соборъ изъ литовскихъ епископовъ и принудилъ ихъ избрать для Литвы особаго митрополита. Избранъ былъ Григорій Цамблакъ, который отправился для поставленія въ Константинополь къ патріарху, но получилъ отказъ въ этомъ. Витовтъ снова собралъ соборъ и требовалъ, чтобы епископы сами себѣ поставили митрополита. Тѣ не соглашались. Витовтъ началъ угрожать имъ смертію и въ третій разъ собралъ соборъ въ городѣ Новгородкѣ въ 1416 году, гдѣ наконецъ Григорій Цамблакъ былъ поставленъ митрополитомъ Кіевскимъ и Литовскимъ. Замѣчательно, епископы поставившіе Григорія, стараются оправдать себя въ написанной ими по этому по-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Никоновская Лѣт. IV, 301.

[3]) Тамъ же.

воду грамотѣ между прочимъ тѣмъ, что *соборъ состоялъ не изъ однихъ ихъ*: „Великій князь..., пишутъ они,—събра вся князи литовскыхъ и русскихъ земль и иныхъ странъ, елико суть ему покорени Богомъ, нашеа церкве, и бояръ и вельможь, архимандриты же и игумены и благоговѣйныа попы и поны. И сихъ всѣхъ съвѣтомъ и волею, и нашимъ избраніемъ и хотѣніемъ, сшедшеся въ Новѣмъ-граду литовскомъ, въ святѣй церкви Пречистыя Богородици, по благодати даннѣй намъ отъ Святаго Духа, поставихомъ митрополитомъ Святѣй нашей Церкви Кіевской и всей Руси, именемъ Григорія". [1]) Ясно, такимъ образомъ, что соборъ считался имѣющимъ особенное значеніе въ томъ случаѣ, если на немъ были представители ото всѣхъ классовъ народа.

Митрополитъ Фотій конечно не могъ признать законнымъ поставленіе Григорія Цамблака, но онъ не заявляетъ объ этомъ единолично, а собираетъ въ Москвѣ (въ 1417 г.) соборъ, на которомъ литовскій митрополитъ былъ объявленъ извержеинымъ. Единственное извѣстіе объ этомъ соборѣ находится въ написанномъ Фотіемъ окружномъ посланіи по поводу поставленія Цамблака ко всѣмъ русскимъ христіанамъ. „Сего ради,—пишетъ московскій митрополитъ,—божественный и священный сборъ по случаю събрався, божественныя и священнѣйшія и всечестнѣйшія святители, митрополиты[2]) и съ симъ боголюбивіи епископы и судомъ сихъ общимъ имѣемъ сего Цамблака, по божественымъ священнымъ правиломъ, извержена и отлучена и проклята; такожде и тѣхъ епископъ его сборища, неподобнаго, яко осужденныхъ имѣемъ ихъ"[3]). Вотъ и все, что осталось извѣ-

---

[1]) Соборная грамота литовскихъ епископовъ объ избраніи и поставленіи на Кіевскую митрополію Григорія Цамблака (См. Памятники древне-русскаго каноническаго права, стр. 309-314). Срвн. Окружная грамота Литовскаго великаго князя Александра Витовта объ отдѣленіи Кіевской митрополіи отъ Московской и о поставленіи въ санъ Кіевскаго митрополита Григорія Цамблака. (См. Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, изд. археографическ. коммиссіей т. I. Спб. 1846 г., стр. 35-37).

[2]) Правильнѣе должно читать „митрополитъ": см. *Голубинскій*, Исторія Русской Церкви. II т. I полов., стр. 360.

[3]) Четвертая Новгородская лѣтопись подъ 1417 г. См. Полн. собр. русск. лѣт., т. IV, стр. 116. Спб. 1848.

стнымъ о соборѣ при Фотіи. Какъ видимъ, извѣстіе крайне скудное, однако довольно ясно намекающее, что соборъ не былъ малолюднымъ.

Послѣ смерти Фотія русскіе избрали своимъ митрополитомъ епископа рязанскаго и муромскаго св. Іону, который для поставленія долженъ былъ отправиться въ Константинополь. Великій московскій князь Василій Васильевичъ въ своемъ посланіи, написанномъ около 1451—1452 г., къ греческому императору Константину Палеологу, говоритъ: что, когда умеръ митрополитъ Фотій, то „мы, милостью Божью, сгадавше съ своею матерію, и съ великою княгинею, и съ нашею братьею съ русскими великими князьми, и съ помѣстными князьми, и съ литовскія земли господаремъ, великимъ княземъ, и съ святители нашея земли, и съ всѣми священники, и духовными человѣкы, общежители же и пустынными отходники, съ святыми старци, и съ нашими бояры, и съ всею нашею русскою землею, съ всѣмъ православнымъ христіанствомъ, избравше, посылахомъ и съ нашимъ посломъ, съ просбою и съ моленіемъ къ прежепочившимъ (тогда еще живымъ сущимъ имъ), къ брату святого тп царьства царю Калояну и къ патріарху Іосифу, отца нашего Іону, епископа рязанскаго, дабы его намъ поставили на святѣйшую митрополью русскую, митрополитомъ па Кіевъ и на всю Русь“[1]). Изъ этихъ словъ великаго князя можно догадаться, что избраніе св. Іоны состоялось на большомъ соборѣ (въ 1432 г.), представлявшемъ собою „все православное христіанство“. Правда, нѣкоторые сомнѣваются, что на соборѣ были представители литовской земли, такъ какъ изъ Литвы былъ посланъ въ Константинополь вмѣсто Іоны Герасимъ, котораго патріархъ и поставилъ литовскимъ митрополитомъ; но можетъ быть, литовскій князь Свидригайло отправилъ своего кандидата уже послѣ собора, воспользовавшись тѣмъ, что св. Іона вслѣдствіе разныхъ неурядицъ въ Москвѣ могъ отправиться въ Константинополь только въ концѣ 1434. года. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что св. Іона былъ избранъ на соборѣ не безъ участія мірянъ.

---

[1]) „Посылная отъ великаго князя Василія Васильевича къ царьградскому царю Константину о Іонѣ Митрополитѣ, да не пошла“. См. Памятники древне-русскаго каноническаго права. Стр. 577—578.

Какъ извѣстно, изъ Константинополя вмѣсто Іоны былъ присланъ въ Москву митрополитомъ Исидоръ, измѣнившій православію на Флорентійскомъ соборѣ. Измѣнникъ послѣ своего возвращенія изъ Флоренціи былъ судимъ соборомъ (1441 г.), на которомъ присутствовали не одни только епископы, но множество иноковъ и бѣлыхъ священниковъ съ міранами: „все великое Божіе священство", „все православное христіанство". Великій князь Василій Темный описываетъ судъ надъ Исидоромъ въ такихъ словахъ: „Созвахомъ боголюбивыя епископы отечьства нашего, елици обрѣтошася въ тое время близъ насъ, ростовьскаго Ефрема, суздальскаго Авраама, рязаньскаго Іону, коломеньскаго Варлама, сарайскаго Іова, перьмскаго Герасима, также и архимандритовъ, и игуменовъ и прочихъ священноиноковъ и иноковъ земли нашея немало, и повелѣхомъ имъ възрѣти въ таа божественая и священая правила святыхъ Апостолъ и богоносныхъ Отець, еже пріяхомъ отъ святыа великія соборныа, апостольскіа Божія церкве греческыкіа, вашего истиннаго православіа, и тое пришесенное его отъ папы послание повелѣхомъ прочитати на мнозѣ. И явися всѣмъ нашимъ боголюбивымъ епископомъ русскимъ и честнѣйшимъ архимандритомъ и преподобнымъ игуменомъ и прочимъ священноинокомъ и инокомъ и всему нашему православному христіанству, яко чюже есть и странно отъ божественыхъ и священыхъ правилъ Исидорово все дѣло и прихожение"[1]).

Мѣсто лжемитрополита Исидора долженъ былъ занять конечно св. Іона, избранный ранѣе. Но теперь онъ уже не былъ посланъ для поставленія въ Константинополь. Рѣ-

---

[1]) Посланіе Великаго Князя Василія Васильевича константинопольскому патріарху Митрофану объ отступленіи отъ православія митрополита Исидора, съ требованіемъ согласія на поставленіе другого митрополита, но избранія и рукоположенія русскихъ епископовъ" (См. Памятники....., стр. 534). Подобное пишетъ и самъ св. Іона: „Господинъ же сынъ мои благочестивый великій князь созва свое все великое державы архіепископовъ, и епископовъ, и честнѣйшихъ архимандритовъ и игуменовъ, и все великое Божіе священство и возрѣвъ въ божественная и священная правила и изыскавъ святыхъ богоносныхъ Отець писаніе уразумѣша все лукавое Исидорово къ намъ прихожение, и тому всему, что Сидоръ принесъ, не внятъ и не пріяша". См. Митрополита Іоны грамота къ Смоленскому епископу Мисаилу (см. тамъ же, стр. 661).

шено было поставить его въ Москвѣ. Но это не могло состояться скоро, такъ какъ Московское княжество терзалось тогда внутренними смутами (борьба Василія Темнаго съ Димитріемъ Шемякою). Только въ декабрѣ 1448 года Василій Темный, послѣ продолжительныхъ совѣщаній со всѣми русскими епископами, съ архимандритами и игумепами, съ многими разумными людьми, и снесшись съ православными князьями литовскими[1]), созываетъ великій соборъ. Великій князь Василій Васильевичъ, „съзываетъ,—описываетъ свое поставленіе святитель Іона,—архіепископы и вся епископы великодръжавныхъ земль своихъ русьскіе митрополіи, ихже нынѣ имена суть на небесѣхъ написана въ книгахъ животныхъ. И створше зборъ великъ въ церкви архангела Михаила въ Богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, и милостію Божіею и пречистыа его Матере святѣй Богородицѣ, и по извѣщенію Святого Духа и по изыскашію святыхъ правилъ Божественнаго Закона и по прежнему благословенію царя же и святѣйшаго патріарха и всего ихъ вселенскаго святого збора гречьскаго великаго православіа и по начатію о Богѣ дѣйствующаго благовѣрнаго великаго князя Василіа Васильевича, святыа его великіа церкве дѣло благо и съвръшися еже о мнѣ, паче же Богу поспѣшествующу: и быхъ свершенъ въ рустѣй земли митрополитъ Кіевскый и всея Руси“[2]).

Такъ былъ поставленъ въ Москвѣ митрополитомъ св. Іона, съ чего и начинается періодъ совершенной независимости Русской Церкви отъ церкви Константинопольской. Соборъ 1448 года, какъ видимъ, былъ совершенно подобенъ собору 1432 г. Но помимо того, что онъ можетъ служить историческимъ доказательствомъ участія на соборахъ представителей всего русскаго православнаго народа, въ немъ мы находимъ прекрасный образецъ того, какъ въ древности Русская церковь въ лицѣ своихъ архипастырей не боялась возвысить голосъ, когда видѣла нарушеніе правды, хотя бы и сильными міра сего. 1448-й годъ—это былъ тотъ годъ,

---

[1]) Посланіе св. Іоны къ Кіевскому Князю Александру Владиміровичу. См. Памятники древне-русск. канон. права. Стр. 560.

[2]) Митрополита Іоны посланіе къ литовскимъ епископамъ о незаконномъ Кіевскомъ митрополитѣ Григоріи. См. Памятники древне-русск. канонич. права. 647.-648.

когда Димитрій Шемяка, вопреки своему обѣщанію оставить въ покоѣ Василія Темнаго, сталъ снова строить козни противъ него. Шемяка въ это время вовсе не былъ настолько слабымъ княземъ, чтобы возставать противъ него было не рискованно. За Шемяку стояли многіе даже и изъ князей, такъ что Василій Темный не могъ считать московскій престолъ прочно утвердившимся за собою. И тѣмъ не менѣе архипастыри, собравшись въ Москвѣ для поставленія св. Іоны, прежде всего, даже не совершивъ главнаго дѣла, ради котораго собрались, посылаютъ къ Димитрію Шемякѣ свое знаменитое посланіе, въ которомъ призываютъ мятежнаго князя къ покаянію, угрожая ему въ противномъ случаѣ отлученіемъ отъ церкви и проклятіемъ. „Господину Князю Дмитрію Юрьевичу,—пишутъ архипастыри, — богомолци, господине, твоего брата старейшаго Великаго князя Василія Васильевича и вашего благородія общіи, Ефремъ владыка Ростовскій, Авраамій Владыка Суздальскій, Іона Владыка Рязанскій, Варлаамъ владыка Коломеньскій, Питиримъ владыка Пермьскій, и мы ваши ниціи и молебници, Геронтій архимандритъ Симоновскій, Мартиніанъ игуменъ Сергіева монастыря и съ прочими архимандриты и игумены нашею братьею, всѣхъ святыхъ обителей настоятели и со всѣми еже о Христѣ братствомъ нашимъ, во всѣми священноиноки и со всѣми священники всѣхъ святыхъ Божіихъ церквей, челомъ бьемъ и благословеніемъ.... И аще не обратишися къ Богу, и ко своему брату старѣйшему къ Великому Князю, съ чистымъ покаяніемъ и по Спасову глаголющему словеси, чюжъ будеши отъ Бога и отъ церкви Божіей, и отъ православпыа вѣры, и части не имаши съ вѣрными, и не будетъ ни тобѣ милости Божіей и Пречистыя его Богоматери и силы того честнаго и животворящаго креста, который еси къ своему брату старѣйшему, къ Великому князю Василью Васильевичю цѣловалъ, и по святымъ правиломъ проклятъ да будешь отъ святыхъ Апостолъ и отъ святыхъ богопосныхъ Отець, отъ всѣхъ седми Вселенскихъ Соборъ, и конечную погибель да найдеши, съ прежними онѣми богомерзскими еретики, временно же и будуще. Такожъ и нашего смѣренія, святительского и священническаго не будетъ на тобѣ благословенія и молитвы, ни въ си вѣкъ, ни въ будущій, ни на тѣхъ всѣхъ, кто имѣетъ

тобѣ думати, и на ту кровь къ тобѣ приставати и побърати или спѣшьствовати, или словомъ, или дѣломъ, или иною какою хитростью, на Великого князя лихо и на его кровь и его дѣтей, и всего православнаго христіянства на неустроеніе и на не тишину. А въ томъ твоемъ неисправленьи какова, по грѣхомъ, кровь христіянская прольется, и та христіянская кровь вся на тобѣ же будетъ."[1])

Такъ поступали русскіе архипастыри въ XV вѣкѣ. О если бы что либо подобное мы видѣли и въ XX-мъ! Гдѣ та полная готовность пострадать за грозныя обличенія неправды, которая была присуща нашимъ древнимъ іерархамъ. Неужели высшая іерархія нашего времени не видитъ, что вся страна стонетъ отъ произвола и беззакопія? Почему же не раздается ея голоса? Тогда она не подвергалась бы ѣдкимъ насмѣшкамъ и издѣвательствамъ даже со стороны „истинно русскихъ людей"[2]). Но... лучше обратимся отъ печальнаго настоящаго опять къ доброму прошлому.

Кромѣ соборовъ всей русской церкви, на Руси также бывали соборы частные — епархіальные. Наши древніе архипастыри управляли своими паствами конечно не бумажными указами, но чрезъ живое общеніе съ подвѣдомственными имъ лицами. Въ Русской церкви долгое время, по крайней мѣрѣ до половины XV вѣка, существовалъ прекрасный обычай ежегодно собираться священнослужителямъ на соборъ къ своему епархіальному архіерею. Обычно днемъ для такихъ соборовъ служило первое воскресенье великаго поста, которое поэтому и получило свое названіе „Сборнаго". Избранъ былъ этотъ день, можно думать, потому, что русскіе епископы совершали Торжество Православія, по всей вѣроятности, такъ же, какъ въ Греціи, т. е. съ большимъ соборомъ священ-

---

[1]) Посланіе Россійскаго духовенства Углицкому Князю Димитрію Юрьевичу. См. Акты историческіе, собранные и изданные археографическою коммиссіею. Томъ первый. Спб. 1841. Стр. 75. 83.

[2]) Въ „Русскомъ дѣлѣ" С. Шарапова (1905 г. №№ 42-43, стр. 19) читаемъ: „Не знаемъ, справедливо ли приписываемое К. П. Побѣдоносцеву достаточно циничное заявленіе, будто „онъ такъ вышколилъ своихъ архіереевъ, что они безъ всякаго протеста перейдутъ хотя бы и въ магометанство", но въ этомъ выраженіи есть зерно правды. Въ магометанство не перейдутъ, но и „мученическихъ вѣнцовъ" не поторопятся воспріять".

послужителей, собравшихся со всей епархіи [1]). Пользуясь собраніемъ духовенства, епархіальный епископъ и устроялъ соборъ, и здѣсь-то, на соборѣ, узнавалъ о нуждахъ епархіи, преподавалъ архипастырскія наставленія, дѣлалъ распоряженія и т. д. Въ историческихъ памятникахъ очень рано упоминается о такихъ соборахъ въ Сборное воскресенье. Такъ въ первой Новгородской лѣтописи подъ 1178 годомъ значится; „и вѣпидѣ па Сборъ по чистѣи недѣлѣ;“ [2]) а подъ 1230-мъ: „поставленъ бысть попомъ въ сыропустную недѣлю, архіепископомъ по чистѣи недѣли на Сборъ“ [3]). Отъ XII вѣка сохранилось прекрасное поученіе новгородскаго архіепископа Иліи (отъ 1165 г. до 1186 г.), которое онъ называетъ „сборскимъ“, какъ произнесенное на соборѣ священнослужителей въ Сборное воскресенье 1166 года [4]). По всей вѣроятности, это „сборское слово“ сдѣлалось „образцовымъ“, т. е. такимъ, которое произносили и другіе архіереи на своихъ ежегодныхъ соборахъ. Также отъ XIII вѣка сохранилось епископское поученіе, сдѣлавшее тоже образцовою епископскою рѣчью на соборѣ въ Недѣлю православія [5]). Въ дѣяніяхъ Владимірскаго собора также говорится объ епархіальномъ соборѣ: „егда божественныя съборы собирая, тогда нѣкако сбираніе сбираютъ отъ властель церковныхъ“ [6]). Митрополитъ Кипріанъ въ своемъ поученіи новгородскому духовенству (1395 г.) Недѣлю православія называетъ недѣлею „сборо-

---

[1]) Описаніе совершенія „Торжества Православія“ въ Константинополѣ въ IX—X вѣкахъ см. у *Бѣляева Д. Ѳ.*, „Ежедневные и воскресные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ Св. Софіи въ IX—X в.“ Спб. 1893, стр. 244 и сл.

[2]) Полное собран. русск. лѣт. т. 3, стр. 17.

[3]) Тамъ же, стр. 46.

[4]) Это поученіе было найдено покойнымъ проф. А. С. Павловымъ и имъ же напечатано въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1890 г. подъ заглавіемъ: „Ненаданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка“. Нашимъ многимъ архипастырямъ не мѣшало бы почаще прочитывать это замѣчательное слово. Они увидали бы, съ какою отеческою любовью и сердечною простотою относились древніе русскіе епископы къ подчиненному имъ духовенству, увидали бы, и какъ нестяжательны были они.

[5]) См. „Памятники древне-русскаго канонич. права„. Стр. III—116.

[6]) „Правило Кюрила, митрополита роуськаго“. См. Памятники древнерусскаго канонич. права. Стр. 92.

ванія“ [1]). Въ четвертой Новгородской лѣтописи о кончинѣ св. Арсенія епископа Тверскаго (1409 г.) читаемъ: „приспѣвшу Сбору *всегодищному*, многолѣтствовахомъ пастырю и учителю своему, въ недѣлю сборную; въ понедѣльникъ же ученіе слышахомъ отъ устъ его и нѣкая исправленія отъ законныхъ дѣлъ, послѣ же всѣмъ благословеніе и прощеніе, и отъидохомъ во свояси“ [2]). Отъ XV-го же вѣка дошло образцовое святительское поученіе духовенству о разныхъ предметахъ церковной дисциплины, произносимое архіереями на епархіальныхъ соборахъ [3]). Въ Западно-Русскихъ Кормчихъ надъ такими поученіями читается надписаніе: „Въ понедѣлокъ второе недѣли поста на собраніе священническое науки исправленій духовныхъ... и поученіе мое имя рекъ архіепископа... къ вамъ... всему священническому чину“ [4]). Наконецъ, въ чинѣ избранія и поставленія въ священники и діаконы, конца XV вѣка, указывается, что новопоставленный священникъ, отданный опытному іерею для наученія священнослуженію, долженъ непремѣнно явиться на ежегодный соборъ, чтобы быть выслушаннымъ отъ самого архіерея: „и рокъ (т. е. срокъ) ему на то даетъ (епископъ) учитися до собора“: „а о соборѣ, дастъ Богъ, пріѣдешь къ намъ —говоритъ архіерей—и мы сами тебе выслухаемъ“ [5]).

Кто же изъ священнослужителей долженъ былъ являться на ежегодные епархіальные соборы? Это было обязанностію всякаго пастыря. Въ одномъ древнемъ памятникѣ нашей письменности (XIII в.) въ святительскомъ поученіи новопоставленному священнику говорится: „на соборъ приходи на исправленіе церковныхъ вещій, на пріятье истиньнаго разума, да можеши дать благодать на създаніе послушающимъ тобе“ [6]). Такимъ образомъ должно полагать, что ежегодные соборы въ епархіяхъ были довольно многолюдными. Собира-

---

[1]) Митрополита Кипріана поученіе Новгородскому духовенству о церковныхъ службахъ. См. тамъ же, стр. 235.

[2]) Полное собран. русс. лѣтоп. т. IV, стр. III.

[3]) Памятники древне-русск. канонич. права, стр. 917—923. *Голубинскій*, Истор. Русск. Церкви, т. II, I полов., стр. 483.

[4]) См. примѣчаніе проф. А. С. Павлова въ Памятникахъ древне-русск. кан. права, стр. III.

[5]) См. тамъ же, стран. 905.

[6]) Тамъ же, стр. 108.

лось конечно не все духовенство; тѣ, кто жилъ далеко отъ резиденціи епископа, являлись не каждый годъ: для такихъ, можетъ быть, была установлена извѣстная очередь [1]). Но во всякомъ случаѣ священнослужителей на соборахъ всегда бывало не мало. И это должно предполагать тѣмъ болѣе, что за отсутствіе безъ уважительной причины архипастыри иногда грозили строгими наказаніями. Въ окружной грамотѣ одного, жившаго въ XV вѣкѣ, ростовскаго архіепископа епархіальному духовенству о съѣздѣ на Бѣлоозеро на соборъ для исправленія разныхъ погрѣшностей противъ церковной дисциплины, читаемъ: „И азъ того ради Богу помогающу ми, и на помощь призываю пречистую Богородицу, великаго чюдотворца Леонтіа да исправится дѣло церковное и всего православнаго христіанства: и того ради сътваряю съборъ въ градѣ на Бѣлѣ-озерѣ, въ церкви Святаго Василіа, съ архимандриты и съ игумены и съ попы и съ діаконы, чтобы есте на тотъ зборъ и на великое дѣло церковное поѣхали ко мнѣ, того ради, на Бѣлоозеро, безо всякаго ослушаніа и прекословіа; а были бы есте ко мнѣ на Бѣлоозеро, къ великому Василью, на Крещеніе Господа нашего Іисуса Христа; а язъ васъ своихъ дѣтей благословляю. А который васъ священникъ, игуменъ или попъ или діаконъ, на тотъ зборъ и на то великое дѣло ко мнѣ не поѣдетъ, той да пріиметъ казнь церковную по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ вселенскихъ, той да извержется своего степени священническаго и будетъ чюжь священьства, и отнюдь не имать власти священныхъ дѣйствовати и не будетъ священникъ, А кто отъ васъ ко мнѣ не поѣдетъ и на томъ не буди моего благословенія; а чрезъ мое благословеніе, не бывши у меня на томъ зборѣ, имѣть служить литургію или священное дѣйствовати, да будетъ проклятъ и въ сій вѣкъ и въ будущій, доневѣже обратится ко мнѣ на покаяніе и милость получитъ и прощеніе отъ Бога и отъ нашего смиренія“ [2]).

Неизвѣстно, когда покончилъ свое существованіе добрый обычай древняго русскаго духовенства собираться ежегодно на соборъ къ своему архипастырю. Но во весь разсматриваемый нами періодъ, т. е. до половины XV в., онъ держался

---

[1]) *Голубинскій Е.* Исторія Русск. Церкви, т. II, I полов. стр. 482.

[2]) См. „Памятники“..... стр. 876—878.

крѣпко. Архипастыри, какъ мы видимъ, не только не препятствовали такимъ соборамъ (или „съѣздамъ“, какъ сказали бы теперь), а напротивъ строго грозили тѣмъ, кто не явится на нихъ. И опять приходится сказать: какая разница съ нашимъ временемъ!...

Мы привели историческія справки о соборахъ въ Русской Церкви въ періодъ ея зависимости отъ церкви Константинопольской. Не смотря на чрезвычайную скудость историческихъ свѣдѣній объ этихъ соборахъ, можно однако сдѣлать слѣдующія выводы: 1) Соборы созывались въ Русской Церкви очень часто. 2) На соборахъ присутствовали не одни только епископы, но также клиръ и міряне, и чѣмъ бо́льшую желали дать соборнымъ рѣшеніямъ силу, тѣмъ больше старались, чтобы на соборѣ были представители всей церкви (соборы 1416, 1432 гг.). 3) Клиръ и міряне не были только свидѣтелями происходившаго на соборахъ, но принимали на нихъ самое дѣятельное участіе (напр. на соборахъ 1164, 1311, 1390 гг.). 4) Отцы соборовъ не были послушными исполнителями велѣній свѣтской власти, но когда было нужно, позволяли себѣ итти противъ княжескихъ желаній (соборъ 1379 г.). 5) На соборахъ русскіе архипастыри безбоязненно возвышали свой голосъ противъ нарушителей законовъ правды, хотя бы князей, не останавливаясь передъ угрозою имъ даже церковнымъ проклятіемъ (напр. соборъ 1448 г.). 6) Соборы не могли дѣлать какихъ либо рѣшеній вопреки желанію членовъ церкви (осужденіе Евѳимія Висленя на Новгородскомъ соборѣ 1390 г.). 7) Кромѣ соборовъ со всей митрополіи, на Руси ежегодно, обыкновенно въ Сборное воскресенье, собирались соборы въ каждой отдѣльной епархіи, о чемъ особенно заботились русскіе архипастыри, въ противоположность громадному большинству епископовъ нашего времени, такъ не любящихъ епархіальныхъ съѣздовъ.

Прот. Н. Добронравовъ.

Протоколъ собранія Коммиссіи по церковнымъ вопросамъ при „Союзѣ 17-го октября“ 11-го апрѣля 1906 года.

На собраніи присутствовало 20 членовъ Коммиссіи и нѣсколько лицъ постороннихъ.

Послѣ избранія, по предложенію о. предсѣдателя прот. Н. Добронравова, новымъ членомъ Коммиссіи преподавателя Вифанской духовной семинаріи Михаила Павловича Извомова, собранію былъ предложенъ Н. П. Кедровымъ рефератъ на тему: „Къ характеристикѣ древне-русскихъ церковныхъ соборовъ“ (см. стр. 128 и сл.).

Рефератъ вызвалъ слѣдующія замѣчанія:

Проф. Н. О. Каптеревъ. Съ общими положеніями Н. П-ча я согласенъ. Необходимыя, главнѣйшія положенія въ рефератѣ высказаны. Я бы только усилилъ роль царя на соборахъ 16 и 17 вѣковъ. Всѣ соборы этихъ вѣковъ исключительно зависѣли отъ царей: царь вызывалъ членовъ, указывалъ мѣсто соборовъ, предсѣдательствовалъ на нихъ, являясь на засѣданія вмѣстѣ съ окольничими и думными людьми. Царь завѣдывалъ и всѣмъ механизмомъ соборныхъ засѣданій. Напр., на соборѣ о Никонѣ 1660 г. царь, указавъ на предстоящее дѣло, предлагаетъ присутствующимъ рѣшить его „по совѣсти,“ а самъ для виду удаляется. Представитель царя, боярин Салтыковъ, докладываетъ собору „сказки“ о Никонѣ, собранныя заранѣе. Архіереи со всѣмъ соглашаются, о чемъ и докладывается царю. Тогда царь указываетъ на опредѣленныхъ архіереевъ для наведенія справокъ и т. д. Наконецъ, царь и постановленія собора исправляетъ своею рукою. И ни одинъ архіерей не смѣлъ слова сказать предъ царемъ.

Царь указывалъ рѣшительное вліяніе и на внутреннюю сторону соборовъ. Часто онъ ставилъ и самые вопросы, подлежащіе обсужденію. Такъ было на Стоглавомъ соборѣ, гдѣ духовенство не имѣло въ этомъ отношеніи никакого значенія. Такимъ образомъ царь управлялъ не только государствомъ, но и церковью. Если онъ не присутствовалъ на соборѣ, то присутствовалъ его, своего рода Оберъ-Прокуроръ, бояринъ, который сидѣлъ на засѣданіяхъ и наблюдалъ за всѣмъ. Не понравившееся царю опредѣленіе собора царь не утверждалъ. Такъ поступлено было, напр., по вопросу о „единогласіи".—Соборы XVI и XVII вѣковъ часто называются „освященными" и „преосвященными". Уже самое названіе показываетъ, что это были не настоящіе соборы, а лишь состоящіе изъ однихъ епископовъ. Настоящіе соборы составлялись изъ многаго числа разныхъ лицъ. Но что такое былъ древне-русскій епископъ? Это такой же чиновникъ, какъ и теперешній. Даже по церковно-каноническимъ вопросамъ епископы отказывались отъ противодѣйствія незаконнымъ пожеланіямъ свѣтской власти. Возьмите для примѣра извѣстное дѣло о четвертомъ бракѣ Грознаго. Правда, иногда епископы высказывались и противъ царя, но это бывало тогда, когда дѣло касалось матеріальнаго ихъ содержанія, напр., въ вопросахъ о церковныхъ земляхъ. Тогда они показывали самостоятельность. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ епископы не отваживались противорѣчить царю. Послѣ всего этого у меня является мысль, что живыми членами соборовъ этихъ вѣковъ могли быть и дѣйствительно являлись только лица бѣлаго духовенства, напр., Скрипица, Нероновъ, Вонифатьевъ. Только со стороны ихъ раздавались живые и смѣлые голоса, искавшіе истины. Этотъ вопросъ хотѣлось бы мнѣ разработать, обосновавъ его съ фактической стороны. Такимъ образомъ предстоящій соборъ нельзя строить такъ, какъ онъ строился въ 16 и 17 вѣкахъ. Нужно, чтобы на соборѣ присутствовали архіереи и выборныя лица изъ духовенства и міряпъ. Одни архіереи 16 17 вѣковъ никогда не осмѣливались возвысить свой голосъ противъ различныхъ притязаній свѣтской власти. На соборѣ 1654 г., напр., царь для примѣра прочимъ первый подалъ свой голосъ, и всѣ архіереи безпрекословно за нимъ послѣдовали. На другомъ соборѣ былъ предъявленъ привезенный изъ Греціи знаменитый „Хрисо-

вулъ"—примѣрный символъ вѣры. Для исключенія возможности разногласій по поводу этого символа, царь подошелъ и поцѣловалъ „Хрисовулъ": всѣ архіереи подошли и поцѣловали. Такое подчиненіе архіереевъ царскимъ указаніямъ началось съ тѣхъ поръ, какъ только митрополиты стали посвящаться изъ русскихъ. Съ того времени соборы „освященные" были вродѣ нашего Синода. Это тѣмъ понятнѣе, что въ епископы избирались люди по указанію царя. А въ 17 в., напр., царь лично зналъ всѣхъ архимандритовъ, когда они бывали у него со святой водой, и, такимъ образомъ, всѣ кандидаты на епископство были ему вѣдомы.

Прот. Н. П. Добронравовъ. Изъ того, что теперь сказано, видно, что соборы 16 и 17 вѣковъ не могутъ служить для насъ прекраснымъ образцомъ, и слѣдовательно намъ нужно обратиться къ исторіи соборовъ раннѣйшихъ вѣковъ. На основаніи историческихъ памятниковъ должно изслѣдовать исторію русскихъ соборовъ до половины XV вѣка, когда гражданская власть еще не давила власть духовную съ такою силою, какъ послѣ этого времени. Позволю себѣ въ дополненіе и поясненіе реферата Н. П. Кедрова привести нѣкоторыя историческія указанія о соборахъ указаннаго мною періода. При всей краткости этихъ указаній, изъ нихъ однако можно сдѣлать важные для насъ выводы.—Вслѣдъ за этимъ о. предсѣдатель Коммиссіи изложилъ исторію соборовъ Русской Церкви въ періодъ ея зависимости отъ Церкви Константинопольской, останавливаясь главнымъ образомъ на томъ, что имѣетъ значеніе для предстоящаго Всероссійскаго Собора. Болѣе подробно прот. Добронравовъ все сказанное имъ изложилъ впослѣдствіи съ своей статьѣ: „Соборы въ Русской Церкви до половины XV вѣка" (см. стр. 167 и сл.).

Прот. Славскій. Н. П-чъ Кедровъ говорилъ въ рефератѣ объ оживленіи, какое внесли въ церковную жизнь соборы XVI и XVII вв., но Н. Ѳ. Каптеревымъ было раскрыто, что соборы эти церковнаго значенія не имѣютъ.

Прот. Добронравовъ. Едва ли правы, когда восхваляютъ XVI и XVII вв. за изобиліе соборовъ. Дѣло объясняется просто тѣмъ, что о соборахъ этихъ вѣковъ сохранилось много извѣстій, а о соборахъ предыдущихъ мало, откуда вовсе не слѣдуетъ, что до XVI вѣка на Руси соборы собирались чрезвычайно рѣдко. Что же касается соборовъ 16 и 17 вв. то,

дѣйствительно, значенія они имѣли мало, такъ какъ на нихъ не рѣдко дѣйствовалъ царь, а не церковь.

Бородинъ (старообрядческій свящ., присутствовавшій на собраніи въ качествѣ гостя). Мы должны выяснить, какіе соборы приносили пользу и какіе вредъ. Несмотря на недостатки соборовъ 16 и 17 вв., все-таки жизнь церковная была ими оживляема.

Проф. Каптеревъ, Да, дѣйствительно. Тѣмъ болѣе, что цари тогдашніе были такими же церковниками, какъ и епископы. Напр., царь Алексѣй давалъ указанія, какіе пѣть кондаки и тропари, когда открывать царскія двери и т. п. Если онъ видѣлъ въ церкви, что нужно поправить свѣчку, онъ самъ и поправлялъ. Царь не отдѣлялся отъ церкви; онъ не былъ въ отношеніи ея чиновникомъ. Поэтому безъ него и соборовъ не было. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, напр., даетъ совѣты епископамъ: „а мощи содержите такъ то, а крестные ходы совершайте такъ то“...

Бородинъ. Громадная разница между участіемъ тогдашнихъ царей и теперешнихъ въ церковныхъ дѣлахъ. Тогда правительство считало для себя необходимымъ сообразоваться съ каноническими требованіями церкви и подчинялось имъ.

Прот. Славскій. Участіе царя и бояръ въ соборахъ было до того естественно, что и мыслить соборъ безъ нихъ было нельзя.

Н. Г. Поповъ. Цари были въ церковномъ отношеніи не то что теперь. Наши цари усвоили византійскій взглядъ на себя. Въ Византіи же цари причислялись къ клиру и поставлялись въ чинъ чтеца: они кадили, выносили евангеліе, брали дикирій. Наши цари усвоили себѣ полномочія византійскихъ императоровъ въ отношеніи соборовъ.

О. Цвѣтковъ. Нужно бы въ разсужденіяхъ держаться одного: правильно или не правильно вмѣшивались цари въ церковныя дѣла?

А. П. Покровскій. Я позволю себѣ вернуть наши пренія ближе къ очередной темѣ, т. е. къ прочтенному реферату. Въ рефератѣ не такъ ясно отмѣчена внутренняя сторона церковныхъ соборовъ. Въ немъ больше статистики, чѣмъ характеристики. Важна была бы оцѣнка матеріала особенно освѣщеніе его съ точки зрѣнія современныхъ вопросовъ о со-

борной организаціи. Напр., какъ опредѣляется на нихъ вопросъ о составѣ собора, о значеніи голоса клира и мірянъ и т. п. Во вторыхъ, въ выслушанномъ нами рефератѣ я нахожу смѣшеніе соборовъ чрезвычайныхъ съ соборами рядовыми, маленькими соборцами. Этимъ, между прочимъ, объясняется довольно рѣзкое противорѣчіе въ указаніяхъ референта о составѣ соборовъ. Необходимо въ древне-русской старинѣ различать обыкновенные митрополичьи соборы отъ соборовъ исключительныхъ и чрезвычайныхъ, возникавшихъ по поводу какихъ нибудь смутъ и нестроеній въ русской церковно-государственной жизни. На самомъ дѣлѣ, соборы по поводу избранія митрополитовъ, напр., соборъ о Климентѣ' это—соборы изъ епископовъ, какъ велятъ и каноны. Соборы по вопросу о постѣ, объ ереси жидовствующихъ, о вдовомъ духовенствѣ, о монастырскихъ земляхъ, о книжной справѣ и т. п., это—соборы національные, и тутъ мы видимъ болѣе полное церковное представительство. Древне-русскіе митрополиты любили управлять епархіями соборне. Они понадѣлали себѣ викаріевъ (напр., Переяславскій, Бѣлгородскій и Юрьевскій епископы вблизи кіевскаго митрополита) и многія дѣла рѣшали сообща, посовѣтовавшись другъ съ другомъ. Этимъ и объясняется присутствіе на иныхъ подобныхъ соборахъ чрезвычайно малаго числа однихъ только епископовъ. Соборы второго типа, которые проф. Е. Е. Голубинскій называетъ реформаціонными, а Милюковъ прямо реформатическими, задавались болѣе серьезными цѣлями (борьбой съ ересью, церковными исправленіями, урегулированіемъ отношеній церкви къ государству) и имѣли болѣе разнообразный составъ Въ этихъ соборахъ и нужно искать отвѣта на современные злободневные вопросы. Критическое освѣщеніе этого матеріала было бы очень цѣнно и полезно,

Н. Г. Поповъ. Маленькіе соборы это σύνοδος ἐνδημοῦσα византійской церкви. Обращу вниманіе и на то, что рефератъ говоритъ только о совѣщательномъ голосѣ клира и мірянъ на соборахъ. Между тѣмъ голосъ этотъ былъ не совѣщательный только, но и рѣшающій.

Проф. Каттеревъ. Вопросъ о „большихъ“ и „малыхъ“ соборахъ не разработанъ. Во всякомъ же случаѣ меньшіе соборы дѣлали всѣ текущія дѣла и состояли изъ однихъ архіереевъ. Но если были общія дѣла, то собирали всѣхъ: и епископовъ, и клиръ, и мірянъ.

Н. П. Поповъ. Старинные соборы не представляли *единенія духа* въ церковномъ смыслѣ слова, ибо наши предки весь духъ и смыслъ религіозной жизни видѣли въ обрядѣ. Если теперь назвать царя святымъ, то это будетъ странно; а въ Большомъ Требникѣ царь названъ святымъ, можетъ быть, потому, что надъ нимъ совершался извѣстный обрядъ помазанія. Самая святость прежде заключалась въ обрядѣ. Обрядъ и духъ въ древнее время не различались. Цари стремились къ тому, чтобы церковь служила смазкой для государственныхъ колесъ. Если взять и досамодержавные соборы, то они служили также національнымъ интересамъ, а не церковнымъ. Даже и соборъ о постахъ служилъ національнымъ интересамъ, ибо по этому признаку въ то время хотѣли отличить себя отъ иностранцевъ и людей другихъ исповѣданій. И нашъ соборъ, по мысли правительства, долженъ имѣть цѣлью поддержаніе тѣхъ же національныхъ интересовъ. Но нужно стремиться ко тому, чтобы національнические интересы не поглотили на немъ главной цѣли—церковной.

А. И. Покровскій. Если можно подозрѣвать, что предстоящій соборъ хочетъ возстановить поколебавшіеся устои самодержавія, православія и народности, и такимъ образомъ религіозный интересъ принести въ жертву національному, то въ древней Руси отношенія между этими интересами были совершенно иными. Тамъ не національный интересъ покрывалъ религіозный, а религіозный—окрашивалъ собой національный. Наши предки различали людей не по національности, а по вѣрѣ, говорили не: нѣмецъ, полякъ и т. п., а: православный, папежникъ и т. п. Слѣдовательно параллель между современнымъ положеніемъ и древними соборами не выдерживаетъ исторической критики. Впрочемъ, я не считаю возможнымъ отрицать значенія и за національностью, хотя конечно это второстепенное. Характерно, что самое либеральное вѣроисповѣданіе—протестантское провозгласило принципъ „cujus regio, ejus religio“, а католицизмъ, наоборотъ, космополитиченъ, отрицаетъ національность; но въ то же время и мечтаетъ о своей теократической монархіи съ латинскимъ языкомъ.

Предсѣдатель Коммиссіи прот. Добронравовъ. Позвольте резюмировать разсужденія нынѣшняго собранія. Рефератъ Н. П. Кедрова представляетъ живой интересъ, потому что онъ

дастъ богатый матеріалъ по вопросу о русскихъ соборахъ. За это необходимо благодарить Николая Ивановича. Изъ обсужденій реферата выяснились слѣдующія два положенія: 1) Соборы 16 и 17 вв. не могутъ давать намъ руководящихъ примѣровъ, такъ какъ на нихъ сильно было вліяніе государственной власти царя, хотя впрочемъ и эти соборы имѣли извѣстное значеніе, служа къ оживленію церковной дѣятельности общества; дѣятельное участіе царя на нихъ въ то время не казалось особенно страннымъ, потому что царь тогда былъ человѣкомъ церковнымъ. 2) Мы должны обратить вниманіе на соборы до 16 вѣка. Свѣдѣнія о нихъ скудны, но изъ нихъ можно почерпнуть нужныя указанія. Мы видѣли, что на нихъ присутствуютъ, ведутъ бесѣды и рѣшаютъ вопросы не одни епископы, но и клиръ и міряне.

Къ исторіи и характеристикѣ соборовъ Юго-западной Руси XV—XVII вѣковъ.

„Исторія есть только полезный архивъ, никакъ не сводъ законовъ".
Проф. В. В. Болотовъ.

Поставленный нами въ заголовкѣ статьи эпиграфъ принадлежитъ перу одного изъ выдающихся ученыхъ богослововъ—покойному проф. церковной исторіи при Петербургской Академіи В. В. Болотову—глубокому знатоку исторіи древней церкви, несравненному лингвисту и высококомпетентному ученому не только въ своей спеціальности, но и во многихъ соприкосновенныхъ съ нею областяхъ.

Какимъ сильнымъ и живымъ укоромъ звучатъ эти слова безпристрастнаго ученаго по адресу тѣхъ современныхъ намъ церковныхъ историковъ и богослововъ, которые изъ исторіи древней церкви готовы создать какой-то фетишъ для неразумнаго поклоненія ему, какъ это обнаружилось напр. недавно въ рѣчахъ ультра—консервативныхъ членовъ Предсоборной Коммиссіи.

Правда, односторонняя ненаучность и тенденціозная узость взглядовъ большинства членовъ Предсоборной Коммиссіи на тотъ вопросъ нашла достойную и вполнѣ заслуженную оцѣнку въ особомъ мнѣніи меньшинства той-же коммиссіи, гдѣ мы находимъ, напр. такую характеристику первыхъ: „они ударились въ археологію, но не съ тѣмъ, чтобы путемъ изученія историческихъ формъ разыскать проявившіяся въ нихъ вѣчныя начала, а съ тѣмъ, чтобы найти въ этихъ формахъ оправданіе предвзятыхъ тенденцій, съ цѣлью

во что бы то ни стало отстоять нѣкоторыя непормальныя явленія современной дѣйствительности". Что это именно такъ, что подобными мнѣніями руководитъ предвзятая тенденція, а не чистый историческій интересъ, это особенно ясно открывается изъ того, что всѣ такіе исторіофилы любятъ далеко не всякую исторію, а лишь ту, которая отвѣчаетъ ихъ клерикальнымъ вкусамъ. Они напр. питаютъ большую склонность къ исторіи римско-византійскаго періода, на почвѣ котораго возникло и развилось не мало различныхъ и едва ли всегда желательныхъ особенностей церковно-административнаго характера; но тѣ же самые историки обнаруживаютъ большую холодность, доходящую чуть не до враждебности, къ исторіи предшествующаго трехъ-вѣкового періода древней исторіи, въ особенности къ эпохѣ первенствующей церкви, хотя бы, конечно, съ точки зрѣнія чистой исторіи самый древній періодъ гораздо цѣннѣе и важнѣе послѣдующихъ.

Но и независимо отъ всего этого, постоянное обращеніе къ исторіи и археологіи при разрѣшеніи вопросовъ современности, обращеніе взывающее не къ *духу ученія* древней церкви, а въ ея *случайной, внѣшней формѣ* не выдерживаетъ никакой здравой критики и противорѣчитъ всей прошедшей исторіи развитія самой церкви и ея канонническаго права. Въ этомъ отношеніи достаточно сослаться на сильное и вѣское слово того-же высокоталантливаго авторитета — проф. В. Болотова, который между прочимъ говоритъ: „думаю, что нѣтъ большей несправедливости, какъ репристинація формъ давнопрошедшаго, при совершенно измѣнившемся бытовомъ строѣ, утратившихъ всякую соль и силу, и та реформа, которая дѣйствительно отвѣчаетъ потребностямъ даннаго времени и оправдала себя фактически хорошими результатами, и есть реформа истинно каноническая, не имѣй она за себя даже ни единаго прецедента" [1]). Такова истинно научная и единственно объективная точка зрѣнія на различныя каноническія ссылки и историческія справки при разрѣшеніи тѣхъ или иныхъ, вновь назрѣвшихъ и самой жизнью выдвинутыхъ церковно-общественныхъ вопросовъ.

---

[1]) *Болотовъ В.*, Епархіи въ древней Церкви. См. Прибавл. къ Синод. Вѣдом. 1906. № 3, стр. 100.

При всей очевидности данпаго факта, существуютъ однако люди, которые не могутъ, или скорѣе, не хотятъ понять этого простого и яснаго языка подлинной, живой исторіи, а которые рѣшеніе всякаго *дѣла* привыкли основывать на прямомъ, буквальномъ смыслѣ подлежащей къ нему *справки*. Подобно закоренѣлымъ раскольникамъ, для которыхъ не имѣетъ никакого значенія всякая логическая аргументація, а вся сила доводовъ для которыхъ основывается лишь на буквѣ старопечатныхъ книгъ, и наши неумѣренные ревнители церковной старины могутъ убѣждаться (если только могутъ!) лишь исключительно доводами отъ церковной археологіи, ея исторіи и каноники. Въ виду этого, съ ними приходится полемизировать только на этой нѣсколько искусственно съуженной плоскости, чтобы говорить понятнымъ для нихъ языкомъ и съ нѣкоторой надеждой быть, если не услышанными, то, по крайней мѣрѣ, терпѣливо выслушанными.

Тѣмъ охотнѣе мы переходимъ на эту историческую почву, что считаемъ свою позицію и здѣсь значительно сильнѣе позиціи своихъ противниковъ. Несмотря на то, что исторія дастъ самое разнообразное и нерѣдко противорѣчивое рѣшеніе однихъ и тѣхъ же вопросовъ, мы нисколько не колеблемся назвать ее лучшей своей союзницей, тѣмъ капитальнымъ архивомъ, изъ котораго можно всегда извлечь полезную для дѣла справку, если только приступать къ нему съ надлежащимъ критическимъ тактомъ.

Поучительное значеніе имѣетъ здѣсь даже фактъ самаго разнообразія въ рѣшеніи однихъ и тѣхъ же каноническихъ вопросовъ (напр. вопросы о бракѣ и безбрачіи духовенства, о митрополичьихъ округахъ, объ отношеніи къ раскольникамъ и еретикамъ и т. п.); поучительное потому, что онъ дастъ наглядное доказательство развитія церковнаго права, приспособленія его къ потребностямъ времени и исключаетъ мысль объ его прямолинейной неподвижности и вѣчной неизмѣнности, которую неосновательно хотятъ навязать ему теперь.

Еще бо́льшую важность имѣетъ всесторонее историческое освѣщеніе тѣхъ явленій церковной жизни и канонической практики, которыя не могутъ быть признаны нормальными. Важность всего этого объясняется тѣмъ, что такимъ путемъ вызывается соотвѣтствующая историческая перспек-

тива, обнаруживающая, подъ какими отрицательными вліяніями сложилось то или иное церковное правило и какими важными для жизни послѣдствіями оно сопровождалось.

Наконецъ, нечего и говорить о значеніи тѣхъ положительныхъ историческихъ справокъ, которыя заключаютъ въ въ себѣ нѣчто аналогичное нашему современному состоянію церковной жизни и преподаютъ намъ прямые назидательные уроки.

Одну изъ такихъ свѣтлыхъ и поучительныхъ страницъ мы и думаемъ вскрыть въ настоящемъ своемъ очеркѣ. Мы хотимъ именно привести нѣсколько любопытныхъ историческихъ справокъ изъ жизни многострадальной Западной Руси, которыя могли бы послужить цѣннымъ историческимъ матеріаломъ для безпристрастнаго рѣшенія спорнаго вопроса о составѣ предстоящаго церковнаго собора и о роли на немъ епископата, клира и народа.

Русь Червонная и земля Угровская—нынѣшній юго-западный край—были одними изъ тѣхъ главныхъ, исконно—славянскихъ областей, откуда, по выраженію лѣтописца, „пошла есть Русская земля“.

Но приблизительно съ половины XII столѣтія центръ Руси постепенно передвигается на сѣверо-востокъ, въ область волжскаго бассейна, гдѣ изъ соединенія славянъ съ финскими племенами выростаетъ новая великорусская народность, которая и становится главнымъ дѣятелемъ всей послѣдующей исторіи Руси. Малая же или Червонная Русь постепенно подпадаетъ подъ дѣйствіе различныхъ отрицательныхъ вліяній и терпитъ сильныя стѣсненія своей православной вѣры и русской народности. Такое бѣдственное состояніе ея продолжалось до тѣхъ поръ, пока Малая Русь снова не воссоединилась съ Великой, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда впервые проведена была рѣзкая историческая граница Россіи на западной ея сторонѣ, при чемъ нѣкоторыя области Червонной Руси окончательно отпадали подъ власть Австро-Венгріи и Польши, а бо́льшая ея часть снова стала подъ крѣпкую руку Московской державы.

Изъ всего этого почти четырехвѣковаго вольнаго или невольнаго отчужденія Малой Руси отъ Великой самымъ тяжелымъ и бѣдственнымъ для вѣрныхъ ея сыновъ временемъ былъ, безъ сомнѣнія, свыше чѣмъ двухвѣковой періодъ существованія у ней отдѣльной Кіевской митрополіи (1459—1687).

Чтобы яснѣе и лучше представить себѣ религіозно-политическое положеніе тогдашней юго-западной Руси, мы должны охарактеризовать реальное взаимоотношеніе этихъ церковно-политическихъ группъ, которыя были главными дѣятелями ея исторіи, т. е. ея правительства, высшаго духовенства и низшаго клира, въ союзѣ съ народомъ.

Въ политическомъ отношеніи юго-западная Русь довольно рано (съ конца XIII в.) подпала подъ власть иноземныхъ и иновѣрныхъ государей—сначала литовскихъ, а затѣмъ и польскихъ (съ конца XIV в.). Такъ какъ въ интересахъ этихъ правителей была возможно полная и сильная ассимиляція русскаго народа съ ихъ собственными націями, то мы видимъ, что вся политика литовскихъ и въ особенности польскихъ королей была направлена именно къ этой цѣли. А такъ какъ главнымъ препятствіемъ къ сліянію русскихъ съ поляками служила православная вѣра первыхъ и католичество вторыхъ, то политика королей естественно и направилась къ уничтоженію этой вѣроисповѣдной розни и религіозному соглашенію, плодомъ чего и явилась, такъ называемая, церковная унія. Но такъ какъ сами то короли были католиками, и такъ какъ, съ другой стороны, папы всегда унію понимали очень своеобразно, то не трудно понять, что эта унія для православнаго населенія ничѣмъ въ сущности не разнилась отъ прямаго обращенія въ католичество, почему она и принесла такъ много бѣдъ для вѣрныхъ сыновъ православной церкви. Литовско-польское правительство, хотя рѣдко рѣшалось прибѣгать къ открытому преслѣдованію православнаго населенія, тѣмъ не менѣе постоянно давало ему чувствовать свое нерасположеніе, проявлявшееся въ систематической урѣзкѣ его политическихъ правъ. Такъ еще со времени Гродельскаго сейма (1413 года) православное населеніе литовскаго княжества устранено было отъ совѣта державной думы и отъ всѣхъ общественныхъ досто-

ществъ и должностей. [1]) Съ эпохи же политической Люблинской уніи (1569 г.), отдавшей Литву подъ власть католической Польши, стѣсненіе православія и торжество католицизма пошло впередъ быстрыми шагами. „Ссылаясь на постановленія Гродельскаго сейма, правительство то запрещало православнымъ строить и даже возобновлять свои церкви, то отнимало у нихъ церкви и отдавало ихъ латинянамъ, то стѣсняло православныхъ въ торжественномъ отправленіи ихъ праздниковъ и священнослуженій, то унижало самую вѣру православную, называя ее даже въ оффиціальныхъ бумагахъ схизмою, а православные храмы синагогами“ [2]).

Но самымъ сильнымъ орудіемъ польско-католической пропаганды въ рукахъ королевской власти, которымъ она всего больше принесла зла православной церкви, было такъ называемое право патронатства, или подаванія духовныхъ хлѣбовъ, бывшее своеобразнымъ отголоскомъ средневѣковой, феодальной системы и связанной съ нею духовной инвеституры. Исходя изъ своего владѣльческаго права, литовскіе государи считали себя и духовными распорядителями всѣхъ церковныхъ и монастырскихъ земель, которыя они раздавали по своему усмотрѣнію различнымъ епископамъ, архимандритамъ и настоятелямъ. Отсюда польско-литовскіе государи въ историческихъ актахъ той эпохи называются „верховными подателями столицъ (столовъ, каѳедръ) духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ“. Примѣру королей слѣдовали и богатые феодалы-помѣщики, присвоивая себѣ право духовнаго патроната надъ церквами и монастырями, находящимися въ чертѣ ихъ владѣній.

Такая экономическая зависимость тяжело отражалась на положеніи іерархіи и сильно вліяла на ея искусственный подборъ, въ духѣ польско-католическихъ тенденцій правительственной власти. Сильнѣе всего, повидимому, сказалось это на высшей іерархіи—епископахъ и митрополитахъ юго-западной Руси.

Въ православно-русскомъ краѣ, гдѣ высшая гражданская власть находилась въ рукахъ иноземнаго и иновѣрнаго

---

[1]) *И. Чистовичъ* „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“, 49 стр. ч. I, Спб. 1882.

[2]) *М. Макарій* „Исторія русской церкви“, т. IX, стр. 10. Спб. 1879. г.

правительства, естественно было бы ожидать, что народные интересы должна была охранять высшая духовная власть —епископы и митрополиты. Къ сожалѣнію, въ юго-западной Руси этого не было, а произошло нѣчто обратное: высшая іерархія тамъ измѣнила своему народу, предалась на сторону правительства и въ связи съ нимъ осуществила церковную унію, едва не погубившую все дѣло православія и русской народности въ юго-западномъ краѣ. Всѣ историки той эпохи самыми мрачными красками рисуютъ печальное состояніе православной церкви и ея высшей іерархіи.

Отдѣлившись въ половинѣ XV-го вѣка отъ московской митрополіи, іерархи юго-западной Руси остались въ канонической зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Но эта зависимость была чисто номинальною: въ дѣйствительности кіевскіе митрополиты распоряжались дѣлами своей митрополіи вполнѣ самостоятельно и безконтрольно. Вѣроятно, въ силу этого они вскорѣ же по отдѣленіи и поддались соблазну польско-католической пропаганды, усердно поддерживаемой правительствомъ. Южно-русскіе епископы и даже митрополиты, лишенные по своему положенію всякихъ гражданскихъ привиллегій и правъ, завистливымъ окомъ смотрѣли на латинскихъ бискуповъ, засѣдавшихъ въ польской радѣ и пользовавшихся у королей большимъ значеніемъ и почетомъ. На встрѣчу этому шла и коварная политика правительства, которое ограничивало непокорныхъ и всячески поощряло болѣе податливыхъ іерарховъ. Все это деморализовало мѣстную православную іерархію и произвело сильное разстройство церковной жизни. „Главные вожди церкви архипастыри—говоритъ м. Макарій—потерявшіе почти всякое значеніе въ глазахъ своихъ пасомыхъ, оставались духовными сановниками только по имени и по одеждѣ, а на дѣлѣ это были настоящіе свѣтскіе паны, изъ среды которыхъ и избирались; жили и дѣйствовали какъ паны, заботились только о собственныхъ имѣніяхъ и интересахъ, изъ за которыхъ вели постоянную борьбу между собою и съ мірянами, старались пріобрѣтать новые монастыри въ свое управленіе, переходить съ одной каѳедры на другую, болѣе богатую, и способны были жертвовать всѣмъ, даже и самой вѣрой“ (Макарій IX, 479). Вотъ, напримѣръ, какую безотрадную характеристику всего этого дастъ проф. С. Голубевъ,

спеціально изслѣдовавшій данную эпоху. „Самые представители западно-русской церкви (митрополиты и епископы) не стояли на высотѣ положенія: занимали каѳедры безъ надлежащей подготовки къ прохожденію іерархическаго служенія, смотрѣли въ большинствѣ случаевъ на свои мѣста съ утилитарной точки зрѣнія (какъ на доходную статью), и даже нерѣдко поступали на оныя съ нарушеніемъ каноническихъ постановленій. Такъ нѣкоторые епископы *сожительствовали съ женами*; въ 80-хъ годахъ XVI-го столѣтія, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, первосвятительскую каѳедру занималъ *двоеженецъ* (Онисифоръ Дѣвочка); „наставилось епископъ много, на одну столицу по два", вслѣдствіе чего происходила между ними соблазнительная, иногда *вооруженная* борьба. Крайне зазорна была и жизнь нѣкоторыхъ епископовъ. Разумѣется, подобные, по выраженію львовскихъ братчиковъ, „мнящіеся быти святители, сущіи же поистинѣ сквернители", не могли благотворно воздѣйствовать и на подвѣдомое имъ духовенство. Если епископы „невозбранно жили съ женами", то и „священницы двоеженцы, увидѣвши сіе, дерзостно литургисали" [1]). Тотъ же самый историкъ приводитъ слѣдующій характерный фактъ изъ исторіи Брестскаго собора 1590 г. Когда епископъ Ипатій Поцѣй (будущій митрополитъ) по произнесеніи поученія на тему: „Азъ есмь пастырь добрый, душу свою полагающій за овцы", поинтересовался у своихъ слушателей узнать, „добре это имъ было читано, или зле", то нѣкто Валеріанъ Поліевый въ глаза заявилъ ему: „отче владыко, ты читалъ зле, т. е. *противу себѣ читалъ*". Очевидно, заключаетъ цитируемый нами историкъ, авторитетъ высшей западно-русской іерархіи въ указанное время былъ совершенно поколебленъ и мнѣніе о ней въ православномъ обществѣ было самое незавидное. Это мнѣніе вскорѣ съ полной наглядностью и оправдалось: большинство іерарховъ, влекомые—по выраженію Вишленскаго—„большею алчбою и жаждою достатковъ", измѣнили православію и перешли въ унію, во главѣ съ митрополитомъ" [2]). Итакъ, вся высшая

---

[1]) *С. Голубевъ* „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила". II, 465. Кіевъ 1898.

[2]) *С. Голубевъ.* „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники". Томъ II. 465—466 стр. Кіевъ 1898 г.

іерархія, за самыми незначительными счастливыми исключеніями, предалась тамъ на сторону католическаго правительства и въ союзѣ съ нимъ дѣйствовала во вредъ православно-народнымъ интересамъ.

Третьимъ и пожалуй главнымъ дѣятелемъ на сценѣ исторіи юго-западной руси (XIV—XVIII в.) былъ самъ православно-русскій народъ. Поставленный лицомъ къ лицу предъ чуждой ему литовско-польской властью, не встрѣтившій себѣ естественной бы, казалось, поддержки въ своемъ высшемъ духовенствѣ, народъ издавна привыкъ тамъ надѣяться только на себя и грудью отстаивать свою свободу. Такъ какъ во всей православной Руси той эпохи національный вопросъ объединился съ религіознымъ, то и борьба русскаго народа за свои права выражалась тамъ въ защитѣ православной вѣры отъ посягательства католичества и происковъ уніи. Вполнѣ естественно поэтому, что борьба народа противъ его угнетателей приняла тамъ, главнымъ образомъ, церковно-религіозную окраску, заставила народъ кровно и жизненно интересоваться дѣлами своей вѣры и привела, такимъ образомъ, къ самому широкому и разнообразному участію мірянъ въ дѣлахъ своей церкви. Это участіе выражалось тамъ и въ крупныхъ заслугахъ отдѣльныхъ борцовъ за интересы православія, преимущественно изъ среды высшей помѣстной аристократіи, и въ организованной коллективной дѣятельности православныхъ западно-русскихъ братствъ[1]).

Что касается заслугъ отдѣльныхъ выдающихся дѣятелей православной церкви, то исторія юго-западной митрополіи съ благодарностью отмѣчаетъ здѣсь, прежде всего, покровительство и поддержку со стороны православныхъ князей—потомковъ Гедимина и Ольгерда. Таковы были, напр. Иванъ Юрьевичъ Мстиславскій и его супруга Юліанія (половина XV в.),—Михаилъ Александровичъ Слуцкій (XV в.), и Гедиминовичи—Иванъ Семеновичъ и Юрій Семеновичъ Голь-

---

[1]) Мы не говоримъ здѣсь о третьей грозной силѣ вольнаго степнаго казачества, поднявшейся съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своей вѣры и сослужившей несомнѣнно весьма видную службу въ борьбѣ съ уніей. Не говоримъ мы о ней потому, что это была, такъ сказать, внѣшняя и и посторонняя для православной церкви сила, которая уже по одному этому не можетъ быть разсматриваема съ точки зрѣнія внутреннихъ церковно-религіозныхъ интересовъ.

шанскіе (XV в.). Всѣ они широко благотворили церквамъ и монастырямъ, пользуясь своимъ правомъ владѣтельнаго патроната. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ, въ эпоху торжества уніи, мужественной борьбой съ ней за интересы православія прославились князья Острожскіе, князь Курбскій, графъ Ходкевичъ, князья Масальскіе, Мстиславскіе, Соколинскіе, Четвертинскіе и пр. Такъ что, по признанію м. Макарія, если православіе сильно страдало въ юго-западной Руси отъ королей и митрополитовъ, то оно всегда могло „находить для себя опору, огражденіе и утѣшеніе въ своихъ помѣстныхъ православныхъ князьяхъ“ [1]).

Но какъ ни важно и ни дорого для интересовъ православія было это единоличное заступничество отдѣльныхъ сильныхъ покровителей, все же оно, какъ всякое единоличное представительство, заключало въ себѣ и опасность произвола и возможность даже прямо измѣны, когда сегодняшній „столпъ“, „пособникъ церкви“, назавтра попадалъ въ сонмъ іезуитовъ и становился ренегатомъ и заклятымъ врагомъ православія (Скумпинъ-Тышкевичъ) [2]). Потому гораздо безопаснѣе, сильнѣе и дѣйствительнѣе была помощь коллективнаго организованнаго церковно народнаго представительства, въ формѣ такъ называемыхъ братствъ. Вопросъ о происхожденіи, устройствѣ, кругѣ дѣлъ и интересовъ западно-русскихъ братствъ освѣщенъ съ достаточной степенью полноты въ спеціальной литературѣ, къ которой мы и отсылаемъ желающихъ поближе познакомиться съ этимъ въ высокой степени важнымъ и симпатичнымъ историческимъ институтомъ, заслуживающимъ особаго вниманія въ наши дни, когда снова поднятъ вопросъ о возрожденіи прихода и объ организованномъ участіи мірянъ въ церковно-религіозной жизни [3]).

---

[1]) *Макарій*, „Исторія русской церкви“. IX, 30 стр.

[2]) С. *Голубевъ*, Петръ Могила, II, 467 стр.

[3]) Много цѣннаго матеріала о западно-русскихъ братствахъ заключается въ капитальныхъ общихъ курсахъ отечественной и русской церковной исторіи—С. М. Соловьева (VII т.) и Митрополита Макарія (IX—X томы); а также у историковъ уніи и различныхъ дѣятелей той эпохи: *Коллодича*, „Литовская церковная унія“, 1859 г. Петербургъ; *Чистовича*, „Исторія Западно-русской церкви“ 1—II ч. Спб. 1882 г.; *Малышевскаго*, „Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность“. Спб. 1897 г.; *С. Голубева*, „Исторія Кіевской духовной академіи“ 1886 г.; *Его-же* „Митрополитъ

Для нашей цѣли особенную важность имѣетъ одна сторона въ дѣятельности этихъ братствъ—именно ихъ широкое, активное участіе въ дѣлахъ мѣстной церковной общины, проявлявшееся въ выборѣ себѣ духовенства, наблюденіи и контролѣ надъ нимъ, а также и въ совмѣстномъ съ іерархіей рѣшеніи всѣхъ своихъ церковныхъ дѣлъ.

Право на такое широкое участіе въ церковныхъ дѣлахъ, повидимому, заложено въ самой идеѣ этихъ братствъ. Изъ всѣхъ объясненій происхожденія западно-русскихъ братствъ наиболѣе правдоподобнымъ является то, которое зарожденіе ихъ объясняетъ на общей почвѣ древне-русскаго прихода, проявлявшаго свою жизненность раньше въ Сѣверной Руси. Если же къ XV в. тамъ онъ, повидимому, сталъ замирать, а здѣсь видимо разцвѣтать, то объясненіе этому надо искать въ различныхъ религіозно-политическихъ условіяхъ: въ Сѣверо-Восточной Московской Руси въ это время крѣпло православіе и самодержавіе, т. е. шла усиленная централизація гражданской и церковной власти, парализованная развитіемъ общинной, а слѣдовательно, и приходской жизни. Наоборотъ, въ Юго-Западной Руси въ лицѣ свѣтской власти и высшаго духовенства предъ народомъ встала угроза какъ православію, такъ и самой національности, заставившая всякую мѣстную православную общину сплотиться и дать дружный отпоръ наступающему врагу. Слѣдовательно поскольку, на Сѣверѣ казенная опека православія, такъ сказать, атрофировала приходскую общину, постольку, на оборотъ, на Западѣ правительственное преслѣдованіе народности и вѣры сильнѣе сплотило мѣстную общину и вызвало ее на болѣе активную работу.

Нѣкоторыя изъ этихъ, первоначально лишь приходскихъ, общинъ, разрослись до степени обширныхъ коллективныхъ союзовъ, съ многочисленными развѣтвленіями и сложной организаціей. Таковыми были, такъ называемыя, *ставропигіаль-*

Петръ Могила", I—II. Кіевъ 1896—8 г. Болѣе спеціальная литература: *Флерова* „О православныхъ церковныхъ братствахъ" 1857 г.; *А. А. Папкова* „Очеркъ исторіи Западно-русскихъ братствъ" 1900 г.; *С. Кедрова* „Древнерусскія братства", Русск. Архивъ 1901 г. Въ послѣдней статьѣ указана и болѣе мелкая журнальная литература о нѣкоторыхъ частныхъ братствахъ—Львовскомъ Могилевскомъ, и пр.

ныя братства (т. е. независимыя отъ мѣстнаго епископа, а непосредственно подчиненныя константинопольскому патріарху и кіевскому митрополиту, какъ его экзарху), основанныя, преимущественно въ крупныхъ и вліятельныхъ центрахъ Юго-западной Руси—Вильнѣ, Львовѣ, Могилевѣ и др.

Хотя церковныя братства были учрежденіями всесословными и въ составъ ихъ одинаково входили какъ митрополиты, епископы, архимандриты, клирики, такъ и мірскіе люди: князья, паны, казаки, мѣщане и даже женщины; но какъ то само собою сложилось, что главную роль въ этихъ братствахъ стали играть міряне, какъ болѣе чистые и безкорыстные защитники православныхъ интересовъ. Это очень не нравилось высшей іерархіи, которая почти постоянно интриговала противъ братствъ и всѣми мѣрами пыталась ограничить или скомпрометировать ихъ свѣтлую, идейную работу. Въ этомъ отношеніи характерна довольно продолжительная и упорная борьба Львовскаго братства съ своимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, который первоначально склонялся къ уніи, но потомъ былъ однимъ изъ немногихъ, оставшихся вѣрными православію епископовъ. Впрочемъ, онъ все же, въ концѣ концовъ, примирился съ своимъ братствомъ и призналъ его заслуги.

Такое явное несочувствіе епископовъ къ братствамъ объясняется, конечно, только тѣмъ, что братства широко и могуче воздѣйствовали на церковно-общественную жизнь, что они, въ извѣстной степени, какъ бы затѣняли собою фигуру мѣстнаго епископа, а нерѣдко обличали его дѣятельность, если видѣли въ ней или уклоненіе отъ правильной церковной дисциплины, или подозрительныя тяготѣнія къ уніи. Даже формальнымъ указомъ короля за Львовскимъ братствомъ было утверждено право разслѣдовать и провѣрять на мѣстѣ всѣ „крывды, шкоды и тяжкости полоцкаго владыки“.[1]) Вотъ напр. какое внушительное предостереженіе дѣлаютъ Подольско-Галицкіе дворяне митрополиту Онисифору (1579—1588) по поводу разныхъ церковныхъ безпорядковъ: „мы, по своему долгу, предостерегаемъ вашу милость, и молимъ и просимъ: Бога ради осмотрись, вспомни святыхъ своихъ предмѣстниковъ митрополитовъ кіевскихъ и возревнуй имъ по благочестію.

---

[1]) *М. Макарій*, IX, 266 стр.

Не прогнѣвайся на насъ: намъ жаль души твоей. Ты за все долженъ дать отвѣтъ Господу Богу“ [1]). Религіозно-патріотическая дѣятельность братствъ стояла въ прямой зависимости отъ энергіи польско-католической пропаганды: чѣмъ замѣтнѣе и разборчивѣе становилась политика уніатовъ и католиковъ, тѣмъ энергичнѣе и сильнѣе развивалась и противодѣйствующая ей работа православныхъ братствъ. Вотъ почему самый блестящій періодъ разцвѣта братствъ падаетъ на темную эпоху Брестской уніи и послѣдовавшихъ за нею гоненій надъ православіемъ со стороны уніатовъ-митрополитовъ и католиковъ королей.

Въ особенности оживилъ и поднялъ духъ старинныхъ братствъ пріѣздъ двухъ восточныхъ патріарховъ—антіохійскаго Іоакима (1586 г.) и іерусалимскаго—Іереміи II (1589 г.). Первый изъ нихъ облекъ самыми широкими полномочіями древнѣйшее Львовское братство, предоставивъ ему право обличать всѣхъ, противныхъ закону Христову, не исключая и самихъ епископовъ, и даже въ случаѣ упорства, отлучать ихъ отъ церкви. Патріархъ же Іеремія не только подтверждалъ всѣ эти права, но и распространилъ ихъ еще на два подобныхъ же братства—на Виленское и на Могилевское. „Ободренныя представителями высшей церковной власти, получивъ обширныя права и полномочія, братства явились теперь главнѣйшими церковно-общественными учрежденіями Западной Россіи. Они сосредоточили въ своихъ рукахъ дѣятельность религіозную, просвѣтительную, благотворительную и миссіонерскую. Крупнѣйшія изъ нихъ получили въ дѣлахъ церкви автономію: патріаршій ставропигіонъ предоставилъ имъ право суда и контроля надъ всей православной церковью Юго-Западной Россіи и сдѣлалъ ихъ грозными для самой іерархіи“ [2]).

И православныя братства, дѣйствительно, вполнѣ оправдали оказанное имъ высокое довѣріе и явились тамъ истинными спасителями національности и вѣры. „Не подлежитъ сомнѣнію—говоритъ напр. историкъ, не склонный, вообще преувеличивать историческое значеніе братствъ, что запад-

---

[1]) *Малышевскій* „Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность“. 75 стр. Спб. 1879.

[2]) *С. Кедровъ* „Древне русскія братства“. Рус. Архивъ 1901 г. 322 стр.

по-русскія братства въ указанное время принесли громадныя услуги православной церкви. Около нихъ группировались лучшія силы тогдашняго православнаго общества; здѣсь предпринимались всевозможныя мѣры, чтобы отстоять православную вѣру и русскую народность, подвергавшіяся серьезной опасности отъ напора искусно организованной и располагавшей громадными средствами иновѣрной (преимущественно латино-польской) пропаганды. Значеніе и сила братствъ въ разсматриваемое время заключалось въ ихъ коллективности" [1]). Особенно геройской защитой выдѣлилось Виленское братство, находившееся въ самомъ центрѣ враждебнаго лагеря. „Оно разсылало по всей Литвѣ посланія къ различнымъ братствамъ и прочимъ ревнителямъ православія и въ этихъ посланіяхъ просило помощи и содѣйствія, завязывало сношенія съ казаками, созывало въ Вильнѣ съѣзды православныхъ, заставляло братскихъ проповѣдниковъ публично защищать правоту своего дѣла, добилось возстановленія высшей іерархіи для западнаго края, издавало сочиненія въ защиту своихъ правъ—однимъ словомъ, явилось главной опорой для западнаго православія и могущественнымъ двигателемъ исторической западно-русской жизни. Въ этомъ же духѣ дѣйствовали братства: Могилевское, Минское, Пинское, Луцкое, Кіевское и другія" [2]).

Если прежняя (доуніатскаго періода) дѣятельность братствъ возбуждала сильное неудовольствіе высшей іерархіи, для которой она стояла, такъ сказать, поперекъ дороги, то новая значительно расширенная компетенція братствъ, вызывала еще большія стѣсненія и злобныя нареканія со стороны высшихъ іерарховъ, уніатовъ и іезуитовъ. Изъ права ставропигіальныхъ братствъ выбирать себѣ духовенство, судить его, а въ крайнемъ случаѣ и низлагать, безъ сношенія съ мѣстнымъ епископомъ, враги братствъ выводили, что будто бы братчики вовсе не признаютъ іерархическаго авторитета, что у нихъ non clerus populum, sed populus clerum rigit (Саковичъ). Но это—явное преувеличеніе: братства отнюдь не отвергали необходимости и значенія іерархіи въ принципѣ; но они заботились, чтобы сама іерархія стояла

---

[1]) *С. Голубевъ*, Петр. Могила. II, 467 стр.

[2]) *А. Шаповъ*, „Церковныя братства", 7 стр. Спб. 1893.

на должной высотѣ и отказывали въ повиновеніи лишь такой, которая роняла свое достоинство; да и то дѣлали это не произвольно, а послѣ братскаго суда и въ силу полномочій, данныхъ имъ отъ высшей іерархической инстанціи— самого константинопольскаго патріарха.

Въ силу этого не имѣли успѣха и попытки новой, возстановленной патріархомъ Ѳеофаномъ, православной іерархіи, ограничить автономію братствъ. „И первосвятитель русской церкви—сѣтуетъ уже извѣстный намъ историкъ — опасаясь народнаго волненія, вынужденъ былъ своей митрополитанской властью скрѣплять тѣ порядки, которые считалъ крайне нежелательными“ [1]). Впрочемъ, и самъ этотъ историкъ склоненъ считать опасенія іерарховъ неимѣющими достаточнаго основанія, когда говоритъ: „ставропигіальныя братства и монастыри, проникнутые въ данное время стремленіемъ къ увраченію больныхъ мѣстъ въ церковно-исторической жизни, не могли не злоупотреблять своею автономіей въ ущербъ насущныхъ потребностей церкви; напротивъ, они заботились о привлеченіи въ свою среду духовныхъ лицъ, наиболѣе извѣстныхъ по своимъ достоинствамъ: ученыхъ, хорошихъ проповѣдниковъ и т. п.“ [2]).

Таково было реальное соотношеніе тѣхъ историческихъ силъ, которыя выступали главными дѣятелями въ исторіи многострадальной Юго-Западной Руси. Въ сущности тутъ были только двѣ враждебныхъ группы: одну изъ нихъ представляло чуждое народной массѣ по происхожденію и вѣрѣ правительство, съ предавшимся на его сторону высшимъ духовенствомъ, другую—вся масса православнаго населенія, во главѣ съ лучшей помѣстной аристократіей и въ союзѣ съ низшимъ клиромъ.

Изъ этой общей исторической характеристики самъ собой вытекаетъ поучительный выводъ о томъ, насколько опасна и прямо даже гибельна для интересовъ вѣры и церкви можетъ быть монополія въ церковномъ управленіи одной высшей іерархіи—ея епископовъ и митрополитовъ, и насколько наоборотъ необходимо и спасительно для цѣлости и чистоты церкви широкое участіе въ ея управленіи и жиз-

---

[1]) *С. Голубевъ*, Петр. Могила. II. 468 стр. срв. I, 126—176.

[2]) *С. Голубевъ*, „Петр. Могила“. 469.

ни представителей отъ низшаго клира и вѣрующихъ міряпъ. Переходя теперь къ главному предмету своей рѣчи, къ самой исторіи и характеристикѣ соборовъ Юго-Западной Руси, мы на основаніи всѣхъ своихъ изслѣдованій утверждаемъ тотъ тезисъ, что на этихъ соборахъ присутствовали не одни епископы, но также и представители отъ чернаго и бѣлаго духовенства и отъ всего православнаго народа. И что особенно важно, такъ было на православныхъ соборахъ не только, гдѣ такое положеніе вещей можно было бы объяснить вынужденной необходимостью, но и на уніатствующихъ соборахъ, гдѣ подобное представительство въ глазахъ епископовъ было, скорѣй, зломъ, однако все же терпимымъ, очевидно, въ силу его' неизбѣжности.

Древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ самостоятельныхъ соборовъ Юго-Западной Руси происходилъ при Витовтѣ, 15-го ноября 1415 (по Голубинскому, а по м. Макарію 1516 г.), въ Новгородкѣ Литовскомъ, по дѣлу объ отдѣленіи литовской митрополіи отъ московской и о поставленіи особаго кіевскаго митрополита, въ лицѣ Григорія Цамблака. Въ окружной грамотѣ, изданной отъ лица собора присутствовавшими на немъ епископами, ясно говорится, что Витовтъ собралъ на этотъ важный соборъ не только епископовъ, но и архимандритовъ, игуменовъ, благоговѣйныхъ иноковъ и священниковъ, а равно князей литовскихъ, вельможъ и бояръ, и соборъ постановилъ свое рѣшеніе „по совѣту всѣхъ этихъ лицъ". [1]) Если же московскій митрополитъ Фотій, противъ котораго было направлено это посланіе, да и самое избраніе Григорія, называетъ послѣдняго „мятежникомъ, поставленнымъ отъ неправеднаго сборища самозаконно и съ насиліемъ мірской власти", то ясно, что здѣсь главными виновниками допущенной незаконности Фотій считаетъ короля и епископовъ, но всего менѣе представителей отъ клира и народа, по адресу которыхъ огорченный митрополитъ ничего не возражаетъ и даже рекомендуетъ своимъ епископамъ охотно принимать ихъ, если послѣдніе убѣгутъ къ нимъ на жительство отъ церковнаго мятежа. [2])

---

[1]) *М. Макарій*, „Исторія русской церкви", IV, 91 стр.

[2]) *Тамъ-же*, 97 98 стр. Спб. 1866 г.

Слѣдующимъ по времени соборомъ Юго-Западной Руси, отдѣленнымъ отъ этого почти столѣтнимъ промежуткомъ, былъ знаменитый Вилепскій соборъ, собранный митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ 25-го декабря 1509-го года „о церковныхъ вещехъ и о исправленіи дѣлъ духовныхъ“ [1]). Соборъ широко коснулся различныхъ тогдашнихъ нестроеній и недостатковъ церковной жизни, главную причину которыхъ онъ справедливо указалъ въ злоупотребленіи мірскихъ властей правомъ церковнаго патроната, съ одной стороны, и въ „непослушаніѣ“ епископовъ, съ другой. Подъ послѣднимъ зломъ, какъ это видно изъ 15-го правила соборнаго дѣянія, разумѣлось нежеланіе нѣкоторыхъ епископовъ повиноваться великой церкви (т. е. митрополичьей) и имѣть къ ней послушаніе. Для исправленія подобныхъ епископовъ и вообще для неослабнаго надзора за церковнымъ благоустройствомъ, соборъ узаконилъ необходимость подобныхъ же періодическихъ соборовъ, на которые должны были собираться „всѣ епископы, безъ всякаго прекословія“, и весь „священный соборъ“, подъ которымъ, очевидно, разумѣлось представительство отъ клира и мірянъ. За вѣрность такой догадки ручается составъ самаго Вилепскаго собора, который изъ дѣяній этого собора извѣстенъ поименно [2]).

Сохранилось, наконецъ, и еще одно глухое указаніе на присутствіе въ соборныхъ засѣданіяхъ такихъ-то „иныхъ будущихъ честныхъ священниковъ“, подъ которыми есте-

---

[1]) Тамъ же, IX, стр. 166 и сл.

[2]) Онъ былъ образованъ изъ слѣдующихъ лицъ: митрополита Іосифа Солтана; семи епископовъ: владимірскаго и берестейскаго — Василіана, смоленскаго—Варсанофія, луцкаго и островскаго—Кирилла, полоцкаго и витебскаго—Евѳимія, туровскаго и пинскаго—Арсенія, перемышльскаго—Антонія, и холмскаго—Филарета. Архимандритовъ присутствовало семеро: Кіево-печерскій великой лавры — Іона, благовѣщенской патріаршей обители (супральскій монастырь) — Пафнутій, троицкій виленскій—Іоасиѳъ, лаврашевскій—Арсеній, троицкій слуцкій — Іосифъ, вознесенскій минскій—Сергій, михайловскій городецкій изъ Полоцка—Антоній. Игуменовъ на соборѣ было шесть: троицкій — Симонъ, святодуховскій изъ Смоленска—Аѳанасій, іоанновскій островскій изъ Полоцка—Евѳимій, петровскій изъ Полоцка—Алексій, николаевскій изъ Ольшанъ—Іона и николаевскій изъ Лоска—Геронтій. Протопоповъ было семь человѣкъ: виленскій—Матѳей, новгородскій — Іаковъ, городенскій—Антипа, слуцкій—Ѳеодоръ, марковскій—Лукіанъ, слонимскій—Козьма и волковыйскій—Ѳеодоръ.

ственнѣе всего разумѣть представительство отъ низшихъ клириковъ, кандидатовъ будущаго священства [1]). Нѣтъ здѣсь только никакихъ указаній на представительство отъ мірянъ, участіе которыхъ, повидимому, не требовалось здѣсь потому, что соборъ имѣлъ спеціальныя пастырско-каноническія задачи. Клиръ же и въ особенности монашество были представлены на немъ, какъ видимъ, довольно полно и разнообразно [2]).

Въ управленіе церковью того же самаго митрополита—Іосифа Солтана происходилъ и еще одинъ соборъ, въ 1514-мъ году, по поводу прославленія памяти преп. Елисея Лаврышевскаго. Никакихъ подробностей объ этомъ соборѣ не сохранилось, но изъ одного авторитетнаго историческаго документа извѣстно, что онъ состоялъ изъ *нѣсколькихъ епископовъ, архимандритовъ и прочаго духовенства* [3]).

Недостатокъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ участіи мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ при этомъ митрополитѣ прекрасно восполняетъ грамота, данная м. Іосифомъ православнымъ гражданамъ Вильны (въ декабрѣ 1511 г.), опредѣляющая степень ихъ участія въ дѣлахъ своихъ приходскихъ церквей. „Поразсудивъ со всѣхъ крылосомъ соборныя церкви", митрополитъ согласился на просьбу виленскихъ гражданъ выбирать себѣ кандидатовъ во священники и присылать выборныхъ депутатовъ при провѣркѣ церковнаго имущества намѣстникомъ митрополита [4]).

---

[1]) Дѣянія Виленскаго собора полностію помѣщены въ „Русской Историч. Библіотекѣ, издаваемой археографической коммиссіей" IV т. 6—18 стр. Спб. 1878. Подробное изложеніе ихъ дано у *м. Макарія* „Исторія русской церкви". IX. 166—174. Спб. 1879.

[2]) По поводу представительства отъ монастырей, постоянно занимающаго такое важное мѣсто въ исторіи западно-русскихъ соборовъ, необходимо сдѣлать маленькую оговорку о значеніи и роли тогдашнихъ монастырей. Монастыри Юго-Западной Руси не были своеобразными, отрѣшенными отъ міра аскетическими оазисами, но являлись религіозно-нравственной силой, могущественно дѣйствовавшей на общественную жизнь. Они служили надежнымъ оплотомъ православія и лучшей оградой сдерживавшей напоры польско-католической пропаганды. Вотъ почему они обыкновенно и являлись центрами наиболѣе вліятельныхъ братствъ (Святодуховск. монастырь Виленскаго братства).

[3]) Изъ грамоты м. Іосифа въ супрасльскій монастырь отъ 2 Фев. 1514г. См. у *м. Макарія*, IX, 176 стр.

[4]) *М. Макарій*, IX, 180—181 стр.

Приблизительно отъ этого же времени сохранилось нѣсколько любопытныхъ данныхъ объ одномъ провинціальномъ соборѣ, бывшемъ въ городѣ Львовѣ въ 1522 г. при пріѣздѣ въ него новопоставленнаго епископа Макарія. Этотъ „соборикъ“ состоялъ изъ мѣстныхъ священниковъ, собравшихся подъ предсѣдательствомъ епископа Макарія. Интересъ этого собора состоитъ въ томъ, что онъ представляетъ собою какъ бы своего рода договоръ между епископомъ и его духовенствомъ, опредѣлявшій права и обязанности каждой изъ двухъ договаривающихся сторонъ. Въ частности епископу было предъявлено условіе, чтобы онъ возстановилъ „крылосъ и духовную справу“, т. е. устроилъ бы при своей каѳедрѣ нѣчто вродѣ постояннаго пресвитерскаго совѣта для коллегіальнаго рѣшенія всѣхъ церковно-судебныхъ дѣлъ. Характерно, что эта грамота „о правахъ клирошанъ“ утверждена была впослѣдствіи самимъ митрополитомъ и предлагалось, какъ нѣчто обязательное для руководства, и всѣмъ послѣдующимъ львовскимъ архіереямъ.

Слѣдующимъ по порядку изъ извѣстныхъ намъ Западно-Русскихъ соборовъ былъ соборъ въ Новгородѣ литовскомъ 22-го февраля 1540 г. Кромѣ самого митрополита (Макарія II-го) и шести епископовъ (Симеонъ—полоц. витеб., и мстислав., Геннадій—брестскій, Арсеній—луцкій и островскій, Вассіанъ—туровскій и пинскій, Арсеній — перемышльскій и самборскій и Іона—холмскій и бѣльскій), на немъ присутствовало и *четверо знатнѣйшихъ свѣтскихъ особъ* [1]).

Отъ середины XVI-го вѣка сохранилось два, хотя довольно неопредѣленныхъ, однако не лишенныхъ интереса, указанія на происходившіе тогда соборы. Такъ, въ грамотѣ короля Сигизмунда I (13-го февр. 1546 г.) говорится о томъ, какъ король, услышавши отъ многихъ князей и пановъ о нерядности и несправѣ межи духовенства греческаго закона такожъ межи князей и пановъ и простыхъ людей, и что епископы поступаютъ не по правиламъ свв. отецъ,“ предложилъ митрополиту созвать соборъ, на который и позвать, „кого-бы вѣдали не въ законѣ мѣщкающихъ“ [2]).

---

[1]) *М. Макарій*, IX, 247—8.

[2]) *Чистовичъ*, 207 стр. I ч.

Другое подобное же указаніе дается о виленскомъ соборѣ 1558 г., собранномъ по иниціативѣ митрополита Сильвестра Белькевича для разсужденій „къ постановленію вѣры и закону христіанскаго". Приступая къ устройству этого собора, митрополитъ испрашиваетъ у короля указа съ повелѣніемъ „всѣмъ епископамъ, архимандритамъ, преложеннымъ духовнаго стану закона греческаго, съѣхаться на соборъ въ часъ певный". А кто изъ архимандритовъ, позванныхъ на этотъ соборъ, не могъ на него явиться „про великую старость и зошлость вѣку его", то онъ обѣщалъ прислать за себя „духовнаго паученаго, прикладнаго и богобойнаго, давши и поручивши ему здавье свое" [1]).

Состоялся импровизированный соборъ въ Вильнѣ въ августѣ 1589 году, по случаю прибытія сюда константинопольскаго патріарха Іереміи, возвращавшагося изъ Москвы послѣ учрежденія въ ней патріаршества. Въ одной грамотѣ этого патріарха дано ясное указаніе на то, что ко времени его пріѣзда въ Вильну для низложенія стараго (Онисифора Дѣвочки) и избраніе новаго митрополита (Михаила Рагозы), тамъ находились митрополитъ, епископы, архимандриты, игумены, протоіереи и священники, т. е. цѣлый соборъ, какъ справедливо заявляетъ м. Макарій [2]).

Подобный же случайный соборъ составился еще разъ въ концѣ этого года (13-го ноября 1389), при проводахъ патр. Іереміи въ г. Тарнополѣ, куда съѣхалось къ этому времени не меньше пяти епископовъ. Главнымъ предметомъ соборнаго разсужденія служили пререканія, возникшія между львовскимъ епископомъ—Гедеономъ Балобаномъ и львовскимъ братствомъ, причемъ рѣшеніе состоялось въ пользу послѣдняго, т. е. братства.

Толчекъ къ реформамъ, данный пріѣздомъ двухъ восточныхъ патріарховъ (Іоакима и въ особенности Іереміи), не могъ пройти безслѣдно для Западно-Русской церкви: онъ возродилъ дѣятельность братствъ и тѣмъ самымъ привлекъ мірянъ къ дѣятельному и широкому участію въ церковныхъ дѣлахъ. „Міряне давно уже принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ Западно-русской церкви. Во время пребыванія

---

[2]) *Тамъ же*, 208, ст. 1.

[1]) *М. Макарій*, IX, 461.

патріарха въ Литвѣ, участіе это обнаружилось въ полной силѣ и какъ бы указано было, съ утвержденіемъ братствъ. Понимали ли эти міряне необходимость собора и знали—ли, что и Патріархъ требуетъ его,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Необходимо даже думать, что они прямо высказали митрополиту это требованіе и вмѣстѣ съ нимъ рѣшили,—гдѣ и какъ быть собору" [1]).

Совсѣмъ иными глазами смотрѣли на это дѣло епископы, для которыхъ участіе мірянъ на соборѣ было крайне нежелательнымъ, такъ какъ они справедливо ожидали, что міряне сильно ограничатъ ихъ безотвѣтственный и безнаказанный произволъ въ церковныхъ дѣлахъ. Въ этихъ видахъ епископы, сговорившись между собой, рѣшили воздѣйствовать на вновь избраннаго, безхарактернаго митрополита въ томъ смыслѣ, чтобы онъ созвалъ соборъ безъ всякаго участія мірянъ, изъ однихъ только епископовъ. Митрополитъ, сначала, повидимому, уступилъ и согласился устроить подобный епископскій съѣздъ въ г. Бельзѣ (холмской епархіи). Но затѣмъ, онъ одумался, измѣнилъ прежнее рѣшеніе и вмѣсто Бельзы назначилъ соборъ въ Брестѣ, на который были приглашены и міряне. Это и былъ одинъ изъ извѣстныхъ, брестскихъ соборовъ, который состоялся въ 1590 г.

Несмотря на это, епископы не думали, повидимому, сдаваться и осуществили, такъ сказать, конспиративнымъ путемъ свой тайный, епископскій соборъ въ г. Бельзѣ. Какъ можно догадываться изъ отдѣльныхъ намековъ различныхъ историческихъ памятниковъ той эпохи, главнымъ предметомъ разсужденій на этомъ епископскомъ соборѣ, или точнѣе—съѣздѣ, была борьба съ братствами, съ патронатомъ и вообще съ усилившимся вліяніемъ мірянъ на церковныя дѣла, служившимъ хотя и ко благу церкви, но къ ущербу епископской власти. Если же мы обратимъ вниманіе на то, что епископы, съѣзжавшіеся въ Бельзъ (Гедеонъ львовскій, Леонтій Холмскій, Кириллъ Терлецкій), были въ послѣдствіи главными устроителями уніи, то едва-ли ошибемся въ догадкѣ, что на томъ соборѣ, закрытомъ отъ глазъ мірянъ, чуть ли не впервые изобрѣтенъ и самый вопросъ объ уніи. Въ этомъ противодѣйствіи Православному Литовскому патро-

---

[1]) *Коялович* „Литовская церковная унія" I Спб. 1859. 82—83 стр.

нату, какъ показываетъ исторія уніи, сходились и завязывались самыя разнообразныя нити—шаткость вѣры, порочность жизни, страхъ суда, неудовольствіе противъ патріарха, честолюбіе и жажда выгодъ"[1])—справедливъ оказывается профессоръ Кояловичъ по поводу такого усиленнаго стремленія западно-русскихъ епископовъ удалить мірянъ отъ обсужденія церковныхъ дѣлъ.

Видное мѣсто среди Западно-русскихъ соборовъ занимаетъ соборъ 1590 года, происходившій въ г. Брестѣ. Онъ явился, какъ бы отвѣтомъ литовской митрополіи на приглашеніе Константинопольскаго патріарха—Іереміи II—къ серьезнымъ церковнымъ реформамъ. Изъ числа различныхъ мѣропріятій, рекомендованныхъ на этомъ соборѣ, мы отмѣтимъ только тѣ, которыя имѣютъ прямой интересъ для насъ. Таково, прежде всего, первое постановленіе, которымъ узаконялось, чтобы подобные соборы собирались въ Брестѣ ежегодно около 24-го іюня. Во вторыхъ, строго было установлено, что на соборѣ обязаны участвовать всѣ епископы непремѣнно и являться сюда не одни, а взявши съ собой „всѣхъ своихъ архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и священниковъ, въ письмѣ Божіемъ ученыхъ". Въ третьихъ, разбирая распрю Львовскаго епископа—Гедеона Балабана съ Львовскимъ ставропигіальнымъ братствомъ, соборъ сталъ на сторону братства и утвердилъ его полную независимость отъ мѣстнаго епископа. Наконецъ,—что для насъ особенно важно,—въ составъ этого собора, какъ видно изъ подписей подъ одной изъ его грамотъ, находились и „многіе знатные свѣтскіе чины", вѣроятно, представители различныхъ ставропигіальныхъ братствъ[2]).

Соборы, собиравшіеся ежегодно 24-го іюня въ г. Брестѣ (согласно постановленію собора 1590 г.), производятъ довольно неопредѣленное впечатлѣніе: съ одной стороны, мы видимъ, что они довольно энергично отстаиваютъ права Львовскаго братства отъ посягательствъ мѣстнаго епископа—Гедеона Балабана; съ другой стороны, на нихъ, (какъ напр. на соборѣ 1591 г.) несомнѣнно шла и подготовка къ заключенію уніи, по крайней мѣрѣ, со стороны епископовъ.

---

[1]) *Кояловичъ*—89 стр.

[2]) Митрополитъ *Макарій*—IX, 497—502.

Сравнительно бо́льшій интересъ для насъ имѣетъ грамота собора 1594 года, изъ которой видно, что количество церковныхъ братствъ и число ихъ представителей на соборѣ къ этому времени сильно возросло. „На соборѣ, по свидѣтельству ея, присутствовали послы отъ братствъ, не только намъ уже извѣстныхъ,—Виленскаго, Львовскаго, Брестскаго, но и бывшихъ доселѣ неизвѣстными:—Краспоставскаго, Большапскаго, Городецкаго, Галицкаго, Бѣльскаго и *многихъ* другихъ“)[1]. Отсюда ясно, что и представительство отъ мірянъ на соборѣ стало еще многочисленнѣе и сильнѣе.

Представительство отъ бѣлаго духовенства и отъ мірянъ являлось на соборахъ ограниченіемъ произвола епископовъ и оплотомъ православія отъ надвигавшейся грозы уніи. Слѣдовательно это представительство на православныхъ соборахъ было крайне желательно и необходимо. Но интересно, что его всячески избѣгала другая сторона, хлопотавшая объ уніи. Такъ извѣстный Львовскій епископъ Гедеонъ, разошедшійся съ православной партіей по вопросу о Львовскомъ братствѣ, созвалъ у себя въ Львовѣ соборъ 28 января 1595 г., на которомъ рѣшено было „спасеное дѣло святой уніи съ римскимъ престоломъ окончить безъ отлагательства“. Подъ актомъ собора стоятъ подписи еще двухъ епископовъ, четырехъ архимандритовъ, двухъ игуменовъ, четырехъ протопоповъ, а также нѣсколькихъ архіерейскихъ намѣстниковъ, іеромонаховъ, священниковъ и монастырскихъ старцевъ;[2]) но здѣсь нѣтъ ни одной подписи мірянина. Вотъ типичный образчикъ того, какъ опасно можетъ быть исключеніе мірянъ изъ собора и куда можетъ привести одно чисто клерикальное представительство.

Весьма знаменательно, что по мѣрѣ усиленія уніатской партіи въ ней ослабѣвало чувство соборности, уступая свое мѣсто единоличному властительству епископовъ. Всего откровеннѣе это выражено въ грамотѣ короля Сигизмунда III къ князю Острожскому, гдѣ читаемъ такія любопытныя строки: „что-же касается до съѣзда или собора (?), о которомъ просили насъ сами ваши епископы, то онъ намъ не угоденъ. Судить о дѣлахъ спасенія принадлежитъ власти пастырей; за ними и мы обязаны идти, какъ за нашими пастырями,

---

[1]) Митрополитъ *Макарій*,—IX, 546.

[2]) Митрополитъ *Макарій*,—IX, 595.

не испытывая, чему учатъ тѣ, которыхъ Духъ Святый далъ намъ въ вождп до конца жизни. Притомъ же такіе съѣзды, обыкновенно, болѣе затрудняютъ дѣла, нежели приносятъ какую-либо пользу“ [1]). Какъ хорошо знакомы намъ эти слова: какъ часто и почти буквально слышимъ мы ихъ и въ наши дни изъ устъ различныхъ духовныхъ и свѣтскихъ мнимыхъ ревнителей вѣры и церкви!

Путемъ такихъ тайныхъ епископскихъ происковъ унія была, наконецъ, формально заключена въ концѣ 1595 г. Это обстоятельство еще сильнѣе сплотило ряды православныхъ міряпъ и вызвало энергичный протестъ съ ихъ стороны. Трезвый, предостерегающій отъ нея голосъ раздался еще до заключенія уніи, въ письмѣ князя Константина Острожскаго къ епископу Ипатію Поцѣю: „дѣло единенія церквей само по себѣ дѣло доброе и желанное, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло великое и важное. Нельзя вести его легко и въ одночку, т. е. одной Западной Руси и ея владыкамъ. Это дѣло всей вселенской церкви.... Надо-бы дѣло вести чисто и свято, чтобы единеніе церквей было истиннымъ единеніемъ вѣры и любви, съ сохраненіемъ православнаго ученія Вселенской церкви“ [2]). Еще сильнѣе, еще энергичнѣе и рѣзче зазвучалъ голосъ этого князя послѣ заключенія позорной уніи, когда онъ выступилъ съ обличеніемъ ея виновниковъ: „въ нынѣшнія времена злохитрыми кознями вселукаваго діавола сами главные начальники нашей вѣры, прельстившись славою сего свѣта и помрачившись тьмою сластолюбія, наши мнимые пастыри, митрополитъ съ епископами, претворились въ волковъ...., прикрывая только въ себѣ внутренняго волка кожей своего лицемѣрія, какъ овчиною, они тайно согласились между собой собой, окаянные, какъ христопродавецъ Іуда съ жидами, отторгнуть православныхъ христіанъ здѣшней области, безъ ихъ вѣдома, и впрпуть съ собою въ погибель“ [3])....

Вскорѣ православная паства услышала и мужественный голосъ одного епископа, который прежде боролся съ Львовскимъ братствомъ и хлопоталъ объ уніи, а теперь раскаялся

---

[1]) М. *Макарій*, IX, 595.

[2]) *Малышевскій* „Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность“ 1904 г. Спб. 1892.

[3]) *Малышевскій*, 195—196 стр.

и перешелъ на сторону православныхъ. То былъ Гедеонъ Балобанъ, который теперь примирился съ своимъ братствомъ и въ союзѣ съ нимъ ополчился на унію. „Постановленіе о ней—писалъ между прочимъ Гедеонъ—составлено въ противность правиламъ и обычаямъ нашей православной вѣры, нашимъ правамъ и вольностямъ, безъ вѣдома и дозволенія патріарховъ, нашихъ духовныхъ начальниковъ, безъ совѣщанія духовнаго собора, а также *безъ воли свѣтскихъ сословій, какъ знатныхъ старожитныхъ сословій, такъ простыхъ людей православной вѣры, безъ согласія которыхъ мы ничего дѣлать не желаемъ*» [1]). Высокая важность этого историческаго свидѣтельства ясна сама собою: оно принадлежитъ епископу, слѣдовательно лицу освѣдомленному, и удостовѣряетъ древность традиціи православной церкви не предпринимать никакого важнаго рѣшенія безъ всеобщаго согласія всѣхъ членовъ церкви, а слѣдовательно и мірянъ, притомъ не только родовитыхъ и важныхъ, но и простыхъ обывателей.

Съ не меньшей силой противъ такого епископальнаго произвола протестовало и низшее православное духовенство. Такъ въ письмѣ виленскаго духовенства къ воеводѣ Ѳедору Скумину читаемъ, напр. слѣдующія поучительныя строки: „наши владыки вмѣсто того, чтобы собираться на соборы въ Брестѣ въ назначенное время для всего духовенства, вздумали собираться между собою на тайные съѣзды... Тогда узнавъ достовѣрно, что владыки и митрополиты сдѣлали то (т. е. заключили унію) тайно, безъ вѣдома патріарховъ, низшаго духовенства и всѣхъ православныхъ христіанъ, мы—все православное виленское духовенство, протестовали предъ Богомъ и всѣмъ христіанскимъ народомъ, какъ въ книгахъ нашихъ духовныхъ, такъ и во всѣхъ урядахъ свѣтскихъ, что мы о такомъ отступленіи отъ нашихъ святѣйшихъ патріарховъ не мыслили и не знали, и на то не соизволяли, и обязуемся непоколебимо стоять при всемъ благочестіи св. восточной соборной церкви“ [2]). „Нельзя здѣсь не отдать чести тогдашнимъ православнымъ священникамъ Литовской столицы и во главѣ ихъ достойному о. протопопу Ивану Царѣевичу—добав-

---

[1]) *Тамъ-же*, 197 стр.

[2]) М. *Макарій*, IX, 610.

ляетъ нашъ извѣстный историкъ—м. Макарій: „всѣ они уже перенесли, за свою ревность о православіи, шестинедѣльное запрещеніе священнослуженія отъ митрополита; всѣ, по его требованію, явились къ нему на судъ... и не смотря на это, не переставали смѣло протестовать противъ уніи, ратовать за отеческую вѣру и тѣмъ подавать примѣръ прочему духовенству и мірянамъ“ [1]).

Особенно сильно пришлось пострадать знаменитому виленскому проповѣднику—Стефану Зизанію. Задѣтый за живое его сильными и смѣлыми обличеніями въ двоедушіи и вѣроломствѣ, м. Михаилъ Рагоза посылаетъ ему особую запретительную грамоту, въ которой, между прочимъ, пишетъ: „ты возгордился, пеистовствуешь противъ всѣхъ насъ, своихъ пастырей, и попралъ повелѣніе наше; ты не въ правѣ никого судить и обличать, не имѣя духовнаго сана, а между тѣмъ безстудно порицаешь съ амвона всѣхъ духовныхъ, отъ высшихъ до низшихъ; ты въ Вильнѣ возмущаешь церкви, раздвоилъ народъ и особенно въ послѣднее время, яришься и клевещешь на пастырей и на наше церковное управленіе“. За всѣ эти вины митрополитъ лишалъ Стефана не только права проповѣдывать въ церкви, но даже читать и пѣть на клиросѣ [2]).

Самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ соборовъ западно-русской митрополіи былъ, безъ сомнѣнія, Брестскій соборъ 1596 года: на немъ произошло рѣшительное столкновеніе православной и уніатской партій и ихъ окончательное раздѣленіе. „Никогда въ западно-русской церкви не было собора, который представлялъ-бы собою такую торжественность и величіе, какъ соборъ 1596 года въ Брестѣ Литовскомъ“. [3]) Въ виду чрезвычайной важности вопросовъ предстоящаго собора, затрогивавшихъ самые дорогіе національные и религіозные интересы, составъ этого собора былъ особенно полнымъ и разнообразнымъ. По своему отношенію къ уніи участники этого собора еще до начала его засѣданій видимо подѣлились на два лагеря, весьма не равныхъ по числу членовъ. Православная сторона была представлена гораздо

---

[1]) М. *Макарій*, IX, 611.

[2]) Тамъ же, 612 стр.

[3]) *Кояловичъ*—„Литовская церковная унія“—159. Спб. 1859.

богаче и полнѣе. Во главѣ ея стояли два патріаршихъ экзарха. Никифоръ, замѣститель Константинопольскаго патріарха и Кириллъ Лукарисъ представитель—Александрійскаго. Кромѣ нихъ, съ Востока же прибыли еще слѣдующіе лица: Лука—митрополитъ Велиградскій, Макарій—архимандритъ монастыря, Симона—Петра на св. горѣ, по порученію Паисія епископа, и Матѳей — архимандритъ святогорскаго Пантелеймонова монастыря, по порученію Амфилохія епископа. Изъ русскихъ на сторонѣ православныхъ были только два епископа: Гедеонъ Балобанъ — епископъ Львовскій и Михаилъ Копыстенскій, епископъ перемышльскій. Но съ ними прибыли еще девять архимандритовъ, два игумена и множество протоіереевъ, священниковъ и монаховъ, по одному свидѣтельству не менѣе 106-ти, а по другому—болѣе 200 человѣкъ. Наконецъ, въ качествѣ защитниковъ православія прибыли на соборъ многіе знатные вельможи, представители братствъ и депутаты отъ городовъ и приходовъ. Среди нихъ особенно выдавались: кн. К. К. Острожскій съ своимъ сыномъ Александромъ, воеводою волынскимъ; князь Александръ Полубенскій—Каштелянъ Новгородскій; стольникъ земли волынской—Андрей Боговитинъ, судья земскій Луцкій—Чаплычъ, судья городской Владимірскій—Павловичъ и другіе. Въ числѣ пословъ одни были отъ воеводствъ и повѣтовъ: литовскаго, кіевскаго, русскаго, волынскаго, брацлавскаго, перемышльскаго, пинскаго; другіе—отъ городовъ: Вильны, Львова, Пинска, Бѣльска, Бреста, Каменца Подольскаго, Кіева, Владиміра, Минска, Слуцка, и другіе; третьи—отъ братствъ виленскаго и львовскаго. „Не должно удивляться—замѣчаетъ преосвящен. Макарій—что на соборъ съѣхалось такое множество не однихъ духовныхъ, но и міряпъ: самъ король и потомъ митрополитъ приглашали на этотъ соборъ своими грамотами всѣхъ православныхъ, а митрополитъ еще прибавлялъ, что если кто не можетъ пріѣхать, то прислалъ-бы своихъ пословъ [1])"...

Уніатская партія была представлена значительно хуже и бѣднѣе: ея главную силу составляли западно-русскіе епископы, послы папы и послы короля. Изъ числа первыхъ, т. е. епископовъ, здѣсь присутствовали: самъ митрополитъ—

---

[1]) *М. Макарій*, IX, 654.

Михаилъ Рогоза, еп. владимірскій—Ипатій Поцѣй, еп. Луцкій—Кириллъ Терлецкій, полоцкій еп.—Германъ, пинскій—Іона, холмскій—Діонисій и при нихъ три архимандрита. Послами отъ папы были: Янъ Димитрій Соликовскій—архіепископъ Львовскій, Бернардъ Маціевскій—епископъ Луцкій, Станиславъ Гомолицкій—епископъ холмскій и съ ними четыре іезуита во главѣ съ знаменитымъ Петромъ Скаргой. Представителями короля были назначены: гетманъ литовскій—Христофоръ—Николай Радзивиллъ, канцлеръ—Левъ Сапѣга и подскарбій—Димитрій Халецкій со множествомъ другихъ знатныхъ и незнатныхъ лицъ, имена которыхъ, къ сожалѣнію, остались неизвѣстны.

Уже изъ одного этого перечня сторонниковъ той и другой партіи видно, что обѣ партіи для авторитетности собора считали необходимымъ довольно широкое и разнообразное представительство отъ всѣхъ членовъ церкви и слоевъ населенія. Равнымъ образомъ отсюда же ясно, что православная партія гораздо правильнѣе и шире смотрѣлъ на дѣло, допуская выборы отъ повѣтовъ, городовъ, братствъ и т. п.; тогда какъ уніатская партія свободные выборы замѣняла административнымъ назначеніемъ (послы отъ папы и отъ короля).[1])

Мы опускаемъ здѣсь подробности тѣхъ обмановъ, увертокъ и интригъ, путемъ которыхъ уніатская партія не допустила православную до совмѣстнаго соборнаго обсужденія дѣла и произвела открытый расколъ, заставивши православную партію устроить свой особый соборъ, отдѣльный отъ уніатскаго; а прямо переходимъ къ болѣе подробному описанію православнаго собора, картина котораго можетъ дать нѣкоторые поучительные уроки и для нашего времени.

Прежде всего, всѣ многочисленные участники православнаго собора, (собравшагося, къ слову сказать, въ силу необходимости, даже въ частномъ домѣ, такъ какъ церкви были заперты, по распоряженію мѣстнаго уніатствующаго епископа—Ипатія Поцѣя) раздѣлились на двѣ половины, или кола: *коло духовное и коло свѣтское*, каждое изъ которыхъ засѣдало особо. Духовное коло имѣло своими предсѣдателями патріаршихъ экзарховъ—Никифора и Кирилла и выбрало

---

[1]) Объ этомъ составѣ собора и документахъ, на основаніи которыхъ онъ воспроизводится, см. у *м. Макарія*—IX, 653—655.

еще двухъ примикріевъ: протопопа заблудовскаго—Нестора, для наблюденія за порядкомъ въ засѣданіяхъ и проповѣдника—Игнатія, для завѣдыванія соборными нотаріями. Свѣтское коло, имѣвшее фактическимъ своимъ предсѣдателемъ, по всей вѣроятности, кн. К. К. Острожскаго, избрало еще маршалкомъ, т. е. распорядителемъ Демьяна Гулевича, бывшаго волынскаго посла.

Передъ началомъ засѣданій духовные члены собора освятили зало по православному, прочитали молитвы, обычныя передъ открытіемъ собора и посрединѣ своего духовнаго кола положили на аналоѣ святое Евангеліе. Первый день соборнаго засѣданія—6-ое Октября открытъ былъ рѣчью Гедеона Балобана, свидѣтельствовавшаго о своей вѣрности православію и объ измѣнѣ ему митрополита и другихъ владыкъ. Затѣмъ, хотѣли приступить къ разбирательству самаго дѣла, но вспомнили, что посольство, отправленное къ митрополиту еще накапунѣ, не возвратилось, и рѣшили сначала дождаться его и узнать объ результатахъ. Въ это время выступили было нѣкоторые изъ пословъ отъ различныхъ воеводствъ, повѣтовъ и городовъ съ заявленіями о данныхъ имъ инструкціяхъ; но соборъ, за позднимъ временемъ, отложилъ выслушиваніе ихъ до другого времени. На этомъ и закончилось засѣданіе перваго соборнаго дня.

На другой день—7-го октября было снаряжено вторичное посольство къ митрополиту и епископамъ съ предложеніемъ явиться на соборъ. Посольство состояло изъ трехъ архимандритовъ, двухъ протопоповъ и одного пресвитера—нотарія Андрея, которому и вручень былъ парагностикъ. Послы, воротившись, заявили, что митрополитъ принялъ ихъ съ яростію и презрѣніемъ. Такъ безрезультатно окончился и второй день соборныхъ засѣданій.

На третій день—8-го октября хотѣли было уже приступить къ суду надъ митрополитомъ и епископами; но по совѣту предсѣдателя рѣшили отъ имени собора послать къ митрополиту въ третій и послѣдній разъ—трехъ архимандритовъ, четырехъ протопоповъ и при нихъ нотарія—Григорія съ парагностикомъ. На этотъ разъ послы скоро возвратились и принесли такой отвѣтъ: „что сдѣлано, то уже сдѣлано, и иначе быть или передѣлаться не можетъ; хорошо или худо мы поступили, только мы отдались западной церкви“. Послѣ

этого соборъ выслушалъ рядъ рѣчей, которыя были произнесены предсѣдателемъ собора—экзархомъ Никифоромъ, кіевопечерскимъ архимандритомъ—Никифоромъ Туромъ и представителями братствъ, городовъ и повѣтовъ. Во всѣхъ этихъ рѣчахъ единодушно отвергалась унія и осуждалось преступное поведеніе митрополитовъ и епископовъ, самовольно, безъ вѣдома и согласія, духовенства и народа, заключившихъ эту ненавистную всѣмъ унію, „Всѣ мы, православные, говорилъ Никифоръ Туръ,—не только находящіеся здѣсь на соборѣ, но и оставшіеся по домамъ, рѣшительно не желаемъ уніи. Объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать *и міряне, имѣющіе инструкціи отъ своихъ собратій*“ [1])

Въ срединѣ этихъ разсужденій было получено извѣстіе, что прибыли королевскіе послы, въ качествѣ делегатовъ уніатскаго собора и желаютъ говорить съ депутатами православнаго собора. Въ составѣ посольства находился, между прочимъ, и извѣстный іезуитъ—Петръ Скарга. Онъ вызвалъ кн. К. Острожскаго и его сына Александра въ особую уединенную комнату и пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы склонить ихъ на свою сторону. Замѣтивъ это, экзархъ Никифоръ послалъ сказать Скаргѣ, что ему, „вмѣсто діалектическихъ упражненій въ какомъ нибудь углу, приличнѣе было-бы придти въ засѣданіе собора и вести открытый диспутъ съ учеными богословами“. [2])

На предложеніе королевскихъ пословъ, православный соборъ отвѣтилъ избраніемъ восьми депутатовъ—по четверо отъ кола духовнаго и отъ кола свѣтскаго. Сюда-же добровольно, хотя и съ согласія собора, присоединились и оба русскихъ епископа съ нѣсколькими священниками. Королевскіе послы упрекнули обоихъ владыкъ въ репегатствѣ дѣлу уніи, старались очернить Никифора, предсѣдателя собора, какъ бѣглеца и турецкаго шпіона, и унижали значеніе православнаго собора за то, что онъ собрался не въ церкви, а въ частномъ домѣ и за то, что на немъ *свѣтскіе люди вмѣшиваются въ церковныя дѣла*. Особенно характеристиченъ послѣдній упрекъ—о вмѣшательствѣ мірянъ въ церковныя дѣла: изъ него видно,что всѣ тѣ, кто ратуетъ за устраненіе мірянъ

---

[1]) Малышевскій—205.

[2]) М. Макарій IX, 665.

отъ участія въ церковныхъ дѣлахъ, стоятъ не на православной, а на чисто католической почвѣ, исключающей подобное вмѣшательство въ область клерикальныхъ интересовъ.

Четвертый день соборныхъ засѣданій былъ послѣднимъ и рѣшительнымъ: на уніатскомъ соборѣ была торжественно признана унія, а на православномъ сдѣлано ея осужденіе и низложеніе митрополита и епископовъ. „А въ дополненіе къ этому приговору отъ лица всѣхъ членовъ собора, духовныхъ и мірянъ, было опредѣлено: просить короля черезъ депутатовъ, чтобы онъ не удерживалъ низложенныхъ архипастырей въ ихъ теперешнемъ служеніи, лишилъ ихъ того духовнаго хлѣба, которымъ они доселѣ пользовались и благоволилъ на мѣсто ихъ назначить для православныхъ другого митрополита и владыкъ.“. [1]) Въ заключеніе всего былъ составленъ слѣдующій энергичный протестъ противъ уніи: „мы сенаторы, сановники, урядники и рыцарство, а также и духовныя лица греческой вѣры, сыны восточной церкви, собравшіеся сюда въ Брестъ на соборъ, достовѣрно узнали нынѣ отъ самихъ вельможныхъ пановъ, присланныхъ на соборъ его королевской милостью, что они съ митрополитомъ и нѣсколькими владыками, отступниками отъ греческой церкви, составили и обнародывали, безъ нашего вѣдома и противъ нашей свободы и всякой справедливости, какую-то унію между церквами восточной и западной. Мы протестуемъ противъ всѣхъ этихъ лицъ и ихъ несправедливаго дѣянія и обѣщаемся не только не подчиняться, но, съ Божьей помощью, всѣми силами сопротивлятся имъ, а наше постановленіе, сдѣланное противъ нихъ, будемъ подкрѣплять и утверждать всѣми возможными средствами, и особенно нашими просьбами передъ его королевской милостью“. [2])

Оба собора—православный и уніатскій—представили свое постановленіе на утвержденіе короля—Сигизмунда III. Ясно, что онъ могъ утвердить только рѣшеніе уніатскаго собора; православная же партія, какъ со стороны короля, такъ еще больше, со стороны митрополита и епископовъ-уніатовъ, принуждена была испытать цѣлый рядъ систематическихъ гоненій.

---

[1]) *М. Макарій* IX, 672.

[2]) *М. Макарій* IX, 673.

Въ эту тяжкую и смутную пору для православной Руси ея главными защитниками опять выступили православныя братства и вліятельные паны и князья, находившіе себѣ энергичную поддержку со стороны восточныхъ патріарховъ. Вотъ что напр. писалъ къ нимъ Александрійскій патріархъ —знаменитый Мелетій Пигасъ въ своемъ окружномъ посланіи въ западную Русь: „Мужи россійскіе, воспитанники благочестія, защитники православія, а предъизволеніемъ уже и мученики, какъ противящіеся державнымъ властямъ, ради благочестія.... О христоименитая овчата Христова стада, отъ Христа научившіяся не слушать голоса чужихъ пастырей и не слѣдовать за ними! О, земные ангелы, подражающіе небеснымъ ангеламъ, не ниспадшимъ съ Денницей! Великое чудо благодати Божіей проявилось въ васъ въ томъ, что она отвратила васъ отъ бывшихъ владыкъ вашихъ, которые возлюбили нынѣшній вѣкъ и отпали отъ благочестія и православія! Вы же пребыли непоколебимыми въ богопреданномъ ученіи вѣры, ученіи Христовомъ, апостольскомъ, святоотеческомъ“!...[1])

Участіе нѣкоторыхъ, наиболѣе сильныхъ и вліятельныхъ мірянъ, въ дѣлахъ православной церкви выразилось напр. въ такомъ характерномъ фактѣ, какъ постановленіе Минскаго съѣзда дворянъ 1612 г., которымъ они обязались грудью отстаивать интересы православной церкви и въ частности—основаннаго здѣсь монастыря и церкви свв. апостоловъ—Петра и Павла. Подъ этимъ постановленіемъ имѣются печати и подписи 52 лицъ, наиболѣе видныхъ дворянскихъ фамилій. А самый энергичный и мужественный защитникъ православія—кн. К. К. Остроякій получилъ даже отъ константинопольскаго патріарха титулъ экзарха, т. е. блюстителя вѣры и какъ бы замѣстителя самого цареградскаго патріарха[2]). Вотъ какъ далеко заходило участіе православныхъ мірянъ въ дѣлахъ ихъ гонимой церкви!

Самымъ тяжелымъ и смутнымъ временемъ для православной церкви въ юго-западной Руси были первые 25 лѣтъ послѣ Брестскаго собора, когда она имѣла сначала, двухъ, а потомъ даже только одного своего епископа (Іеремію Тиссаровскаго—въ Львовѣ).

---

[1]) *Малышевскаго*—220.

[2]) Ibidem—243.

Возрожденіе высшей православной іерархіи, а отсюда и улучшеніе въ положеніи православной церкви началось съ 1620 г.—съ пріѣзда въ Кіевъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана. На возвратномъ пути изъ Москвы, гдѣ Ѳеофанъ возвелъ въ патріархи отца царя—извѣстнаго п. Филарета—отрядъ запорожцевъ, во главѣ съ гетманомъ Петромъ Сагайдачнымъ, съ великою честью встрѣтилъ патріарха Ѳеофана и пригласилъ его къ себѣ въ Кіевъ. Здѣсь казаки помѣстили патріарха въ келліяхъ Богоявленскаго монастыря и по выраженію Густинской лѣтописи—„обточили его стражбою, аки пчелы матицу свою". Пользуясь пребываніемъ патріарха, казаки и другіе ревнители православія, „почали раду въ томъ чинити, жебы могли пастырей православныхъ мѣти въ Церкви своей". Патріархъ нѣкоторое время, повидимому, колебался, боясь короля и ляховъ. Но гетманъ Сагайдачный и все запорожское казачество дали клятву, что они „берутъ святѣйшаго патріарха на свои рамена и на свою опеку". Тогда патріархъ согласился и предоставилъ имъ самимъ избрать и указать ему достойныхъ епископства лицъ.

Такимъ путемъ, въ глубокой тайнѣ отъ латино-польскихъ и уніатскихъ властей, подъ надежной охраной казаковъ была совершена хиротонія—Исаіи Копинскаго, въ епископа Перемышльскаго, Іова Борецкаго—въ митрополита кіевскаго и галицкаго и Мелетія Смотрицкаго, въ архіепископа полоцкаго; а впослѣдствіи еще трехъ лицъ на каѳедры—владиміро-волынскую, холмскую и луцкую, Такимъ образомъ, „православный Востокъ, въ лицѣ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, оказалъ православной Руси весьма цѣнную услугу въ очень трудный для нея моментъ. Честь и слава запорожскому казачеству, которое, главнымъ образомъ, заботилось о возстановленіи западно-русской церковной іерархіи"! [1]).

Возстановленіе православной іерархіи не замедлило вскорѣ же сказаться важными и благодѣтельными послѣдствіями для судебъ православной церкви въ западномъ краѣ. Однимъ изъ первыхъ осязательныхъ послѣдствій былъ соборъ,

---

[1]) Протоіерея *П. І. Орловскаго* „Участіе запор. казаковъ въ возстановленіи іерусалим. патр. Ѳеофаномъ православной западно-русской, церковной іерархіи въ 1620 г." Тр. Кіев. Дух. Академіи 1905 г. Августъ 648 стр.

созванный на слѣдующемъ же—1621 году въ г. Кіевѣ и болѣе извѣстный подъ именемъ „*совѣщанія о благочестіи*“. Хотя соборъ этотъ, какъ показываетъ и самое его названіе, былъ, такъ сказать, чисто пастырскимъ совѣщаніемъ вновь возрожденной православной іерархіи, однако на немъ не только не было никакого принципіальнаго отрицанія участія міранъ въ церковной жизни, но наоборотъ, было выражено ясное желаніе ихъ широкаго и постояннаго привлеченія къ церковнымъ интересамъ. Въ ряду постановленій этого собора обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, слѣдующія: ежегодно созывать, по церковнымъ правиламъ, соборы, на которыхъ епископы прежде сами себя должны исправлять, а затѣмъ устроять и то, что относится къ духовному клиру и міранамъ; учреждать по городамъ школы и братства; *не гнѣваться на младшихъ и низшихъ степенью, если бы они архіереямъ и другимъ начальникамъ что-нибудь напомнили, или отъ чего ихъ предостерегли*[1]). Послѣднее постановленіе дѣлаетъ особенную честь епископамъ православной западной Руси, такъ какъ это свидѣтельствуетъ объ ихъ правильномъ взглядѣ на дѣло и объ ихъ готовности пожертвовать мелочными, эгоистическими интересами для общаго блага всей церкви [2]). Разрозненныя силы православной іерархіи еще не скоро могли соорганизоваться, и постановленіе собора 1621 г. о ежегодныхъ соборахъ не сразу вошло въ жизнь. Первое извѣстіе объ этомъ, да и то очень глухое, дошло до насъ отъ собора 1627 г. въ г. Кіевѣ, На немъ присутствовали, повидимому, и міряне, какъ можно догадываться объ этомъ

---

[1]) *М. Макарій* „Исторія русской церкви“ XI, 285—286, С-пб. 1882.

[2]) Въ виду особенной важности этого постановленія, приведемъ его въ болѣе полной редакціи: „пусть не будетъ стыда слушать меньшихъ и отъ нихъ научаться.... Не слѣдовать же тому безбожному папскому правилу, за которое всеблаженнѣйшій патр. Александрійскій Мелетій порицаетъ папу и его служителей. Ибо дворъ римскій осмѣлился установить такое правило, что хотя-бы папа тьму людей влекъ за собою въ адъ, никто не долженъ сказать ему: стой! что ты дѣлаешь? Если же архіереи и другіе настоятели любовью допускаютъ дѣлать себѣ замѣчаніе и будутъ исполнять все предписанное: то отцы въ сынахъ и сыны въ отцахъ пребывать будутъ, и такимъ образомъ послѣдуетъ согласіе и приверженность къ нимъ народа“. Памятн. Кіев. коммисіи, т. I, отд. I, 224 и слѣд. См. у *Флерова* „О православныхъ церковныхъ братствахъ“ 13 стр. Спб. 1857 г.

на основаніи факта присутствованія на соборѣ Петра Могилы, который въ то время былъ еще свѣтскимъ человѣкомъ [1]).

Но, собственно говоря, первый послѣ уніи полный православный соборъ состоялся лишь въ 1628 году. Въ своей пригласительной на этотъ соборъ грамотѣ митрополитъ Іовъ заявлялъ, что хотя идетъ уже восьмой годъ съ того времени, какъ православная церковь снова получила высшую іерархію, и что хотя уже много разъ онъ созывалъ къ себѣ православныхъ для совѣщаній о дѣлахъ благочестія, но ни разу не удалось ему собрать полнаго собора изъ всѣхъ епископовъ и представителей отъ церковныхъ братствъ. И вотъ теперь онъ, по изволенію Духа Святаго, вмѣстѣ съ находящимися при немъ епископами, архимандритами и другими духовными и свѣтскими лицами, созываетъ въ Кіевѣ на праздникъ Успенія *полный соборъ* и проситъ прислать на него выборныхъ людей отъ всѣхъ повѣтовъ изъ среды духовенства, дворянства, братства и всего православнаго народа. Соборъ этотъ, дѣйствительно и открылся 13-го Августа, въ Кіево-печерской лаврѣ. На немъ, подъ предсѣдательствомъ м. Іова Борецкаго, присутствовали три епископа: Исаакій луцкій, Паисій холмскій и Авраамій пинскій, нѣсколько архимандритовъ, въ томъ числѣ и извѣстный Петръ Могила, и множество чернаго и бѣлаго духовенства, равно какъ и лицъ свѣтскаго званія. Однимъ изъ главныхъ дѣяній этого собора былъ судъ и обличеніе епископа Мелетія Смотрицкаго, заподозрѣннаго въ уніи. Мелетій мужественно, хотя, какъ оказалось, и лицемѣрно отрекся здѣсь отъ уніи и разорвалъ свои подозрѣваемыя сочиненія.

Очень интересныя и поучительныя свѣдѣнія сохранила намъ исторія о кіевскомъ церковномъ соборѣ 1629-го года. Онъ созванъ былъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ, по иниціативѣ короля Сигизмунда III, хотя и съ согласія м. Іова, утвердившаго приглашеніе „своей властной рукой“. По силѣ этой грамоты на соборъ приглашались люди „всякаго достоинства духовнаго и свѣцкаго, высокаго шляхетнаго и нижайшаго Посполитаго Стану“ [2])

---

[1]) *С. Голубевъ* „Матеріалы для исторіи западно-русской церкви, № 57, стр. 323. *Зубрицкаго* лѣтопись львовскаго братства“. *См. у Макарія*, XI, 344

[2]) Свѣдѣнія объ этомъ соборѣ заимствованы изъ недавней спеціальной статьи протоіерея *П. І. Орловскаго* „Кіевскій церковный Соборъ 1629 года“.

Однако, такъ какъ соборъ этотъ имѣлъ, по мысли короля, своей задачей подготовить православныхъ къ примиренію съ уніатами, то онъ вызвалъ противъ себя довольно рѣзкія возраженія съ разныхъ сторонъ. Такъ уже 29-го апрѣля 1629 г., т. е. спустя съ небольшимъ двѣ недѣли послѣ отпечатанія пригласительной грамоты, православные жолнерскаго польскаго полка, прислали къ митрополиту слѣдующее письмо: „дошло до насъ изъ русскихъ странъ (а они стояли въ предѣлахъ Пруссіи) извѣстіе, что отъ короля нашего, отъ Посполитой Рѣчи и папы римскаго послѣдовали лукавые замыслы, т. е. что они хотятъ привести всѣхъ насъ изъ Греческой вѣры въ унію... Ради самого Господа Бога умоляемъ всѣхъ, которые будутъ присутствовать на предназначенномъ Кіевскомъ соборѣ, заявить тамъ, что всѣ мы, сколько насъ ни есть въ польскомъ войскѣ въ Пруссахъ, для защиты нашей святой вѣры готовы пролить нашу кровь... Этотъ листъ при полномъ собраніи нашего товарищества подъ Мальборкомъ властными руками подписали 29 апрѣля 1629 г. Андрей Шмарчевскій съ повѣту жидочевскаго; Александръ Галатицкій съ княжества литовскаго; Иванъ Жишевскій съ повѣту Галичскаго; Илья Боярскій съ повѣту Каменецкаго; Иванъ Соколовскій съ повѣту Винницкаго, Иванъ Попель съ повѣту Премыскаго“ [1]).

Еще опредѣленнѣе и рѣзче звучитъ другая протестація, поданная православными Кіевскаго воеводства. Разоблачивши тайныя намѣренія короля—дать торжество уніи, авторы протестаціи категорически заявляютъ: „а такъ какъ соборы, предназначенные по универсалу короля, безъ ихъ вѣдома и согласія, имѣютъ, повидимому, иную цѣль (а не торжество православной истины), то они обитатели воеводства Кіевска-

---

Тр. Кіев. Дух. Академіи 1905 г., августа, 651 и слѣд. Тамъ, между прочимъ, приводится отрывокъ изъ неопубликованной еще нигдѣ пригласительной грамоты м. Іова, начало которой таково: „Іовъ Борецкій, милостію Божіею архіепископъ, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи. Всѣмъ посполите Россійскаго рода, какъ въ Короне польской яко и у великомъ княжествѣ Литовскомъ великаго достоинства духовнаго и свѣцкаго Высокаго шляхетскаго и нижайшаго Посполитаго Стану людямъ церкви Святое Восточное Греческое благопослушнымъ сынамъ ласка, покой и милосердіе отъ всещедрежителя Бога, и благословеніе отъ нашего смиренія“

[1]) *Тамъ-же*—стр. 654.

го, протестуютъ противъ открытія такихъ соборовъ. И если эти соборы состоятся и на нихъ сдѣланы будутъ какія либо постановленія, противныя благочестію и нарушающія древнія права и привилегіи православнаго русскаго народа, то постановленія таковыя будутъ считаться необязательными и недѣйствительными“ [1]).

Православное казачество, которому, повидимому, не безъ умысла, не было послано на соборъ пригласительной грамоты, собрало по этому поводу раду и за четыре дня до открытія собора прислало особую грамоту на имя м. Іова, въ которой между прочимъ писало: „хотя мы и не получили отъ Вашей милости столь желаннаго писанія, однако, живучи въ православной вѣрѣ, въ которой мы родились, для того, чтобы имѣть точное извѣстіе, что тамъ (т. е. на соборѣ) дѣлается, посылаемъ двоихъ нашихъ товарищей—Андрея Лагоду и Сапрана Сосимоновича..“ [2]) И дѣйствительно, эти представители казачества явились на соборъ и сыграли тамъ очень важную роль.

Когда же панъ Заславскій—посолъ короля, избранный маршалкомъ собора, сталъ требовать чтобы казаки, какъ непрошенныя на соборѣ лица, удалились съ него, то послѣдніе энергично запротестовали и стали требовать распущенія самаго собора, какъ незаконно и неправильно составленнаго. Къ нимъ присоединились и нѣкоторые другіе голоса, преимущественно изъ среды православныхъ мірянъ, такъ что соборъ на этотъ день былъ закрытъ. На слѣдующій день повторилось то-же самое, съ еще болѣе энергичной угрозой со стороны казаковъ, „при чемъ надо полагать, дѣло не обошлось безъ сильныхъ укоризнъ м. Борецкому, тогдашнему архимандриту лавры—Петру Могилѣ и нѣкоторымъ болѣе видным представителямъ Собора“ [3]). Въ концѣ концовъ, на четвертый день всѣ убѣдились, что такой соборъ состояться не можетъ. Такимъ образомъ благодаря вмѣшательству казаковъ и энергіи мірянъ, уніатскіе планы короля потерпѣли пораженіе и дѣло православія было спасено и на этотъ разъ,

Въ октябрѣ того-же 1629-го года состоялся по почину

---

[1]) *И. И. Орловскій*—655 стр.

[2]) Тамъ-же—656 стр.

[3]) *Тамъ-же* 658.

короля, и уніатскій соборъ въ г. Львовѣ, имѣвшій ту же цѣль—примиреніе съ православными, но безъ ущерба для уніи. На этомъ соборѣ были всѣ уніатскіе владыки и среди нихъ—Мелетій Смотрицкій, недавно измѣнившій православію, самъ уніатскій митрополитъ—Іосифъ Вельяминъ Рутскій, множество монаховъ—базиліанъ и знатнѣйшіе изъ бѣлаго духовенства, міряне же, повидимому, отсутствовали (не считая королевскаго коммиссара), что составляетъ вообще типичную черту католическихъ соборовъ.

Вскорѣ послѣ указанныхъ соборовъ на каѳедру Кіевской митрополіи взошелъ одинъ изъ послѣднихъ по времени, по первыхъ по достоинству Кіевскихъ митрополитовъ знаменитый Петръ могила (1632—1646 г.) Обращаетъ на себя вниманіе уже одно общенародное избраніе его на Варшавскомъ избирательномъ сеймѣ всѣми духовными и свѣтскими представителями православныхъ воеводствъ и повѣтовъ. Въ актѣ избранія они называютъ себя людьми русскаго народа, вѣры православной, и говорятъ, что „избираютъ тѣхъ, кого самъ Господь Богъ указалъ нашимъ сердцамъ, какъ мужей, соединяющихъ въ себѣ съ знатностью происхожденія, съ высокими добродѣтелями, благочестіемъ и мудростію, постоянство и ревность къ вѣрѣ православной“ [1])

Важной и благотворной для церкви административной мѣрой въ митрополитствованіе Петра Могилы было устройство по возможности ежегодныхъ епархіальныхъ соборовъ, какъ личной митрополичьей области, то и въ другихъ подвѣдомственныхъ ему епархіяхъ. Это были чисто пастырскіе соборы, на которыхъ не было мірянъ, но на которые обязано было явится все, и высшее и низшее, духовенство извѣстной епархіи, хотя послѣднее дѣлало это не всегда охотно. Такъ въ грамотѣ бѣльскаго намѣстника—о. Ѳеофила на имя митрополита П. Могилы отъ 2 Августа 1633 г. читаемъ: се ямъ бачу зъ тягостю приходитъ тымъ попомъ, которые бы ся повернуть хотѣли ехать до Кіева, или зразу работою дороги далекостю се вымовляючи; въ томъ прошу Велебность Вашу, моего Ясне Преосвященнаго вельможнаго папа и пастыря, о инструкцыю, якъ въ томъ далей поступовати“. [2])

---

[1]) *Малышевскій*—345 стр.

[2]) *С. Голубевъ* Петр. Могила II, 489

А изъ предисловія къ „*Дидаскаліи*“ Сильвестра Коссова видно, что подобные же помѣстные соборы устроялись и по др. епархіямъ, напр. мстиславской, луцкой, львовской и др. [1])

Состоялся въ управленіе м. Петра Могилы и одинъ большой, полный соборъ, изъ представителей отъ всѣхъ епархій его митрополіи; то былъ Кіевскій соборъ 1640 г.—послѣдній изъ соборовъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію. Въ своей пригласительной на этотъ соборъ грамотѣ Петр. Могила обстоятельно и подробно раскрылъ все значеніе и пользу подобныхъ общецерковныхъ соборовъ и въ заключеніе всего писалъ: „на этотъ соборъ мы зовемъ именемъ Господнимъ и просимъ, какъ вашу честь духовныхъ, преимущество имѣющихъ и къ совѣщанію духовному способныхъ, *такъ и ихъ милостей свѣтскихъ братій*, ревнующихъ о благочестіи и свѣдущихъ въ правилахъ церковныхъ..... Притомъ, настоятельно отъ васъ, духовныхъ и свѣтскихъ, требуемъ, чтобы, если окажется что нужнымъ какому братству, вы благоволили-бы изъяснить то въ инструкціи своимъ уполномоченнымъ посламъ для постановленія и опредѣленія соборнаго“.... [2]) Вотъ, справедливый голосъ истиннаго архипастыря, дѣйствительно пекущагося о нуждахъ своей паствы.

Соборъ этотъ, дѣйствительно, и состоялся 8-го септября 1640 года. [3]) На этомъ соборѣ маршалкомъ былъ избранъ Самуилъ Шишкъ, ученый архимандритъ слуцкій, писарями

---

[1]) Въ одномъ изъ экземпляровъ этой „Дидаскаліи“ сохранилось любопытное предисловіе, описывающее картину Луцкаго собора 1638 г. Начало его таково: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа, въ Троицѣ Единаго Бога. Молитвами Божественнаго Апостола Евангелиста, наперсника Христова и дѣвственника Іоанна Богослова, по празднествѣ его честномъ, на утренній день собравшися до церкве Соборной, въ замку Луцкомъ, святую литургію отправили и потомъ пѣснь Царю небесный проспѣвали. Епископа, на маестатѣ епископскомъ сѣдячаго, духовенство зъ поклономъ звычайномъ, явнѣ при бытности ихъ милостей панов шляхты (sic!), презъ еднаго любовне, съ пристойнымъ пожалованьемъ и сердечною до Бога молитвою, вшчали“.... *См. у* С. *Голубева*—491 стр. примѣч.

[2]) *М. Макарій* XI, 580.

[3]) Краткое описаніе его дано въ книгѣ *Іоанникія Голятовскаю* „Мессія Праведный“. 320—321 стр. Кіевъ 1669. Болѣе же подробное, по довольно тенденціозное, съ злобными примѣчаніями, предисловіемъ и заключеніемъ принадлежитъ Кассіану Саковичу. См. объ этомъ у м. *Макарія* XI 582 и слѣд.

(т. е. дѣлопроизводителями)—отцы великой учености: Іосифъ Кононовичъ, ректоръ кіевскій, и Иннокентій Гизель, впослѣдствіи архимандритъ кіево-печерскій. Какъ любопытную черту этого собора, должно отмѣтить, что епархіальные епископы на немъ лично не присутствовали, а прислали лишь своихъ замѣстителей—изъ бывшихъ епископовъ и изъ наличныхъ архимандритовъ. Почему епископы поступили такъ, въ точности неизвѣстно; хотя и можно догадываться, что ихъ шокировало значительное количество депутатовъ отъ міряпъ, къ чему епископы всегда относились недружелюбно, лишь какъ къ терпимому злу. Тѣмъ не менѣе соборъ состоялся и происходилъ цѣлыхъ десять дней. На немъ проведенъ цѣлый рядъ весьма важныхъ постановленій, касающихся всѣхъ сторонъ христіанской вѣры и церковной жизни. Но самымъ главнымъ предметомъ его занятій было разсмотрѣніе и одобреніе новаго „православнаго катехизиса", извѣстнаго подъ именемъ катехизиса Петра Могилы.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого собора Петръ Могила померъ (31 декабря 1646 г.), успѣвши привести Кіевскую митрополію въ очень приличное состояніе. А черезъ восемь лѣтъ послѣ его смерти состоялось политическое возсоединеніе Малороссіи съ Москвою (въ 1654 г.), за которымъ спустя тридцать лѣтъ послѣдовало и окончательное церковное возсоединеніе Кіевской митрополіи со всероссійскимъ патріархатомъ (1687 г.) Это событіе и служитъ хронологической гранью нашего очерка.

Дѣлая общую заключительную характеристику соборовъ Юго-западной Руси за періодъ раздѣленной Кіевской митрополіи, мы должны, прежде всего, засвидѣтельствовать, что соборы служили тамъ главнымъ оплотомъ православія, поскольку они соединяли разрозненныя силы православныхъ братствъ, монастырей, оставшейся вѣрной православію іерархіи и всего православнаго народа, во главѣ съ князьями и панами.

Въ виду этого, въ соборахъ была заинтересована и ихъ усиленно поддерживала лишь православная сторона. Наобо-

ротъ, уніатская и католическая сторона не сочувствовала соборамъ, предоставляя всю полноту церковной власти лишь однимъ епископамъ.

Однако уступая общему требованію времени, дѣлали соборы какъ православные, такъ и уніаты. Но и здѣсь сказалось все серьезное различіе между ними во взглядахъ на соборы. Уніаты предпочтительно любили соборы изъ однихъ епископовъ: таковы всѣ тайные епископскіе съѣзды передъ заключеніемъ уніи. Затѣмъ, они допускали еще представительство отъ чернаго духовенства (базиліанъ) и въ крайнемъ случаѣ, отъ бѣлаго; но они принципіально отрицали участіе выборныхъ мірянъ, дѣлая исключеніе лишь для назначенныхъ королемъ польскихъ комиссаровъ. Совершенно иначе смотрѣли на соборъ православные: они точно также полагали обязательнымъ участіе на соборѣ всѣхъ епископовъ, или ихъ замѣстителей; но кромѣ того, признавали безусловно необходимымъ и участіе на немъ мірянъ, выбранныхъ отъ различныхъ повѣтовъ, братствъ и городовъ.

Послѣднее условіе соблюдалось настолько строго, что соборы, на которыхъ участія мірянъ не было, или на которыхъ оно было представлено неправильно и неполно (напр. соборъ 1629 г.), не признавались народомъ, или даже не могли и состояться.

Что касается, наконецъ, самыхъ результатовъ этихъ соборовъ, то исторія западной Руси показываетъ, что закрытые собора, лишенные контролирующаго вліянія мірянъ, почти всегда, въ большей или меньшей степени, были подозрительны и обнаруживали тайное или даже явное тяготѣніе къ уніи. Наоборотъ, соборы, собиравшіеся при свѣтѣ широкой гласности и при участіи законнаго, свободно-избраннаго представительства отъ духовенства и мірянъ, спасали дѣло православія отъ враждебныхъ натисковъ польско-католической пропаганды и вливали живительную струю въ общее—церковную жизнь и національное самосознаніе православнаго русскаго народа.

Приватъ-доцентъ *А. Покровскій.*

Очеркъ Церковнаго управленія на современномъ православномъ Востокѣ.

(*Рефератъ, прочитанный въ залѣ Гирша 5 февр. 1906 г.*)

I

Наша Русская церковь составляетъ, какъ извѣстно, лишь часть обширной Греко-восточной церкви; слѣдовательно, и по силѣ церковныхъ каноновъ, и по логикѣ здраваго смысла она различныя стороны своей жизни должна, по мѣрѣ возможности, согласовывать и провѣрять по разуму и духу всей вселенской церкви.

А между тѣмъ фактически Русская церковь уже давно порвала эту связь, или по крайней мѣрѣ, ослабила ее до послѣдней степени. Характерно, что на настойчивое предложеніе русскаго константинопольскаго посольства и миссіи въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія возстановить живую, сердечную связь съ константинопольской церковью и придти ей на помощь, въ виду происходившей въ ней церковной смуты, митрополитъ Филаретъ открыто отвѣчалъ, что это и *неудобно, и безполезно, и даже опасно* [1]).

Послѣ этого нисколько не удивительно, что Русская церковь въ сущности давно уже и почти всецѣло изолировала себя отъ жизни остальной греко-восточной церкви. Впервые это сдѣлала еще наша древняя раскольничествующая Русь, которая, по чувству національной гордости и религіознаго самомнѣнія, еще въ половинѣ XV-го вѣка устами своихъ доморощенныхъ богослововъ провозгласила, что

---

[1]) *М. Филаретъ* "Собраніе мнѣній и отзывовъ по дѣламъ православной церкви на Востокѣ". 105—106 стр. Москва 1886.

греки измѣнили благочестію, что ихъ вѣра теперь пестротами полна и что главная твердыня православія перешла теперь къ намъ на Русь. „Два Рима падоша, Москва—третій Римъ, наше благочестіе хвалится во всемъ мірѣ и наша вѣра сіяетъ по всей вселенной“—вотъ девизъ старой Руси, перешедшій, быть можетъ, на половину безсознательно, и къ нашей современной Россіи.

Этотъ великій историческій грѣхъ русской церкви, принесшій ей столько зла въ свое время (расколъ), продолжаетъ вредить ей и доселѣ. Онъ покоится на томъ закорепѣломъ предразсудкѣ, что будто-бы вѣчно юная и живая Христова церковь давно уже сказала свое послѣднее слово; что дальнѣйшая ея задача состоитъ не въ развитіи и улучшеніи стараго, по мѣрѣ духовнаго роста и совершенствованія ея членовъ, а единственно только въ слѣпой и ревнивой охранѣ стараго церковнаго уклада, хотя-бы послѣдній былъ продуктомъ совершенно иныхъ историческихъ условій и другой, чуждой теперь намъ, реальной обстановки.

Разумно-охранительная задача допустима и даже необходима лишь въ отношеніи къ внутренней сторонѣ церковной жизни, т. е. къ ея догматическимъ основамъ, хотя и здѣсь долженъ существовать, такъ называемый, качественный прогрессъ (т. е. различныя степени лучшей и болѣе ясной формулировки догматовъ, открытыхъ въ св. Писаніи). Но она неумѣстна въ другой, внѣшней церковно-административной сторонѣ этой жизни. По ясному свидѣтельству всей церковной исторіи, въ этой послѣдней сферѣ никогда не было и быть не должно никакого застоя, ничего абсолютно неизмѣннаго и разъ навсегда рѣшеннаго. Это противорѣчило-бы основному догматическо-каноническому принципу живой соборности церкви и вытекающей отсюда ея полной свободѣ. Въ силу этого, „прилагая попеченіе о спасеніи и преуспѣяніи людей на лучшее“—(выраженіе 12 прав. Трулльскаго собора),—церковь постоянно изыскиваетъ новыя и лучшія временныя средства для достиженія своихъ важныхъ цѣлей, не стѣсняясь отмѣной даже и такихъ правилъ, которыя ясно выражены въ св. Писаніи, какъ, напр. правило о бракѣ епископовъ (I Тим. III, 2). Достаточно одного этого примѣра, чтобы убѣдиться, насколько *широко и властно* древняя церковь пользовалась неотъемлемымъ своимъ правомъ постоянно измѣ-

нять и улучшать свое внѣшнее устройство. Несомнѣнно, въ этихъ именно цѣляхъ она такъ настойчиво и требовала постояннаго созыва церковныхъ соборовъ сначала даже дважды, а затѣмъ не менѣе, какъ однажды въ годъ (19 пр. 4 вс. соб., Карѳ. 77).

Если и можно найдти и указать какой-либо неизмѣнный руководящій принципъ, которому оставалась вѣрна древняя церковь въ своей творчески-канонической работѣ, то это только одинъ—именно постоянный, живой откликъ на всѣ важныя перемѣны въ общественной и гражданской жизни государства, сознательное и вполнѣ цѣлесообразное стремленіе приспособлять внѣшнія формы своего церковно-административнаго устройства къ новымъ условіямъ политической и спеціальной жизни. Наглядньмъ доказательствомъ этого служитъ вся исторія образованія древне-восточныхъ патріархатовъ, въ особенности константинопольскаго; а лучшимъ каноническимъ выраженіемъ его является конецъ 17-го правила IV вселен. собора: „аще царскою властію вновь устроенъ или впредь устроенъ будетъ градъ: то распредѣленіе церковныхъ приходовъ да послѣдуетъ гражданскому и земскому порядку". Это правило, почти дословно еще разъ повторенное въ 38 канонѣ Трульскаго собора, при достаточно широкомъ его разумѣніи, какъ нельзя лучше выражаетъ духъ всей древней каноники,—его ближайшій практическій смыслъ, и состоитъ, именно, въ томъ, чтобы вѣчныя задачи церкви постоянно сообразовывать съ наличными формами исторической жизни.

Противъ этого-то основнаго, каноническаго требованія значительно, какъ намъ думается, и погрѣшила наша Русская церковь. Въ теченіе первыхъ пяти вѣковъ своего существованія она жила чужимъ умомъ, получая все въ готовомъ видѣ изъ Византіи; а за четыре послѣдующихъ столѣтія она отказалась отъ самостоятельной творчески — созидательной работы, уподобившись тому трусливому и лѣнивому рабу евангельской притчи, который изъ страха потерять данный ему господиномъ талантъ предпочелъ зарыть его въ землю, за что заслуженно и понесъ должную кару отъ своего владыки.

Такой отказъ отъ активной жизни оказался для Русской церкви тѣмъ опаснѣе, что онъ вовлекъ ее въ положеніе пас-

синпаго орудія въ рукахъ свѣтской власти, навязалъ ей, часто вопреки ея доброй волѣ, полицейско-охранительную службу. Со времени синодальной реформы Петра, которую опъ—даже по словамъ лица крайне осторожнаго м. Филарета—„у протестанта перенялъ, прельстившись проэктомъ Лейбница о коллегіяхъ“ [1]),—русская церковь, по счастливому выраженію Достоевскаго, лежитъ въ параличѣ: оживотворяющій ея духъ истинной свободы и широкой соборности едва замѣтно теплится лишь во внутреннемъ сознаніи ея лучшихъ вѣрныхъ сыновъ, но опъ уже давно не выражается въ соотвѣтствующихъ внѣшнихъ формахъ церковнаго устройства. А на убылое мѣсто сталъ иной, чуждый Христовой церкви духъ—духъ клерикальнаго деспотизма и нетерпимости однихъ, вызывающій духъ затаенной вражды и ненависти у другихъ.

Ясно, что громкій вопль всей обновляющейся Россіи—*„такъ дольше жить нельзя“*, могучимъ эхомъ прокатившійся по всѣмъ сторонамъ ея жизни, самый полный отзвукъ находитъ себѣ и въ ея общественно-церковной жизни. И здѣсь не менѣе, чѣмъ гдѣ либо еще, нужны такія же быстрыя и коренныя реформы, чтобы оздоровить нашъ церковный организмъ, вдохнуть въ него живую душу истинной соборности и чрезъ то самое снова возвратить церкви по праву ей принадлежащую роль ближайшей и вліятельнѣйшей руководительницы истинно-нравственной, религіозной и гражданской жизни.

Но какъ того достигнуть и съ чего начать? Вотъ здѣсь то, какъ, оказывается, намъ, прежде всего, и полезно вспомнить о давно позабытомъ Востокѣ. Это важно и необходимо потому, что православный Востокъ служитъ живымъ укоромъ нашей церковной косности и вмѣстѣ наглядпымъ примѣромъ того, какъ ее устранить. Дѣло въ томъ, что большинство греко-славянскихъ церквей православнаго Востока еще въ половинѣ прошлаго столѣтія пережило эпоху тѣхъ великихъ церковно-политическихъ реформъ, которыя стоятъ теперь и у насъ на очереди, и слѣдовательно прошло тотъ путь, на который вступаемъ теперь мы,—и что особенно важно, прошло его благополучно, достигнувъ самыхъ бла-

---

[1]) *М. Филаретъ* „Собраніе мнѣній и отзывовъ“. IV, 145 стр. Москва. 1886

гихъ и желательныхъ результатовъ. Послѣднее очевидно изъ того, что церковь для православныхъ балканскихъ государствъ является активно могущественной силой, главнымъ оплотомъ эллинизма и славянства и живымъ неизсякаемымъ родникомъ въ борьбѣ за лучшіе идеалы противъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ раздоровъ.

Вотъ почему и намъ теперь, когда всѣми, не исключая даже и самой правящей, гражданской и духовной, власти, ясно сознана необходимость коренной реформы всего нашего церковно-административнаго строя, именно *теперь* особенно своевременно вспомнить о своей печально ослабѣвшей канонической связи съ общей жизнью всей греко-восточной церкви и посмотрѣть, какимъ образомъ осуществлено здѣсь въ настоящее время церковное устройство, какъ и въ чемъ древнія каноническія нормы измѣнены, или, точнѣе, приспособлены здѣсь къ новымъ потребностямъ жизни и духу времени?

Любопытно отмѣтить, что этотъ, именно, вопросъ былъ затронутъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія нашимъ извѣстнымъ церковнымъ дѣятелемъ и глубокимъ знатокомъ православнаго Востока—архимандритомъ Антониномъ (Капустинымъ), который въ письмѣ къ м. Филарету отъ 2-го февр. 1859 года предлагалъ, между прочимъ, слѣдующее: „высмотрѣть подробно и безпристрастно церквей греческой, россійской и другихъ вѣроученіе и нравоученіе, ихъ законодательство, ихъ литургику, ихъ политическую жизнь, сличить все высмотрѣнное съ древней практикой христіанства, съ идеей церкви Божіей, и Словомъ Божіимъ, достичь общаго соглашенія, постановить новыя правила касательно церковной практики". На это м. Филаретъ не безъ ироніи отвѣчалъ: „довольно смѣло для архимандрита предлагать православной церкви не менѣе, какъ реформацію. Не отъ той ли ломки, на которую онъ указываетъ, отправилась и реформація Лютера? Куда она пришла? Вышепоказанный планъ пересмотра и реформаціи писатель называетъ „задачей, неотвратимо подлежащей церкви". Можетъ быть, онъ глубоко и широко видитъ и открываетъ не примѣчаемое другими"—иронически заключаетъ м. Филаретъ.

Но не прошло со времени этой знаменательной переписки и полвѣка, какъ нелицепріятная исторія превратила высоко-

мѣрную иронію владыки въ его невольное пророчество: оказалось, что широко образованный архимандритъ и на самомъ дѣлѣ видѣлъ шире и глубже, безспорно, умнаго, по излишне консервативнаго и потому близорукаго митрополита. Въ виду этого, мы не иначе, какъ съ глубокой признательностью должны отнестись и къ другимъ совѣтамъ дальновиднаго архимандрита по интересующему насъ вопросу, а именно: во 1) къ его пожеланію „открыть живыя и постоянныя сношенія съ отдѣльными и независимыми церквами православія“: и во 2) въ особенности къ его совѣту „ознакомить всю Россію съ церковной практикой всѣхъ православныхъ народовъ“ [1]).

II.

Въ составъ современной Греко-восточной православной церкви входятъ слѣдующія автокефальныя ея части: четыре ближнихъ патріархата—1) константинопольскій, 2) александрійскій, 3) антіохійскій и 4) іерусалимскій, и древняя же 5) церковь кипрская, затѣмъ обширная 6) церковь русская, 7) церковь греческаго королевства, 8) болгарскій экзархатъ, 9) цетинъская митрополія въ Черногоріи, 10) церковь Сербскаго королевства, 11) Карловицкая митрополія сербовъ, живущихъ въ предѣлахъ Австро-Венгріи, 12) сибиньская митрополія румынъ, живущихъ тамъ-же, 13) буковино-долматинская митрополія, выдѣлившаяся изъ Карловицкой и 14) Румынская церковь, въ предѣлахъ Молдавіи и Валахіи, получившая независимость отъ константинопольскаго патріарха лишь въ 1885 году.

Было бы слишкомъ утомительно и долго, если бы мы въ настоящемъ своемъ очеркѣ взялись знакомить своихъ читателей съ деталями церковнаго устройства во всѣхъ только что перечисленныхъ автокефальныхъ церквахъ. Но къ счастью, намъ этого вовсе и не нужно дѣлать. Не нужно, во первыхъ, потому, что нѣкоторыя изъ этихъ церквей, въ силу исключительныхъ тяжелыхъ историческихъ современныхъ условій,

---

[1]) „Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета“, IV, 394—401. Москва 1886 г.

не имѣютъ развитой церковной жизни; таковы, напр. всѣ три древнѣйшихъ восточныхъ патріархата, вся паства каждаго изъ которыхъ чуть не меньше нашего иного одного викаріатства. Во вторыхъ, это безполезно и потому, что въ нѣкоторыхъ церквахъ нѣтъ ничего поучительнаго, какъ напр. въ церкви королевства греческаго, священный синодъ котораго представляетъ лишь довольно неудачный сколокъ съ нашего русскаго синода, стоящій къ тому же еще ближе къ ихъ общему, протестантскому оригиналу. Наконецъ, это излишне еще и потому, что въ устройствѣ большинства православныхъ церквей греко-восточнаго исповѣданія существуютъ свои, строго опредѣленныя типическія черты, которыя однообразно и повторяются во всѣхъ ихъ, лишь съ небольшими мѣстными варіаціями, къ существу дѣла, разумѣется, не относящимися. Поэтому для своей задачи мы считаемъ совершенно достаточнымъ остановить общее вниманіе лишь на двухъ главныхъ пунктахъ: 1) на Великой константинопольской церкви, давшей основной тонъ жизни всему православному Востоку и опредѣлившей направленіе его церковныхъ реформъ въ духѣ церковно-народнаго представительства, и 2) на свободныхъ церквахъ православныхъ сербовъ и румынъ, живущихъ въ предѣлахъ Австро-Венгріи, гдѣ константинопольское начало общественно-политической жизни успѣло уже пустить болѣе глубокіе корни въ народномъ сознаніи и органически слиться съ свободно-канонической формой церковнаго устройства.

Начнемъ съ реформы въ великой константинопольской церкви, самая исторія которой заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя поучительныя параллели съ нашей предстоящей церковной реформой.

Еще по фирману завоевателя Константинополя Магометомъ II, все православное населеніе Турецкой имперіи по всѣмъ не только религіознымъ, но и политическимъ дѣламъ было отдано въ безконтрольное распоряженіе константинопольскаго патріарха и его духовенства. Это, въ сущности, хорошее распоряженіе иновѣрной власти, на практикѣ привело ко многимъ тяжелымъ послѣдствіямъ: оно надломило и деморализовало высшее греческое духовенство, превративъ константинопольскаго патріарха въ неограниченнаго деспота, а его епископовъ—въ самовольныхъ сатраповъ, такъ

что греческое населеніе отъ своего же собственнаго духовенства стало страдать больше, чѣмъ отъ гнета турецкаго владычества и даже рѣшило, наконецъ, обратиться къ послѣднему съ жалобами на свое духовенство и съ просьбою о защитѣ отъ него.

Долго турецкое правительство по своему обыкновенію оставалось глухо и нѣмо къ этимъ справедливымъ жалобамъ всего народа. Наконецъ, подъ вліяніемъ усилившагося народнаго возбужденія, поддержаннаго протестомъ европейскихъ державъ, оно обнародывало тескере отъ 4-го февраля 1850 года такого любопытнаго содержанія: „такъ такъ, по религіи христіанской, епископы суть пастыри народа, то они должны вслѣдствіе того вести свой народъ по благому пути, покровительствовать ему и облегчать его страданія, но никогда не угнетать его. Но такъ какъ многіе митрополиты и епископы совершаютъ въ своихъ провинціяхъ такія дѣйствія, которыхъ не осмѣлятся творить даже самые презрѣнные люди, то народности христіанскія, стонущія подъ этимъ гнетомъ, безпрестанно обращались къ правительству и просили его оказать имъ свою помощь и покровительство. Такъ какъ правительство не можетъ не принять во вниманіе этихъ справедливыхъ жалобъ своихъ подданныхъ, то оно положительно желаетъ, чтобы такія безпорядки прекратились. Посему оно приглашаетъ патріарха составить собраніе изъ епископовъ и начальниковъ изъ среды своихъ единовѣрцевъ міряшъ, чтобы по соглашенію съ ними братски поразмыслить о средствахъ къ устраненію этихъ угнетеній и этихъ справедливыхъ жалобъ, посредствомъ ихъ церковнаго и общиннаго управленія, сообразно съ правилами ихъ собственной религіи и постановленіями гульханскаго гатти-шерифа“ [1]).

Константинопольская патріархія, для которой такой указъ былъ крайне непріятнымъ сюрпризомъ, думала было отдѣлаться молчаніемъ и цѣлыхъ шесть лѣтъ не приступала къ его исполненію, пока не получила новаго указа, въ которомъ ясно говорилось, что „не останутся ненаказанными всѣ тѣ, кто посредствомъ хитрыхъ увертокъ захотятъ обой-

---

[1]) Іер. *Михаилъ*. „Очеркъ преобразованія строя церковнаго управленія въ Константинопольск. патріархатѣ.“ 1858—1900 г. 13 стр.

ти это оффиціально возвѣщенное рѣшеніе правительства, или ослабить его силу".

Такъ какъ дальнѣйшее упорство было уже не безопасно, то въ 1858 году константинопольская патріархія рѣшила приступить къ реформамъ.

Для выработки подробнаго и цѣлесообразнаго плана реформы былъ созванъ «чрезвычайный церковно-народный греческій совѣтъ (ἐθνοσυνέλευσις), который состоялъ изъ 7-ми епископовъ-представителей клира, 10-ти мірянъ—представителей столицы и 11-ти выборныхъ же представителей номовъ, т. е. губернскихъ округовъ, по одному изъ каждаго. Результатомъ энергичной дѣятельности этого «совѣта» и явились новыя правила церковно-общественнаго устройства константинопольской церкви или такъ-называемые «общіе канонисмы», по которымъ она управляется и въ настоящее время.

Согласно этимъ „канонисмамъ", церковная реформа выразилась тамъ въ трехъ главнѣйшихъ пунктахъ: 1) въ новыхъ правилахъ о выборахъ патріарха: 2) въ обновленіи „священнаго синода", и 3) въ устройствѣ новаго высшаго церковно-общественнаго органа „постояннаго смѣшаннаго совѣта", изъ духовныхъ и мірянъ.

Новый канонисмъ передаетъ выборъ патріарха въ руки особаго *чрезвычайнаго избирательнаго собранія*, созываемаго каждый разъ по случаю смерти или ухода константинопольскаго патріарха. Въ случаѣ освобожденія каѳедры вселенскаго патріарха устраивается соединенное засѣданіе „священнаго синода" и „смѣшаннаго совѣта", которое и избираетъ временнаго мѣстоблюстителя патріаршаго престола, утверждаемаго особымъ султанскимъ фирманомъ. Тѣмъ же самымъ фирманомъ каждому изъ епископовъ (точнѣе митрополитамъ, потому что въ константинопольской патріархіи всѣ епископы носятъ титулъ митрополитовъ) патріаршей области предписывается въ теченіе 41 дня прислать въ запечатанномъ конвертѣ имя своего кандидата въ патріархи. Одновременно съ этимъ отъ имени мѣстоблюстителя разсылаются по всѣмъ епархіямъ патріархата особыя извѣщенія о выборѣ членовъ „предстоящаго избирательнаго собранія", въ составъ котораго входитъ цѣлый рядъ административныхъ и выборныхъ лицъ. Общее число членовъ избиратель-

наго собранія бываетъ около ста человѣкъ, изъ которыхъ не менѣе $^2/_3$, а то и $^3/_4$—свѣтскихъ.

За пять дней до истеченія 41-дневнаго срока мѣстоблюститель приглашаетъ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ, имѣющихъ право участія въ избирательномъ собраніи, въ патріархію для провѣрки полномочій собравшихся, для распечатыванія присланныхъ конвертовъ и для составленія предвыборнаго списка. Блистательная Порта имѣетъ право вычеркнуть изъ списка не болѣе трехъ лицъ; черезъ сутки она обязана возвратить списокъ. По полученіи окончательнаго списка мѣстоблюститель назначаетъ день выборовъ. Самые выборы бываютъ двухстепенными. Сначало баллотируютъ тайной подачей голосовъ всѣ, какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица, располагая каждый однимъ голосомъ, и имена трехъ первыхъ по количеству голосовъ оглашаются, какъ главныхъ кандидатовъ. Изъ нихъ одни только митрополиты тайной же подачей голосовъ избираютъ одного, котораго великій хартофилаксъ и провозглашаетъ вселенскимъ патріархомъ. Такимъ образомъ, въ этомъ важнѣйшемъ актѣ церковно-общественной жизни осуществлено самое широкое участіе всѣхъ классовъ народа и вмѣстѣ сохранены древніе законы, такъ что даже строгій митрополитъ московскій Филаретъ и тотъ призналъ, что, „чрезъ окончательное избраніе патріарха изъ трехъ кандидатовъ членами синода и митрополитами, причемъ свѣтскіе только присутствуютъ какъ свидѣтели, все дѣло избранія входитъ въ порядокъ церковныхъ правилъ“ [1]).

Абсолютизмъ патріаршей власти въ силу новаго каноническаго существенно ограниченъ двумя представительными коллегіями: 1) „*священнымъ синодомъ*“ для дѣлъ спеціально духовныхъ и 2) „*народнымъ смѣшаннымъ совѣтомъ*“ для дѣлъ церковно-административныхъ.

Священный синодъ, правда, существовалъ и раньше, но теперь онъ радикально преобразованъ. Вмѣсто прежнихъ десяти „геронтовъ“, т. е. пожизненныхъ почетныхъ членовъ, состоитъ теперь изъ 12-ти временныхъ, которые набираются въ очередномъ порядкѣ изъ числа всѣхъ митрополитовъ, со-

[1]) „Собраніе мнѣній и отзывовъ по дѣламъ православной церкви на Востокѣ“, 18 стр. Спб. 1886 г.

стоящихъ не менѣе 5-ти лѣтъ въ этомъ санѣ и не менѣе 3-хъ лѣтъ на послѣдней каѳедрѣ. Члены синода избираются на два года съ такимъ разсчетомъ, чтобы половина всего состава ихъ ежегодно обновлялась. Священный синодъ имѣетъ своимъ предсѣдателемъ патріарха, вмѣстѣ съ которымъ онъ и вѣдаетъ всѣ догматическія, каноническія и обрядовыя дѣла своей помѣстной церкви, причемъ, по силѣ восьмой статьи каконисма о синодѣ, ни синодъ безъ патріарха, ни патріархъ безъ синода не могутъ сдѣлать ни одного рѣшенія, которое обыкновенно постановляется въ общемъ ихъ присутствіи простымъ большинствомъ голосовъ. Синодъ обязанъ засѣдать три раза въ недѣлю.

Другимъ высшимъ органомъ константинопольской церкви является „постоянный народный смѣшанный совѣтъ". Это учрежденіе представляетъ для насъ особый, выдающійся интересъ въ виду того, что въ немъ впервые снова возстановлено истинно соборное начало церковной жизни во всей его широтѣ, чрезъ соотвѣтствующее представительство во внѣшнихъ дѣлахъ церкви не одного только клира, но и мірянъ, въ качествѣ живыхъ и полноправныхъ членовъ церковнаго организма.

Подробно священному синоду, „народный смѣшанный совѣтъ" состоитъ изъ 12-ти членовъ, но въ немъ только четверо принадлежатъ къ составу клира, а восемь избираются изъ среды мірянъ. Четыре духовныхъ члена названнаго совѣта берутся изъ личнаго состава синода, по общему его избранію, совмѣстно съ патріархомъ. Избраніе же восьми свѣтскихъ членовъ производится при участіи представителей всѣхъ православныхъ константинопольскихъ приходовъ. Въ опредѣленное время эти выборщики собираются въ патріархію, и здѣсь къ нимъ присоединяются всѣ члены синода и весь составъ послѣдняго смѣшаннаго совѣта. Это общее собраніе и избираетъ четырехъ новыхъ свѣтскихъ членовъ совѣта на мѣсто четырехъ выбывающихъ, такъ какъ члены совѣта, какъ и члены синода, избираются на двухгодичный срокъ, причемъ половина ихъ смѣняется ежегодно.

Предсѣдательство въ совѣтѣ принадлежитъ старѣйшему изъ состоящихъ въ немъ архіереевъ или даже самому патріарху, который можетъ являться по желанію и обязанъ— по приглашенію. Засѣданія совѣта происходятъ дважды въ

недѣлю, а его постановленія проходятъ простымъ большинствомъ голосовъ, причемъ въ случаѣ равенства голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

По уставу кругъ вѣдомства смѣшаннаго совѣта довольно обширенъ, хотя въ сущности онъ сводится къ одному, именно къ контролю экономической стороны церковнаго управленія. Въ его вѣдѣніи находятся всѣ финансы и церковно-хозяйственныя дѣла патріархата, равно какъ и приложеніе гражданской юрисдикціи въ томъ объемѣ, въ какомъ оттоманскимъ правительствомъ она предоставлена патріарху. Въ частности смѣшанный совѣтъ имѣетъ въ исключительномъ своемъ вѣдѣніи всѣ приходы и расходы патріаршаго престола, церквей, народныхъ школъ, больницъ и прочихъ общеполезныхъ принадлежащихъ православнымъ учрежденій Константинополя. Для постояннаго наблюденія и контроля на мѣстахъ смѣшанный совѣтъ ставитъ по епархіямъ особыхъ своихъ довѣренныхъ лицъ, епитроповъ или ефоровъ, утвержденныхъ патріархомъ. Они обязаны самой строгой годичной отчетностью передъ совѣтомъ о всякихъ расходахъ и приходахъ своихъ епитропій. И ни одинъ документъ, изданный не только кѣмъ-либо изъ архіереевъ, но даже самимъ патріархомъ, если онъ касается финансовыхъ отношеній, не можетъ получить силы безъ санкціи совѣта или его уполномоченныхъ епитроповъ.

Этими прямыми обязанностями совѣта, ясно опредѣленными въ уставѣ, далеко еще не исчерпывается весь кругъ его полномочій: послѣдній фактически значительно шире и кромѣ спеціальной экономической функціи захватываетъ и другія стороны церковной жизни. Важнѣйшія церковныя дѣла и теперь рѣшаются не однимъ патріархомъ и его синодомъ, но народнымъ собраніемъ, состоящимъ изъ членовъ синода, смѣшаннаго совѣта изъ народныхъ представителей. Сила этихъ двухъ высшихъ органовъ церковно-общественнаго управленія („синода“ и „совѣта“) особенно ясно сказывается въ томъ, что они имѣютъ право дѣлать патріарху замѣчанія, когда видятъ, что онъ уклоняется отъ своего *духовнаго* или *гражданскаго* долга, причемъ въ первомъ случаѣ предложеніе исходитъ изъ священнаго синода, а во второмъ—изъ смѣшаннаго совѣта. Если же патріархъ не исправляется и послѣ вторичнаго предостереженія, то устра-

ивается совмѣстное засѣданіе синода и совѣта, низлагающее патріарха и требующее новыхъ выборовъ.

Такова въ главныхъ чертахъ современная организація устройства высшаго церковно-административнаго управленія въ константинопольской церкви. „Она, по отзыву нашего почтеннаго канониста проф. Н. А. Заозерскаго, есть результатъ долгаго историческаго опыта греческой націи, глубоко преданной православію и состоящей въ турецкомъ подданствѣ. Основная задача ея, по мнѣнію названнаго авторитета, состоитъ въ томъ, чтобы соединить каноническія требованія синодальнаго устройства съ предоставленіемъ законнаго права на участіе въ дѣлахъ церковнаго управленія мнѣнію и голосу міранъ. И нельзя не признать,—продолжаетъ онъ,—что эта задача здѣсь выполнена довольно удачно.

Идея живой соборности и активнаго участія міранъ въ дѣлахъ церкви широко проведена на Востокѣ и въ остальныхъ формахъ устройства церкви и прежде всего въ основной ея ячейкѣ—въ церковномъ приходѣ.

Хозяиномъ каждаго прихода, или по гречески „энорія", является вся приходская община, называемая „кипотомъ". Исполнительнымъ органомъ послѣдняго служитъ особый „попечительный совѣтъ", или такъ-называемая „церковная эпитропія", состоящая изъ двухъ, трехъ, пяти попечителей, или эпитроповъ, въ зависимости отъ величины того или другого кипота. Эти эпитропы вмѣстѣ со священникомъ вѣдаютъ всѣ дѣла храма. Они завѣдуютъ имуществами храма, сборами въ его пользу, нанимаютъ пѣвцовъ, сторожей, псаломщиковъ (или псалтовъ—должность почти на всемъ Востокѣ вольнонаемная, въ родѣ нашихъ трапезниковъ), наблюдаютъ за ними, пекутся объ ихъ имущественномъ благосостояніи. Они ведутъ судебныя дѣла церкви, отстаиваютъ ея интересы во внѣшнихъ сношеніяхъ съ патріархіей. Первымъ дѣломъ каждаго прихода является устройство и благоукрашеніе храма, а затѣмъ и выборъ себѣ духовенства.

Создавъ храмъ съ епитропіей, приходъ организуетъ у себя благотворительность и школу. Исполнителями его воли здѣсь являются отчасти тѣ же выборные „епитропы" (благо-

творительныя дѣла), а отчасти особые выборные же „эфоры“ (школьное дѣло).

Въ наиболѣе важныхъ случаяхъ всѣ эти епитропы и и эфоры собираются въ общее засѣданіе для совмѣстнаго обсужденія приходскихъ нуждъ. Но высшее распоряженіе общеприходскими дѣлами находится въ рукахъ всего собранія мѣстныхъ прихожанъ, начиная съ 20-ти-лѣтняго возраста; это собраніе ежегодно выбираетъ своихъ довѣренныхъ лицъ и снабжаетъ ихъ инструкціями и полномочіями. Такимъ образомъ и чрезъ своихъ представителей, и непосредственно всѣ члены прихода принимаютъ самое дѣятельное участіе въ его жизни.

Благодаря тому, что въ Константинопольской церкви (какъ и на всемъ Православномъ Востокѣ) весь народъ принимаетъ такое широкое и дѣятельное участіе въ церковномъ управленіи, тамъ наблюдается сравнительно высокая степень религіознаго развитія даже у простыхъ народныхъ массъ: это уже не слѣпыя овцы словеснаго стада, часто всю силу религіи полагающія только въ суевѣрномъ сохраненіи обряда, а полноправныя живые члены церковнаго организма, сознательно освѣдомленные въ дѣлахъ своей религіи и церкви и непосредственно, лично заинтересованные въ возможно лучшей постановкѣ ихъ. Отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ благодѣтельныхъ и плодотворныхъ для церкви и жизни послѣдствій. И прежде всего то, что религія и церковь не представляются тамъ чѣмъ-то особымъ, отдѣленнымъ отъ міра, какой-то замкнутой для массы сферой спеціальныхъ интересовъ, а являются той живой, творческой силой, которая могуче воздѣйствуетъ на всю общественную жизнь. Вотъ, напр. что пишетъ объ этомъ извѣстный современный намъ византологъ профессоръ Гельцеръ: „возгласы о томъ, что византійская церковь окаменѣла и окостенѣла, распространяются только тѣми, кто знаетъ эту церковь лишь на основаніи кабинетнаго изученія. Я рѣшительно объявляю—продолжаетъ онъ—что вслѣдствіе моихъ личныхъ наблюденій и сношеній съ греческимъ духовенствомъ и народомъ я пришелъ въ этомъ отношеніи къ совершенно другимъ заключеніямъ“. [1]) А нашъ русскій византистъ—профессоръ И. Со-

[1]) *Heinrich Gelzer* „Geistliches und Weltliches aus dem türkisch—griechischen Orients“ 74, Leipzig. 1900.

коловъ, на основаніи внимательнаго личнаго наблюденія категорически заявляетъ, что „религія всегда служила для грековъ главной основой ихъ жизни..., что и теперь религіозность составляетъ самый сильный, движущій мотивъ всей ихъ дѣятельности..., религія составляетъ существенное содержаніе и частной жизни грековъ, и общественнаго ихъ строя, и политическихъ отношеній. Интересы вѣры, духовнаго просвѣщенія и нравственнаго преуспѣянія стоятъ на Востокѣ на первомъ планѣ. Греки въ чистотѣ блюдутъ святую православную вѣру, проводятъ ее въ жизнь, ревностно стремятся осуществить на дѣлѣ заповѣди евангельскаго ученія и достигнуть идеала христіанскаго совершенства“ [1]).

Прямымъ результатомъ всего этого является, прежде всего, необыкновенная отзывчивость грековъ на явленія религіозно-церковной жизни и ихъ живой интересъ къ богословскимъ вопросамъ. По отзыву того же профессора—византиста: „Интересы матери—церкви для нихъ суть общіе, дорогіе и существенные. Всякое болѣе или менѣе важное церковное дѣло сосредоточиваетъ на себѣ общее вниманіе грековъ: о немъ пишутъ въ свѣтскихъ газетахъ, говорятъ въ силлогахъ и братствахъ, волнуются, шумятъ, устраиваютъ митинги, даже кровью запечатлѣваютъ защиту праваго дѣла.... Крупную особенность религіозной жизни грековъ— свидѣтельствуетъ тотъ же ученый,—составляетъ ихъ любовь къ богословскому знанію, унаслѣдованная ими отъ временъ византійскихъ. На востокѣ не рѣдкость встрѣтить людей съ спеціальнымъ образованіемъ (врача, юриста и т. п.) прекрасно знакомыхъ съ богословской наукой, интересующихся духовной литературой и даже извѣстныхъ самостоятельными ученолитературными богословскими трудами. Не только интеллигенція любитъ и занимается богословіемъ, но и простой народъ поражаетъ посторонняго наблюдателя хорошимъ знаніемъ и пониманіемъ своего „упованія“ [2]).

---

[1]) *И. С.* „Церковно-религіозная жизнь на Православно-Греческомъ Востокѣ въ XIX в.“ Хр. Чтеніе 1902 г. Май, 631 и 635 стр.

[2]) *И. С.* тамъ-же, стр. 632-я Авторъ указываетъ между прочимъ на серьезное народное волненіе, доходившее до кровавой стычки съ войсками, бывшее въ 1901 г. въ г. Аѳинахъ, по поводу новаго перевода Евангелія.

Практическимъ воплощеніемъ такихъ истинно-христіанскихъ настроеній и чувствъ служитъ густая сѣть различныхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій, т. н. „силлоговъ и братствъ", которыми несмотря на свою бѣдность, покрыты епархіи и приходы Константинопольской церкви. Изъ учрежденій перваго рода, т. е. просвѣтительныхъ, особаго упоминанія заслуживаетъ очень почтенный „Эллинскій филологическій силлогъ", основанный въ Константинополѣ еще въ 1861 году и преслѣдующій широкія научныя цѣли: „его задача состоитъ въ разработкѣ наукъ и распространеніи научныхъ сочиненій на востокѣ посредствомъ чтенія рефератовъ въ обществѣ, изданія журнала, чтенія публичныхъ лекцій, посредствомъ сношенія съ заграничными учрежденіями подобнаго рода, устройства библіотеки и читальни, объявленія конкурса на соисканіе премій за труды ученые и педагогическіе, поддержаніе бѣдныхъ школъ и учрежденія новыхъ. Силлогъ имѣетъ отдѣленія: литературное, археологическое, педагогическое, антропологическое, естественно-научное и соціологическое. Число его членовъ свыше двухъ тысячъ". [1])

Во главѣ благотворительныхъ заведеній Константинополя нужно поставить „народныя человѣколюбивыя учрежденія", (ἔθνικα φιλάνθρωπα καταστήματα) находящіяся въ Фанарѣ. Въ составъ ихъ входятъ: больница, богадѣльня для престарѣлыхъ лицъ обоего пола и домъ для сиротъ ὀρφανοτρόφιον [2]). Большой популярностью пользуется также женское благотворительное общество въ Перѣ, въ приходѣ Ставродромія, которое, напр. въ одномъ 1899 году оказало существенную трудовую и денежную помощь свыше десяти тысячъ бѣднымъ женщинамъ. Вообще надо замѣтить, что эта сторона дѣла поставлена въ Константинопольской церкви очень широко и плодотворно, напоминая собой симпатичную постановку дѣла внутренней миссіи въ протестантствѣ.

Въ заключеніе своей характеристики общественно-церковной жизни въ Константинопольской церкви считаемъ необходи-

---

[1]) Прот. *И. В. Благоразумовъ* „ Къ вопросу о возрожденіи православнаго прихода" Москва 1904 г. 49-50 стр.

[2]) *И. С.* Церковно-рел. жизнь на православ. Вост. в. XIX в. Хр. Чт. Сентябрь 1902 г., 317.

мымъ особенно подчеркнуть ту важную ее особенность, что широкое участіе мірянъ въ церковной жизни, нетолько ничуть не колеблетъ и не подрываетъ здѣсь авторитета іерархіи, но какъ разъ наоборотъ—усиливаетъ и укрѣпляетъ его. „Греческое духовенство—читаемъ мы у профессора Соколова—имѣетъ громадное вліяніе на народъ. Подъ его руководствомъ и высшіе и низшіе классы греческаго населенія изучаются въ истинахъ христіанской вѣры и пріобрѣтаютъ богословскія знанія, въ учрежденныхъ духовенствомъ школахъ народъ учится необходимымъ въ практической жизни познаніямъ, а въ благотворительныхъ заведеніяхъ находитъ пищу, кровъ и лѣченіе; духовенство помогаетъ народу въ различныхъ несчастныхъ случаяхъ,—собираетъ пожертвованія для пострадавшихъ отъ пожара, ходатайствуетъ передъ турецкими властями за невинно-разоренныхъ и заключенныхъ, защищаетъ на судахъ, охраняетъ неприкосновенность семейнаго очага отъ хищническихъ замысловъ турокъ и т. п. И нужно видѣть уваженіе, какимъ духовенство пользуется на Востокѣ среди народа. Священникъ—первое лицо въ кнотѣ, къ нему всѣ относятся съ расположеніемъ и любовію, его присутствіе вызываетъ въ мірянахъ выраженія самаго искренняго къ нему вниманія, о немъ не слышно грубыхъ и оскорбительныхъ разсказовъ, позади его не раздается пошлаго смѣха.... Даже въ глазахъ турокъ греческій священникъ является лицомъ почтеннымъ и именуется ими „папасъ эфенди“ [1]) Справедливость такого отзыва подтверждаетъ и другой нашъ извѣстный историкъ—профессоръ Московскаго университета А. П. Лебедевъ, который, не смотря на свое отрицательное отношеніе къ высшему, греческому духовенству, о низшемъ, приходскомъ, однако, замѣчаетъ что оно всегда пользовалось любовію и преданностью пасомыхъ въ Восточной церкви, главнымъ образомъ потому, что оно всегда народное“. [2])

Но было-бы, разумѣется, признакомъ непростительнаго оптимизма думать, что въ Константинопольской церкви нѣтъ никакихъ темныхъ, отрицательныхъ сторонъ; несомнѣнно

[1]) *П. С.*—Хр. Чтеніе, 1902, Май 633—634.

[2]) *Проф. А. П. Лебедевъ* „Исторія греко-восточной церкви подъ властью Турокъ“ Изд. 2-ое Спб. 1904 г. 376 стр.

существуютъ онѣ и здѣсь, въ видѣ, напр. низкаго образовательнаго уровня сельскаго духовенства, его плохаго матеріальнаго обезпеченія, нѣкоторыхъ неодобрительныхъ видовъ эксплоатаціи имъ религіознаго чувства (хожденіе со святыней по первымъ числамъ каждаго мѣсяца, благословеніе коньемъ изъ царскихъ вратъ, привилигированная раздача антидора и т. п.), его частыхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто, въ поискахъ лучшаго и т. п.) Но въ извиненіе ихъ слѣдуетъ сказать, что почти всѣ эти и имъ подобные недостатки—продуктъ гнетущей матеріальной бѣдности константинопольскихъ приходовъ, находящей свое объясненіе въ тяжелыхъ условіяхъ турецкаго гнета.

III.

Противъ нашей попытки представить церковно-общественной строй жизни въ Константинопольской церкви, какъ нѣчто достойное вниманія и даже подражанія, обычно возражаютъ, говоря, что такое устройство „*не типично*“ для православной церкви, что оно носитъ слишкомъ мѣстный колоритъ — объясняется исключительными особенностями того положенія, въ которомъ находится Греческая церковь въ Турецкомъ государствѣ (соединеніе духовной и гражданской власти въ лицѣ патріарха).

Признавая за этимъ возраженіемъ лишь очень условную силу (именно то, что злоупотребленія и неустройства въ общественно-гражданской сферѣ особенно сильно и больно отзывались на народѣ и заставляли его энергичнѣе добиваться реформъ), мы находимъ, что оно неправильно по существу, такъ какъ опровергается современной исторіей почти всѣхъ автокефальныхъ церквей православнаго Востока, живущихъ свободной и полной церковной жизнью. Достаточно самаго бѣглаго очерка церковно-административнаго устройства въ самостоятельныхъ славянскихъ государствахъ Балканскаго полуострова, чтобы убѣдиться, какую видную роль играетъ тамъ общинно-народное представительство.

Такъ напр. въ основѣ управленія Болгарской церковью лежитъ „уставъ“, составленный 14-го мая 1871 года церковно-

народной скупщиной болгарскихъ представителей, большинство которыхъ были, разумѣется, міряне (уставъ подписанъ 5-ю архіереями и 35 представителями епархій). Согласно этому уставу и его позднѣйшимъ дополненіямъ („экзархійскій уставъ 1883 г. и уставъ 13 января 1895 года), высшее управленіе въ Болгарской церкви вѣдаютъ 1) *святый синодъ* и 2) *экзархійскій совѣтъ*. Первый состоитъ изъ экзарха—предсѣдателя и четырехъ членовъ—епархіальныхъ архіереевъ-избираемыхъ на четыре года всѣми архіереями. Онъ собирается ежегодно, начиная со второго воскресенья послѣ пасхи и вѣдаетъ всѣ спеціально догматическія и религіозныя дѣла.

Въ составъ второго — т. е. *экзархійскаго совѣта* входятъ опять таки экзархъ, какъ предсѣдатель его, и шесть, пользующихся добрымъ именемъ міранъ, которыхъ выбираетъ клиръ и народъ всѣхъ епархій экзархата. Срокъ выборной службы ихъ также четырехлѣтній, а кругъ дѣлъ слѣдующій: а) школы, б) построеніе церквей и пріютовъ, в) управленіе церковнымъ имуществомъ, г) контроль годовыхъ счетовъ всѣхъ церквей и монастырей, и д) разсмотрѣніе гражданской стороны въ брачныхъ спорахъ [1]).

Послѣдній, дѣйствующій уставъ церкви свободнаго *Сербскаго королевства* (27-го апрѣля 1890 года) устанавливаетъ также же два органа духовнаго управленія и суда: 1) *архіерейскій соборъ*, въ которомъ подъ предсѣдательствомъ бѣлградскаго митрополита участвуютъ всѣ епархіальные епископы и обсуждаютъ всѣ спеціальные догматическо-каноническіе вопросы; и 2) *великій духовный судъ*, гдѣ подъ предсѣдательствомъ одного выборнаго архіерея засѣдаютъ десять выборныхъ же духовныхъ лицъ (два архимандрита и восемь лицъ изъ бѣлаго духовенства). Это—высшая судебная инстанція, куда поступаютъ апелляціи на рѣшенія епархіальныхъ архіереевъ: ея постановленія имѣютъ окончательную силу. Кромѣ того,

---

[1]) Свѣдѣнія объ устройствѣ и управленіи Болгарскаго экзархата можно почерпать у *Никодима Милоша*: „Православное церковное право.“ Спб. 1897 г. 353 и сл., у проф. П. А. *Заозерскаго* „О церковной власти“ 1894 г. 406 стр., и въ „Исторіи пр. церкви XIX“ над. *Лопухина*, т. 2-й, Петроградъ. 1901. Особенно рекомендуется спеціальная статья проф. *И. Ильмова*, „Болгарская экзархійская церковь: первоначальное и современное ея устройство“. Христ. чтеніе, 1896 г. II ч.

для завѣдыванія церковно-имущественными дѣлами въ каждой епархіи существуетъ, такъ называемый, „церковный отборъ“, состоящій изъ предсѣдателя (непремѣнно священнаго сана) и десяти членовъ, избираемыхъ на два года совѣтомъ гражданской общины изъ среды мірянъ. Наконецъ, въ случаѣ избранія митрополита, составляется особое, такъ называемое „избирательное собраніе“. Его образуютъ: всѣ епархіальные архіереи, всѣ настоятели монастырей, всѣ окружные протопресвитеры, а изъ свѣтскихъ— предсѣдатель и подпредсѣдатель послѣдней народной скупщины, министръ церковныхъ дѣлъ и другіе высшіе представителя правительства и общества[1]).

Наиболѣе же ясно, послѣдовательно и полно начало широкаго церковно-народнаго представительства проведено въ въ автокефальныхъ церквахъ православныхъ Сербовъ (Карловецкая митрополія) и Румынъ (Сибиньская или Германштадская митрополія), живущихъ въ предѣлахъ Австро-Венгріи.

Начало серьезной церковно-общественной реформы совпадаетъ здѣсь съ тѣмъ освободительствомъ теченіемъ, которое явилось отголоскомъ извѣстной западно-европейской революціи 1848 г. Когда попытки на возстановленіе своей „воеводины“ оказались несбыточными, сербскій народъ сосредоточилъ все свое вниманіе на старыхъ привилегіяхъ и, памятуя печальное прошлое, рѣшился добиться активнаго участія въ дѣлахъ церковной автономіи, чтобы путемъ потребныхъ реформъ въ церковно-народной жизни и управленіи и чрезъ расширеніе правъ представителей народныхъ на конгрессѣ укрѣпить послѣднюю возможность защиты и охраненія своей народной независимости и свободы развитія церковно-народной жизни. Правительство уступило и рескриптомъ 1868 г. признало за представителями народа это право“...[2]). Этотъ основной законъ и легъ въ основу современнаго церковнаго управленія православныхъ

---

[1]) Подробный, обстоятельный обзоръ Сербской церкви данъ въ спеціальной монографіи *М. Чельцова* „Церковь королевства Сербскаго со времени пріобрѣтенія ею автокефальности“. 1879—1896 г. Спб. 1899 г. А также см. и вышеуказанную литературу.

[2]) Любопытно, что кромѣ борьбы съ иновѣрнымъ правительствомъ Сербскому народу пришлось выдержать рядъ рѣзкихъ и энергичныхъ

Сербовъ — Карловацкой митрополіи и Румынъ-Сибиньской митрополіи, которыя, благодаря этому, имѣютъ почти тождественное устройство.

Главной типичной чертой, характеризующей собой устройство всего церковнаго управленія въ этихъ митрополіяхъ, является та рѣзкая грань, которая ясно и опредѣленно проведена здѣсь между полномочіями: 1) священной и 2) правительственной власти въ церкви. Высшія іерархическія полномочія первой, т. е. священной власти, -ученіе, священнодѣйствіе и пастырство, — вѣдаютъ здѣсь коллегіи изъ однихъ только епископовъ, носящія одинаковыя названія *„архіерейскаго синода“*, въ обѣихъ митрополіяхъ. Всѣ же остальныя дѣла, относящіяся къ вѣдѣнію административной или церковно-правительственной власти, принадлежатъ здѣсь особому церковно-національному конгрессу, въ которомъ на одну треть духовенства имѣется двѣ трети мірянъ.

Въ карловицкой митрополіи этотъ представительный органъ называется *„народно-церковнымъ соборомъ“*. Онъ составляется подъ предсѣдательствомъ митрополита изъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ и 75-ти выборныхъ представителей: 25-ти духовныхъ и 50-ти мірянъ, одинъ изъ которыхъ долженъ быть товарищемъ предсѣдателя собора. Соборъ собирается разъ въ три года и вѣдаетъ всѣ дѣла внѣшняго церковнаго управленія, рѣшая ихъ простымъ большинствомъ голосовъ.

„Народно-церковный соборъ“ сибиньской, румынской, митрополіи устраивается и функціонируетъ совершенно такъ же: онъ составляется изъ 90 народныхъ представителей, 30-ти духовныхъ и 60-ти мірянъ. Его вѣдѣнію подлежатъ: а) попеченіе объ охранѣ свободы вѣроисповѣданія и автономіи православной румынской церкви, б) управленіе, всѣми дѣлами, касающимися церкви, школъ и церковно-школьныхъ средствъ, в) избраніе митрополита, причемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ составъ собранія пополняется избираемыми для этого 30-ю членами, выбранными изъ епархіи митрополита.

Для постояннаго управленія текущими дѣлами на со-

протестовъ со стороны своей высшей іерархіи, не желавшей поступаться своими исключительными правами, въ интересахъ всей націи.

борахъ выбираются особые исполнительные комитеты. Въ карловицкой митрополіи онъ называется *„отборомъ конгресса“* или *„соборнымъ совѣтомъ“* и состоитъ изъ девяти членовъ: митрополита, какъ предсѣдателя, одного епископа, двухъ духовныхъ и пяти мірянъ. Въ сибиньской митрополіи такой исполнительный органъ носитъ названіе „митрополичьей консисторіи“ и составляется на конгрессѣ же изъ извѣстнаго числа выборныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ подъ предсѣдательствомъ митрополита. Для большаго порядка въ управленіи „митрополичья консисторія“ подраздѣляется на три спеціальныхъ отдѣленія: а) отдѣленіе строго-церковныхъ дѣлъ, б) Отдѣленіе училищныхъ дѣлъ, и в) отдѣленіе епитропскихъ, т. е. попечительскихъ дѣлъ. Всѣ эти отдѣленія дѣйствуютъ сравнительно самостоятельно, но въ особенно важныхъ случаяхъ устраиваютъ и общія собранія.

Совершенно по тому же самому плану, какъ въ митрополіи, организовано здѣсь церковное устройство и трехъ остальныхъ, низшихъ церковно-административныхъ округовъ: *епархіи, протопресвитерата и, наконецъ, прихода.* Во всѣхъ этихъ единицахъ церковнаго управленія мы видимъ одинъ и тѣ же основныя формы: 1) временное общее собраніе изъ $^2/_3$ мірянъ и $^1/_3$ духовенства, и 2) постоянный исполнительный органъ этого собранія, имѣющій три спеціальныхъ формы подраздѣленія, такъ что все церковно-народное управленіе въ этихъ митрополіяхъ образуетъ собою стройно развитую систему концентрическихъ круговъ, постепенно суживающихся по мѣрѣ ихъ проникновенія въ глубину народной жизни.

Особенно поражаетъ своей выдержанной стройностью и законченностью устройство сибиньской митрополіи, обязанное детальной разработкой своему первому автономному митрополиту, знаменитому канонисту Андрею Шагунѣ. Епархія управляется тамъ: 1) общимъ „епархіальнымъ собраніемъ“ и 2) выборной „епархіальной консисторіей“, имѣющей три отдѣленія: а) строго церковныхъ, б) училищныхъ и в) епитропскихъ дѣлъ. Рѣшающее значеніе въ смыслѣ общенароднаго представительства имѣютъ, конечно, выборы въ первый общеепархіальный соборъ; для производства ихъ каждая епархія дѣлится на 20 избирательныхъ округовъ и

каждый округъ дастъ по три представителя, одного духовнаго и двухъ міряпъ.

Епархія въ свою очередь дѣлится на нѣсколько меньшихъ церковныхъ округовъ, называемыхъ въ уставѣ „протопресвитератами“ и отчасти напоминающими наши благочинія. Дѣла „протопресвитерата“ вѣдаютъ: 1) общее протопресвитерское собраніе изъ представителей всѣхъ приходовъ, входящихъ въ его составъ, съ сохраненіемъ той же пропорціи въ представительствѣ духовныхъ и мірянъ. Собраніе выбирается на три года и вѣдаетъ въ послѣдней инстанціи всѣ церковно-хозяйственныя, школьныя и „фондовыя“ дѣла своего округа, а также назначаетъ членовъ во всѣ исполнительные подчиненные ему органы и, наконецъ, въ удвоенномъ составѣ членовъ выбираетъ, въ случаѣ надобности, и самого протопресвитера. Исполнительными органами протопресвитерскаго собранія служатъ: а) протопресвитерскій совѣтъ, б) протопресвитерская епитропія и в) протопресвитерскій столъ. Послѣдній состоитъ изъ протопресвитера, какъ предсѣдателя, и шести членовъ-священниковъ, чиновника по брачнымъ дѣламъ, дѣлопроизводителя и секретаря. Онъ представляетъ собой не что иное, какъ отдѣленіе совѣта для строго церковныхъ дѣлъ: онъ ревизуетъ правильность выборовъ приходскихъ священниковъ, ихъ помощниковъ, діаконовъ и другихъ церковныхъ лицъ; наблюдаетъ за поведеніемъ служащихъ при церкви, разбираетъ взаимныя распри между духовенствомъ, слѣдитъ за точнымъ веденіемъ метрическихъ книгъ и брачныхъ обысковъ, таксируетъ плату за требы и т. п.

Низшей единицей церковнаго управленія является *парохія*, или приходъ. Во главѣ его стоитъ точно также общее *„приходское собраніе“*, въ составъ котораго входятъ всѣ совершеннолѣтніе, самостоятельно живущіе, исполняющіе свои религіозныя обязанности мѣстные прихожане. Приходское собраніе вѣдаетъ: 1) выборъ приходскаго священника, его помощника и діакона, 2) выборъ членовъ приходскаго совѣта, 3) назначеніе приходскихъ епитроповъ, 4) предварительное разсмотрѣніе новой и заключительное одобреніе старой смѣты приходскихъ доходовъ и расходовъ и 5) избраніе уполномоченныхъ на протопресвитерскій соборъ. Подобныя собранія обыкновенно устраиваются разъ въ годъ, въ январѣ;

по, по требованію обстоятельствъ, могутъ назначаться и чаще.

Исполнительными органами общеприходскаго собранія, осуществляющими его функціи, являются: а) особый *приходскій совѣтъ*, выбранный на собраніи, и б) *приходская же епитропія*. Во главѣ совѣта стоитъ старшій изъ приходскихъ священниковъ, а члены поступаютъ по выбору, приблизительно по 10-ти человѣкъ отъ каждой 1,000 прихожанъ, причемъ строго наблюдается, чтобы между членами совѣта не было близкаго свойства или родства. Этотъ приходскій совѣтъ, совмѣстно съ епитропіей, непосредственно обнимаетъ собой всѣ стороны приходской жизни: онъ завѣдуетъ всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ церкви и школы, онъ заботится объ ихъ ремонтѣ и украшеніи, онъ, по соглашенію съ протопресвитеромъ, объявляетъ конкурсъ на вакансіи священника, его помощника, діакона, профессоровъ и учителей; основываетъ приходскую библіотеку и отстаиваетъ интересы церкви и прихода предъ лицомъ высшей власти. Словомъ, „совѣтъ"—настоящая душа прихода.

Таковъ въ своихъ существенныхъ чертахъ строй церковнаго управленія въ странахъ съ развитымъ народнымъ представительствомъ и съ живымъ патріотическимъ и религіознымъ чувствомъ. Недаромъ одинъ изъ компетентныхъ наблюдателей этого строя, проф. И. С. Пальмовъ, отзывался о немъ съ большой похвалой, считая положенное въ его основу начало общенароднаго представительства православныхъ сербовъ и румынъ „главной гарантіей ихъ національной цѣлости и самобытности", въ борьбѣ противъ властныхъ воздѣйствій мадьяризма и другихъ окружающихъ ихъ враждебныхъ вліяній [2]).

Подводя итоги всему сказанному, мы твердо устанавливаемъ тотъ основной тезисъ, что во всѣхъ автокефальныхъ церквахъ современнаго намъ православнаго Востока получила свое полное признаніе и *довольно удачное* выраженіе идея широкаго общественно-народнаго представительства. Строй ная же схема основанной на этомъ началѣ церковной организаціи служитъ наглядньшъ примѣромъ того, какъ

---

[2]) *И. С. Пальмовъ.* „Основныя черты церковнаго устройства у румынъ". *Хр. Чтеніе*, 1898 г., іюнь, 910 стр.

древняя каноническая форма церковной соборности легко и удобно можетъ ассимилироваться со сродной ей по духу конституціонной формой современной общественно-гражданской жизни.

Прив.—доцентъ *А. Покровскій.*

Замѣтка по поводу реферата А. Покровскаго о церковномъ управленіи на современномъ Православномъ Востокѣ.

Вы, Александръ Ивановичъ, въ своемъ настоящемъ рефератѣ, выставляете, между прочимъ, современный строй церковнаго управленія константинопольской патріархіи, какъ образцовый для насъ. Не возражая Вамъ по существу, не отрицая того, что современный строй управленія константинопольской церкви несомнѣнно стоитъ гораздо выше нашего, лучше и вѣрнѣе, чѣмъ нашъ, отображаетъ собою типъ истинно православнаго канонническаго церковнаго управленія, я позволю себѣ однако разсказать нѣчто изъ своихъ бесѣдъ, какія мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ пришлось вести съ патріархами: константинопольскимъ Іоакимомъ и бывшимъ іерусалимскимъ Никодимомъ, такъ какъ во время этихъ бесѣдъ приходилось, между прочимъ, коснуться и порядковъ церковнаго управленія въ константинопольской патріархіи. При этомъ считаю нужнымъ оговорить, что мои бесѣды съ патріархами происходили въ присутствіи ректора нашей академіи преосвященнаго Евдокима и нѣкоторыхъ нашихъ профессоровъ, которые тоже принимали участіе въ бесѣдѣ.

Когда патріархъ Іоакимъ пригласилъ насъ (ректора и профессоровъ), послѣ оффиціальнаго пріема, въ свой кабинетъ, то ему прежде всего предложенъ былъ вопросъ о томъ, какъ онъ смотритъ на соборность въ церковномъ управленіи: есть-ли соборность необходимое условіе правильнаго теченія всей вообще церковно-религіозной жизни? На это патріархъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣтилъ, что соборность составляетъ душу не только православія, но и христіанства вообще, безъ соборности нѣтъ ни православія, ни самого христіанства, такъ какъ—де и Христосъ всегда дѣйствовалъ

вмѣстѣ съ своими учениками.—Тогда мною предложенъ былъ патріарху, съ его предварительнаго разрѣшенія, давно интересовавшій меня вопросъ о несовмѣстимости монашества и архіерейства въ одномъ лицѣ. Я указалъ патріарху на то, что наши русскіе архіереи—монахи находятся въ ложномъ и для многихъ изъ нихъ очень тяжеломъ положеніи: какъ монахи они дали предъ Богомъ и людьми торжественный клятвенный обѣтъ всецѣлаго послушанія, безусловнаго смиренія, полнаго безкорыстія; они, какъ монахи, клятвенно отреклись отъ своей воли, личныхъ взглядовъ и идеаловъ, отъ міра и всего мірскаго, клялись всю жизнь провести вдали отъ міра, занимаясь только плачемъ о своихъ грѣхахъ, молитвою, непрестанною заботою о своемъ личномъ спасеніи; но какъ архіереи, эти самые монахи живутъ постоянно въ мірѣ, среди житейской суеты, занимаются по преимуществу мірскими дѣлами, имѣютъ огромную почти безконтрольную власть надъ другими, требуютъ себѣ отъ другихъ безусловнаго послушанія, карають и милуютъ своихъ многочисленныхъ подчиненныхъ, подобно мірскимъ властелинамъ окружены внѣшнею помпою, роскошью, почетомъ, такъ что и по внѣшности въ архіереѣ не остается ничего монашескаго. Въ виду чего, если нашъ русскій архіерей пожелаетъ быть настоящимъ монахомъ, то онъ неизбѣжно будетъ очень плохимъ архіереемъ; если онъ захочетъ быть хорошимъ архіереемъ, то онъ неизбѣжно будетъ въ тоже время очень плохимъ монахомъ, такъ какъ по моему, мнѣнію монашество и архіерейство, по самому своему существу, несовмѣстимы въ одномъ лицѣ, они взаимно исключаютъ одно другое. Мнѣ кажется, говорилъ я патріарху, что этого противорѣчія избѣгла православная греческая церковь, въ которой архіереи, насколько мнѣ извѣстно, не монахи, почему они свободно и спокойно могутъ жить и дѣйствовать въ мірѣ, интересоваться всѣми мірскими общественными дѣлами, принимать въ нихъ живое и дѣятельное участіе, не испытывая при этомъ того внутренняго разлада, какой неизбѣжно испытываетъ русскій архіерей монахъ. Мнѣ кажется, продолжалъ я, что, по примѣру греческой вселенской церкви, и русскимъ слѣдуетъ избирать архіереевъ не изъ монаховъ, а изъ неженатыхъ лицъ всѣхъ классовъ, если только эти лица выдаются своими высокими христіанскими нравственными ка-

чествами, своими дарованіями, христіанскою образованностію, а ихъ паства хорошо знаетъ ихъ съ этой стороны.

Патріархъ призналъ, что архіерейство и монашество въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣйствительно несовмѣстимы, и что монахъ, дѣлаясь архіереемъ, долженъ сложить съ себя нѣкоторые монашескіе обѣты, что современные греческіе архіереи дѣйствительно не монахи; но въ тоже время призналъ и то, что можно архіереевъ избирать и изъ монаховъ, какъ это не разъ и бывало въ древности, и изъ монаховъ де даже выходили лучшіе архіереи. Въ тоже время патріархъ предостерегалъ отъ увлеченія ихъ порядками церковнаго управленія, въ которыхъ де тоже есть свои тѣневыя стороны, и русскимъ ихъ слѣдуетъ избѣгать, не во всемъ подражая имъ, не копируя ихъ рабски.

Тоже самое заявлялъ намъ и бывшій іерусалимскій патріархъ Никодимъ, съ которымъ мы мы тоже вели бесѣду по интересующимъ насъ вопросамъ. Онъ даже выразился по этому поводу, что греки потеряли не только свое царство; но и церковь, что ихъ архіереи—не монахи—слишкомъ своевольны, мало слушаются своихъ патріарховъ; неугодныхъ чѣмъ либо имъ всегда готовы низвергнуть, чего, при турецкомъ правительствѣ, легко и достигаютъ. Русскимъ де не слѣдуетъ подражать грекамъ, а нужно держаться своихъ старыхъ порядковъ, они-де лучше греческихъ.

Такимъ образомъ сами греческіе патріархи признаютъ, что ихъ порядки церковнаго управленія имѣютъ свои серьезные недостатки, и что они не во всѣхъ отношеніяхъ могутъ служить образцомъ для русскихъ,—подражать имъ слѣдуетъ съ осторожностью.

П. Каптеревъ.

Синодская подготовка къ собору.

I.

Переживаемое нами время высокаго общественнаго подъема и энергичной, порой даже бурной, общественной работы всего менѣе благопріятно для какихъ бы то ни было историческихъ юбилеевъ и памятныхъ годовщинъ. Рѣшительно порывая связи съ ненавистнымъ ему прошлымъ, общество не хочетъ оглядываться назадъ, а всѣ свои лучшіе помыслы и благородные порывы устремляетъ впередъ, къ свѣтлой зарѣ лучшихъ дней. Въ быстрой, лихорадочной смѣнѣ общественныхъ настроеній и самыхъ событій утрачивается правильное чувство исторической перспективы и многое изъ того, что сильно волновало насъ годъ, полгода, даже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, кажется уже далекимъ и не интереснымъ для насъ, готовымъ кануть въ лету забвенія.

Не удивительно, что при такомъ повышенномъ настроеніи общества, всецѣло занятаго серіозными текущими интересами, совершенно незамѣтно для него прошла одна, довольно знаменательная годовщина. Я разумѣю здѣсь исполнившуюся въ концѣ марта годовщину синодальнаго доклада о предстоящемъ соборѣ и церковной реформѣ.

Живо встаетъ въ воображеніи и памяти то огромное идейное впечатлѣніе, которое произвела на все русское общество первая вѣсть объ этомъ докладѣ. Всѣ были пріятно удивлены такимъ новымъ, совершенно неожиданнымъ сюрпризомъ со стороны Св. Синода: Синодъ, на который русское общество привыкло смотрѣть, какъ на одну изъ главныхъ твердынь стараго режима, вдругъ самъ дѣлалъ вызовъ тому угнетающему его строю и точно также, какъ и все сознательное общество, требовалъ себѣ реформъ, да еще самыхъ рѣшительныхъ и смѣлыхъ съ своей точки зрѣнія!

Ясно, что въ виду этого отношеніе общества сразу же радикально къ нему измѣнилось: органы свѣтской печати, до того времени совершенно равнодушные или даже, скорѣй, враждебные церковнымъ интересамъ, живо отозвались на этотъ новый синодальный шагъ и стали комментировать его на разные лады.

Въ общемъ хорѣ голосовъ преобладали, скорѣй, высокія, бодрящія ноты. Всѣмъ пріятно и отрадно было почувствовать и увидать, что „оффиціальная церковь", наконецъ, прозрѣла, созпала всю неканоничность своего существующаго строя и всю непормальность своего наличнаго положенія въ государствѣ, въ роли его служебнаго органа, а не въ значеніи его руководственнаго, моральнаго авторитета. Припоминается, что объ этомъ „синодальномъ переворотѣ" съ особеннымъ чувствомъ говорили органы либеральной и даже ультра-либеральной прессы: они готовы были завидовать быстротѣ и силѣ такого, если можно такъ выразиться, „синодскаго натиска" на ненавистный всѣмъ режимъ и сочувственно ставили его въ примѣръ желательнаго отношенія къ реформамъ, вообще. Нечего и говорить, конечно, о томъ, насколько искренно и горячо привѣтствовали этотъ шагъ всѣ истинные сыны церкви, серіозно болѣющіе объ ея нуждахъ и желающіе ей духовной силы и свободнаго, внутренняго расцвѣта.

Но все это неожиданное, лихорадочное возбужденіе такъ же быстро прошло и улеглось, какъ неожиданно оно возникло и развилось. Холоднымъ, успокоившимъ его душемъ явилось вскорѣ же проникшее въ печать извѣстіе, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему представленію бывшаго синодальнаго оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева, не уважилъ ходатайства Св. Синода и отклонилъ его представленіе.

Печать, плохо освѣдомленная о ходѣ этого дѣла, не замедлила, конечно, объяснить такую неудачу интригой всевластнаго чиновника, спасавшаго де свое исключительное положеніе и не хотѣвшаго выпустить церкви изъ-подъ своей ферулы.

Появился цѣлый рядъ смутныхъ слуховъ, сначала о крупныхъ непріятностяхъ, будто бы грозившихъ нѣкоторымъ выдающимся членамъ Синода за такую ихъ „демонстрацію",

затѣмъ—объ ихъ „покаянныхъ“ дѣйствіяхъ и послѣдовавшей оберъ-прокурорской амнистіи. Эпилогомъ всей этой, довольно нашумѣвшей исторіи, была отставка товарища оберъ-прокурора—„извѣстнаго“ В. К. Саблера, на которую всѣ посмотрѣли какъ на отплату „старому“ товарищу за его „новую“ церковную тактику.

Вспоминая объ этомъ синодальномъ докладѣ по поводу его первой годовщины, я дѣлаю это вовсе не потому, чтобы сочувствовать и раздѣлять его мысли. Наоборотъ, и въ этомъ первомъ, „свободномъ“ актѣ Св. Синода всецѣло сказался тотъ же старый „бюрократическій“ духъ—рѣшать, или, по меньшей мѣрѣ, предрѣшать важнѣйшія жизненныя реформы самостоятельно и единолично, безъ всякаго участія не только клира и мірянъ, но даже и самаго остальнаго епископата.

Еще менѣе можно симпатизировать данному докладу теперь, когда стало извѣстнымъ его содержаніе, откуда выяснилось, что какъ главная мысль этого доклада (учрежденіе патріаршества), такъ и въ особенности ея мотивировка („чести ради государства“) довольно сомнительны и мало церковны по существу. Невольно чувствовалось, что авторы доклада не столько хлопотали о внутренней свободѣ и величіи церкви, сколько о своей внѣшней независимости и личныхъ клерикальныхъ интересахъ. Все это придало синодальному докладу характеръ поспѣшнаго, недостаточно продуманнаго и нечуждаго клерикальной окраски рѣшенія, что, конечно, не могло сильно не ослабить его значенія и авторитета.

Но при всемъ томъ, синодальному докладу нельзя отказать и въ нѣкоторой положительной исторической заслугѣ: въ немъ, впервые, сама правящая церковь признала свою недостаточную каноничность и громко заявила о необходимости серіозныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ реформъ. Съ тѣхъ поръ, сначала довольно рѣдко и робко, а затѣмъ все чаще и сильнѣе стали раздаваться и другіе, вторящіе синодальному докладу голоса о важности и серіозности предстоящихъ церкви задачъ ея всесторонняго переустройства и обновленія. Словомъ, докладъ Синода, годовщину котораго мы отмѣтили, далъ самый сильный толчокъ всему современному церковно-преобразовательному движенію.

Въ настоящемъ своемъ очеркѣ мы намѣрены разсмотрѣть,

что сдѣлала въ этомъ отношеніи сама правящая церковь, въ лицѣ св. Синода, какимъ путемъ и насколько цѣлесообразно готовилась она къ предстоящему собору?

Въ крушеніи прошлогодняго синодальнаго проекта рѣшающее значеніе имѣло, какъ мы видили, veto бывшаго оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева, безъ вѣдома котораго, повидимому, задумана была церковная реформа и даже какъ бы въ пику которому она велась. Остановивъ властной рукой такое непростительное самоволіе членовъ Св. Синода и преподавъ имъ падлежащій урокъ смиренія и благопокорливости, К. П. Побѣдоносцевъ, какъ умный и дальновидный церковно-государственный политикъ, изъ всего этого, однако, понялъ и увидалъ, что реформа въ церкви, дѣйствительно, назрѣла и ее необходимо дать. Но чтобы спасти „основы и устои“ стараго церковнаго здапія и достаточно обезвредить самую реформу, онъ рѣшилъ взять ее въ свои руки и провести чрезъ свою цензуру.

Съ этой цѣлью еще 28-го іюня прошлаго года отъ имени синодальнаго оберъ-прокурора послѣдовало особое предложеніе Св. Правительствующему Синоду, въ которомъ послѣднему преподается цѣлая программа подготовительныхъ къ предстоящему собору работъ. Въ ней указанъ цѣлый рядъ вопросовъ, отвѣтъ на которые долженъ, по мысли оберъ-прокурора, дать соотвѣтствующій матеріалъ для собора.

Получивъ такое предложеніе своего оберъ-прокурора, Св. Синодъ поспѣшилъ его разсылкой по всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, при слѣдующемъ еще наказѣ: „Св. Синодъ опредѣляетъ поручить епархіальнымъ преосвященнымъ войти въ сужденіе по означеннымъ вопросамъ, предоставивъ въ помощь себѣ по разработкѣ означенныхъ вопросовъ пригласить лицъ, заслуживающихъ довѣрія и способныхъ оказать въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе“. Необходимо еще добавить, что всѣ эти документы были украшены знаменательнымъ эпиграфомъ—„распубликованію не подлежитъ“,—чѣмъ на все это крайне важное и жизненное дѣло сразу же былъ наложенъ бюрократическій покровъ „канцелярской тайны“.

Въ горячей статьѣ петербургскаго сборника группы 32—„Церковное вѣдомство и церковный соборъ“—дана сильная и убѣдительная критика такого опрометчиваго шага, благодаря чему все дѣло синодальной подготовки къ

собору сразу же стало на ложный путь чисто канцелярской, убивающей живое дѣло, волокиты, вмѣсто одушевленной творческой работы, при свѣтѣ гласности и широкой общественности. „Въ такомъ разобщеніи въ работѣ, въ такомъ разъединеніи помысловъ, въ этомъ взаимномъ недовѣріи и соблюденіи какихъ-то тайнъ другъ отъ друга авторъ названной статьи не безъ основанія усматриваетъ прискорбное расчлененіе тѣла Христова, раздраніе ризы Христовой и явное нарушеніе завѣтовъ Спасителя, Который вѣдь не напрасно же говорилъ о Себѣ: „Я всегда училъ явно передъ народомъ и тайно не говорилъ ничего".

„Подобаетъ,—говоритъ авторъ цитируемой нами статьи, написанной еще въ октябрѣ 1905 г.,—обратиться къ епархіальнымъ архіереямъ, но не съ предложеніемъ навремя отгородиться и отрѣшиться отъ своихъ паствъ, а съ предложеніемъ войти съ ними въ единеніе, возстановить, по мѣрѣ возможности, достодолжную, но прискорбно утраченную, связь... Подобаетъ обратиться къ епископамъ—продолжаетъ онъ,—но какъ къ средоточіямъ любви церковной и не съ призывомъ къ разъединенію, а съ убѣжденіемъ, по мѣрѣ возможности, объединиться съ паствами въ подготовительной къ предстоящему собору работѣ, собрать епархіальные съѣзды или соборы съ самымъ широкимъ, по возможности, составомъ, съ возможно полнымъ участіемъ членовъ церковнаго тѣла, дабы объединенною внутри, въ благодати общенія встрѣтила церковь предстоящій соборъ. Только тогда —справедливо заключаетъ нашъ авторъ—только послѣ такого призыва и совершенія сообразно ему дружной, объединенной работы, предстоящій соборъ можетъ оказаться не ареной состязанія, соперничества и вражды, не ристалищемъ партій, а выразителемъ церковной любви и церковнаго мира!"

Вотъ, тѣ два пути, которые раскрывались передъ нашей правящей церковью въ первой стадіи подготовительныхъ къ собору работъ: одинъ—свѣтлый путь живой, одушевленной, творческой работы всѣхъ сознательныхъ членовъ церкви, другой—темный путь, путь личнаго усмотрѣнія и канцелярской тайны, набрасывающей на все свой густой покровъ и поселяющей взаимное разобщеніе и недовѣріе всѣхъ силъ учащей и учимой церкви.

Волей или неволей, но наше церковное вѣдомство пошло,

именно, послѣднимъ, т.-е. бюрократическимъ путемъ; а если по мѣстамъ иногда и сбивалось съ него на болѣе свѣтлую дорогу общественной гласности, то дѣлало это недостаточно искренне и охотно, и главное—почти безъ всякихъ осязательныхъ результатовъ.

Самымъ важнымъ дѣломъ во всей синодальной, предсоборной подготовкѣ, безъ сомнѣнія, должно признать мѣстную работу по епархіямъ. И вотъ, на ней-то во всей силѣ и сказались всѣ отрицательныя стороны избраннаго Синодомъ подготовительнаго пути. Результатомъ этой работы являются, такъ называемые, „отзывы епархіальныхъ архіереевъ", давшіе Синоду обширный матеріалъ въ четыре увѣсистыхъ тома большого формата, свыше 1,600 печатныхъ страницъ. Для научной разработки этого матеріала и созвана, главнымъ образомъ, засѣдающая теперь при Синодѣ „предсоборная коммиссія", такъ что оцѣнка дѣятельности послѣдней, въ значительной мѣрѣ, зависитъ отъ качества того матеріала, оперировать надъ которомъ она призвана.

Итакъ, что же такое представляютъ собою эти „отзывы" епархіальныхъ архіереевъ? Выражаютъ ли они голосъ всей паствы, возглавляемой тѣмъ или инымъ епархіальнымъ архіереемъ, или представляютъ только личное его мнѣніе? —вотъ, по нашему мнѣнію, главный узелъ всего вопроса. Ибо ясно, что если это голосъ паствы, то ему цѣна одна, а если это только личное мнѣніе архіерея—то совсѣмъ другая.

И мы, нисколько не колеблясь, утверждаемъ послѣднее, т.-е. что эти „отзывы" въ подавляющей своей массѣ представляютъ лишь единичное мнѣніе епархіальныхъ архіереевъ, которое можетъ, конечно, совпадать но еще больше и не совпадать съ общимъ голосомъ ихъ паствъ.

Но какъ же—спросятъ насъ—вѣдь эти „отзывы" большинствомъ архіереевъ разрабатывались въ спеціальныхъ коммиссіяхъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и при участіи цѣлыхъ епархіальныхъ съѣздовъ?

Совершенно справедливо, что большинство епархіальныхъ владыкъ, исполняя точный смыслъ синодскаго указа, устроило для отвѣта на предложенія оберъ-прокурора спеціальныя коммиссіи. Но посмотримъ, изъ кого же составлялись такія коммиссіи, въ какомъ духѣ онѣ работали, и что

изъ этихъ работъ могло и должно было войти въ архіерейскій отзывъ? Мы думаемъ, что отвѣтъ здѣсь ясенъ самъ собою. Разъ коммиссія назначалась самимъ владыкой и только въ помощь ему, то, конечно, она могла работать только въ томъ духѣ, какой нуженъ былъ ея организатору; иначе изъ вспомогательнаго органа она превращалась бы въ противодѣйствующій, чего ни одинъ „благостный владыка" при себѣ не потерпѣлъ бы. Значитъ, всѣ эти секретныя коммиссіи, въ самомъ лучшемъ случаѣ, служили лишь для выясненія и обоснованія собственныхъ взглядовъ собиравшихъ ихъ епархіальныхъ архіереевъ, были болѣе или менѣе полнымъ *отраженіемъ* ихъ личнаго міровоззрѣнія, но, строго говоря, не заключали въ себѣ и намека на общеепархіальный голосъ.

Немногимъ лучше обстояло дѣло и съ епархіальными съѣздами. Во-первыхъ, общеепархіальные съѣзды далеко не были обычнымъ и повсемѣстнымъ явленіемъ: во многихъ епархіяхъ, не исключая даже и крупныхъ столичныхъ центровъ, такіе съѣзды, по разнымъ причинамъ, не могли вовсе состояться... Во-вторыхъ, въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ подобные съѣзды собирались, программа ихъ часто намѣренно урѣзалась владыками, при чемъ всѣ разсужденія, выходившія за поставленныя рамки, карались архипастырскимъ „неблаговоленіемъ", а то и болѣе чувствительными наказаніями. Припомнимъ, напр., поучительную исторію Омскаго епархіальнаго съѣзда, гдѣ рядъ совершенно легальныхъ постановленій духовенства (выборъ благочинныхъ, устройство пастырскихъ собраній совмѣстно съ мірянами, пожеланіе большей близости и доступности архіерея) вызвалъ гнѣвную рѣчь еп. Михаила, лишившаго весь съѣздъ своего благословенія, а предсѣдателя его—священника Н. К.—не постѣснявшагося перевесть изъ г. Омска въ одно глухое село, за цѣлую тысячу верстъ [1]).

Въ-третьихъ, обращаетъ на себя вниманіе и крайне недостаточный, совершенно односторонній составъ этихъ съѣздовъ. Даже въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ съѣзды работали наиболѣе оживленно и производительно, какъ, напр., въ Курскѣ,

---

[1]) См. болѣе подробное описаніе этого съѣзда въ Церковномъ Вѣстникѣ", № 37 1905 г., стр. 1169-я. Тамъ же см. № 41 о „Смоленскомъ съѣздѣ".

Ярославлѣ, Воронежѣ и др. мѣстахъ, составъ ихъ опредѣлялся почти исключительно пастырями. Гораздо раньше, въ видѣ какъ бы особой милости, допускались къ участію въ съѣздахъ и діаконы съ псаломщиками (въ западн. епарх.): но уже въ формѣ полнаго исключенія изъ правилъ, чуть ли не въ одномъ только Гродненскомъ съѣздѣ, мы видимъ и активное участіе мірянъ. Если не считать такого выходящаго изъ ряда вонъ случая, то ясно, что всѣ эти епархіальные съѣзды—это не новое, общественное дѣло, объединяющее вокругъ себя всю разрозненную паству, а тѣ же старые, типичные „поповскіе", какъ ихъ назвалъ свящ. Петровъ, съѣзды, гдѣ собравшіеся пастыри обыкновенно говорятъ не о Божьемъ, общецерковномъ дѣлѣ, а о своихъ собственныхъ профессіональныхъ нуждахъ и интересахъ. Если же, увлекаемые духомъ времени, они не прочь бываютъ поговорить теперь и о болѣе высшихъ и живыхъ вопросахъ, то это далеко не всегда проходило для нихъ безнаказанно, а главное—почти всегда безрезультатно. Епархіальный архіерей ничѣмъ не обязывался включать рѣшеній съѣздовъ въ свой собственный отзывъ, который онъ составлялъ совершенно свободно и независимо, часто даже намѣренно не желая смѣшивать своего авторитетнаго мнѣнія съ легкомысленными сужденіями своей паствы.

Характерный примѣръ подобнаго рода представляетъ одно любопытное письмо, недавно появившееся въ печати. Авторъ его, финляндскій архіепископъ Сергій (Старогородскій), одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ и терпимыхъ архіереевъ, по поводу довольно свободнаго мнѣнія подчиненнаго ему выборгскаго духовенства о второмъ бракѣ клириковъ пишетъ негодующее письмо по адресу синодскихъ чиновниковъ, ошибочно приписавшихъ это мнѣніе самому владыкѣ. Онъ энергично протестуетъ противъ такого „непріятнаго недоразумѣнія" и съ „удивленіемъ даже ужасомъ" (буквальныя выраженія владыки) отрекается отъ всякой солидарности съ такимъ еретическимъ взглядомъ своего духовенства. Если этотъ, исключительно терпимый и широкообразованный архипастырь, который, именно въ силу своей терпимости, не скрылъ лично несимпатичнаго ему голоса своей паствы, проситъ однако не смѣшивать его съ паствой, то что же сказать о громадной массѣ рядовыхъ епархіаль-

ныхъ архіереевъ, которые или вовсе не интересовались мнѣніемъ своей паствы, или если его иногда и узнавали, то вовсе не затѣмъ, чтобы принять его во вниманіе и дать ему соотвѣтствующее движеніе?

Наконецъ, еще и еще разъ слѣдуетъ подчеркнуть, что на этихъ случайныхъ собраніяхъ и епархіальныхъ съѣздахъ *не было мірянъ*, т.-е. самаго необходимаго и желательнаго элемента подобныхъ съѣздовъ, если только мы горячо и искренно хотимъ добиться внутренней спайки разрозненныхъ частей церковнаго организма. Если же мы попрежнему думаемъ всю предстоящую церковную реформу свести къ одной внѣшней, поверхностной починкѣ обветшалаго зданія своей клерикальной церкви, то рискуемъ потерять вскорѣ всю сознательную, ищущую живого Бога мірскую паству, одна часть которой уйдетъ въ протестантизмъ и толстовство, а другая—въ старообрядчество и сектантство.

Этотъ важнѣйшій, можно сказать, роковой пробѣлъ во всей предсоборной подготовительной работѣ глубоко вѣрно подмѣтилъ и оттѣнилъ на первомъ же засѣданіи „предсоборной коммиссіи“ одинъ изъ мірскихъ ея членовъ—кн. Е. Н. Трубецкой. Онъ откровенно и сильно заявилъ, что наличнаго состава предсоборной коммиссіи совершенно недостаточно для цѣли, главнымъ образомъ, потому, что въ ней слишкомъ мало и случайно представлены бѣлое духовенство и міряне. „На обязанности настоящаго присутствія,—говорилъ князь Е. Н. Трубецкой,—лежитъ долгъ смиренно сознать, что наши силы слабы для разрѣшенія тѣхъ великихъ задачъ, которыя возложены на присутствіе... Мы безсильны опредѣлить подлинный голосъ церкви о назрѣвшихъ нуждахъ. Нужно, чтобы дѣло подготовленія собора началось снизу, въ епархіяхъ, и предоставлено было свободному обсужденію на совмѣстныхъ съѣздахъ міранъ и духовенства“.

Правда, предсѣдатель предсоборной коммиссіи, петербургскій митрополитъ Антоній, сдѣлалъ было попытку ослабить возраженіе кн. Е. Н. Трубецкого: онъ указалъ на то, что *во многихъ* епархіяхъ на съѣзды духовенства привлекались *и преданные церкви міряне* и что при *нѣкоторыхъ* архіерейскихъ отзывахъ приложены и мнѣнія міранъ.

Но уже въ самомъ этомъ отвѣтномъ возраженіи слышится невольная уступка и полупризнаніе сдѣланнаго кня-

земъ Трубецкимъ справедливаго указанія. Въ самомъ дѣлѣ, почему съѣзды съ мірянами были лишь *во многихъ*, а не *во всѣхъ* епархіяхъ? (въ дѣйствительности же такіе съѣзды происходили лишь въ очень немногихъ епархіяхъ). Еще непонятнѣе, почему голосъ этихъ съѣздовъ нашелъ себѣ мѣсто лишь при *нѣкоторыхъ* епископскихъ отзывахъ, а не положительно при всѣхъ, гдѣ подобные съѣзды происходили? Наконецъ, недостаточно ясно, что разумѣть подъ опредѣленіемъ „преданныхъ св. Церкви мірянъ"? Если подъ нимъ имѣются въ виду голоса только тѣхъ мірянъ, мнѣніе которыхъ совпадаетъ со взглядами мѣстнаго архіерея, то едва ли это особенно цѣнно, въ смыслѣ новизны и оригинальности взглядовъ, которыми дѣйствительно живетъ большая масса мірянъ; а главное—это слишкомъ узко и односторонне выражаетъ собой всю полноту и разнообразіе настоящихъ взглядовъ и интересовъ паствы, значеніе чего крайне необходимо для предстоящаго съѣзда.

Тѣ же епархіальные коммиссіи и съѣзды, которые устраивались по епархіямъ и которые дали главный матеріалъ для архіерейскихъ отзывовъ, совершенно, какъ мы видѣли, не принимали въ расчетъ мнѣнія мірянъ, да даже почти нигдѣ его и не запрашивали.

Невольно возникаетъ опасеніе, какъ бы не оказался правъ свѣтскій критикъ, выведенный въ корреспонденціи „Церковнаго Голоса" № 11, который по поводу всѣхъ этихъ закрытыхъ пастырскихъ собраній и коммиссій ядовито замѣтилъ о духовенствѣ, что „оно хочетъ вариться въ своемъ собственномъ соку", и при этомъ добавилъ: „вѣдь они (пастыри) хлопочутъ о пасъ,—не мѣшало бы поэтому и пасъ спросить, въ чемъ мы нуждаемся и что могли бы сдѣлать для прихода. А то изъ всѣхъ ихъ разсужденій едва ли будетъ какой-либо результатъ!"

Вотъ общая картина синодально-подготовительной работы, на фонѣ которой достаточно ясно обрисовывается внутренняя физіономія и той „предсоборной коммиссіи", которая засѣдаетъ при Св. Синодѣ въ настоящее время и которую можно считать заключительнымъ аккордомъ всей синодально-бюрократической подготовки къ великому дѣлу предстоящаго церковнаго собора.

II.

Засѣдающая въ настоящее время при Св. Синодѣ спеціальная Предсоборная коммиссія", или, какъ она называется на оффиціальномъ языкѣ, „Особое Присутствіе для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на помѣстномъ церковномъ соборѣ", насколько теперь уже объяснилось, имѣетъ тенденцію заниматься не только подготовкой, но и предрѣшеніемъ вопросовъ предстоящаго собора, поэтому знакомство съ ней пріобрѣтаетъ особенный общественный интересъ.

Мысль объ учрежденіи подобной „коммиссіи" была подсказана бывшимъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ К. П. Побѣдоносцевымъ, который провелъ ее въ своемъ извѣстномъ „предложеніи Св. Синоду", гдѣ онъ указывалъ послѣднему желательную, по его мнѣнію, программу подготовительныхъ къ собору работъ. Въ самомъ же началѣ этой инструкціи составленной въ общемъ довольно эластично и туманно, находится, однако, такое, совершенно ясное и опредѣленное, указаніе „созваніе помѣстнаго собора нуждается въ точномъ опредѣленіи, на основаніи каноническихъ постановленій и церковной практики, его состава, въ установленіи порядка разсмотрѣнія и разрѣшенія дѣлъ соборомъ и *въ организаціи при немъ временнаго руководственнаго и подготовительнаго органа работъ*" [1]).

Съ характеромъ такого, именно, временнаго руководственнаго и подготовительнаго органа и выступаетъ предъ нами настоящая коммиссія, съ тѣмъ только различіемъ отъ заранѣе предполагавшейся, что она дѣйствуетъ не *при* соборѣ, а *передъ* нимъ. Оффиціальное учрежденіе ея состоялось въ концѣ декабря минувшаго года, въ силу Высочайшаго указа, даннаго на имя петербургскаго митрополита Антонія, на котораго и возлагалось все дѣло ея организаціи.

Въ концѣ февраля былъ опубликованъ первоначальный составъ „коммиссіи", куда вошли по назначенію всѣ три митрополита, четыре архіепископа, три епископа, оберъ-прокуроръ Св. Синода и его товарищъ и до двадцати другихъ членовъ, почти исключительно изъ среды богослововъ-спеціалистовъ, профессоровъ духовныхъ академій и универси-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

тетовъ. Вскорѣ, впрочемъ, очевидно подъ вліяніемъ сильныхъ газетныхъ нападокъ на такой крайне односторонній составъ коммиссіи, рѣшено было привлечь въ нее и представителей приходскаго клира, т. е священниковъ, при чемъ назначеніе ихъ предоставлялось выбору семи вызывавшихся архіереевъ. И уже только почти передъ самымъ началомъ засѣданій коммиссіи догадались допустить къ участію въ ней и нѣкоторыхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, заявившихъ себя живымъ интересомъ къ церковнымъ вопросамъ (Е. Н. Трубецкого, Ѳ. Д. Самарина, Д. А. Хомякова, Н. П. Аксакова, генер. А. А. Кирѣева и А. Пашкова). Пополнялся и продолжаетъ еще пополняться составъ данной коммиссіи и потомъ, т. е. при самыхъ ея занятіяхъ, но, главнымъ образомъ, епископскими чиновниками и епархіальными миссіонерами, т. е. лицами, занимающими то или иное служебное положеніе въ строѣ современнаго церковнаго управленія.

8-го марта состоялось открытіе предсоборной коммиссіи и ея первое торжественное засѣданіе. Изъ проповѣди еп. Стефана, произнесенной за богослуженіемъ, и изъ рѣчей духовныхъ и свѣтскихъ ораторовъ, сказанныхъ при открытіи, можно составить себѣ приблизительное представленіе о томъ, какъ различные члены коммиссіи смотрятъ на ея значеніе и роль въ предстоящемъ важномъ дѣлѣ—всесторонней подготовки къ великому церковному собору. Даже и здѣсь, несмотря на довольно односторонній составъ коммиссіи, чуткое ухо невольно улавливаетъ тѣ „предсоборные диссонансы", которыми полна дѣйствительная жизнь. Они проявились здѣсь въ радужно-приподнятомъ и поучительно-докторальномъ тонѣ всѣхъ духовныхъ ораторовъ, довольно рѣзко сказавшемся въ особенности по сравненію съ очень скромнымъ и смиреннымъ, почти безнадежнымъ взглядомъ на коммиссію нѣкоторыхъ изъ числа свѣтскихъ ея членовъ.

Впрочемъ, не станемъ проникать въ мысли и намѣренія членовъ предсоборной коммиссіи; не станемъ этого дѣлать не только изъ-за боязни ошибиться, но еще больше и потому, что всякая самооцѣнка, въ особенности когда она имѣетъ тенденцію къ превозношенію, едва ли можетъ представлять какой-либо серьезный общественный интересъ. Гораздо цѣннѣе и важнѣе установить дѣйствительное, объективное зна-

ченіе Предсоборной коммиссіи, опредѣлить ея внутреннюю физіономію, выяснить ея происхожденіе и характеръ, указать ея надлежащее мѣсто въ предсоборной работѣ и на основаніи всего этого вынести о ней тотъ или другой общественный приговоръ.

Предсоборная коммиссія созвана Синодомъ послѣ цѣлаго ряда другихъ подготовительныхъ работъ, которыя были сдѣланы отчасти въ центральныхъ, а еще болѣе въ мѣстныхъ, епархіальныхъ органахъ его власти. Одной изъ главныхъ задачъ коммиссіи, по мысли ея предсѣдателя, служитъ научное освѣщеніе и разработка того матеріала, который въ видѣ, такъ называемыхъ, „архіерейскихъ отзывовъ“ поступилъ сюда изъ всѣхъ епархій. Вотъ тѣ два отправныхъ пункта, съ точки зрѣнія которыхъ и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, опредѣлять значеніе предсоборной коммиссіи.

Строго говоря, оба указанныхъ пункта даже и не являются чѣмъ-либо существенно отличнымъ другъ отъ друга; это— лишь различные хронологическіе моменты одного и того же длительнаго процесса синодальной подготовки къ собору: изготовленіе „отзывовъ“ было типичнымъ отраженіемъ всего хода предшествовавшей подготовительной работы, а созваніе „Предсоборной коммиссіи“ служитъ столь же характернымъ заключительнымъ ея моментомъ.

Такимъ образомъ, правильное сужденіе о „предсоборной коммиссіи“ опирается на знакомство съ характеромъ всей синодальной подготовки къ собору; а оцѣнка плодотворности и цѣлесообразности ея работъ въ многомъ зависитъ отъ достоинства того матеріала, оперировать надъ которымъ она, главнымъ образомъ, и призвана.

Мы видѣли что весь довольно сложный процессъ синодской подготовки, съ начала до конца, шелъ явно сомнительнымъ, бюрократическимъ путемъ, путемъ канцелярской тайны, секретныхъ коммиссій, начальственнаго предписанія и личнаго усмотрѣнія, а не путемъ широкой общественности и гласности, при дѣятельномъ участіи всѣхъ живыхъ творческихъ силъ церкви, какъ бы слѣдовало желать и ожидать въ такомъ великомъ и святомъ дѣлѣ. Ясно, что и тѣ матеріалы, которые были добыты такимъ путемъ и которые, въ видѣ архіерейскихъ отзывовъ, предложены теперь на разработку Предсоборной комиссіи, имѣютъ лишь очень условную цѣн-

ность: это не общеепархіальный голосъ всей русской церкви, а клерикально-бюрократическіе взгляды ея „правящихъ сферъ", съ преобладающей въ большинствѣ ихъ „узко-епископальной тенденціей.

Разсматривая, въ свѣтѣ данной перспективы, самое созваніе „предсоборной комиссіи", мы должны признать, что и оно является продуктомъ все той же мертвенной, чисто-бюрократической работы, энергично противодѣйствующей всякому живому общественному почину. Трудно указать лучшую параллель для „Предсоборной комиссіи", чѣмъ сравненіе ея съ извѣстными уже намъ секретными „архіерейскими комиссіями", работавшими при большинствѣ епархіальныхъ епископовъ. Эпитетъ „секретныхъ" въ сущности не игралъ въ нихъ какой-либо особенной ролп, такъ какъ составъ ихъ обыкновенно быстро разоблачался, да во многихъ епархіяхъ онъ съ самаго же начала и не представлялъ собой тайны. Центръ тяжести здѣсь не въ секретномъ характерѣ этихъ коммиссій, а въ правѣ архіерея назначать въ нихъ членовъ по своему личному усмотрѣнію, вмѣсто свободнаго, епархіальнаго ихъ избранія, какъ бы слѣдовало ожидать.

Совершенно тотъ же самый принципъ *начальственнаго назначенія*, а не *общественнаго избранія* опредѣлилъ собою составъ и синодальной Предсоборной коммиссіи. Вся разница только въ томъ, что въ каждой епархіальной коммиссіи хозяиномъ былъ мѣстный архіерей и онъ назначалъ, кого могъ и хотѣлъ; а въ Предсоборной—такимъ хозяиномъ является Синодъ и онъ выбираетъ, кого ему угодно.

Правда, Предсоборная коммиссія гораздо богаче и разнообразнѣе составлена, чѣмъ любая епархіальная коммиссія, но это совершенно въ порядкѣ вещей и согласно съ уставами бюрократическаго чиноначалія. Разумѣется, что Св. Синодъ, въ распоряженіи котораго состоятъ всѣ епархіальные архіереи, всѣ академическіе профессора и все непосредственно зависящее отъ него бѣлое и черное духовенство, имѣлъ полную возможность подобрать такую для себя коммиссію, которая, съ одной стороны, была бы и достаточно, по крайней мѣрѣ, по внѣшнему виду, авторитетна, а съ другой—и не расходилась бы существенно съ его намѣреніями и планами относительно предстоящей церковной реформы.

И дѣйствительно, наличный составъ членовъ „Предсо-

борной коммиссіи" дастъ лучшее доказательство того, съ какой осторожной мудростью произведенъ этотъ подборъ. Изъ епископскаго состава взято, напр., почти все, импонирующее своею учепостью (доктора богословія, бывшіе академическіе ректора) или своими публицистическими и административными способностями. Сдѣлано такъ, очевидно, въ тѣхъ видахъ, чтобы изъ этой силы создать главный оплотъ епископальнаго клерикализма противъ посягательствъ со стороны бѣлаго духовенства и въ особенности міранъ. Каждый изъ этихъ епископовъ поставленъ во главу того или иного частнаго отдѣла „коммиссіи" и задастъ ей тонъ, такъ что фактически вся работа „Предсоборной коммиссіи" находятся въ ихъ „надежныхъ рукахъ".

Что касается прочихъ членовъ „коммиссіи", то въ подборѣ ихъ не менѣе ясно сказалось вліяніе все той же клерикально-бюрократической, хотя, правда, нѣсколько и замаскированной тенденціи. Воздерживаясь отъ довольно щекотливой частной оцѣнки отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ составъ данной коммиссіи, отмѣтимъ нѣсколько наиболѣе типичныхъ чертъ ея общаго характера.

Здѣсь, прежде всего, налицо самая главная особенность всякой бюрократической коммиссіи, такъ называемыхъ, „свѣдущихъ людей"—это громадный численный перевѣсъ кабинетныхъ мыслителей и теоретиковъ надъ людьми живого практическаго дѣла и представителями общественной среды. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ первопачальный составъ коммиссіи, исключительно изъ архіереевъ, высшихъ синодальныхъ чиновниковъ и нѣсколькихъ ученыхъ профессоровъ-спеціалистовъ; представительство отъ бѣлаго духовенства, церковныхъ приходовъ и общественныхъ дѣятелей, какъ видимъ, сначала вовсе даже въ ней и не предусматривалось: и уже только впослѣдствіи, повидимому, не безъ вліянія новаго, широко-просвѣщеннаго обер-прокурора кн. А. Д. Оболенскаго [1]) сдѣлана была нѣкоторая уступка, т.-е. допущено, и то въ самой минимальной дозѣ, представительство отъ общества и отъ бѣлаго духовенства. Впрочемъ, вмѣсто послѣдняго, т.-е. представительства отъ приходскаго духовенства, получилось лишь одно недоразумѣніе

[1]) Теперь, увы, ужъ „стараго"!

назначеніе семи пастырей было отдано на благоусмотрѣніе семи вызывавшихся въ коммиссію архипастырей; выборъ же ихъ, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать, палъ почти исключительно на ихъ приближенныхъ сотрудниковъ—городскихъ протоіереевъ и благочинныхъ, этихъ типичныхъ представителей мѣстнаго „епархіальнаго бюрократизма“, но ужъ никакъ не истинныхъ выразителей подлинныхъ, насущныхъ нуждъ приходской, въ особенности сельской жизни. Ясно, что такое „представительство“ бѣлаго духовенства будетъ не выражать, а скорѣй затушевывать и искажать его подлинный голосъ, и что присутствіе его въ коммиссіи больше вредно, чѣмъ полезно для дѣла.

Не менѣе ясно въ характерѣ начавшихся работъ „Предсоборной коммиссіи“ выступаетъ и другая, типичная черта бюрократическаго дѣлопроизводства—это полный перевѣсъ внѣшней формальной стороны вопроса надъ внутренней, идейной его сущностью. Подобно старымъ дьякамъ, въ приказахъ посѣдѣвшимъ, или ловкимъ современнымъ чиновникамъ, набившимъ руку въ наведеніи всякаго рода „справокъ“, наши ученые члены коммиссіи соперничаютъ другъ передъ другомъ въ приведеніи всякаго рода историческихъ археологическихъ и каноническихъ справокъ. Но изъ-за множества деревъ они часто не видятъ лѣса: за массой отдаленныхъ археологическихъ справокъ проглядываютъ живую, реальную дѣйствительность церковной жизни. Вмѣсто совершенно безплодныхъ споровъ о „совѣщательномъ“ и „рѣшающемъ“ голосѣ различныхъ членовъ собора, о „прерогативахъ“ каѳедральныхъ архіереевъ передъ викаріальными и состоящими на покоѣ, или о правахъ „прихода, какъ юридическаго лица“, надлежало бы чистосердечно и искренно поговорить о взаимныхъ недоразумѣніяхъ и заблужденіяхъ и поискать дѣйствительныхъ путей ко всеобщему братскому объединенію, на основахъ взаимнаго пониманія, широкой терпимости и искренняго уваженія другъ къ другу.

Думается, что даже и сама церковная канонika и археологія нисколько бы не проиграла отъ такого болѣе жизненнаго отношенія къ ней, а только бы выиграла. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ на церковный канонъ смотрѣть какъ на какую-то *вѣчную* форму, въ которую мы должны втискивать каждое новое жизненное явленіе. Вѣдь каждый изъ этихъ цер-

ковныхъ каноповъ имѣетъ, такъ сказать, свою историческую психологію: въ свое время онъ, несомнѣнно, былъ живымъ отраженіемъ извѣстнаго явленія церковной жизни и давалъ отвѣты на тотъ или иной поставленный ею запросъ. Но затѣмъ условія жизни мѣнялись и требовали новыхъ рѣшеній стараго вопроса; вмѣстѣ съ ними терялъ свое прежнее жизненное значеніе и старый канонъ, который точно такъ же уступалъ мѣсто новому. Таковъ естественный ходъ правильнаго церковно-канонического развитія, дающаго постоянный живой откликъ на всѣ существенныя перемѣны внутренней и внѣшней жизни церкви.

Въ связи съ этимъ увлеченіехъ „археологіей“, въ ущербъ живой церковной и общественной дѣйствительности, стоитъ также предпочтеніе внѣшней *канонически-юридической* постановки вопросовъ передъ внутреннимъ, *религіозно-нравственнымъ* освѣщеніемъ ихъ, которое такъ сильно замѣчается въ рѣчахъ и сужденіяхъ большинства, въ особенности духовныхъ членовъ „коммиссіи“. Въ виду этого мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ, довольно, признаться, неожиданное отъ него, заявленіе волынскаго епископа Антонія, что „всякій съѣздъ рискуетъ обратиться въ чисто юридическій, если участники его берутъ примѣръ съ государственныхъ собраній и начинаютъ разсуждать и бороться за права, умалчивая совсѣмъ о существѣ дѣла... Въ этомъ мое предостереженіе, дабы отдѣлы присутствія,—закончилъ владыка,—*не оказались разсуждающими только о формахъ*“. Предостереженіе оказалось пророчествомъ, да иначе, конечно, и не могло быть при данномъ составѣ и характерѣ „коммиссіи“.

Наконецъ, нельзя совершенно замолчать и вопроса о составѣ самой коммиссіи, по крайней мѣрѣ, со стороны ея общаго ансамбля. Отличительная черта ея — это наличность церковныхъ историковъ и канонистовъ старой богословской школы, схоластическаго типа, и представительство славянофильства, шараповскаго духа. Все же свѣжее и живое, что является выраженіемъ новыхъ идейныхъ теченій богословской мысли и общественно—церковной жизни, все это почти вовсе не представлено въ коммиссіи. Мы оговариваемся „почти“, такъ какъ признаемъ присутствіе нѣсколькихъ счастливыхъ исключеній, но настолько количественно минимальное, что оно нисколько не нарушаетъ общей гармоніи

цѣлаго. Да и изъ присяжныхъ богослововъ-спеціалистовъ сознательно обойдено вниманіемъ все наиболѣе талантливое и живое. Характерно, напр., что изъ четырехъ академическихъ канонистовъ не приглашены только двое — молодой кіевскій-канонистъ Ѳ. Мищенко, заявившій себя очень дѣльной, но довольно свободной статьей о соборѣ, и петербургскій канонистъ арх. Михаилъ, не только не узкій спеціалистъ, но и хорошо извѣстный широкій публицистъ по церковно-общественнымъ вопросамъ. Не менѣе знаменательно, что не приглашены въ коммиссію и такіе общепризнанные спеціалисты, какъ лучшій знатокъ „эпохи соборовъ“ проф. А. П. Лебедевъ, и безпристрастный изслѣдователь русскаго раскола проф. Н. Ф. Каптеревъ, объективные, истинно научные труды которыхъ были признаны въ свое время „вредными“ и долгое время находились подъ синодальнымъ запретомъ.

Но дѣло даже и не въ этомъ. Мы не хотимъ набрасывать какой-либо моральной тѣни на членовъ „предсоборной коммиссіи“ и наличный составъ ея готовы признать даже сравнительно хорошимъ. Но плохъ тотъ способъ, путемъ котораго она составлена и превращена въ чиновничью, бюрократическую коммиссію „по начальственному усмотрѣнію“, вмѣсто „свободнаго общественнаго избранія“. Въ самомъ уже этомъ происхожденіи „предсоборная коммиссія“ носитъ печать общественнаго отверженія и, какъ новый проектъ все той же старой бюрократической виртуозности, не можетъ имѣть общественнаго довѣрія и признанія.

Если же ко всему тому прибавить, что въ составъ членовъ данной коммиссіи, въ роли разныхъ экспертовъ и дѣлопроизводителей, вошелъ цѣлый рядъ синодскихъ чиновниковъ, епархіальныхъ миссіонеровъ и чуть ли не вся редакція „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ и „Колокола“, съ извѣстнымъ синодскимъ чиновникомъ особыхъ порученій В. Скворцовымъ во главѣ, то типичная бюрократическая окраска ея не оставляетъ желать ничего большаго въ этомъ смыслѣ.

Но чѣмъ больше бюрократизма, тѣмъ меньше общественнаго довѣрія. И „Предсоборной коммиссіи“, кажется, уже приходится испытать это на себѣ въ достаточной мѣрѣ. Несмотря почти на мѣсяцъ усиленной работы коммиссіи, вся

общественная печать (не только свѣтская, но даже и духовная), какъ бы по какому-то предварительному уговору, почти вовсе ничего не говоритъ о ней и даже какъ бы вовсе ея не замѣчаетъ; а если иногда вскользь что-нибудь и скажетъ о ней, то почти всегда что-нибудь непріятное.

Вотъ, напр., какой правильный и здравый взглядъ на соборъ и „предсоборную коммиссію“ находимъ мы въ газетѣ „Новый Путь“: „думаемъ, что благодать Божія можетъ почивать только на дѣйствіяхъ самого собора (если по составу своему онъ явится выраженіемъ гласа народнаго, въ которомъ можно видѣть и отраженіе гласа Божьяго), а никакъ не на подготовительномъ къ нему совѣщаніи хотя бы и очень авторитетныхъ, но не гласомъ народнымъ избранныхъ лицъ“.

Или вотъ, напр., какой громовой статьей разражается на коммиссію по поводу рѣчей при ея открытіи консервативный „Русскій Голосъ“: „всѣ эти рѣчи даютъ новое повтореніе старой картины—творческаго ревнительства міряпъ и безжизненнаго формальнаго отношенія іерарховъ и синодскихъ чиновниковъ... Послѣ этого трудно ожидать возрожденія церкви отъ нашихъ духовныхъ, а тѣмъ болѣе канцелярскихъ сферъ... Всякія чисто бюрократическія попытки разрѣшенія церковныхъ вопросовъ грозятъ не возродить, но въ концѣ потрясти и разрушить русскую церковь... Церковь есть духовное единеніе единовѣрующихъ. При чемъ же тутъ чиновникъ или даже цѣлая коллегія высшихъ чиновниковъ государства и какое право имѣетъ она предрѣшать такъ или иначе, по своему усмотрѣнію, формы церковнаго быта и духовной жизни? Слѣпое подчиненіе чиновничьему усмотрѣнію въ дѣлахъ вѣры есть уже въ сущности скрытое отреченіе отъ Бога, отъ своей собственной религіозной совѣсти. Оно равносильно полному умерщвленію послѣдней. Въ состояніи такого мертвеннаго оцѣпенѣнія русская церковь пробыла два вѣка. Теперь всѣ ждутъ ея пробужденія. Но мыслимо ли пробужденіе церкви безъ религіознаго пробужденія народа. Возможно ли оно безъ участія живой совѣсти самихъ міряпъ?“ Къ этой смѣлой и яркой, быть можетъ даже нѣсколько рѣзкой, характеристикѣ всей синодальной тактики по вопросу о соборѣ, бросающей такую густую

тѣнь и на вызванную ею „предсоборную коммиссію“, едва ли нужно что-нибудь добавлять.

„Носители церковной власти, — читаемъ мы по поводу работъ Предс. коммиссіи въ одномъ изъ номеровъ „Церковнаго Вѣстника“ (№ 15),—къ сожалѣнію, какъ будто до сихъ поръ не прониклись сознаніемъ несравненной важности переживаемаго нынѣ момента. Дѣло предстоящей церковной реформы они понимаютъ односторонне и внѣшне, заботясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы чрезъ замѣну свѣтской оберъ-прокурорской власти патріаршествомъ возвеличить и безъ того высокую, въ сущности безконтрольную власть епископовъ“. „Неужели,—находимъ мы тамъ же выдержку изъ „Рѣчи“,—люди, препиравшіеся о „совѣщательномъ или рѣшающемъ голосѣ“, не сознавали, что, поднимая этотъ неумѣстный споръ, они подмѣняютъ понятіе собора понятіемъ парламентскаго собранія, съ его механическимъ давленіемъ большинства, и въ церковной жизни примѣняютъ термины, могущіе имѣть мѣсто только въ совершенно чуждой ей атмосферѣ? Передъ нами весьма грозное знаменіе времени — печальный симптомъ полной утраты въ нашихъ духовныхъ сферахъ чувства истинной церковности!“

Изъ всѣхъ этихъ отзывовъ становится совершенно яснымъ, что общественное мнѣніе смотритъ на Предсоборную коммиссію очень невысоко: оно видитъ въ ней не свое лучшее отраженіе,—чѣмъ въ идеалѣ должна бы быть подобная коммиссія, а одну изъ обычныхъ бюрократическихъ затѣй, затѣю тѣмъ болѣе вредную, что она имѣетъ нѣкоторое внѣшнее подобіе авторитета.

Но если въ настоящемъ своемъ видѣ Предсоборная коммиссія столь неудовлетворительна, то имѣютъ ли какое-либо значеніе ея работы и не лучше ли ее вовсе распустить? Нѣтъ, этого, конечно, не слѣдуетъ дѣлать; коллегія ученыхъ спеціалистовъ можетъ быть очень полезна, если въ дѣятельность ея внести необходимый общественный коррективъ.

Первымъ и самымъ важнымъ такимъ коррективомъ долженъ быть совершенно новый взглядъ Синода и самой коммиссіи на ея значеніе и роль. Члены коммиссіи призывали себя „смириться“ передъ церковной „традиціей“ и великимъ историческимъ „прошлымъ“,—это хорошо и необходимо, но еще нужнѣе имъ смириться передъ великимъ и неизвѣ-

стнымъ для нихъ „пастоящимъ“, разумѣя подъ послѣднимъ общецерковное сознаніе всѣхъ вѣрующихъ сыновъ православной русской церкви, голосъ которыхъ еще ни разу не спрошенъ, а главное и тамъ, гдѣ раздался, совершенно не услышанъ. Пусть коммиссія не смотритъ на себя, какъ на компетентную выразительницу общецерковнаго сознанія, пусть она не беретъ на себя совершенно непосильной для нея задачи въ томъ или иномъ смыслѣ предрѣшать вопросы будущаго собора! Пусть она сознаетъ, что ея роль гораздо уже и скромнѣе—намѣтить и критически всесторонне освѣтить различные темные и спорные вопросы соборной организаціи; но опять не затѣмъ, чтобы дѣлать по нимъ какія-либо окончательныя рѣшенія, а единственно только затѣмъ, чтобы оказать этимъ помощь остальнымъ членамъ церкви и самому будущему собору.

Затѣмъ, вся эта ученая разработка должна быть отдана на судъ общецерковнаго сознанія, подвергнуться свободной критической оцѣнкѣ въ органахъ печати, въ ученыхъ и общественныхъ собраніяхъ, въ приходахъ и общеепархіальныхъ съѣздахъ. И уже только послѣ всего этого, послѣ того, какъ все церковное общество успѣетъ достаточно высказаться и болѣе или менѣе столковаться, можно будетъ приступать и къ созванію собора—изъ всѣхъ епископовъ и изъ свободно избранныхъ, общественнымъ довѣріемъ облеченныхъ представителей остального клира и міянъ, и тогда можно надѣяться, что съ Божьей помощью такой соборъ принесетъ дѣйствительную пользу церкви и уврачуетъ ея глубокія раны.

А. Покровскій.

Протоколъ собранія Коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17-го октября“ отъ 23 марта 1906 г.

Собраніе началось чтеніемъ протокола предыдущаго собранія. Затѣмъ, согласно съ послѣдовавшими заявленіями, о. предсѣдателемъ, прот. Н. Добронравовымъ, предложено было избрать новыхъ членовъ коммиссіи. Избраны профессора Московской духовной академіи Митрофанъ Дмитріевичъ Муретовъ и Иванъ Васильевичъ Поповъ, законоучитель Елизаветинской гимназіи о. Филиппъ Петровичъ Горбаневскій, свящ. Дмитрій Кузьмичъ Холмогоровъ и діаконъ Алексѣевскаго монастыря Александръ Павловичъ Смирновъ.

Послѣ этого собранію предложено было *А. И. Покровскимъ* сообщеніе: „Синодская подготовка къ Собору“ (см. стр. 274 и сл.)

Сообщеніе А. И. Покровскаго вызвало со стороны Н. Д. Кузнецова нѣсколько замѣчаній относительно роли К. П. Побѣдоносцева въ исторіи церковной реформы и по вопросу объ отсрочкѣ предстоящаго собора.

Н. Д. Кузнецовъ. Изъ сообщенія слѣдуетъ, какъ будто бы К. П. Побѣдоносцевъ являлся противникомъ реформы. Между тѣмъ онъ являлся противникомъ только патріаршества. Опорнымъ пунктомъ для него явилась Москва съ ея печатью. И я думаю, что если бы патріаршество возстановилось въ томъ видѣ, какъ о немъ думалъ Синодъ, то это было бы весьма вредно, ибо патріархъ и произвелъ бы единолично реформы. Второй вопросъ и очень важный: нужно ли отсрочить соборъ? Большинство членовъ Предсоборной коммиссіи говоритъ, что нельзя, ибо разложеніе церкви идетъ не по днямъ, а по часамъ, слѣдовательно, откладывать соборъ не въ интересахъ церкви. Тѣмъ не менѣе собрать соборъ въ октябрѣ текущаго года будетъ нельзя, такъ какъ къ тому времени далеко не будетъ разработанъ имѣющійся матеріалъ. Но если не въ настоящемъ, то въ будущемъ году соборъ должно собрать.

А. П. Покровскій. О роли К. П. Побѣдоносцева я не расхожусь съ Вами. Содержаніе доклада Синода и его характеръ, дѣйствительно, не внушаютъ къ себѣ особенныхъ симпатій, такъ какъ во главу всего тутъ было поставлено патріаршество. Въ частности и на К. П. Побѣдоносцева я не набрасываю никакой тѣни. Дѣло это нужно было остановить. Но однако трудно совершенно отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что и со стороны К. П. Побѣдоносцева вовсе не было оскорбленнаго самолюбія властнаго чиновника, который не хотѣлъ выпустить дѣла изъ своихъ рукъ. Не даромъ на его докладѣ стоитъ многознаменательный и, къ сожалѣнію, въ Вашей книгѣ („Преобразованія въ Русской церкви", Москва, 1906), почему то совершенно замолчанный эпиграфъ: „распубликованію не подлежитъ".—Что же касается до вопроса о томъ, нужно ли мириться съ предсоборной коммиссіей, или ставить дѣло иначе, то я вижу больше шансовъ за отсрочку собора и за разработку необходимаго матеріала по мѣстамъ въ епархіяхъ. Отсрочка вызоветъ живую работу и не будетъ насъ тяготить. Мы будемъ жить надеждой. Нельзя основываться на заявленіяхъ членовъ коммиссіи. Между тѣмъ довѣрить коммиссіи разработку всего предсоборнаго матеріала мы не можемъ. Поэтому лучше подождать и сдѣлать, какъ слѣдуетъ, чѣмъ поспѣшить и сдѣлать, не выслушавъ общаго желанія.

П. Д. Кузнецовъ. Но если отсрочивать соборъ, то нужно агитировать, иначе разложеніе церкви пойдетъ дальше.

Прот. Добронравовъ. Сообщеніе А. П-ча распадается на двѣ половины. Въ первой говорится о томъ, что дѣлалось и дѣлается относительно будущаго собора въ теченіе года. Дѣло дѣлается не такъ, какъ должно. Я думаю, что относительно этого у насъ не будетъ споровъ: каждый такъ думаетъ. Важнѣе вторая половина сообщенія: что нужно намъ дѣлать теперь, чтобы поправить происшедшее зло? А. П-чъ согласенъ съ заявленіемъ въ предсоборной коммиссіи князя Е. Н. Трубецкого. Я тоже раздѣляю мысли князя. Возражаютъ, что мѣры, предложенныя кн. Трубецкимъ, ведутъ къ отсрочкѣ собора, а это вредно для церкви, потому что начинается разложеніе церкви, авторитетъ Синода падаетъ. Но все это, кажется, преувеличено: какого либо открытаго возмущенія въ Церкви нѣтъ, и кажется, слава Богу, не предвидится, такъ что

бояться отсрочки собора оснований не представляется. Между тѣмъ время отсрочки можно использовать для надлежащаго подготовленія къ собору. Если отъ епархіальной власти будетъ дано желательное въ этомъ смыслѣ распоряженіе, то это будетъ не унижать, а возстановлять авторитетъ Синода. Поэтому предлагаю заняться обсужденіемъ мѣръ, указанныхъ кн. Трубецкимъ. Нужно рѣшить, какъ достигнуть того, чтобы епархіальною властію было дозволено широко обсуждать на разныхъ собраніяхъ, епархіальныхъ съѣздахъ и т. п. церковные вопросы.

П. М. Микинъ. Несомнѣнно, нормальный путь подготовленія къ собору—предварительное широкое обсужденіе церковныхъ вопросовъ по мѣстамъ. Весь вопросъ въ томъ, какъ достигнуть того, чтобы подготовленіе вступило на этотъ путь. Мнѣ кажется, что однимъ изъ средствъ для этого можетъ послужить самое широкое гласное обсужденіе происшедшей ненормальности въ текущей печати. Слѣдуетъ въ разныхъ органахъ обсудить этотъ вопросъ лицамъ нашей же коммиссіи.

Прот. Добронравовъ. Этотъ путь нормальный и даетъ намъ средство, которое у насъ въ рукахъ. Дѣйствительно, нужно чаще и ярче указывать въ печати на опасность, грозящую Церкви, если Соборъ будетъ составленъ такъ, какъ замышляется теперь въ Предсоборной Синодской Коммиссіи. Вѣдь тогда Соборъ не будетъ имѣть авторитета, произойдутъ споры, унизится православіе, охладятся къ церкви лица, которыя теперь ревностно интересуются церковными вопросами. Повторяю, все это слѣдуетъ ярко освѣтить въ печати. Желательно также формулировать печатно и разсылать членамъ Предсоборной коммиссіи положенія, какія мы выработаемъ относительно Собора.

П. В. Тихомировъ. Надо бы дать сильнѣе почувствовать архіереямъ грозящую опасность. Надо бы въ громадномъ количествѣ разослать по священникамъ и мірянамъ опросные листы относительно предстоящаго собора. Это будило бы интересъ къ церковнымъ вопросамъ и заставило бы архіереевъ внимательнѣе относиться къ мнѣніямъ и желаніямъ ихъ паствъ. Въ самомъ дѣлѣ, возможно и непризнаніе со стороны общества рѣшеній собора, если онъ составится изъ однихъ епископовъ и лицъ, какихъ они сами выберутъ.

Должно поставить прямо на видъ епископамъ возможность этого. Опасность не только нужно предсказывать, но и показывать.

О. Артоболевскій. Слѣдуетъ въ приходахъ говорить съ прихожанами о церковныхъ дѣлахъ, составлять заявленія и доводить ихъ до свѣдѣнія архіереевъ.

О. П. Кедровъ. Народъ интересуется соборомъ не менѣе насъ. Однажды я, опоздавъ на обычную внѣбогослужебную бесѣду изъ за лекціи проф. В. А. Соколова, предложилъ собравшемуся народу такой вопросъ: „Быть можетъ, вы поинтересуетесь тѣмъ, что я слышалъ на лекціи?“—и передалъ содержаніе лекціи. Народу было много. Результатъ получился очень хорошій. Одинъ прихожанинъ сказалъ мнѣ: „Церковный соборъ интересуетъ меня больше, чѣмъ Дума. Печально будетъ, если у насъ соборъ не будетъ имѣть силы. Это можетъ породить новый расколъ. Отчего у насъ въ приходахъ не говорятъ о предстоящемъ соборѣ? Очень желательно, чтобы возродилась древняя церковная жизнь“.—Да, народъ отлично понимаетъ важность будущаго Собора.

Н. П. Поповъ. Нужно воздѣйствовать на ячейку—приходъ въ смыслѣ религіозно-церковномъ, нравственномъ. Лучше не анкеты Павла Васильевича Тихомирова, а изданіе спеціально церковной газеты, вродѣ о. Гр. Петрова, но о. Петровъ болѣе занимается дѣлами государственными, а намъ нужна газета спеціально церковная. Посредствомъ ея мы бы воздѣйствовали и на міряпъ, и на клиръ, и на епископовъ. Этотъ способъ бьетъ прямо въ цѣль.

А. И. Покровскій. Этимъ не ослабляется значимость доводовъ Павла Васильевича Вы предлагаете дѣйствовать въ сторону наименьшаго сопротивленія, на низы. Но нужно воздѣйствовать и на верхи, ибо главный тормазъ, повидимому, тамъ. Раньше, чѣмъ удастся пробудить низы, можетъ произойти распаденіе. Надо довести верхи до сознанія опасности, и можно еще надѣяться, что наконецъ и они поймутъ, что интересы всей церкви далеко не совпадаютъ и съ интересами одного епископа, и что односторонняя защита епископальныхъ интересовъ можетъ повести за собою самыя печальныя и нежелательныя послѣдствія, угрожающія благу всей церкви

Прот. Добронравовъ. Я высказусь противъ предлагаемой П. В-чемъ агитаціи по многимъ причинамъ и между прочимъ по практическимъ соображеніямъ. Пользы отъ нея не будетъ, а дѣлу серьезному повредимъ. Агитировать можно тогда, когда всѣ другія средства будутъ исчерпаны. Газета, конечно, очень желательна, но осуществимо ли это желаніе? Есть ли у насъ средства на изданіе? Есть ли возможность достигнуть того, чтобы газету читали съ увлеченіемъ? Указываютъ на о. Петрова, но нужно имѣть талантъ Петрова.

П. В. Тихомировъ. Агитація—единственно надежное средство. Всѣ другія средства уже испробованы и ни къ чему не привели.

Проф. Каптеревъ. У насъ есть фактъ, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ пренебреженіе архіереями мнѣнія русскаго общества. Это напр. реформа Никона. Что изъ нея вышло?

П. М. Мининъ. Консервативное духовенство къ агитаціонному листу отнесется скептически. Подхватитъ это дѣло черносотенная печать, и въ средѣ темной массы это будетъ такое пугало, которое можетъ принести не мало вреда.

Бородинъ (старообр. свящ., присутствующій на собраніи въ качествѣ гостя). Агитація допустима, какъ выраженіе той боли, которой вѣрующіе болѣютъ, но въ видѣ угрозы—я противъ. Сильнѣе угрозы распространенія сектантства и придумать нельзя. Но чѣмъ отвѣчаетъ высшая духовная власть на это?

Предсѣдатель прот. Добронравовъ. Резюмирую все высказанное. Собраніе согласно со всѣми главными положеніями въ сообщеніи Александра Ивановича. Дѣло о соборѣ въ теченіе года ведено не такъ, какъ было бы желательно. Необходимо направить его на должный путь. Средства къ этому, указанныя А. П-чемъ, согласны съ средствами предложенными кн. Евг. Ник. Трубецкимъ. Мы приняли предложенія кн. Трубецкого и занялись обсужденіемъ вопроса о томъ, какъ достигнуть осуществленія его пожеланій. Рѣшено дѣлать то, что въ нашихъ силахъ: 1) Раскрывать въ печати объ опасности, грозящей нашей Церкви. 2) Статьи наши дѣлать извѣстными членамъ Предсоборной коммиссіи при Синодѣ. 3) Стремиться основать, лишь только откроется возможность, свой печатный церковный органъ. — Вопросъ, поднятый П. В. Тихомировымъ остался невыясненнымъ.

По поводу предстоящаго всероссійскаго церковнаго собора.

На всероссійскомъ съѣздѣ „русскихъ людей“ 12 апрѣля 1906 года была принята слѣдующая резолюція по церковнымъ вопросамъ: „Въ виду обострившагося настроенія церковной и государственной жизни возбудить ходатайство предъ Государемъ Императоромъ и митрополитами—петербургскимъ Антоніемъ, московскимъ Владиміромъ и кіевскимъ Флавіаномъ о скорѣйшемъ, не позже ближайшей осени, созывѣ въ Москвѣ собора всѣхъ епископовъ, не исключая викарныхъ и пребывающихъ на покоѣ“ („Русск. Голосъ“, 1906, апр. 13).

Итакъ, резолюція говоритъ о соборѣ только однихъ епископовъ, не упоминая о клирѣ и мірянахъ. По газетнымъ же сообщеніямъ извѣстно, что на съѣздѣ Л. Тихомировъ въ своемъ, вызвавшемъ приведенную резолюцію, докладѣ „Къ созыву церковнаго собора“ особенно настаивалъ, чтобы составъ предстоящаго собора былъ ограниченъ одними епископами, такъ какъ бѣлое духовенство и міряне могутъ, будто бы, „нарушить стройность собора и внести большую смуту“ („Русск. Голосъ“, 1906, апр. 8). Только двое изъ присутствовавшихъ на съѣздѣ высказались противъ такого страннаго мнѣнія г. Тихомирова: Н. Д. Кузнецовъ и А. А. Башмаковъ. Остальные „люди русскіе“ не хотѣли понять, что собраніе однихъ епископовъ вовсе не есть соборъ Церкви, состоящей не изъ одной высшей іерархіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ клира и мірянъ; не хотѣли придать значенія и тому, что іерархи настоящаго времени не выражаютъ и по многимъ причинамъ не могутъ выражать истиннаго голоса *всей* Церкви. Нѣтъ надобности долго останавливаться на раскрытіи того, сколько зла можетъ потерпѣть православная

русская Церковь, если желаніе „русскихъ людей“ осуществится. Развѣ можно надѣяться, чтобы такой соборъ получилъ авторитетъ и признаніе Церковью? Его опредѣленія и постановленія всякій будетъ въ правѣ считать опредѣленіями и постановленіями только епископовъ, а не *всей* Церкви; а кто же можетъ увѣрить насъ, что рѣшенія однихъ только епископовъ не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ односторонними и поэтому крайне вредными?

Не хочется вѣрить, чтобы наша русская Церковь не избѣгла той опасности, въ какую хотятъ ввергнуть ее „русскіе люди“. А. А. Кизеветтеръ назвалъ ихъ „morituri“ („Русскія Вѣдом.“, 1906 г., 13 апр.). Нужно надѣяться, что, оказавшись „morituri“ въ политическихъ вопросахъ, такими же „morituri“ они окажутся и въ вопросахъ церковныхъ.

Но опасность можетъ грозить Церкви въ другомъ отношеніи. Конечно, на соборѣ могутъ быть допущены клиръ и міряне; но вопросъ въ томъ, кто ихъ будетъ избирать? Если право избранія будетъ предоставлено епархіальнымъ архіереямъ, то само собою понятно, что и въ такомъ случаѣ соборъ въ существѣ дѣла будетъ собраніемъ только епископовъ, выражая голосъ только ихъ однихъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, надѣяться, чтобы епископъ избралъ на соборъ человѣка, который ему почему-либо не угоденъ, хотя присутствіе его на соборѣ было бы въ высшей степени желательнымъ? Не естественнѣе ли ожидать, что избранными окажутся люди, привлекшіе къ себѣ такъ или иначе святительскую симпатію, и разные архіерейскіе родственники? Такимъ образомъ составится соборъ съ искусственнымъ подборомъ членовъ, исключающимъ дѣйствительное представительство всей Церкви. Нужно ли говорить о томъ, что можетъ быть слѣдствіемъ этого? Кому не извѣстно, къ чему приводили соборы съ искусственнымъ подборомъ ихъ членовъ? Вспомнимъ хотя только о соборахъ Ліонскомъ и Флорентійскомъ. На соборъ въ Ліонѣ въ 1274 году при папѣ Григоріи X греческій императоръ Михаилъ VIII Палеологъ послалъ для заключенія уніи между восточной и западной Церквами только однихъ своихъ единомышленниковъ — любимца своего патріарха Германа съ нѣсколькими лицами изъ константинопольскаго клира и придворными свѣтскими чиновниками. Унія была заключена; но всѣмъ извѣстно,

какъ греки отнеслись къ Ліонскому собору. Они съ негодованіемъ отвергли его. Тщетно патріархъ Іоаннъ Веккъ и прочіе приверженцы уніи (Константинъ Мелетиніотъ, Георгій Метохитъ и др.) старались дѣйствовать на народъ мѣрами убѣжденія. Ничто не помогло. Дѣло дошло до того, что когда въ 1282 году умеръ императоръ Михаилъ Палеологъ, главный виновникъ Ліонской уніи, народъ не допустилъ, чтобы ему оказаны были почести царскаго погребенія, и отъ жены его и сына, наслѣдника престола Андроника, потребовали, чтобы они дали публичное завѣреніе въ своемъ несочувствіи Ліонскому собору и постарались искоренить и загладить всѣ слѣды уніи въ греческой Церкви, что и было сдѣлано Константинопольскимъ соборомъ 1283 года, осудившимъ унію и предавшимъ разнаго рода наказаніямъ всѣхъ ея защитниковъ.

Подобное тому, что совершилось въ XIII вѣкѣ, повторилось и въ XV съ знаменитымъ соборомъ во Флоренціи. Большая часть членовъ этого собора со стороны греческой Церкви была назначена императоромъ Іоанномъ VI Палеологомъ. Замѣчательно, Флорентійскій соборъ имѣлъ всѣ внѣшніе признаки вселенскаго собора, и однако онъ не былъ признанъ Церковью,—не былъ признанъ потому, что выражалъ голосъ не всей Церкви, а лишь императора и его единомышленниковъ. Поэтому нечего удивляться, что въ 1450 г. восточная Церковь на соборѣ въ Константинополѣ произнесла торжественное осужденіе на Флорентійскій соборъ и на пріемлющихъ его неправое соединеніе. Самъ императоръ Іоаннъ Палеологъ, такъ сильно заботившійся объ уніи, принужденъ былъ отречься отъ нея передъ своею смертію. Извѣстно, что и русская Церковь съ позоромъ изгнала сторонника этой уніи, Исидора, заклеймивъ его именемъ лжемитрополита.

Вотъ два историческихъ примѣра, которые ясно показываютъ, къ чему приводятъ соборы, когда члены ихъ назначаются высшею властью, а не избираются Церковью. Изъ соборовъ болѣе древняго времени можно указать на многіе соборы аріанскіе, времени правленія Констанція, на которые императоръ большею частію приглашалъ только своихъ единомышленниковъ и которые поэтому причиняли Церкви одно только зло.

Сказанное приводитъ къ ясному выводу. Если дѣйствительно желаютъ, чтобы предстоящій соборъ оказался благодѣтельнымъ для русской Церкви, то онъ не долженъ состоять изъ однихъ епископовъ; нельзя допустить и того, чтобы представители на соборѣ отъ клира и мірянъ были назначаемы одною высшею епархіальною властью. Необходимо, чтобы они свободно были избраны самими вѣрующими по епархіямъ. Ниже мы будемъ говорить, какъ можно было бы организовать это избраніе, а теперь считаемъ необходимымъ замѣтить, что оно должно быть дѣйствительнымъ, а не какою-то насмѣшкою надъ избирателями. Мы хотимъ сказать, что избраніе не должно быть такимъ, каково, напр., было избраніе кандидатовъ отъ духовенства въ члены Государственнаго Совѣта. Тамъ въ существѣ дѣла мы видимъ назначеніе тою же высшею іерархическою властію, такъ какъ выбранные кандидаты въ члены Государственнаго Совѣта не сами выбираютъ этихъ членовъ: это предоставляется власти Святѣйшаго Синода. Было бы въ высшей степени нежелательнымъ, чтобы и съ избранными отъ епархій представителями на соборъ случилось что-либо подобное. Носится слухъ, что право избирать кандидатовъ въ члены собора отъ епархій изъ клира и мірянъ будетъ предоставлено благочинническимъ собраніямъ, съ тѣмъ чтобы изъ числа этихъ кандидатовъ епархіальный архіерей избралъ представителей на соборъ по своему усмотрѣнію. Неужели этотъ слухъ оправдается? Непонятно, для чего же тогда благочинническіе выборы? Не будетъ ли опять и это только горькой насмѣшкой надъ клиромъ и міряпами? Развѣ нельзя наперед сказать, что при такомъ порядкѣ ни одно лицо, неугодное „владыкѣ", не найдетъ себѣ мѣста на соборѣ, хотя бы того желала вся епархія, зная неподкупную честность, твердость и независимость убѣжденій намѣченнаго ею представителя на соборъ? Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, достаточно будетъ, чтобы хотя только въ одномъ благочиніи былъ избранъ незначительнымъ большинствомъ архіерейскій любимецъ,—чего достигнуть всегда представится возможность,—и эта „persona grata" для епископа, можетъ быть нелюбимая и презираемая всею епархіей, будетъ утверждена архіереемъ и явится выразителемъ голоса всей епархіи. Кому не извѣстно, что наши архипастыри очень любятъ вы-

зывать къ себѣ „изъ далекихъ чуждыхъ странъ“, т. е. съ прежнихъ мѣстъ своего служенія, своихъ епархіальныхъ, дѣлаютъ ихъ вліятельными въ епархіи, хотя среди нихъ не въ рѣдкость встрѣтить такія лица, о которыхъ вполнѣ можно сказать: „за горами, за долами ужъ гремѣлъ о нихъ разсказъ“, далеко не добрый?. И вотъ такого-то рода особы могутъ представительствовать, на соборѣ!... Такимъ образомъ, въ существѣ дѣла, и въ этомъ случаѣ на соборѣ будетъ раздаваться голосъ опять однихъ только епископовъ, лишь только подкрѣпляемый избранными ими ихъ единомышленниками, Не дай Богъ, чтобы все это случилось! Необходимо, чтобы членами предстоящаго собора явились тѣ лица, которымъ епархіи дѣйствительно довѣрили свой голосъ, а не лица, желанныя только для однихъ архіереевъ. Необходимо, чтобы соборъ составился не изъ однихъ только епископовъ съ ихъ клевретами и приспѣшниками....

Но и этого было бы недостаточно. Важно, чтобы голосъ представителей изъ клира и мірянъ имѣлъ на соборѣ должное значеніе. Обыкновенно говорятъ, что клиру и мірянамъ на соборѣ будетъ предоставленъ *совѣщательный* голосъ. Но какъ это понимать? Если такимъ голосомъ епископы ни къ чему не будутъ обязываться и въ своихъ соборныхъ опредѣленіяхъ могутъ что либо постановить вопреки мнѣнію представителей изъ клира и мірянъ, то, очевидно, голосъ послѣднихъ низводится къ нулю и присутствіе ихъ на соборѣ оказывается излишнимъ. Необходимо, чтобы на соборѣ епископы ничего не постановляли безъ согласія прочихъ членовъ. Соборныя рѣшенія могутъ получить силу только въ томъ случаѣ, если будетъ достигнуто единогласіе. Вспомнимъ хотя бы соборы св. Діонисія Александрійскаго и св. Кипріана Карѳагенскаго. На нихъ епископы не старались всѣми силами настоять непремѣнно на своемъ: напротивъ, они не стыдились дѣлать уступки клиру и мірянамъ, приглашеннымъ на соборъ [1]). Желательно, чтобы такъ было и теперь. Можно допустить, чтобы епископы, не согласившись съ постановленіемъ на соборѣ клира и мірянъ, передавали дѣло на новое разсмотрѣніе на томъ же соборѣ; можно до-

---

[1]) См. объ этомъ въ нашей статьѣ: „Участіе клира и мірянъ на соборахъ въ первые девять вѣковъ христіанства“, стр. 74 и сл.

пустить и то, чтобы епископы оставляли безъ утвержденія опредѣленія представителей собора, если и послѣ второго разсмотрѣнія клиръ и міряне не измѣнятъ своего мнѣнія, и въ такомъ случаѣ нерѣшенное дѣло пусть откладывается до другого собора; но никакимъ образомъ нельзя допускать, чтобы епископы опредѣляли на соборѣ что-либо противное желанію прочихъ членовъ: это не было бы дѣйствительно *соборнымъ* голосомъ, т.-е. голосомъ всей церкви. На соборѣ должно господствовать единодушіе, а если его нельзя будетъ почему либо достигнуть, то пусть не будетъ насилія надъ Церковію.

Обращаясь опять къ резолюціи „русскихъ людей", вспомнимъ, что ею требуется безотлагательный, не позднѣе осени текущаго года, созывъ всероссійскаго собора. Также и это, по нашему мнѣнію, является крайне нежелательнымъ. 1906-й годъ совершенно не благопріятствуетъ созыву церковнаго собора. Вниманіе всѣхъ устремлено на политическіе вопросы. Состоялось открытіе Думы, и конечно, всѣ интересуются тѣмъ, какъ идутъ дѣла въ ней, а вовсе не церковными вопросами. Соборъ сдѣлается мало замѣтнымъ, — его голосъ будетъ заглушенъ голосами, касающимися внутренняго переустройства нашего государства. Не нужно забывать, что наступилъ тяжелый періодъ политическаго перерожденія, когда всѣ мы находимся въ крайне нервномъ состояніи. Ясно, что Церковь только тогда можетъ громко сказать свое слово на соборѣ, когда въ нашемъ государствѣ будетъ поспокойнѣе. Къ чему спѣшить? Не разумнѣе ли отложить соборъ приблизительно до осени 1907 года? Вѣдь надо быть отчаяннымъ утопистомъ, чтобы довѣрчиво относиться къ тѣмъ умилительно-наивнымъ картинкамъ, которыя рисуетъ еп. волынскій Антоній въ одной изъ своихъ докладныхъ записокъ въ Св. Синодъ по поводу предстоящаго собора на Руси. „Если бы,—пишетъ онъ (см. Прибавл. къ „Церк. Вѣд.", 1906 г., № 8, стр. 383—384),—такое радостное событіе (т.-е. учрежденіе патріаршества) совершилось въ великомъ посту (1905 года), то не позже Троицы (того же года) состоялся бы и законный соборъ помѣстный съ участіемъ восточныхъ патріарховъ, а къ осени (опять того же года) святая церковь процвѣла бы такою силою благодатной жизни и духовнаго оживленія, что оно увлекло бы паству далеко-далеко

отъ тѣхъ звѣрскихъ интересовъ, которыми теперь раздирается наша родина, а Самодержавная Власть непоколебимо и радостно стояла бы во главѣ народной жизни; по лицу родной страны раздавались бы священныя пѣснопѣнія, а не марсельезы; въ Москвѣ гудѣли бы колокола, а не пушечные выстрѣлы; черноморскія суда, украшенныя бархатомъ и цвѣтами, привозили бы и отвозили преемниковъ апостольскихъ престоловъ священнаго Востока, а не измѣнниковъ, не предателей, руководимыхъ жидами; и вообще революціи тогда не было бы ни теперь, ни въ будущемъ, потому что общенародный восторгъ о возстановленіи православія послѣ долгаго его плѣна и подступиться не далъ бы сѣятелямъ безбожной смуты". Читая такія архипастырскія мечтанія, невольно говоришь: „блаженъ, кто вѣруетъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ и спрашиваешь себя: „однако найдутся ли такіе блаженные?»

Противъ отсрочки собора иногда говорятъ, что она можетъ оказаться опасною, такъ какъ синодальное управленіе въ церкви теряетъ свой авторитетъ все болѣе и болѣе; власть іерарховъ слабѣетъ все сильнѣе и сильнѣе, и уваженіе къ нимъ повсюду падаетъ. Но, кажется, здѣсь допускается значительное преувеличеніе. Если въ настоящее время Церковь громко выражаетъ свое недовольство синодальнымъ управленіемъ, то это вовсе не означаетъ, что власть іерарховъ замѣтно теряетъ свою силу. По крайней мѣрѣ, доказательствъ этому мы до сихъ поръ не видимъ. Напротивъ, можемъ сказать, что и теперь епископы продолжаютъ властвовать „по прежнему". Что же касается уваженія къ архипастырямъ, то оно пріобрѣтается личными ихъ качествами, а не стоитъ въ зависимости отъ скорости созыва собора. Архіепископъ ярославскій Іаковъ, рижскій Агаѳангелъ и другіе не многіе, съ такою заботливостью и разумнымъ пониманіемъ нуждъ паствы отнесшіеся къ вопросамъ о церковной реформѣ, сумѣли привлечь къ себѣ ранѣе собора уваженіе не однихъ только своихъ епархій, но и вообще всей русской Церкви; между тѣмъ какъ тѣ архипастыри, которые съ гнѣвомъ запрещаютъ даже лицамъ духовнаго званія обсуждать церковные вопросы и съ этою цѣлью не позволяютъ ни собраній, ни епархіальныхъ съѣздовъ, *не*

могутъ поднять своего авторитета, хотя бы соборъ состоялся даже на текущей недѣлѣ.

Не имѣетъ силы и то возраженіе, что должно же, наконецъ, когда-либо приступить къ церковной реформѣ. Отсрочка предполагается не слишкомъ долгая,—всего на годъ съ мѣсяцами; вызывается она необходимостію и должна быть употреблена на серьезное подготовленіе къ собору. Притомъ же нѣкоторыя видоизмѣненія въ установившемся церковномъ порядкѣ возможно допустить теперь же, ранѣе собора. Укажемъ примѣръ. Предположимъ, —гдѣ либо дѣлается вакантной каѳедра епархіальнаго архіерея: почему не предоставить выборъ епископа самой же епархіи? почему не сдѣлать для этого епархіальный съѣздъ представителей отъ духовенства и мірянъ, которые указали бы желаннаго для нихъ кандидата на свободное архипасторское мѣсто? почему не послать во вдовствующую епархію уполномоченнаго отъ Святѣйшаго Синода архіерея, который руководилъ бы выборами на съѣздѣ и вмѣстѣ съ другими приглашенными епископами рукоположилъ бы избраннаго? Какъ все это напомнило бы столь желанный нами теперь древній церковный порядокъ [1]).

---

[1]) Уже въ древнѣйшемъ памятникѣ христіанской письменности „Ученіе 12 апостоловъ“, появившемся не позднѣе конца перваго или начала второго вѣка, избраніе епископовъ признается правомъ всей христіанской общины (гл. 15. См. „Ученіе 12 апостоловъ,“ перев. съ греч. *К. Д. Попова*, изд. 2. Москв. 1906, стр. 21. Объясненіе указаннаго мѣста см. у *Renesse*. Die Lehre der zwölf Apostel. Giessen. 1897. S 66 f. Срв. также у *Аксакова Н. П.* въ его статьѣ „Всецерковный Соборъ и выборное начало въ Церкви“ см. сборникъ „Къ церковному Собору“. Спб. 1906, стр. 112 и сл.) Позднѣе Оригенъ писалъ: При поставленіи епископа требуется присутствіе народа, чтобы это дѣло было всѣмъ извѣстно, потому что въ священный чинъ (ad sacerdotium) избирается тотъ, кто имѣетъ преимущество передъ всѣми, кто всѣхъ образованнѣе, святѣе, и отличается всѣми добродѣтелями. Въ этомъ дѣлѣ долженъ участвовать народъ, чтобы послѣ не сталъ кто либо пререкословить и чтобы не вышло какого-нибудь неудовольствія“ (*Origenis*, in Levit. hom. VI, 3; см *Migne*, Patr. graec. t. XII, col. 469); Современникъ Оригена св. Кипріанъ Карѳагенскій говоритъ: „Мы знаемъ,— Богомъ постановлено, чтобы священникъ (т. е. вообще священнослужитель) былъ избираемъ въ присутствіи народа предъ глазами всѣхъ, и чтобы его достоинство и способность были подтверждаемы общественнымъ судомъ и свидѣтельствомъ. Такъ въ книгѣ чиселъ (20, 25, 26) Господь повелѣваетъ Моисею предъ всѣмъ сонмомъ поставить священника, т. е. учитъ и показываетъ, что поставленіе священника не иначе должно быть совершаемо, какъ съ вѣдома предстоящаго народа, чтобы при-

Нечего и говорить, какое оживленіе было бы внесено въ церковную жизнь! А вѣдь не видится никакихъ особенныхъ препятствій допустить указываемое нами избраніе архипастырей. Такимъ образомъ отсрочка собора нисколько не препятствуетъ приступать теперь же къ церковнымъ реформамъ, гдѣ представляется къ тому возможность. Указанъ одинъ примѣръ, но можно было бы привести и много другихъ.

Есть еще и другая, не менѣе важная причина отложить соборъ на нѣкоторое время. *Необходимо достаточно подготовиться къ собору.* Правда, имѣются нѣсколько большихъ томовъ „матеріаловъ къ предстоящему всероссійскому собору", составившихся изъ отзывовъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ; но всѣмъ извѣстно, что эти отзывы, составленные или единолично епископами, или лицами, ими самими избранными, не могутъ служить выраженіемъ голоса цѣлыхъ епархій. Мало того, матеріалы эти такъ запутаны, неопредѣленны, разнорѣчивы, что работающей въ настоящее время при Святѣйшемъ Синодѣ предсоборной коммиссіи они не служатъ какимъ-либо особеннымъ подспорьемъ.

Итакъ, необходимо самое старательное подготовленіе къ собору. Желательно, чтобы для обсужденія вопросовъ, ко-

---

сутствующіе могли и открыть преступленія злыхъ и возвѣстить заслуги добрыхъ, и чтобы такимъ образомъ поставленіе было справедливо и законно, какъ основанное на общемъ приговорѣ и судѣ. Тоже по Божественному наставленію было наблюдаемо и впослѣдствіи. Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ читаемъ, что Петръ, когда надлежало поставить епископа (ordinando episcopo) на мѣсто Іуды, обратился съ рѣчью къ народу (Дѣян. 1, 16). Тоже, какъ замѣчаемъ, соблюдали апостолы и при поставленіи не только епископовъ и священниковъ, но и діаконовъ, о чемъ написано въ ихъ Дѣяніяхъ: *призвавше же двонадесять множество учениx, рѣша* (Дѣян. 6, 2). Такъ внимательно и осторожно, при собраніи всего народа, было совершаемо это дѣло для того, чтобы кто либо недостойный не поступилъ на служеніе къ алтарю и на священническое мѣсто... Поэтому тщательно надобно хранить и соблюдать то, что по Божественному преданію и апостольскому примѣру и соблюдается у насъ и почти во всѣхъ странахъ: для правильнаго поставленія всѣ ближайшіе епископы должны собраться въ ту паству, для которой поставляется предстоятель и избрать епископа въ присутствіи народа, вполнѣ знающаго жизнь и ознакомившагося съ дѣлами избираемаго чрезъ свое обращеніе съ нимъ" (*Cyprianі*, epist. 68, 4—5. *Migne*, Patr. lat. III. 1025—1027; по русск. переводу твореній св. Кипріана ч. I. Кіевъ 1879, стр. 269 — 270.

торые должны составить предметъ засѣданій на будущемъ соборѣ, повсюду открывались общества, коммиссіи, созывались съѣзды благочинническіе и епархіальные. Пусть здѣсь примутъ участіе не одни только духовныя лица, но и міряне. Епархіальные епископы такимъ предсоборнымъ обсужденіямъ должны не препятствовать, какъ часто бывало до сихъ поръ, но всячески способствовать. Пора же, наконецъ, тѣмъ изъ нашихъ архіереевъ, которые присвоиваютъ право заниматься дѣлами церковными только однимъ епископамъ, сознать незаконность такой монополіи. Дѣло церковное есть дѣло всякаго члена Церкви.

Для большей успѣшности веденія дѣла въ предсоборныхъ собраніяхъ Святѣйшему Синоду слѣдовало бы разослать по епархіямъ руководственную программу, въ которой были бы помѣчены вопросы, имѣющіе быть рѣшенными на будущемъ соборѣ. Но само собою понятно, что въ такой программѣ не должно быть никакихъ предрѣшеній этихъ вопросовъ. Въ епархіяхъ каждому благочинію или каждому десятку приходовъ должно выработать отвѣты на эти вопро-

---

письмо 56). Въ четвертомъ вѣкѣ первый вселенскій соборъ въ своемъ „Соборномъ посланіи къ церквамъ Божіимъ, находящимся въ Александріи, Египтѣ, Пентаполѣ, Ливіи и во всей поднебесной, клиру и мірянамъ, исповѣдующимъ православную вѣру“ предписываетъ: „Если кто изъ церковныхъ священнослужителей умретъ, то на мѣсто умершаго могутъ быть допускаемы и недавно присоединенные къ Церкви, если только они окажутся достойными, и *если изберетъ ихъ народъ*“ (Дѣян. всел. соборовъ. т. I, стр. 189; Казань. 1859). Св. папа Левъ Великій (V в.) въ одномъ изъ своихъ писемъ избраніе священнослужителей всѣмъ народомъ называетъ „порядкомъ апостольскимъ“ (*Leonis* epist. X. 4; см. *Migne* Part. lat. IV, 632: „ut apostolicae auctoritatis norma in omnibus servaretur“) и говоритъ: „Никто да не поставляется противъ воли и желанія народа, чтобы народъ, претерпѣвъ понужденіе, не возненавидѣлъ и не сталъ презирать нежелаемаго епископа и не потерялъ должнаго благоговѣнія, какъ скоро ему не позволяютъ имѣть епископомъ того, кого онъ желалъ“ (*Leonis*, epist. XIV, 5. *Migne*, Patr. lat. XLIV, 673). Исторія намъ показываетъ, что клиръ и міряне дѣйствительно пользовались правомъ самимъ избирать себѣ епископовъ и пользовались долгое время. Народомъ были избраны: св. Кипріанъ Карѳагенскій (см. *Pontii diaconi*, De vita et passione s. Cypriani. c. V, см. *Migne*, Part. lat. III, 1486—1487), св. Аѳанасій Великій (см. *Sozomeni*, Histor. eccles. II, 17; *Migne*, Patr. graec. LXVII, 976 sq.), св. Мартинъ Турскій (см. *Sulpicii Severi*, De vita Martini, c. IX; см. *Migne*, Patr. lat. XX, col. 165: „mirum in modum incredibilis multitudo non solum ex illo oppido, etiam ex vicinis urbibus ad suffragia

сы совершенно свободно, безбоязненно. Епархіальные архіереи не только должны открыто заявлять это послѣднее, но и подтверждать самымъ дѣломъ, т. е. не карать тѣхъ, кто осмѣлится высказать мнѣніе, имъ неугодное. Пусть объ этомъ даже будетъ заявлено епископамъ особымъ указомъ Святѣйшаго Синода.

Изготовивъ,—конечно, совмѣстно съ міряпами,—отвѣты на программные вопросы, благочинніе или десятокъ приходовъ выбираетъ своихъ делегатовъ отъ духовенства и міранъ на епархіальный съѣздъ, на которомъ обсуждаются отвѣты, данные на благочинническихъ собраніяхъ, и вырабатываются общіе отъ всей епархіи. Эти послѣдніе доставляются на соборъ, какъ матеріалъ для его занятій. Съѣздъ, конечно, испрашиваетъ архипастырское благословеніе на свои занятія но епархіальный архіерей долженъ устраниться отъ всякаго дѣятельнаго участія на съѣздѣ, чтобы своимъ вмѣшательствомъ не производить давленія на его членовъ.

---

ferenda convenerant"), Евсевій Кесарійскій (см. св. *Григорія Богослова* слово 18 „ въ похвалу отца"; творен. на русск. языкѣ, т. II, стр. 134. Москв. 1843), св Василій Великій (см. св. *Григорія Богослова* слово 43 „надгробное св. Василію": творен. въ русск. перев., т. IV, стр. 93 и сл. Москв. 1844), св. Амвросій Медіоланскій (см. *Paulini*, Vita Ambrosii, cap. 6; *Migne*, Patr lat. XIV, 28 sq.), св. Іоаннъ Златоустъ (*Socratis*, Histor. eccles. VI, 2; *Migne*, Patr. graec. LXVII, 661 sq.) и очень многіе другіе. Самый порядокъ избранія народомъ епископа и поставленія его въ эту степень описанъ въ „Постановленіяхъ Апостольскихъ", въ которыхъ, какъ всѣми признано, можно находить не мало историческихъ указаній, касающихся второго и третьяго вѣковъ. Въ четвертой и пятой главахъ восьмой книги этого памятника мы читаемъ; „Въ епископа рукополагать всѣ мы (апостолы) постановили того, кто безпорочепъ во всемъ, избранъ всѣмъ народомъ, какъ наилучшій. Когда его наименуютъ и одобрятъ, то народъ, собравшись въ день Господень съ пресвитерствомъ и наличными епископами, пусть дастъ согласіе. Старѣйшій же прочихъ пусть спроситъ пресвитерство и народъ, тотъ ли это, кого просятъ они въ начальника, и когда отвѣтятъ утвердительно, то снова пусть спроситъ, всѣ ли свидѣтельствуютъ, что онъ достоинъ сего великаго и знатнаго начальствованія, исправилъ ли онъ относящееся къ благочестію по Богѣ, соблюлъ ли права къ людямъ, хорошо ли устроилъ дѣла по дому, безукоризненъ ли по жизни. Когда всѣ вмѣстѣ по истинѣ, а не по предубѣжденію, какъ предъ судіею Богомъ и Христомъ, въ присутствіи, разумѣется, и Святаго Духа и всѣхъ святыхъ и служебныхъ духовъ, засвидѣтельствуютъ, что онъ таковъ; то опять въ третій разъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово, да будутъ спрошены, воистину ли онъ достоинъ священнослужительства, и когда въ третій разъ подтвердятъ, что достоинъ, то

На епархіальномъ съѣздѣ избираются представители на соборъ отъ епархіи изъ духовенства и міряпъ. Число ихъ могло бы быть *пять*: 2 отъ клира, 2 отъ міряпъ и 1 отъ духовно-учебныхъ заведеній епархіи—семинаріи, мужскихъ и женскихъ училищъ. Отъ клира не необходимо должны быть избираемы протоіереи или священники, но также и низшіе клирики, равнымъ образомъ,—не непремѣнно лица изъ городскаго духовенства, съ высшими академическими учеными степенями, но очень желательно участіе на соборѣ представителей и отъ сельскаго духовенства. Утвержденіе епархіальнымъ архіереемъ избранныхъ на съѣздъ не является нужнымъ и полезнымъ. Это—потому, что если епископу предоставить право утвержденія, то онъ могъ бы не утверждать намѣченныхъ его паствою членовъ собора, но такое неутвержденіе могло бы возстановить противъ архіерея его епархію, возбудить къ нему даже враждебное чувство. Въ виду этой весьма возможной опасности, лучше не

отъ всѣхъ пусть потребуютъ знака согласія, а какъ скоро дадутъ его, пусть умолкнутъ. Когда настанетъ молчаніе, одинъ изъ первыхъ епископовъ, вмѣстѣ съ другими двумя, ставъ подлѣ жертвенника, между тѣмъ какъ прочіе епископы и пресвитеры молятся тайно, а діаконы держатъ надъ главою рукополагаемаго раскрытыя Божественныя евангелія, пусть говоритъ къ Богу (приводится молитва). По окончаніи этого моленія прочіе священники пусть говорятъ „аминь", а съ ними и весь народъ. Послѣ молитвы одинъ изъ епископовъ пусть дастъ въ руки рукоположеннаго жертву. А на утро прочіе епископы пусть помѣщаютъ его на принадлежащій ему престолъ, и всѣ привѣтствуютъ его цѣлованіемъ о Господѣ. По прочтеніи же закона и пророковъ, также нашихъ посланій и дѣяній и евангелій, рукоположенный пусть привѣтствуетъ церковь, говоря: „благодать Господа нашего Іисуса Христа, любы Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа со всѣми вами", и всѣ пусть отвѣчаютъ: „и со духомъ твоимъ"; а послѣ привѣтствія пусть онъ проговоритъ къ народу слова назиданія" (Постановленія Апостольскія, въ русск. переводѣ. Казань 1864, стр. 253 и сл.; *Migne*, Patr. graec. I, 1069 sq.).—Въ нашей русской Церкви очень долгое время, особенно же въ домонгольскій періодъ, священнослужители, не только священники и діаконы, но также епископы, избирались народомъ. Если русскій митрополитъ назначалъ куда-либо епископа, не спросясь мѣстнаго князя и народа, то бывали случаи, когда такого епископа не принимали: „не избраша его людье землѣ нашей,"—говорилъ тогда князь (Ипатьевская лѣтопись подъ 1183 г.; см. Полн. собран. русск. лѣтоп., изд. Археогр. Коммисс., т. II. Спб. 1843, стр. 127),—ибо „нѣсть достойно паскакати на святительскій чинъ на мьздѣ, но его же Богъ позоветъ и святая Богородица, князь въсхочетъ и людье"(Лаврентьевская лѣтопись подъ 1185 г.; см. тамъ же, т. I. Спб. 1846, стр. 165).

давать епископамъ такого права. Съ другой стороны, если епархіальный архіерей почему-либо останется недовольнымъ избраніемъ тѣхъ или другихъ лицъ, то онъ можетъ благовременно заявить объ этомъ Святѣйшему Синоду; необходимо только, чтобы содержаніе этого заявленія было извѣстно епархіи. Также архіерей долженъ заявить Синоду, если выборы будутъ произведены неправильно.

Нельзя не пожелать, чтобъ каждая изъ духовныхъ академій избрала своихъ представителей впѣ числа представителей отъ епархій, напр. по 3 каждая, т. е. 12 всѣ вмѣстѣ. Высшимъ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ могло бы быть предоставлено право избрать отъ своей среды также 12 членовъ со всей Россіи. Двѣнадцать же представителей могло бы явиться на соборъ и отъ всего русскаго монашества: шесть по избранію самихъ иноковъ и шесть по избранію на епархіальныхъ съѣздахъ. Избирать иноковъ не должно непремѣнно только изъ своей епархіи. Но, конечно, при такомъ порядкѣ, намѣченныхъ кандидатовъ на соборъ отъ монашества можетъ оказаться очень много: должны быть избраны, понятно, тѣ изъ нихъ, за кого болѣе всѣхъ подано голосовъ.

Могутъ возразить, что по представляемому проекту число членовъ собора будетъ чрезмѣрно велико. Но вспомнимъ исторію древняго христіанства. Даже въ то время, когда христіанъ гнали, одни только епископы собирались на соборы цѣлыми сотнями. На антіохійскихъ соборахъ третьяго вѣка (въ 264—269 гг.) противъ Павла Самосатскаго, по словамъ Евсевія, присутствовали „*тьмы* (μυρίους) епископовъ вмѣстѣ съ пресвитерами и діаконами“ [1]). На Западѣ въ томъ третьемъ вѣкѣ, при римскомъ епископѣ Корнеліи, на соборѣ въ Римѣ противъ новаціанъ присутствовало „*несмѣтное множество народа* (ingens populus)“ [2]). Если въ такомъ громадномъ множествѣ собирались христіане на соборы еще до св. Константина Великаго, то, конечно, тѣмъ болѣе послѣ умиротворенія Церкви. Участникъ перваго вселенскаго собора, историкъ Евсевій, пишетъ, что на этомъ соборѣ „находилось множество епископовъ—числомъ болѣе 250, а сопро-

---

[1]) *Eusebii*, Histor. eccles. VII, 28. См. *Migne*, Patr. grace. XX, 705.

[2]) *Cornelii*, epist. ad. Cyprian. VI, 2. См. *Migne*, Patr. lat. III, 723.

ождавшихъ ихъ пресвитеровъ, діаконовъ, чтецовъ и многихъ другихъ невозможно было исчислить“ [1]). На четвертомъ вселенскомъ соборѣ однихъ только епископовъ, какъ извѣстно, было 630. Такимъ образомъ, если древняя христіанская Церковь не находила нужнымъ ограничивать числа участниковъ собора, не смотря на то, что, напр., въ эпоху гоненій къ этому представлялись значительныя затрудненія, то нужно ли поступать иначе въ настоящее время? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, всячески стараться, чтобы на предстоящемъ соборѣ было представительство дѣйствительно всей Церкви и чтобы голосъ церковный звучалъ какъ можно сильнѣе?

Не должны имѣть значенія также и тѣ соображенія, что большое число членовъ собора потребуетъ значительныхъ денежныхъ средствъ. Мы думаемъ, что благо церковное должно стоять выше всякихъ денежныхъ разсчетовъ. При томъ же, если та сумма, которая будетъ ассигнована на соборъ отъ казны, окажется недостаточною, то нетрудно указать другіе вспомогательные источники. Какъ всѣ знаютъ, наши архипастыри далеко не бѣдствуютъ. Всѣ они иноческаго чина и, какъ иноки, дали обѣтъ нестяжательности. Такимъ образомъ должно полагать, что въ данномъ случаѣ они не задумаются оказать денежную помощь. Если же это почему либо не оправдается,—чего не хотѣлось бы даже и предполагать,—то каждая епархія такъ или иначе найдетъ возможнымъ помочь посылаемымъ ею на соборъ: вѣдь для этого не десятки тысячъ потребуются отъ епархіи.

Что касается предсоборной коммиссіи, образованной въ настоящее время при Святѣйшемъ Синодѣ и получившей названіе „Особаго присутствія для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію всероссійскаго собора“, то такая коммиссія является весьма желательною. Она должна служить, такъ сказать, „центральнымъ бюро“ всѣхъ коммиссій, собраній и съѣздовъ, которые будутъ устраиваться въ епархіяхъ по вопросамъ о соборѣ. Въ нее должны поступать протоколы такихъ собраній. Пользуясь этими протоколами,

---

[1]) *Евсевія Памфила.* Жизнь блаженнаго царя Константина, въ русск. переводѣ, Спб. 1850, стр. 172, 173.

она и должна подготовлять матеріалъ для предстоящаго собора. Но необходимо, чтобы члены ея не назначались свыше, а избирались епархіями, духовными академіями и т. д., такъ чтобы они не были „случайными въ составѣ присутствія", „не имѣющими возможности быть выразителями дѣйствительнаго голоса всей церкви", на что теперь жалуются нѣкоторые изъ самихъ членовъ синодскаго предсоборнаго присутствія, напр., кн. Е. Н. Трубецкой (см. его рѣчь въ Прибавл. къ „Церк. Вѣдом.", 1906 г., № 10, стр. 478).

Конечно, все, что будетъ дѣлаться въ разныхъ предсоборныхъ собраніяхъ, не должно скрывать подъ спудомъ, но слѣдуетъ предавать самой широкой огласкѣ. Дѣлать это, кажется, не представится затрудненій. Въ каждой епархіи существуютъ свои „епархіальныя вѣдомости". Въ нихъ и нужно печатать труды по вопросу о предстоящемъ соборѣ.[1]) Всякая русская церковь обязана получать синодальный органъ—„Церковныя Вѣдомости" съ ихъ прибавленіями; слѣдовательно—вотъ органъ, въ которомъ можно было бы перепечатывать изъ епархіальныхъ вѣдомостей, хотя бы въ извлеченіяхъ, что будетъ дѣлаться по епархіямъ для подготовленія къ собору. Такимъ образомъ, представилась бы возможность, не имѣя подъ руками всѣхъ епархіальныхъ вѣдомостей, узнавать о предсоборныхъ подготовленіяхъ въ разныхъ мѣстахъ. Или, быть можетъ, окажется нужнымъ открыть съ указанною цѣлію особый печатный органъ, напр., при синодской предсоборной коммиссіи, назначивъ невысокую подписную цѣну за него.

Нельзя не отмѣтить еще одного условія, безъ котораго предстоящій соборъ не будетъ имѣть достаточной силы. Какъ извѣстно, въ настоящее время указано очень много вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію будущаго всероссійскаго собора. Однѣхъ секцій для ихъ разработки открыто въ предсоборной коммиссіи семь. Дѣйствительно, нуждъ церкви чрезвычайно много. Куда ни дотронетесь, вездѣ больно. Но всего скоро излѣчить нельзя. Недуги церковные требуютъ

---

[1]) Полагаемъ, что это было бы болѣе полезнымъ, чѣмъ помѣщеніе подробныхъ описаній архіерейскихъ служеній съ обстоятельнымъ перечнемъ архимандритовъ и протоіереевъ, принимавшихъ при этомъ участіе,—или перепечатокъ газетныхъ и журнальныхъ статей, иногда совершенно ненужныхъ, а иногда даже тенденціозныхъ

обстоятельныхъ, всесторонпихъ обсужденій касательно ихъ уврачеванія,—обсужденій ранѣе собора, а въ короткое время, напр., въ годъ, полтора, сдѣлать этого невозможно. Такимъ образомъ, если соборъ дѣйствительно займется всѣми намѣченными теперь вопросами, то грозитъ опасность, что его рѣшенія окажутся поспѣшными, случайными, можетъ быть даже ошибочными, или мало приложимыми къ дѣйствительной жизни. Необходимо ограничить программу будущаго собора. Лучше заняться немногимъ, чѣмъ браться за все и не сдѣлать ничего. По всей вѣроятности, предстоящій соборъ положитъ начало цѣлому ряду послѣдующихъ соборовъ, которые будутъ собираться чрезъ не особенно продолжительные промежутки времени. Пусть предметомъ своихъ занятій они и будутъ имѣть тѣ вопросы, обсудить которые первый соборъ не въ состояніи. Такимъ образомъ должно вполнѣ присоединиться къ мнѣнію Ѳ. Д. Самарина, который въ засѣданіи предсоборной коммиссіи при Св. Синодѣ говорилъ:

„Мы подходимъ къ дѣлу новому, такъ какъ на Руси не было соборовъ почти двѣсти лѣтъ, и должны отнестись къ этому дѣлу съ величайшею осторожностію. Надѣемся, что этотъ соборъ будетъ не послѣднимъ, а первымъ въ ряду всероссійскихъ соборовъ. Посему представлялось бы цѣлесообразнымъ задачу перваго собора ограничить возможно меньшимъ кругомъ дѣлъ. Предметы, перечисленные въ программѣ (предстоящаго собора), несомнѣнно имѣютъ громадное значеніе, но невольно возникаетъ вопросъ, по силамъ ли будетъ собору разрѣшить вопросы въ томъ объемѣ, въ какомъ они поставлены. Главная цѣль собора — утвердить любовь и оградить миръ въ церкви. Поэтому необходимо, чтобы рѣшенія собора были результатомъ сознательной, напряженной работы всѣхъ членовъ россійской церкви. Въ виду этого нельзя, слишкомъ расширять кругъ дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію собора. Утраченное сознаніе значенія собора еще не усвоено мірянами и даже не всѣмъ вѣдомо изъ духовенства. Поэтому необходима такая работа для собора, которая могла бы быть уяснена возможно большимъ числомъ мірянъ. Нынѣ мы переживаемъ минуты особаго напряженія. Всѣ силы русскаго народа мобилизированы для устроенія государственной жизни Россіи. Трудно разсчиты-

вать на еще большее напряженіе, тѣмъ болѣе, что еще не всѣ достаточно подготовлены къ рѣшенію подлежащихъ собору вопросовъ. Лучше сдѣлать немного, но такъ, чтобы это внесло въ жизнь умиротвореніе и любовь, безъ риска какихъ-либо осложненій и раздѣленій въ церкви. Предстоящему собору, какъ начинательному, нельзя ставить задачею обновленіе всего церковнаго строя Россіи. Соборъ долженъ указать нѣкоторыя переходныя мѣры къ идеальному, но едва ли скоро осуществимому строю. Не такъ блестяща эта задача, какъ задача всесторонняго обновленія церкви, но, смѣю думать, путь этотъ наиболѣе безопасный". (Прибавл. къ „Церк. Вѣд.", 1906 г., № 10, стр. 480).

Этими словами почтеннаго члена предсоборной синодской коммиссіи закончимъ свою рѣчь о предстоящемъ соборѣ. Ѳ. Д. Самаринъ точно и ясно не указываетъ, чѣмъ именно, по его мнѣнію, долженъ заняться первый соборъ. Намъ думается, что собору необходимо прежде всего позаботиться объ укрѣпленіи въ русской церкви духа соборности, безъ чего невозможно истинное обновленіе нашей церковной жизни и должное рѣшеніе наболѣвшихъ вопросовъ вѣры и нравственности. Поэтому на соборѣ нужно обсудить вопросъ объ оживленіи прихода, т.-е. указать, какія должно предпринимать мѣры, чтобы вѣрующіе были дѣйствительно живыми членами своего прихода. Здѣсь должно будетъ выработать опредѣленія объ участіи мірянъ въ дѣлахъцерковно-приходскихъ, напр., въ завѣдываніи церковнымъ имуществомъ, въ открытіи разныхъ приходскихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій и ихъ завѣдываніи, въ избраніи членовъ причта и т. п. Но кромѣ жизни приходской, соборъ долженъ коснуться и жизни цѣлой епархіи, т.-е. долженъ указать, въ чемъ церковная соборность должна проявиться и здѣсь, предложивъ опредѣленія, напр., объ избраніи должностныхъ лицъ, какъ — благочинныхъ, членовъ консисторіи и т. д., объ ихъ обязанностяхъ и характерѣ отправленія послѣднихъ, и т. п. Въ особенности должны быть даны соборныя опредѣленія, касающіяся епископовъ,—объ избраніи ихъ цѣлою паствою, при чемъ должно быть выяснено, не оказывается ли вреднымъ избраніе архіереевъ непремѣнно изъ иноковъ и совмѣстимо ли архіерейское служеніе съ монашескими обѣтами; не должно ли

отобрать отъ архіереевъ фиктивное настоятельство обогащающими ихъ монастырями, въ которыхъ они не живутъ и и которые даже рѣдко посѣщаютъ; должны быть даны ясныя опредѣленія относительно епископскаго управленія паствою, не допускающія архіерейскаго произвола и требующія отъ епископа управленія не единоличнаго, но соборнаго и т. д. Наконецъ, соборъ долженъ рѣшить, какому быть высшему управленію въ русской церкви—патріаршему или синодальному, и какимъ образомъ духъ соборности долженъ сказаться и здѣсь въ надлежащей мѣрѣ.

Вотъ предметы, которыми, какъ намъ кажется, долженъ бы заняться предстоящій первый соборъ. Этого было бы для него вполнѣ достаточно; не чрезмѣрно много времени (годъ съ нѣсколькими мѣсяцами) давалось бы и на предсоборную подготовку. На дальнѣйшихъ соборахъ должны быть выдвинуты другіе вопросы, еще болѣе важные и серьезные, и поэтому требующіе бо́льшаго подготовленія. Первый соборъ долженъ только памѣтить эти вопросы, но не ставить себѣ непремѣнною задачею ихъ рѣшить. На первый разъ достаточно, такъ сказать, расчистить дорогу для правильнаго теченія церковной жизни и дать тѣмъ, кто искренно желаетъ по мѣрѣ своихъ силъ трудиться на благо церковное, бо́льшую возможность работать безпрепятственно и плодотворно.

Прот. М. Добронравовъ.

Протоколъ засѣданій Коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17-го октября“ отъ 18 апрѣля 1906 года.

На собраніи присутствовало 18 членовъ и нѣсколько постороннихъ лицъ.

О. предсѣдатель Коммиссіи, прот. Н. Добронравовъ, открылъ собраніе сообщеніемъ, что А. И. Гучковъ передалъ ему присланные Оберъ-Прокуроромъ Свят. Синода кн. А. Д. Оболенскимъ четыре тома архіерейскихъ отзывовъ относительно предстоящей церковной реформы и нѣкоторыя другія изданія Предсоборнаго Синодскаго Присутствія.

Постановили: выразить А. И. Гучкову благодарность Коммиссіи за доставленіе столь важныхъ матеріаловъ и просить его выразить отъ лица Коммиссіи благодарность его сіятельству г. Оберъ-Прокурору за присылку архіерейскихъ отзывовъ и другихъ изданій,—вмѣстѣ съ просьбою не отказать и впредь въ присылкѣ дальнѣйшихъ трудовъ Предсоборнаго Синодскаго Присутствія.

О. предсѣдателемъ внесено предложеніе о желательности и необходимости отпечатать отдѣльнымъ выпускомъ труды Коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17 октября“.

Постановили: разработать подробности о напечатаніи трудовъ Коммиссіи въ отдѣльномъ собраніи бюро и результаты совѣщанія представить на ближайшее общее собраніе.

О. предсѣдателемъ, прот. Н. И. Добронравовымъ, прочитанъ былъ составленный имъ рефератъ „По поводу предстоящаго Всероссійскаго Церковнаго Собора“ (см. стр. 300 и сл.).

По выслушаніи реферата собраніе, по предложенію о. предсѣдателя, рѣшило обсудить вопросъ, желательна ли отсрочка собора, обсужденіе же другихъ вопросовъ отложить до дальнѣйшихъ засѣданій Коммиссіи.

Н. П. Поповъ. Кромѣ того, что указано о. Н. П. Добронравовымъ, я хотѣлъ бы сказать еще объ одной причинѣ для отсрочки собора — психологической. Мы живемъ первою жизнью, и вниманіе наше поглощено политической борьбой; трудно при нынѣшнемъ положеніи дѣла обсуждать церковные вопросы, которые требуютъ спокойствія.

Прот. Добронравовъ. У меня въ рефератѣ объ этомъ сказано, можетъ быть, только недостаточно выпукло, вслѣдствіе чего это и ускользнуло изъ Вашего вниманія.

О. Поспѣловъ. Указываютъ, какъ на причину къ скорѣйшему созванію собора, на паденіе авторитета архіерейской власти. Я бы сказалъ, что не авторитетъ власти, а произволъ падаетъ, яснѣе очерчиваясь, и нужно дать время, чтобы произволъ этотъ показалъ себя со всѣхъ сторонъ и отошелъ въ вѣчность. Народъ на соборѣ самъ осудитъ этотъ произволъ.

Прот. Славскій также отмѣтилъ, что дѣйствительно самовластіе епископовъ нерѣдко проявляется въ значительной степени, что вызываетъ, конечно, протестъ; но отсрочка собора, по его мнѣнію, нежелательна, потому что она еще болѣе разовьетъ протестующій духъ

А. И. Покровскій. Вполнѣ раздѣляя мысль объ отсрочкѣ собора, я хотѣлъ бы только еще болѣе усилить и подчеркнуть два мотива такого рѣшенія: во-первыхъ, я придаю особенное значеніе психологической причинѣ для этой отсрочки Дѣйствительно, трудно теперь, когда умы всѣхъ отвлечены въ другую сторону, рѣшать объективно церковные вопросы. Во-вторыхъ, едва ли даже и цѣлесообразно торопиться теперь съ какими-либо рѣшеніями церковныхъ вопросовъ. Вѣдь внѣшняя реформа церкви всегда идетъ параллельно съ гражданской. Въ какія формы отольется у насъ гражданская реформа, мы не знаемъ. Кто теперь торопится съ соборомъ, тотъ повидимому хочетъ сдѣлать изъ него своего рода политическую аферу: спѣшатъ съ соборомъ не истинные друзья церковнаго обновленія, а тѣ, кто смотритъ на него, какъ на оплотъ стараго режима. Въ прошломъ году, когда

слухи о готовящемся церковномъ соборѣ сильно помогали прогрессивному движенію, эти люди ратовали за отсрочку собора, а теперь они спѣшатъ съ соборомъ, чтобы затормазить освободительное движеніе.

Н. П. Поповъ. Для церковной реформы нужно успокоеніе; нужно, чтобы гражданская жизнь улеглась въ опредѣленныя реформы. Напр., выборъ епископовъ епархіями теперь установить трудно, но если будетъ устроена гражданская община, то осуществить его станетъ легко. Желать скораго собора изъ-за произвола епископовъ — нѣтъ основаній. Произволъ основанъ не на законахъ. Если взять даже уставъ духовныхъ консисторій, на которомъ еп. Порфирій Успенскій написалъ, что уставъ этотъ — антихристіанскій и антиканоническій, то и въ немъ написано, что судъ консисторскій основывается на евангеліи, но мы знаемъ, что евангелія въ рѣшеніяхъ этого суда нѣтъ и въ поминѣ. Все фальсифицируется людьми. Пока общественная волна не будетъ выбивать вверхъ людей, подходящихъ для правильнаго рѣшенія дѣлъ, до тѣхъ поръ соборъ и не будетъ имѣть значенія.

О. Цвѣтковъ. О. Николай Павловичъ Добронравовъ говорилъ, что ранѣе собора можно производить нѣкоторыя реформы, напр., выборъ епископовъ. Эти мысли утопичны. Какимъ образомъ придти къ такому способу избранія, когда нѣтъ въ настоящее время для этого законныхъ основаній? Способъ этотъ будетъ признанъ бунтовскимъ. Въ прошломъ году въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія у насъ была попытка посудить о нѣкоторыхъ неотложныхъ реформахъ, но намъ запретили это. Вчера пришлось подписаться подъ указомъ консисторіи съ такой, приблизительно, резолюціей митрополита: „Нерѣдко приходится слышать, что нѣтъ инструкціи для низшихъ членовъ клира. Но не для однихъ ихъ нужна инструкція“. Консисторія по этому случаю предписываетъ благочиннымъ разсмотрѣть, какіе есть дефекты въ совершеніи богослуженія и благоповеденіи духовенства, чтобы выработать для него новую инструкцію. Чтобы мы ни написали на это, все свѣтлое, облагораживающее духовенство, уничтожающее рабскій духъ, благочинными и консисторіей будетъ переработано по ихъ усмотрѣнію. Вотъ что при нынѣшнихъ порядкахъ дѣлается! И мнѣ кажется, что откладывать соборъ на годъ, это значитъ, дать

возможность епархіальной власти использовать все къ проявленію репрессій. Къ осени будетъ уже обновленіе въ людяхъ, и будетъ благопріятное время для обновленія непормальнаго церковнаго строя.

Прот. Добронравовъ. Вы говорите о злоупотребленіяхъ настоящаго времени; они есть, и съ ними необходимо бороться, напр., путемъ широкой огласки; но они не вездѣ такъ сильны; мы знаемъ архипастырей Іакова Ярославскаго, Агаѳангела Рижскаго, у которыхъ дѣло обстоитъ иначе. Затѣмъ,— предположимъ, что въ Москвѣ дѣлается вакантною какая либо каѳедра викарнаго епископа: если отъ Свят. Синода будетъ изданъ такое, напр., постановленіе: пусть Москва сама изберетъ себѣ викарнаго епископа, то такое избраніе развѣ будетъ мятежомъ?

О. Цвѣтковъ. А вы надѣетесь, что такое постановленіе можетъ быть?..

Старообр. свящ. *Бородинъ,* (присутствовавшій въ качествѣ гостя на собраніи). Я нахожу отсрочку собора необходимой и неизбѣжной. Силы, требующіяся для проведенія церковныхъ началъ въ жизнь, заключаются въ народѣ. Но народъ отстраненъ отъ участія въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ. Нужно заняться проведеніемъ въ простой народъ сознательнаго отношенія къ тѣлу церковному. Говорятъ, что и теперь, при современномъ положеніи дѣлъ, можно проводить въ жизнь соборное начало. Но я думаю, что это неосуществимо: этого не допустятъ.

П. М. Громогласовъ. Идетъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ противиться осуществленію собора въ ближайшее время. Не возьмемъ ли мы грѣха на душу, рѣшая вопросъ о скоромъ созывѣ собора отрицательно? Соображенія объ отсрочкѣ собора для меня не представляются очень убѣдительными. Говорилось, что психологическое настроеніе общества не даетъ возможности спокойно разрѣшать церковные вопросы; говорилось, что политическая жизнь еще не устроена. Это аргументы — неубѣдительные. Настроеніе, правда, возбужденное, но въ средѣ людей церковныхъ это настроеніе возбуждается и болями чисто церковными. Во-вторыхъ, говорятъ о зависимости вопросовъ церковныхъ отъ вопросовъ политическихъ. Но нужно итти наоборотъ. Нужно устроить церковь, чтобы она могла дать формы и для госу-

дарственнаго устройства; нужно творить формы полезныя и для гражданской общины. Иначе будетъ равносильно тому, какъ если бы мы больного человѣка оставили въ домѣ невылеченнымъ, а стали бы поправлять его хижину. Лучше сдѣлать наоборотъ. Соборъ ускоренно составленный, говорятъ, можетъ выйти нежелательнымъ: нужно избѣжать соблазна и для этого отсрочить соборъ. А мнѣ кажется, что если высшая іерархія не опасается конфликта, то Богъ ей судья: и я думаю, что стремиться къ отсрочкѣ собора нѣтъ нужды.

Прот. Добронравовъ. Но можете ли вы утверждать, что найдутся люди, которые не будутъ заниматься тѣмъ, что будетъ дѣлаться въ Думѣ и вообще политическими дѣлами, а станутъ всецѣло интересоваться только одними дѣлами церковными?

П. М. Громогласовъ. Да, напр., мы съ вами?

Прот. Добронравовъ. О себѣ скажу, что я бы больше сталъ заниматься церковными дѣлами, если бы въ политическомъ мірѣ все было спокойно.

И. И. Кедровъ. Возвращусь къ вышесказанному сравненію съ больнымъ человѣкомъ. Если будетъ польза для больного человѣка отъ скораго собора, то пусть соборъ соберется и соберется поскорѣе.

Прот. Добронравовъ. Говорится о больномъ человѣкѣ. Но у насъ два больныхъ человѣка: церковь и государство. Кого оставить безъ вниманія? „Конечно—скажутъ—не церковь!“ Но вѣдь такъ только говорятъ; а въ дѣйствительности развѣ такъ? Развѣ можно заставить человѣка заниматься церковными дѣлами, когда онъ хочетъ заниматься политическими?

П. М. Мишинъ. Я не нахожу конкретныхъ примѣровъ для подтвержденія мысли Ильи Михайловича Громогласова. Наоборотъ, все общество, затаивъ дыханіе, ждетъ созыва Думы.

Прот. Добронравовъ. Совершенно вѣрно. Конечно, не хорошо забывать о Церкви и заниматься политикой, но въ дѣйствительности мы видимъ, что это именно такъ.

П. М. Мишинъ. Мы исходимъ изъ того, что соборъ будетъ имѣть пользу тогда, когда вся церковь имъ заинтересуется. Теперь это фактически невозможно изъ-за политики. Теперь и собраться-то на соборъ всѣ не могутъ. Работать же можетъ развѣ только духовенство, а міряне не могутъ. И мнѣ кажется, что трудно даже предусмотрѣть срокъ для собра-

нія собора, такъ какъ трудно указать теченіе политическихъ дѣлъ. Можетъ быть, вопросъ о срокѣ созыва собора слѣдовало бы такъ формулировать: отсрочить соборъ до благопріятнаго времени. Затѣмъ, я самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываюсь противъ принаравливанія церковной реформы къ гражданской: церковь имѣетъ свои самобытныя нормы жизни, которыя и должны быть осуществлены въ жизни. Наконецъ, зачѣмъ намъ спѣшить съ больнымъ къ врачу, въ правоспособности котораго мы сомнѣваемся: нужно сначала подготовить опытнаго врача. Въ виду всего этого я согласенъ съ положеніями сегодняшняго реферата, настаивающаго на отсрочкѣ собора.

Прот. Славскій. Не знаемъ мы, какъ пойдутъ дѣла въ Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ: успокоеніе ли будетъ или волненіе. Если будетъ и послѣднее, то все же слѣдуетъ скорѣе созвать соборъ, на который придутъ всѣ люди, въ которыхъ живъ духъ Христовъ. Тогда мы скажемъ все, что у насъ лежитъ на душѣ—и по дѣламъ церковнымъ и по дѣламъ гражданскимъ. Можетъ быть, именно мы-то и скажемъ то, что нужно и для жизни церковной, и для жизни гражданской.

Прот. Добронравовъ. Я придаю большое значеніе тому, что Вы говорите, но Вы говорите о другомъ соборѣ, и, такимъ образомъ, у насъ теперь рѣчь идетъ о разныхъ предметахъ. Дѣйствительно, если у насъ все пойдетъ плохо, тогда мы соберемся и скажемъ: „уврачуемся у Христа?“ Но не преждевременно ли теперь говорить о такомъ соборѣ?

Н. П. Розановъ. Наши попытки заняться вопросомъ о церковной реформѣ представляются въ глазахъ высшаго духовнаго начальства правонарушеніемъ и нежелательнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла Свят. Синода. Примѣровъ такого отношенія не мало... Соборъ долженъ дать намъ безопасность и свободу для обсужденія церковныхъ вопросовъ и для этого онъ долженъ быть собранъ скорѣе.

А. И. Покровскій. П. М. Громогласовъ перемѣстилъ тезисы. Я думаю, нужно лечить корень. Церковь болѣетъ общимъ недугомъ съ государствомъ: она разъѣдается бюрократизмомъ церковнымъ, какъ и государство разъѣдается своей бюрократіей. Когда уничтожится бюрократизмъ въ государствѣ, то это уничтожитъ и бюрократизмъ въ церкви.

Другіе ораторы переоцѣниваютъ значеніе собора. Первый соборъ не будетъ догматическимъ соборомъ. Онъ будетъ разрабатывать внѣшнюю сторону административнаго управленія церкви. А эта сторона всегда приспособлялась къ гражданскому строю. Такъ всегда было. Поэтому нужно подождать, во что отольется государственная жизнь. Послѣдующіе соборы будутъ разсуждать и о другомъ; но это будетъ уже не первый соборъ.

О. Поспѣловъ. Можетъ быть, впереди намъ придется выступить и съ мученичествомъ. Но теперь нужно имѣть въ виду слѣдующее: говорятъ, что и языческіе философы угадывали тѣнь Христа; можетъ быть, и политическая реформа носитъ въ себѣ христіанскіе задатки.

П. М. Громогласовъ. Справедливо ли возлагать христіанское дѣло на нехристіанскихъ дѣятелей? Не такъ было въ первые вѣка.

О. Цвѣтковъ. Скоро ли успокоятся умы? Стало быть мы еще 10 лѣтъ должны жить подъ гнетомъ умирающаго строя? Участіе народа въ выборахъ въ Государственную Думу показало, что народъ подготовленъ политически. Можетъ быть, и мы ложно понимаемъ неподготовленность народа къ собору. Затѣмъ, говорятъ про нервозность современнаго общества, но нервозность можетъ дать бо́льшіе результаты, чѣмъ реакція. Говорятъ иные, что существуетъ раздвоеніе между гражданской и церковной реформами. Мнѣ кажется, что и та и другая реформа находятся въ связи: и въ политическихъ партіяхъ церковный вопросъ не отсутствуетъ.

С. П. Кедровъ. Вопросъ объ отсрочкѣ стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что будутъ дѣлать на соборѣ. Главный вопросъ на соборѣ — вопросъ объ отношеніи церкви къ государству, а не о структурѣ церковной. Должна ли церковь быть въ связи съ государствомъ, или отдѣлиться отъ него— это центральный вопросъ, который долженъ быть разсмотрѣнъ на соборѣ. Разъ церковь отдѣлится отъ государства, то и всѣ другіе вопросы будутъ освѣщаться иначе. Второе,— должна ли церковь высказаться по поводу того, что кругомъ совершается? Мнѣ думается, что церковь должна соборно высказаться, въ какое отношеніе нужно стать къ тому политическому обновленію, которое теперь совершается. Отсюда—соборъ долженъ быть собранъ скорѣе. Если бы даже

всѣ были недостаточно къ нему подготовлены, то хорошо бы даже соборъ только начать, а тамъ будутъ еще другіе соборы. И я думаю, что откладывать время для собора не слѣдуетъ.

Прот. Добронравовъ. Вы оставили безъ разсмотрѣнія тѣ соображенія, которыя здѣсь приводились за отсрочку собора. По вашему мнѣнію, соборъ прежде всего долженъ рѣшить вопросъ объ отношеніи церкви къ государству, но этотъ вопросъ—чрезвычайно сложный и трудный, требующій значительной подготовки; а сдѣлано ли у насъ по этому предмету хоть что-нибудь? Ничего не сдѣлано. Слѣдовательно на соборъ явятся люди неподготовленные, на что конечно нельзя не обращать вниманія. Упустили вы изъ виду и то, что при теперешнемъ положеніи дѣлъ заниматься церковными дѣлами трудно.

С. П. Кедровъ. Въ литературѣ и канонахъ вопросъ объ отношеніи церкви къ государству уже рѣшенъ, и тутъ особой подготовки не нужно. А для практическаго рѣшенія время есть. Нужно только собраться на соборъ и обсудить, и соборный голосъ самъ выскажется. Наконецъ, можетъ случиться, что само гражданское общество захочетъ разрѣшить церковный вопросъ, какъ это было въ 18 ст. во Франціи, во время ломки государственнаго строя. Неужели же сама церковь не можетъ высказаться? Не положивши худого начала, нельзя ожидать и добраго конца, какъ говорилъ Петръ Великій объ учрежденіи Академіи наукъ.

Бородинъ. Мнѣ представляется, что теперь на соборѣ соберутся такія лица, которыя будутъ стремиться къ укрѣпленію церковнаго бюрократизма на возможно болѣе продолжительное время. Для Думы народъ подготовляли съ двухъ сторонъ. Подготовляли народъ свободно, и работавшимъ въ подготовленіи народа къ сознательному участію въ предстоящемъ дѣлѣ угрожали меньшія опасности, чѣмъ дѣятелямъ духовенства.

А. П. Покровскій. Ораторы не принимаютъ во вниманіе реальной обстановки. Если бы на соборъ вошли исповѣдники, мученики и т. п., то пусть онъ собирается какъ можно скорѣе. Но теперь на соборѣ не будетъ правильнаго церковнаго представительства, а это можетъ испортить все дѣло.

Предсѣдатель Коммиссіи прот. Добронравовъ. Резюмирую

разсужденія нынѣшняго собранія. Главнымъ образомъ обсуждался вопросъ о томъ, долженъ ли быть собранъ соборъ осенью нынѣшняго года или нѣтъ. Нѣкоторые члены согласились съ высказаннымъ мною въ моемъ рефератѣ положеніемъ, что нынѣшній годъ, когда всѣ заняты политикой, не благопріятствуетъ скорому созыву собора. Къ моимъ соображеніямъ высказавшіеся согласно съ ними прибавили: 1) Нужно подождать рѣшеній Государственной Думы, потому что тогда легче будетъ провести и реформы церковныя. 2) Соборъ, если будетъ собранъ очень скоро, можетъ принести церкви зло, не легко поправимое, наложитъ, такъ сказать, нѣкоторую терпкость, которая будетъ чувствоваться очень долго, потому что на соборъ явятся члены, которыхъ нельзя назвать истинными представителями вѣрующаго народа. 3) Точно опредѣлить желательное время созыва собора нельзя. Можно только обозначить это время такъ: соборъ долженъ быть созванъ тогда, когда представится первая къ тому возможность.—Не мало высказано соображеній и противъ отсрочки собора. Указано на то, что: 1) Церковь болѣетъ, и нужно оказать ей скорую помощь, что будетъ сдѣлано соборомъ. 2) Если ожидать государственной реформы, то церковнаго обновленія придется ждать долго, можетъ быть, лѣтъ 10, а жить безъ такого обновленія тяжело. 3) Церковные вопросы входятъ въ органическую связь съ вопросами гражданскими и откладывать рѣшенія ихъ до рѣшенія послѣднихъ нѣтъ основаній. 4) Нужно спѣшить соборомъ, ибо онъ долженъ рѣшить не терпящій отлагательства вопросъ объ отношеніи церкви къ государству и къ современному движенію. — Протоіерей В. М. Славскій внесъ къ нашимъ разсужденіямъ существенное добавленіе, указавъ, что не нужно имѣть въ виду только тотъ соборъ, о которомъ мы разсуждали; нужно имѣть въ виду и другой соборъ—цѣлительный, который можетъ уврачевать наши недуги во всѣхъ направленіяхъ. Всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ, но согласились и съ тѣмъ, что такой соборъ должно созвать тогда, когда этого потребуетъ необходимость. Единогласія въ рѣшеніи вопроса объ отсрочкѣ собора у насъ не было, въ виду чего предлагаю поставить вопросъ на баллотировку въ слѣдующей формулировкѣ: „желательно ли созвать соборъ въ этомъ году (кончая декабремъ) или отсрочить далѣе?“.

Изъ числа присутствовавшихъ членовъ 13 подали голосъ за отсрочку собора и 5 человѣкъ противъ отсрочки. Принято мнѣніе большинства.

Въ заключеніе предложено было избрать новыхъ членовъ Коммиссіи.

Избраны: свящ. Иванъ Гавриловичъ Соколовъ, свящ. Михаилъ Алексѣевичъ Пѣвницкій и преподаватель Московской духовной семинаріи Сергѣй Ивановичъ Кедровъ.

Протоколъ собранія Коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17-го октября“ отъ 25-го апрѣля 1906 г.

О. предсѣдателемъ прот. Н. П. Доброправовымъ предложено было собранію обсудить вопросъ объ избраніи представителей на предстоящій церковный соборъ. Обсужденію предшествовалъ краткій докладъ предсѣдателя слѣдующаго содержанія:

„Въ Синодскомъ Предсоборномъ Присутствіи рѣшено допустить участіе клира и мірянъ на предстоящемъ соборѣ и есть намѣреніе руководствоваться для этого системою выборовъ, предложенною С.-Петербургскимъ митрополитомъ Антоніемъ. Вотъ эта система:

„а) Приходы избираютъ представителей изъ мірянъ, по числу штатовъ духовенства, на благочинническій съѣздъ, куда собираются всѣ причты благочинія, при чемъ выборщику изъ клира предоставляется право передавать свой голосъ по письменной довѣренности другому лицу.

б) Благочинническій съѣздъ общею баллотировкою, безъ раздѣленія по сословіямъ, выбираетъ изъ своей среды представителей на епархіальный съѣздъ: одного представителя—священника и одного мірянина.

с) Соборъ восполняется представителями придворнаго и военнаго духовенства; въ составъ собора входитъ также выборные представители отъ духовныхъ академій, напр., въ количествѣ двухъ отъ каждой.

Можно быть увѣреннымъ что, ради большей плодотворности своихъ трудовъ, Соборъ восполнитъ себя самъ, пригласивъ въ свой составъ, по общему рѣшенію, выдающихся подвижниковъ вѣры, представителей богословскаго знанія, науки, литературы, выдающихся общественныхъ дѣятелей,—изъ тѣхъ, кто не войдетъ въ составъ Собора по выборамъ“.

Такимъ образомъ отсюда видно, что рѣшенный въ положительномъ смыслѣ вопросъ о допущеніи клира (однихъ только пресвитеровъ) и мірянъ на соборъ, предполагается осуществить въ жизни посредствомъ трехстепенныхъ выборовъ (въ приходахъ, на благочинническихъ собраніяхъ и на епархіальныхъ съѣздахъ), при томъ такъ, чтобы каждая епархія въ концѣ концовъ дала на соборъ изъ своей среды двухъ представителей: одного изъ духовенства и одного мірянина".

Признавъ трехстепенные выборы удобопріемлемыми въ виду ожидаемаго отъ нихъ оживленія приходской жизни, докладчикъ напомнилъ собранію высказанныя имъ въ прочитанномъ 18 апрѣля его рефератѣ пожеланія, чтобы: 1) отъ каждой епархіи избиралось не по 2, а по 4 лица; 2) отъ духовенства избирались не одни лишь священники, но и низшіе чины клира: діаконы и причетники; 3) число избранныхъ на соборъ мірянъ и духовныхъ лицъ было равнымъ, по 2 тѣхъ и другихъ отъ каждой епархіи, такъ чтобы голосъ духовенства не заглушалъ голоса мірского; 4) избирались представители не изъ однихъ только участниковъ съѣздовъ, но и изъ отсутствовавшихъ на нихъ по какимъ нибудь причинамъ; 5) были избраны представители не только отъ духовныхъ академій, но также отъ духовныхъ учебныхъ заведеній—семинарій и училищъ (мужскихъ и женскихъ), представители отъ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній и отъ монашества; и 6) не требовалось утвержденія епархіальною властію избранныхъ на соборъ.

По выслушаніи доклада собраніе, по предложенію о. предсѣдателя, рѣшило подвергнуть общему обсужденію два положенія:

1) Можно-ли признать трехстепенные выборы, съ тѣмъ чтобы отъ съѣзда посылались на соборъ не одни только священники, но и представители низшаго клира, и чтобы число посылаемыхъ на соборъ отъ духовенства равнялось числу свѣтскихъ?

2) Не должно ли признать, что избранныя на съѣздѣ лица не нуждаются въ утвержденіи архіерейскомъ, но что архіерей можетъ подать на соборъ заявленіе, если онъ не желаетъ видѣть на немъ того или другого человѣка, избраннаго отъ его епархіи?

О. Цвѣтковъ 1) Желательное направленіе дѣла въ вопросѣ объ избраніи мірянъ на соборъ докладчикъ, между прочимъ, ставилъ въ связь съ отсрочкой собора. Я же думаю, что съ отсрочкой собора уменьшится и оживленіе среди мірянъ. На пастырскихъ собраніяхъ въ Москвѣ мысль о представителяхъ отъ мірянъ въ церковныхъ совѣтахъ проводилась очень тенденціозно: нужно, говорили, приступать къ дѣлу осторожно, избирать лицъ благонамѣренныхъ, извѣстныхъ, подъ руководствомъ священника. Чѣмъ дольше будетъ отсрочка собора, тѣмъ хуже будутъ условія для избранія мірянъ.—2) Если архіереямъ дать возможность осудить избранниковъ епархіи, то пусть и клиру и мірянамъ дана будетъ возможность давать отзывы объ архіерейскихъ кандидатахъ, если они имъ не понравятся. 3) О представительствѣ отъ монаховъ. Гурій, архіепископъ Новгородскій, говоритъ, что монаховъ не нужно приглашать на соборъ, такъ какъ епархіальный архіерей знаетъ быть монаховъ хорошо.

Прот. Добронравовъ. Я не говорю о злоупотребленіяхъ. Подчеркиваю, что непремѣнно нужно осуществить надлежащимъ образомъ синодское распоряженіе о приходскихъ собраніяхъ, чтобы не было рѣчей: „осторожно“ и „понемножку“. Относительно второго высказаннаго Вами положенія я вполнѣ съ Вами согласенъ. Что же касается третьяго, то вопроса о представительствѣ монаховъ я подробно не касался; по моему мнѣнію, инокамъ на соборѣ можно предоставать мѣстъ 12.

С. П. Кедровъ. Я немного не понимаю, почему защищаются трехстепенные выборы. Епархія можетъ избрать и прямо лицъ извѣстныхъ благочестіемъ и др. достоинствами. Трехстепенные выборы будутъ только стѣснять. Почему нельзя сдѣлать прямыхъ выборовъ? Какое основаніе для трехстепенныхъ?

Прот. Добронравовъ. Они поведутъ къ нѣкоторому оживленію церковной жизни; при томъ же лица, которыхъ очень желательно было бы видѣть на соборѣ, могутъ быть неизвѣстны во многихъ приходахъ, особенно деревенскихъ, и такимъ образомъ могутъ оказаться не выбранными на соборъ.

С. П. Кедровъ. При трехстепенныхъ выборахъ скорѣе выберутъ тѣхъ, которые нужны нѣкоторымъ для извѣстныхъ цѣлей. Наоборотъ, лица, нужныя для общаго дѣла, при

этихъ выборахъ могутъ быть отстранены, такъ какъ имъ нужно будетъ пройти чрезъ цѣлыхъ три горнила.

Прот. Добронравовъ. Соглашусь съ Вами, если Вы укажете, какъ практически осуществить ознакомленіе по всѣмъ приходамъ съ желательными представителями отъ епархіи.

С. П. Кедровъ. Для этого существуютъ епархіальные органы: можно черезъ нихъ; можно и черезъ общераспространенныя газеты. Можно на этотъ разъ издавить спеціальные летучіе листки. Священники частно могутъ обсуждать, кого послать на соборъ. Общее средство — гласность: печать и и устная бесѣда.

А. П. Покровскій. Какъ ни обаятельна форма прямыхъ выборовъ, но я склоняюсь къ предложенію о. предсѣдателя. Первое условіе цѣнности выборовъ—сознательность массы. При прямыхъ масса—пассивна и менѣе критически относится къ внѣшнимъ давленіемъ. Затѣмъ, кто будетъ вести агитацію, кто составитъ списокъ кандидатовъ? Религіозная агитація труднѣе, чѣмъ политическая. Лучше профильтровать избранниковъ по инстанціямъ. Во вторыхъ, что касается вопроса объ участіи архіереевъ въ выборахъ, то я стоялъ бы за полное ихъ устраненіе въ этомъ дѣлѣ. Современный архіерей въ большинствѣ случаевъ—это не отецъ, веселящійся о чадѣхъ своихъ, а ревнивый оберегатель своихъ исключительныхъ правъ, готовый видѣть въ каждомъ самостоятельномъ шагѣ кого либо изъ членовъ его паствы нарушеніе его правъ и даже чуть не оскорбленіе всей церкви. Разобщеніе съ паствой, подозрѣніе и т. п. вотъ обычная форма архіерейскихъ отношеній къ проявленіямъ всякихъ самостоятельныхъ начинаній въ его епархіи. Поэтому въ видахъ безпристрастія и свободы гораздо бы лучше нашимъ архіереямъ вовсе устраниться отъ дѣла выборовъ. Даже едвали нужно давать архіерею и права отвода, изъ одной боязни нареканія на нихъ, что архіереи могутъ отвести самыхъ лучшихъ и дѣятельныхъ членовъ будущаго собора. Въ третьихъ, выскажусь по вопросу о монахахъ. Я не понимаю, зачѣмъ они нужны на соборѣ: это люди, отрекшіеся отъ міра и чуждые церковно-административныхъ интересовъ, выдвигаемыхъ на первый планъ на предстоящемъ соборѣ. Поэтому я нахожу, что лучше бы вовсе не безпокоить монаховъ, по крайней мѣрѣ, при созывѣ перваго собора.

Прот. Добронравовъ. Я не поклонникъ современнаго монашества, но считаю нужнымъ не лишать его участія на соборѣ, такъ какъ соборъ есть общее дѣло всей церкви. Нельзя забывать и объ уваженіи, какое питаетъ нашъ народъ къ нѣкоторымъ инокамъ. Присутствіе ихъ на соборѣ я считаю весьма важнымъ.

П. М. Громогласовъ. Теорія трехстепенныхъ выборовъ есть сколокъ съ несовершенной избирательной системы въ области государственной политики. Сегодня уже было указано на неудобство, когда настоящіе выразители живыхъ интересовъ отдѣляются тремя перегородками отъ общей массы церковной. Въ области церковной такихъ отгораживаній не должно быть; кромѣ прямыхъ выборовъ, здѣсь иныхъ не можетъ быть, а по идеѣ и никакихъ выборовъ не можетъ быть, ибо трудно найти выразителя для моей совѣсти. Идеальный соборъ есть собраніе всѣхъ членовъ церкви. Практически это не осуществимо, но изъ этого нельзя жертвовать самою идеею. Нужно собрать тѣхъ, кто непосредственно указанъ всѣми. Все это практически сводится вотъ къ чему: не можетъ быть церковнаго собора безъ предварительной самой широкой подготовки, когда бы каждый членъ церкви уяснилъ себѣ сознательное отношеніе къ поставленнымъ вопросамъ; безъ такой подготовки и собора быть не можетъ. А когда совершится такая подготовка, то подготовится и кандидатура тѣхъ лицъ, за которыхъ я подамъ свой голосъ.

С. И. Кедровъ. А. И. Покровскій говорилъ, что при трехстепенныхъ выборахъ скорѣе можно достигнуть сознательности прихода; но приходъ при современной развитости одинаково сознательно можетъ относиться къ выборамъ, и для общаго дѣла менѣе полезно, чтобы приходъ выбиралъ только выборщика, который бы шелъ на благочинническіе выборы съ закрытыми глазами. А послѣднее должно быть, если приходъ не будетъ знать, кого онъ пошлетъ въ соборъ. По поводу словъ П. М. Громогласова могу сказать, что развивать народъ религіозно-нравственно—большая задача. Теперь должно сообразоваться съ наличностью. Я думаю, что сейчасъ приходы болѣе сознательно отнесутся къ церковнымъ выборамъ, чѣмъ въ Государственную Думу, поэтому выборы должны быть прямые и агитація—печатная и устная.

Прот. Добронравовъ. И. М. Громогласовъ стоитъ за прямые выборы. Каждый,—говоритъ онъ,—будетъ указывать такого человѣка, который былъ бы выразителемъ его мнѣнія. Но какъ же узнать-то о такомъ человѣкѣ?

И. М. Громогласовъ. Для этого необходимы всевозможныя предварительныя собранія. Группируйте эти собранія, какъ хотите, но на нихъ будутъ разработаны всѣ интересующіе церковь вопросы.

А. И. Покровскій. Выясняется нѣкоторая близость между различными мнѣніями о системѣ выборовъ. Если будетъ подготовка, и всѣ сознательно отнесутся къ дѣлу, то лучше выборы прямые. Я разсматриваю вопросъ практически и и боюсь, что если будутъ торопиться съ соборомъ и устроятся прямые выборы, то результаты получатся нежелательные. Но если пассивность уничтожится, то, конечно, прямые выборы болѣе цѣлесообразны. Не хочу я оставить безъ отвѣта и другого возраженія—о нравственномъ вѣсѣ каждаго личнаго мнѣнія, какъ дѣла внутренняго убѣжденія и совѣсти. На соборѣ вѣдь будутъ разрѣшаться не вопросы морали и совѣсти, гдѣ возможенъ полный просторъ индивидуальнаго сознанія, а главнымъ образомъ административныя реформы, гдѣ легче столковаться и выдвинуть каждому такого кандидата, который одинаково смотритъ на дѣло реформъ. При этомъ никто не устраняется отъ активной роли. Я просто передовѣряю свое дѣло надежному человѣку, который лучше, выпуклѣе, выразитъ мои же мысли. Итакъ, если общество будетъ сознательно относиться къ собору, то выборы должны быть прямые, но если будемъ съ этимъ дѣломъ торопиться и не успѣемъ всѣхъ достаточно подготовить, то лучше выборы трехстепенные. Даже указаніе и на сколокъ этой системы съ государственныхъ выборовъ меня не смущаетъ, если имѣть въ виду результаты выборовъ въ Думу.

О. Цвѣтковъ. Я представляю дѣло такъ, что въ приходахъ міряне будутъ выбирать міранъ. Позволю при этомъ погрузиться въ мрачный тонъ. У насъ по приходамъ въ церковные старосты по большей части выбираются люди малообразованные, съ младенческимъ расположеніемъ къ церкви. Ихъ и выберутъ по приходамъ представителями на благочинническіе выборы. Оживленія прихода можно ожидать только послѣ собора, а теперь успѣха не будетъ. Вотъ что мож-

по бы сдѣлать: на епархіальный съѣздъ пусть собирается все духовенство, а изъ свѣтскихъ лицъ приглашаются люди интеллигентные, писавшіе по церковнымъ вопросамъ, имѣющіе понятіе о реформѣ. Такой съѣздъ можетъ сдѣлать выборы представителей на соборъ вполнѣ сознательно.

П. М. Мишинъ. Я съ удовольствіемъ выслушалъ Н. М. Громогласова, только не могу согласить его слова съ его прежнимъ мнѣніемъ (см. засѣданіе 18 апрѣля) объ отсрочкѣ собора... Церковный соборъ только въ томъ случаѣ будетъ имѣть авторитетъ, если онъ явится наиболѣе полнымъ выразителемъ религіознаго сознанія данной церкви. Поэтому не только въ вопросахъ вѣры, но даже и въ каноническихъ вопросахъ ему нужно считаться съ мнѣніемъ всей церкви. Какъ же соборъ будетъ выражать мнѣніе всей церкви, когда это мнѣніе неизвѣстно? Вотъ почему необходима, во первыхъ,—отсрочка собора, во вторыхъ, самая широкая подготовка къ нему по приходамъ, епархіямъ, широкая и гласная. Если же будетъ поставлена нормально подготовка къ собору, то вопросъ о выборахъ самъ собою отпадаетъ, такъ какъ сами собою обнаружатся тѣ, кто лучше можетъ выразить мнѣніе епархіи. И въ этомъ случаѣ лучше всего будутъ достигать цѣли выборы прямые.

Н. М. Громогласовъ. Мнѣ сдѣлалъ упрекъ, что я впадаю въ противорѣчіе, настаивая на непужности отсрочки собора. Однимъ изъ главныхъ побужденій для высказыванія такого мнѣнія для меня служило убѣжденіе, что соборъ въ скоромъ времени не осуществится; но я всегда буду говорить: соборъ нуженъ для нашей церкви скорѣе, и спѣшите подготовлять его всѣми средствами. При томъ же я думаю, что соборъ, если даже онъ будетъ собранъ при настоящихъ условіяхъ, безъ надлежащей подготовки, не возьметъ на себя смѣлость говорить отъ лица всей русской церкви. Онъ будетъ узорѣшителемъ нашей совѣсти. Онъ скажетъ: „да, мы не можемъ говорить отъ лица всей церкви". Богъ не допуститъ, чтобы были наложены путы на церковь. Вѣрю въ соборность церкви и въ ея истинное собраніе. Что касается указаній, что не всѣ вопросы, подлежащіе обсужденію на соборѣ, суть вопросы христіанской совѣсти, то я съ этимъ несогласенъ. Вопросы церковной организаціи есть вопросы, тѣсно связанные съ самыми интимными сторонами

христіанской жизни. И я желалъ бы самъ прямо указать на того, кто будетъ писать дорогіе мнѣ законы церкви, а не искать его чрезъ трехстепенные выборы.

Проф. Н. О. Каптеревъ. Согласенъ съ П. М. Громогласовымъ, что лучшіе выборы—прямые, гдѣ человѣкъ подастъ свой голосъ за опредѣленное ему желанное лицо. По практически все это предполагаетъ свободу совѣсти, слова, печати. Всякій глубоковѣрующій приходитъ въ приходъ и говоритъ: „правильно ли у насъ стоитъ вѣра въ Бога?“ и т. д. И люди вѣрующіе будутъ слушаться его голоса. Всѣмъ этимъ лицамъ будетъ открыта дорога быть выбранными на соборъ Теперь,—если Вы допустите прямые выборы, то придутъ и другіе люди, и программу церковныхъ реформъ представятъ Вамъ совершенно другую. Вотъ, скажутъ, наша программа: разъ я буду выбранъ, я буду вотъ о чемъ говорить на соборѣ. Такимъ образомъ вопросы церковные поставлены будутъ иначе. Я просто обращаю вниманіе на возможность всего этого.

А. П. Покровскій. Вся система выборовъ построена на довѣренности, и я не думаю, конечно, чтобы выборщики наши были люди безсовѣстные. Къ тому же на первомъ соборѣ будутъ разсуждать не о лиризмѣ вѣрующей души, а объ объективной сторонѣ церковно-административной реформы. Затѣмъ,—никто не говоритъ, что программа должна стѣснять членовъ собора: она можетъ быть и измѣнена по требованію обстоятельствъ. Но относительно реформы, о которой Вы, Николай Ѳедоровичъ, говорите, я не думаю, чтобы можно было сейчасъ ее предпринимать, и Ваши горизонты, по меньшей мѣрѣ, преждевременны.

П. М. Мишинъ. Н. Ѳ. выставилъ рядъ опасеній противъ широкой и гласной подготовки къ собору. Я не понимаю, какихъ *другихъ* людей разумѣетъ Н. Ѳ.? Какую бы мы свободу не предположили, само собою понятно, она проявится именно въ людяхъ церковныхъ, интересующихся судьбами церкви и дорожащихъ ими. Я не думаю, чтобы свобода могла увести такихъ людей куда нибудь очень далеко. Напротивъ, она будетъ обусловливать собою наиболѣе оживленную и наиболѣе плодотворную разработку церковныхъ реформъ. Если же случится, что кто нибудь сдѣлаетъ подходъ подъ самыя основы церковной жизни, то его скоро попросятъ удалиться, попросятъ именно всѣ тѣ, кому дорога

церковь. Не слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, опасаться и того, что на соборѣ будутъ поставлены *другіе*, т. е. непредусмотрѣнные вопросы. Правильно составленный соборъ есть полномочный органъ церкви. Онъ вправѣ ставить и рѣшать тѣ вопросы, которые найдетъ нужнымъ разрѣшить. И несомнѣнно, это рѣшеніе будетъ не произвольнымъ, а основаннымъ на канонахъ и практикѣ древней церкви, а также на сознаніи современныхъ неотложныхъ нуждъ нашей церкви.

Прот. Славскій. Огромное большинство народа хочетъ слышать голосъ монаховъ, и отстранять ихъ отъ участія на соборѣ никакъ нельзя. Затѣмъ, при избраніи представителей нужно раздѣлить духовенство на городское и сельское. Интеллигенцію занимаютъ одинъ стороны церковной жизни, а простой народъ другія. На соборъ нужно послать представителей отъ тѣхъ и другихъ. Тогда соборъ будетъ обще-церковный, и на немъ будетъ услышанъ голосъ всѣхъ. Говорили о выборахъ. Но выборы дѣло послѣднее. Мы сначала на приходскихъ собраніяхъ должны обсудить тѣ пункты, которые должны быть обсуждаемы на соборѣ; тогда и рѣшимъ, кого выбрать.

Предсѣдатель Коммиссіи прот. Добронравовъ. Позвольте закончить собраніе. Мы единогласно приняли, что нежелательно утвержденіе епархіальнымъ архіереемъ избранныхъ отъ епархіи представителей на соборъ. Относительно же системы самыхъ выборовъ изъ нашихъ разсужденій выяснилось, что конечно прямые выборы болѣе желательны, но они требуютъ серьезной подготовки и живаго отношенія къ церковнымъ дѣламъ, а мы не знаемъ, насколько сильно будетъ это оживленіе. Поэтому нельзя ли остановиться на томъ, что будущее покажетъ, какіе будутъ возможны выборы: прямые или степенные?

Собраніе единогласно приняло мнѣніе о. предсѣдателя.

Протоколъ засѣданія Комиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17-го октября", отъ 2-го мая 1906 года.

На собраніи присутствовало 20 членовъ Комиссіи. По прочтеніи протокола предыдущаго собранія, о. предсѣдателемъ прот. Н. П. Добронравовымъ поставленъ былъ на обсужденіе вопросъ о программѣ занятій на предстоящемъ соборѣ и о необходимости предварительной разработки этой программы по епархіямъ. При этомъ о. предсѣдатель напомнилъ собранію сказанное имъ по поводу означеннаго вопроса въ его рефератѣ, прочитанномъ 18 апрѣля.

Происшедшія послѣ этого препія распались на двѣ части. На первую очередь былъ выдвинутъ вопросъ о томъ, какъ достигнуть осуществленія того, чтобы церковные вопросы могли обсуждаться свободно на приходскихъ и пастырскихъ собраніяхъ.

Бородинъ (старообр. свящ., присутствовавшій на собраніи въ качествѣ гостя). Нужно начать со всѣхъ живыхъ членовъ церкви. Если міряне возьмутся за церковное дѣло энергично, то менѣе встрѣтится сопротивленія и со стороны епархіальныхъ властей.

Н. П. Розановъ. Въ ноябрѣ Свят. Синодъ разрѣшилъ всѣ собранія: почему же этихъ собраній нѣтъ въ дѣйствительности? Нужно обратить вниманіе на приведеніе въ исполненіе этого указа; нужно подать въ Синодъ заявленіе, чтобы онъ освободилъ архіереевъ отъ всякой отвѣтственности за собранія.

Бородинъ. Епархіальные архіереи нашего времени проводятъ въ жизнь не правила церковныя, а требованія правительства.

О. П. Г. Поповъ. Меня удивляетъ, почему приходское духовенство не пользуется синодскимъ указомъ? Собраться, обсудить церковный вопросъ, мнѣ кажется, можно было бы всегда.

Прот. Добронравовъ. Указъ Свят. Синода не отмѣненъ. Если епархіальная власть ставитъ преграды къ осуществленію этого указа, то это—злоупотребленіе, которое нужно обнаруживать. Такое обнаруженіе оказывается иногда весьма и весьма дѣйствительнымъ. Мы знаемъ, каковы были пастырскія собранія въ Москвѣ. Законоучители на этихъ собраніяхъ были лишены слова. Объ этомъ было заявлено въ печати и на слѣдующія собранія законоучители были допущены. Вообще нужно всячески добиваться отмѣны распоряженій, стѣсняющихъ свободу въ обсужденіяхъ церковныхъ вопросовъ.

Н. П. Розановъ. Но какъ Вы будете бороться съ тѣмъ, кто самъ бѣдный и несчастный человѣкъ? Если, вѣдь, что произойдетъ на собраніяхъ у архіерея въ епархіи, то его же будутъ преслѣдовать. Повторяю, что я предложилъ бы всему духовенству и міранамъ обратиться въ Свят. Синодъ съ просьбой не подвергать епископовъ никакой отвѣтственности за собранія.

П. П. Поповъ. Виноваты не одни архіереи, но и сами священники. Вина послѣднихъ въ томъ, что они совсѣмъ не умѣютъ соорганизоваться и сплотиться, чтобы помогать другъ другу. Вопіющее дѣло о. Морошкина служитъ яснымъ доказательствомъ этого. Говорятъ, архіереи сами люди несчастные. Н. П. Розановъ выступилъ за нихъ печальникомъ: ихъ, молъ, погонять со службы. Этого никогда не будетъ. Виноваты объ стороны, и все дѣло церковное отъ этого болѣетъ.

О. Романскій. Отсутствіе приходскихъ собраній объясняю косностью духовенства. Мнѣ пришлось бесѣдовать съ многими священниками, которые не сочувствуютъ имъ и въ тайнѣ боятся за свою участь: какъ бы не пострадать.

О. Поповъ. Говорятъ: архіереи связаны. Кто же въ этомъ виноватъ? Конечно, сами архіереи. Если бы они стояли поближе къ паствѣ, то паства всегда бы за нихъ постояла. Кто же виноватъ въ концѣ концовъ? Отчасти духовенство, но больше архіереи, которые признали себя банкротами въ отношеніи истинно церковныхъ интересовъ.

С. П. Кедровъ. Слышу, что архіереи не даютъ духовен-

ству собираться. Интересно знать, что церковные каноны одобряютъ, чтобы епископъ запрещалъ какія нибудь церковныя собранія?

Прот. Добронравовъ. Я спрашиваю себя: „что архіерей имѣетъ право лишить слова подчиненнаго священника или нѣтъ?“—и отвѣчаю: „конечно, имѣетъ“. Но я также спрашиваю себя: „что архіерей поступаетъ законно, лишая священника права говорить, когда его слово можетъ быть въ высшей степени полезнымъ или нѣтъ?“ и отвѣчаю: „епископъ въ данномъ случѣ злоупотребляетъ всею властію; онъ поступаетъ самовластно, забывая совѣтъ св. Кипріана управлять Церковію не единолично, но въ союзѣ съ клиромъ и міранами.“

О. Поповъ. Разрѣшая или не разрѣшая приходскія собранія, епископы забываютъ, что они разъ навсегда дали священникамъ право учить свою паству. Неужели же я каждый разъ о своемъ поученіи буду докладывать епископу, испрашивая особое благословеніе?

О. Постниковъ. Собранія приходскія намъ не запрещены; они могутъ и могли бы быть устраиваемы. Если же они сейчасъ не собирались, то въ этомъ виноваты иныя обстоятельства: сначала декабрьскія событія; затѣмъ выборы въ Думу; мы сосредоточились на вопросахъ о соборѣ; священники другого направленія совсѣмъ не одобряютъ приходскихъ собраній: это, говорятъ они, какіе то протестантскіе совѣты; Общество любителей духовнаго просвѣщенія также заглохло.

Бородинъ. Архіерей не имѣетъ права запретить собранія духовенству, разъ они имѣютъ въ виду обсудить церковные вопросы; а приходскія собранія вѣдь и не имѣютъ въ виду разрѣшать иныхъ вопросовъ, кромѣ церковныхъ.

А. П. Покровскій. При нормальномъ положеніи дѣлъ не могло быть и постановки самаго вопроса о томъ, имѣютъ или не имѣютъ право архіереи запрещать собранія по церковнымъ вопросамъ. Но при настоящихъ условіяхъ такой вопросъ появился. Очевидно, его выдвинула сама жизнь, и причина этому—тотъ разладъ между архіереями и паствой, который для всѣхъ очевиденъ. Ясно, что мы всѣми зависящими отъ насъ средствами должны ослаблять и уничтожать этотъ разладъ, а не увеличивать и не укрѣплять его. Если же мы снова оставимъ архіереевъ безконтрольными и

отдадимъ только въ ихъ руки всю церковную власть, то очевидно, этимъ самымъ мы дадимъ еще большій просторъ произволу ихъ власти, съ одной стороны, а съ другой, усилимъ духъ оппозиціи у безправнаго клира и мірянъ. Единственный цѣлесообразный выходъ—это внутренняя спайка разрозненныхъ членовъ церковнаго организма, т. е. законное представительство интересовъ и правъ всѣхъ живыхъ и сознательныхъ членовъ церкви, т. е. епископовъ, клира и мірянъ.

О. Кедровъ И. И. Нельзя ли нашей Коммиссіи возбудить вопросъ: отчего заглохли наши пастырскія собранія? гдѣ на нихъ діаконы и священники домовыхъ церквей? гдѣ міряне? почему не исполнился, даже въ частяхъ, указъ Св. Синода?

О. Цвѣтковъ. Здѣсь говорилось о грѣхѣ московскаго духовенства. Въ общемъ, дѣйствительно, московское духовенство очень грѣшно отсутствіемъ инициативы въ отношеніи приходскихъ собраній. Здѣсь нужно считаться съ историческими условіями. Въ Москвѣ застоялъ режимъ, которымъ рекомендовалось самое глубочайшее преклоненіе предъ епископской властью. Изъ 500 московскихъ священниковъ найдутся только немногіе, которые рѣшатся собирать приходскія собранія.

Прот. Добронравовъ дѣлаетъ заключеніе:

Выдвинутъ былъ вопросъ относительно собраній, посвящаемыхъ церковнымъ вопросамъ. Въ рѣчахъ сказано было, что эти собранія нерѣдко встрѣчаютъ препятствія со стороны епархіальныхъ властей. Какъ же поступать въ такихъ случаяхъ? какія мѣры употреблять для борьбы съ этими препятствіями? Говорилось, что 1) необходимо обпажать зло посредствомъ печати; 2) духовенству необходимо энергичнѣе пользоваться извѣстнымъ указомъ, Свят. Синода; 3) нужно добиваться отмѣны епархіальныхъ распоряженій, когда епархіальная власть допускаетъ какое нибудь злоупотребленіе, клонящееся къ стѣсненію свободы обсужденія церковныхъ вопросовъ.

Послѣ происшедшаго перерыва поставленъ былъ на обсужденіе вопросъ о программѣ предстоящаго собора.

П. М. Громогласовъ. Въ программу занятій на будущемъ соборѣ поставляютъ школьный вопросъ. Но едва ли можно

школьный вопросъ регламентировать въ видѣ соборнаго опредѣленія: „изволися Духу Святому и намъ“... Не наложитъ ли это на школу такіе кандалы, которыхъ и не стрясешь? Я считаю важнымъ вопросъ о старообрядческомъ расколѣ. Дума первымъ словомъ своимъ признала необходимость амнистіи. Мнѣ кажется, что первымъ словомъ собора долженъ быть призывъ къ уничтоженію неправаго опредѣленія собора 1666 г. Я думаю, что несомнѣнно необходимымъ вопросомъ будетъ вопросъ о снятіи знаменитыхъ клятвъ Московскаго собора: „да будутъ вси едино“.

Н. П. Поповъ. П. М. Громогласовъ указалъ на старообрядческій расколъ. Есть еще чрезвычайно прискорбное явленіе, извѣстное подъ именемъ сектанства. Мнѣ и думается, что на соборѣ было бы чрезвычайно важно поставить вопросъ объ отношеніи церкви къ государству, такъ какъ съ этимъ стоитъ въ связи опека надъ расколомъ и всякія религіозныя притѣсненія. Важно выдвинуть и другой вопросъ—объ отношеніи догмы къ обряду. Можетъ быть, можно было бы столковаться въ этомъ вопросѣ и привлечь обратно въ церковь многіе отпадшіе элементы.

Прот. Добронравовъ. Указываются разные вопросы, которые прибавляются къ намѣченнымъ. Но намъ нужно остановиться на томъ, что существенно необходимо,—чѣмъ теперь же должно заняться; набирать же вопросовъ можно много. Я не знаю, что вопросъ о снятіи клятвъ требуетъ долгаго приготовленія или можетъ быть рѣшенъ очень скоро; но что касается вопросовъ, указанныхъ Н. П. Поповымъ, то они не могутъ быть обсуждаемы на предстоящемъ соборѣ, потому что требуютъ большой подготовки къ ихъ рѣшенію.

П. М. Громогласовъ. Думаю, что вопросъ о клятвахъ не требуетъ долгой подготовки: требуется высказать желаніе и снестись съ восточными патріархами.

Н. П. Поповъ. Несложны и мои вопросы, а эти вопросы чрезвычайно важные.

О. Пятикрестовскій. А. М. По моему мнѣнію, самымъ главнымъ долженъ быть вкравшійся въ нашу догматику вопросъ о внѣшнемъ спасеніи человѣка путемъ благодатнаго воздѣйствія въ таинствахъ. Благодаря этому, мы не видимъ съ одной стороны Церкви, какъ матери, съ другой у насъ возможно,что и человѣкъ эксплуататоръ считается живымъ

членомъ Церкви. Христіанство это—потокъ живой воды, но въ нашей Церкви этотъ потокъ загороженъ, и онъ пробивается путемъ соціализма; намъ нужно ввести этотъ потокъ въ свое русло.

А. П. Покровскій. Раздѣляю важность вопросовъ, выдвинутыхъ помимо указанныхъ о. предсѣдателемъ; но боюсь, чтобы они не загромоздили вопроса о соборности. Вѣдь это вопросы о воскрешеніи церкви. Нужно дать ей самой оживиться, въ ея мертвыя кости вдохнуть душу живу. Поэтому съ этихъ вопросовъ нужно не начинать, а ими кончать; такъ стоитъ и въ выработанной нами программѣ нашей Коммиссіи. Всѣ эти вопросы въ естественной постепенности будутъ раскрываться одинъ за другимъ. Соборность это—необходимое средство для разрѣшенія всѣхъ церковныхъ вопросовъ. Нужно пользоваться средствомъ, чтобы потомъ вѣрнѣе идти къ цѣли.

П. П. Кедровъ предлагаетъ ввести въ программу собора хотя бы частичный пересмотръ богослужебнаго чина.

Бородинъ. Всѣ поднятые вопросы довольно важны. Но въ какомъ порядкѣ ими заниматься? Я согласенъ съ А. П. Покровскимъ: нужно прежде всего вызвать къ жизни самую церковную жизнь. Вопросовъ о. Пятикрестовскаго на первомъ соборѣ возбуждать положительно невозможно. Это было бы равносильно тому, какъ если бы человѣка изнѣженнаго окунуть въ холодную воду. На первую очередь нужно ставить вопросъ, о которомъ не можетъ быть большого разпорѣчія: такимъ будетъ вопросъ, о соборности. Его и нужно прежде всего возбудить.

О. Цвѣтковъ. Соглашаюсь, что нужно оживить церковь. Но прежде всего нужно поставить на очередь вопросъ о канонахъ церковныхъ: насколько они обязательны и какимъ образомъ они могутъ быть измѣнены? Если соборъ будетъ опираться на каноны и на витійственныя объясненія ихъ со стороны греческихъ ученыхъ людей, то реформа церковная можетъ сузиться; если же усвоить на каноны научный взглядъ, то и реформы пойдутъ шире. Еще думаю, что нужно позвать на соборъ делегатовъ отъ другихъ восточныхъ церквей,

О. Поповъ. Если остановиться на вопросахъ, предложенныхъ о. Пятикрестовскимъ, то на первомъ соборѣ придется

заняться переработкой всего нашего религіознаго міросозерцанія. Вопросъ о старообрядцахъ неудобенъ вотъ въ какомъ отношеніи: нужно еще спросить старообрядцевъ, что, если снять клятвы, захотятъ они вступить въ союзъ съ церковью или нѣтъ? И о канонахъ не слѣдуетъ поднимать вопроса.

П. В. Тихомировъ. Школьный вопросъ слѣдуетъ изъять изъ числа соборныхъ вопросовъ. Откуда явился этотъ вопросъ? Изъ подозрительнаго отношенія къ реформаціонной дѣятельности на мѣстахъ. Члены Синода растерялись передъ этой дѣятельностью и говорятъ: „мы не можемъ сами рѣшить школьнаго вопроса; нужно подождать собора; мы бы, пожалуй, и дали бы то, что вы хотите, да вотъ-какъ соборъ". Что же можетъ получиться отъ санкціонированія соборомъ извѣстныхъ школьныхъ порядковъ? Если они будутъ непригодны: что тогда дѣлать? Для научной работы опасность отъ этого будетъ громадна. До сихъ поръ наша богословская наука развивалась очень слабо, и главная причина этого заключалась въ господствѣ надъ нею церковной опеки. Наука же опеки не терпитъ. Церковь можетъ указывать ей извѣстныя задачи, но предрѣшать научныхъ выводовъ не должна. Не даромъ свѣтскіе писатели, когда начинаютъ заниматься богословіемъ, то не читаютъ нашихъ сочиненій, потому что наши работы относятся къ настоящей наукѣ, какъ алхимія къ химіи, какъ астрологія къ астрономіи. Ни что такъ не компрометировало церковную власть, какъ попытки научной опеки; ничего кромѣ скандала, изъ этого не выходило. Сколько разъ церковною властью давались о богословскихъ работахъ такіе отзывы „солидное изслѣдованіе, но..... потому, что....." То же и цензурный контроль надъ библіотеками, и т. д. Школа должна быть независимой отъ церковнаго вліянія, автономной. По моему мнѣнію, и средняя школа должна быть свѣтской. Во всякомъ случаѣ, богословская школа должна быть по возможности независимой отъ церковнаго вліянія.

А. П. Покровскій. Всецѣло раздѣляю взгляды профессоровъ автономистовъ, что школьный вопросъ не долженъ входить въ программу соборныхъ занятій. Если соборъ можетъ сдѣлать что-либо въ этомъ направленіи, то это—раскрѣпостить духовную школу, сдѣлавъ ее автономной. Но я скажу, что

въ сообщеніи о. предсѣдателя и пѣтъ школьнаго вопроса: онъ выдвинутъ въ наши пренія позднѣе и довольно искусственно, а потому предлагаю снять его съ очереди.

Предсѣдатель Коммиссіи прот. Добронравовъ дѣлаетъ заключеніе:

Всѣ согласны, что необходимо заняться на соборѣ вопросомъ объ оживленіи и укрѣпленіи въ нашей церкви духа соборности. Всѣ согласны, что особенно накоплять вопросовъ для разрѣшенія на первомъ соборѣ нельзя. Указывали на необходимость снятія клятвъ съ старообрядцевъ, но здѣсь можетъ быть нѣкоторое замѣшательство: неизвѣстно пожелаютъ ли старообрядцы, несмотря на снятіе клятвъ, соединиться съ православною перковью. Указывались вопросы о сектантствѣ, объ отношеніи церкви къ государству и т. д., но было выяснено, что эти дѣйствительно важные вопросы очень сложны, поэтому быть рѣшены въ короткое время не могутъ. Сказано было, что нужно положить начало пересмотру чина богослуженія; но вопросъ этотъ остался не выясненнымъ, какъ не выяснепъ и вопросъ о церковныхъ канонахъ. Итакъ собраніе единогласно признало только то, что предстоящій соборъ долженъ позаботиться прежде всего объ укрѣпленіи соборности въ нашей Церкви.

Протоколъ Коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17-го Октября“ отъ 7-го мая 1906 года.

На собраніи выступанъ былъ рефератъ Н. П. Попова „О голосѣ клира и мірянъ на предстоящемъ соборѣ“.

Содержаніе своего реферата авторъ резюмировалъ въ слѣдующихъ восьми тезисахъ: 1) Древняя Церковь не полагала рѣзкой грани между іерархіей и паствой: всѣ вѣрующіе назывались тамъ „клиромъ“, т. е. удѣломъ, или жребіемъ Божіимъ, въ отличіе отъ невѣрныхъ іудеевъ и язычниковъ. 2) Въ средѣ самой іерархіи также не было раздѣленія на патриціевъ и плебеевъ—на полномочныхъ епископовъ и безправныхъ низшихъ клириковъ. 3) Основой взаимоотношенія всѣхъ членовъ церкви служили великія начала братства и равенства и уваженіе къ истинно-христіанской свободѣ. 4) Порча этихъ отношеній началась съ момента вторженія во внутреннюю жизнь Церкви юридическихъ началъ греко-римскаго права. 5) Необходимо снова возстановить утраченное значеніе нравственнаго принципа, взамѣнъ внѣшне-юридическаго: тогда не будетъ у современныхъ архіереевъ какого-то чувства брезгливости къ голосу клира и мірянъ. 6) Значеніе каждаго голоса будетъ оцѣниваться не по внѣшней его принадлежности тому или другому лицу, а по любви къ правдѣ и чувству истины его обладателя. 7) Тогда іерархія, если она, дѣйствительно, ближе стоитъ къ истинѣ, докажетъ это не словами, какъ теперь, а самымъ дѣломъ. 8) Но ясно, что для того, чтобы все это, т. е. моральное значеніе и сила голоса, могло опредѣлиться до собора, нужна предварительная, серьезная и совершенно свободная къ нему подготовка.

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ возраженіяхъ произошелъ слѣдующій обмѣнъ мыслей.

П. М. Мининъ. Я нахожу, что отвѣтъ на вопросъ: каковъ долженъ быть голосъ мірянъ, референтъ мотивировалъ недостаточно убѣдительно. Говоря о первенствующей церкви, онъ, повидимому, готовъ допустить, что тамъ не было дѣленія на клиръ и мірянъ, а въ средѣ самого клира не различались іерархическія степени. Утверждая это, референтъ, мнѣ кажется, дѣлаетъ слишкомъ смѣлое заключеніе. Что уже въ древней Церкви существовало различіе между іерархіей и міряпами, а также между различными степенями іерархіи, на это можно находить указаніе въ посланіяхъ апостоловъ и мужей апостольскихъ. Но допустимъ, что въ древней церкви не было строгаго различія между различными членами церкви, какой же отсюда можно сдѣлать выводъ для настоящей дѣйствительности? Вѣдь не будемъ же мы теперь рѣшать вопроса о томъ, насколько состоятельно съ научно-догматической точки зрѣнія существующее дѣленіе членовъ церкви на клиръ и мірянъ, а клира—на три степени. Этотъ вопросъ отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко въ сторону. Сущность *нашего* вопроса заключается въ томъ, съ какимъ голосомъ должны быть представлены на предстоящемъ соборѣ члены церкви—*при наличномъ ихъ составѣ и, такъ сказать, съ наличной классификаціей.* Въ этомъ случаѣ мнѣ представляется весьма цѣннымъ то замѣчаніе референта, что этотъ вопросъ правильно можетъ быть рѣшенъ не на юридической почвѣ, а на нравственной. Церковь не юридическое учрежденіе, а духовно-нравственный союзъ; поэтому къ ней не приложимы самыя понятія—„рѣшающій“ и „совѣщательный“. Затѣмъ, поскольку истиной владѣетъ церковь въ полномъ своемъ составѣ, какъ единое, нераздѣльное цѣлое,—то при истолкованіи истины можетъ и долженъ вносить свою посильную лепту каждый членъ церкви. И кто знаетъ, можетъ быть и здѣсь лепта „бѣдной вдовы“ окажется цѣннѣе пышныхъ и громкихъ вкладовъ высокопоставленныхъ и много ученыхъ мужей... Такимъ образомъ, и съ этой стороны я находилъ бы неудобнымъ дѣленіе голосовъ на соборѣ на рѣшающіе и совѣщательные. По моему, всѣ голоса должны быть равны, всѣ должны имѣть одинаковое значеніе.

А. П. Покровскій. Я позволю себѣ прежде всего внести рядъ необходимыхъ историческихъ поправокъ къ нѣкоторымъ положеніямъ реферата. Референтъ, какъ справедливо было только что указано, недостаточно объективно относится къ вопросу о происхожденіи и роли церковной іерархіи. Онъ, повидимому, стоитъ чуть-ли не на почвѣ ученія о всеобщемъ священствѣ первенствующей церкви. Правда, онъ говоритъ объ особыхъ служеніяхъ „дидаскаловъ“ и „пророковъ“, но эти служенія, какъ извѣстно, зависѣли отъ *внутренняго* настроенія извѣстнаго члена церкви, а не отъ его *внѣшняго* положенія въ ней. Только лишь упадокъ этого внутренняго чувства повелъ, по словамъ референта, къ замѣнѣ чрезвычайныхъ внутреннихъ даровъ особыми внѣшними привиллегіями, въ видѣ различныхъ іерархическихъ степеней. Слѣдовательно, постоянныя іерархическія ступени являются, съ точки зрѣнія автора, какъ бы результатомъ упадка и вырожденія истинно-церковнаго духа. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, почтенный референтъ устанавливаетъ иное и не совсѣмъ правильное взаимоотношеніе степеней постоянной іерархіи: онъ склоненъ безъ достаточнаго основанія слишкомъ возвышать авторитетъ пресвитера, ставя его наравнѣ и чуть-ли иногда не выше самого епископа, на что древняя исторія не даетъ права.

Первое увлеченіе автора объясняется, по моему мнѣнію, тѣмъ, что онъ не достаточно правильно смотритъ на такъ называемыя „харизматическія“ или энтузіастическія служенія, которыя были возможны только на зарѣ церковной жизни, въ моментъ исключительнаго подъема религіознаго чувства. Отсюда же вытекаетъ столь же односторонній взглядъ его и на постоянную іерархію, которая была столь же законнымъ и необходимымъ явленіемъ церковной жизни въ послѣдующій періодъ ея развитія, требовавшій большей закономѣрности и опредѣленности.

По поводу второй исторической неточности референта я сошлюсь на тотъ общеизвѣстный историческій фактъ, что чуть ли не до конца 3-го вѣка не существовало сельскаго прихода, и пресвитеры не занимали самостоятельнаго положенія, а были лишь сослужителями епископа; отсюда ясно, что послѣдній стоялъ въ центрѣ прихода и возглавлялъ его, хотя и въ союзѣ со всѣмъ своимъ „пресвитеріумомъ“.

Наконецъ, требуетъ нѣкоторой поправки и та мысль автора, что нравственный принципъ, сталъ вытѣсняться юридическимъ чуть ли не въ половинѣ 2-го вѣка. Если это несомнѣнно и было, то во всякомъ случаѣ гораздо позднѣе, приблизительно съ того момента, какъ церковь стала государственной и проникласъ бюрократическими тенденціями государства. Это вліяніе сказалось больше на ростѣ церковно-административныхъ должностей — митрополитовъ и патріарха, чѣмъ на взаимныхъ отношеніяхъ клира и міряпъ.

Н. П. Поповъ. Въ отвѣтъ П. М. Мишину я долженъ прежде всего сказать, что я не обезразличиваю всѣхъ членовъ древней церкви и признаю существованіе между ними извѣстныхъ раздѣленій. Но эти раздѣленія основывались не на внѣшнихъ, юридическихъ, а на внутреннихъ, нравственныхъ мотивахъ,—опредѣлялись различіемъ ихъ духовныхъ дарованій. Наши же теперешніе клирики чаще всего—простые, профессіопальные церковники, а не люди, исполненные особыхъ духовныхъ дарованій, а потому они и не имѣютъ права претендовать на какое либо особое моральное уваженіе къ нимъ. По поводу возраженія А. П. Покровскаго замѣчу, что я не отодвигаю окончанія "харизматическихъ служеній" къ столь позднему времени, какъ половина 3-го вѣка, и вполнѣ признаю различіе между „чрезвычайными" и „постоянными" іерархическими служеніями. Я только подчеркиваю ту мысль, что „чрезвычайныя" служенія имѣли больше внутренней цѣнности, поскольку они отражали полноту и силу дѣйствительнаго религіознаго одушевленія, а не опирались на какія либо внѣшнія, іерархическія полномочія. Что касается второго указанія, относительно пресвитеровъ, то нѣсколько односторонній подборъ историческихъ фактовъ объясняется самой задачей моего реферата—защитить тѣхъ, кого теперь несправедливо угнетаютъ.

А. П. Покровскій. Я вполнѣ понимаю и раздѣляю основную мысль референта. Но именно въ цѣляхъ ея бо́льшаго торжества, я снова повторяю: нужно больше исторической точности и научной объективности въ изложеніи тѣхъ или другихъ частныхъ аргументовъ. Иначе, необоснованными утвержденіями мы не только не укрѣпимъ своей позиціи, но откроемъ дверь для серьезныхъ возраженій и подорвемъ значеніе всей своей аргументаціи. Вотъ почему я настаиваю

на необходимости серьезнаго пересмотра тѣхъ пунктовъ реферата, которые касаются вопросовъ о взаимныхъ отношеніяхъ „харизматическаго“ и „іерархическаго“ служеній, а также и отношенія епископа къ пресвитеріуму въ древней церкви. Для этого я могу рекомендовать интересную книгу проф. А. П. Лебедева „Духовенство древней церкви“, гдѣ эти вопросы раскрыты съ надлежащей обстоятельностью и полнотою.

Прот. Н. П. Добронравовъ. Присоединяясь къ рѣчамъ и поправкамъ двухъ предшествующихъ ораторовъ, внесу кое-что и съ своей стороны. Референтъ, повидимому, основывается главнымъ образомъ на новооткрытомъ памятникѣ древнѣйшей христіанской письменности „Ученіе двѣнадцати Апостоловъ“ (Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων). Но этотъ важный памятникъ еще недостаточно обслѣдованъ въ наукѣ. Его свидѣтельства толкуются различно, такъ что пользоваться ими слѣдуетъ съ большою осмотрительностію. Поэтому никакъ нельзя быть увѣреннымъ, что референтъ понимаетъ показанія „Ученія двѣнадцати апостоловъ“ всюду правильно. Если, напр., въ древней Церкви существовали особые учители, „дидаскалы“, то неужели отсюда слѣдуетъ, что епископы не имѣли права учительствовать? Съ другой стороны, нельзя игнорировать и другихъ, не менѣе древнихъ и авторитетныхъ памятниковъ, напр., посланій св. Игнатія Богоносца и св. Поликарпа Смирнскаго, гдѣ находятся иныя рѣчи объ іерархіи, чѣмъ какія слышали мы въ рефератѣ. Нельзя не видѣть и того, что и самъ референтъ неясно представляетъ, въ чемъ, по его мнѣнію, заключалась дѣятельность епископовъ въ древнѣйшей церкви.

Ближе подступая къ вопросу, поставленному на обсужденіе нынѣшнимъ собраніемъ, т. е. къ вопросу о голосѣ клира и мірянъ на предстоящемъ соборѣ, прежде всего замѣчу, что намъ въ данномъ случаѣ нужно разсуждать примѣнительно къ современному положенію вещей. Въ наше время взглядъ на епископовъ въ нѣкоторыхъ кругахъ очень высокъ. Если голосъ ихъ на соборѣ сравнять съ голосомъ прочихъ участниковъ собора, то это со стороны нѣкоторыхъ лицъ, и притомъ немалочисленныхъ, можетъ вызвать порицаніе на соборъ, чего конечно никто не желаетъ. Мнѣ думается, что надо избѣгать крайностей и установить пріемле-

мый компромиссъ: пусть клиръ и міряне получатъ только совѣщательный голосъ, но пусть и епископы ничего не поставляютъ вопреки желаніямъ представителей на соборѣ отъ клира и мірянъ.

О. Цвѣтковъ, находитъ, что референтъ умаляетъ значеніе епископа предъ пресвитерами.

О. Пятикрестовскій отмѣчаетъ, что авторъ совершенно не использовалъ пастырскихъ посланій ап. Павла, въ которыхъ мы находимъ иное ученіе, несогласное съ его взглядами на іерархію и на епископа.

О. Всѣхсвятскій указываетъ, что въ рефератѣ больше общихъ теоретическихъ разсужденій, чѣмъ ясныхъ практическихъ указаній. Рефератъ написанъ, повидимому не на ту тему, которой мы теперь интересуемся. Непонятно также, какъ практически осуществить предложенную референтомъ теорію посылки на соборъ лучшихъ истинно вѣрующихъ людей? Какъ найти этихъ носителей живого духа?

П. М. Мининъ повторяетъ, что референту необходимо было болѣе ясно и опредѣленно высказываться о различіи между клиромъ и міряпами и о раздѣльности степеней церковной іерархіи. Для этого нужно было объективнѣе и полнѣе обрисовать духовно-нравственную физіономію первохристіанскаго общества.

О. Артоболевскій высказываетъ свое недоумѣніе, что даже англиканская церковь, стоящая на почвѣ реформаціи, и та не нашла возможнымъ отказаться отъ іерархіи и принять ученіе о всеобщемъ священствѣ.

Н. П. Поповъ даетъ краткій отвѣтъ своимъ оппонентамъ, Прот. Доброправову говоритъ, что не придаетъ какого-либо исключительнаго значенія авторитету „Ученія двѣнадцати апостоловъ“ и отнюдь не игнорируетъ и другіе, не только древнѣйшіе, но и болѣе поздніе памятники святоотеческой литературы. Его основная мысль—борьба двухъ противоположныхъ принциповъ—духовно-нравственнаго и юридически-правового. Говорятъ, что наши іерархи сугубо облагодатствованы; но это—внѣшняя, механическая точка зрѣнія; во внутренней жизни церкви дѣйствуетъ другой принципъ—„духовнаго синергизма“. Здѣсь значеніе личности опредѣляется мѣрой ея духовныхъ даровапій.—О. Цвѣткову указываетъ на то, что нужно больше широты и свободы въ су-

жденіи о различныхъ степеняхъ церковной іерархіи.—П. М. Минину отвѣчаетъ, что не хочетъ вовсе отрицать и правового, іерархическаго строя, но выше его ставитъ внутренній, духовно-нравственный.—О. Всѣхсвятскому замѣчаетъ, что людей найти все-же можно: когда пробудится истинно-религіозная жизнь, то они сами собой выйдутъ наружу, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ.

Предсѣд. Коммиссіи прот. Н. И. Добронравовъ. Признавая, что съ одной стороны, нѣкоторыя мысли реферата довольно неясны и весьма спорны, а съ другой, что рефератъ, хотя самъ по себѣ очень интересенъ и важенъ съ принципіальной стороны, но не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ обсуждаемому нами вопросу, предлагаю собранію, независимо отъ прочитаннаго реферата, высказать мнѣнія о голосѣ клира и мірянъ на будущемъ соборѣ.

И. В. Тихомировъ. Я позволю себѣ, о. предсѣдатель, не согласиться съ Вашей оцѣнкой практическаго значенія реферата Н. П. Попова. Онъ намъ выяснилъ, что никакихъ серьезныхъ данныхъ для исключительныхъ епископскихъ привиллегій въ древней церкви нѣтъ; а это очень важно. (Вопросъ о сугубой архіерейской благодати очень теменъ, и его лучше не касаться). Отсюда, съ практической стороны—голоса мірянъ должны быть равными съ голосами епископовъ.

А. И. Покровскій. Я вполнѣ раздѣляю оцѣнку реферата, сдѣланную проф. Тихомировымъ. На мой взглядъ, рефератъ Н. П. Попова даетъ прекрасное теоретическое обоснованіе для практическаго рѣшенія интересующаго насъ вопроса. Онъ убѣдительно выяснилъ, что претензіи архіереевъ на монополію общецерковнаго сознанія являются злоупотребленіемъ: они нарушаютъ духъ мира и любви и на мѣсто искреннихъ братскихъ отношеній подставляютъ внѣшнія, юридическія опоры, довольно сомнительнаго характера. Но я снова повторю, что для вѣскости и убѣдительности аргументовъ Н. П-ча, они нуждаются въ томъ, чтобы сгладить рѣзкость и внести въ нихъ большій научный объективизмъ.

О. И. Н. Поспѣловъ. Въ качествѣ выхода изъ затрудненія намъ предлагаютъ компромиссъ: говорятъ, что мы должны уступить въ одномъ, чтобы получить уступку отъ епи-

скоповъ въ другомъ. Но я съ этимъ не согласенъ: не нужно никакихъ компромиссовъ. Необходимо удалить всѣ злоупотребленія и наросты на церковномъ организмѣ, и сдѣлать все это нужно скорѣе, на первомъ же всероссійскомъ соборѣ.

О. Цвѣтковъ Н. В. Голосъ мірянъ во многомъ зависитъ отъ того, какой будетъ соборъ, и что будетъ на немъ дѣлать? Если туда войдутъ только сознательные элементы, то пусть всѣ они будутъ имѣть рѣшающій голосъ, и можно надѣяться, что отъ этого, кромѣ добра, ничего не произойдетъ; но если туда попадутъ и лица иного направленія, то для блага церкви необходимо ограничить ихъ голосъ только совѣщательной ролью.

П. П. Астровъ. Вопросъ о составѣ собора и голосѣ его участниковъ стоитъ въ связи съ другимъ вопросомъ—о времени собора и подготовкѣ къ нему. Когда поставленъ былъ этотъ вопросъ въ прошломъ году, то всѣ его радостно привѣтствовали и желали скорѣйшаго созыва собора. Но затѣмъ, вскорѣ же, всѣ истинные ревнители церкви увидали, насколько мы еще не готовы къ собору, и стали ратовать за отстрочку собора. И теперь, съ одной стороны, необходимо заявить, что соборъ нуженъ; съ другой—надо подчеркивать необходимость его отстрочки для надлежащей подготовки. Если сдѣлаемъ этотъ соборъ теперь, то получимъ или неискренній компромиссъ, или явное раздраженіе и раздѣленіе въ обществѣ. Многіе изъ собора хотятъ сдѣлать скрытое возрожденіе реакціи и оплотъ бюрократизма. Необходимо освѣтить все это дѣло и изъ скрытыхъ канцелярій вывести его на свѣтъ общественности и гласности.

О. Артоболевскій. На мой взглядъ, всего важнѣе развить церковную общину и достигнуть ея самоопредѣленія. Интеллигенція отшатнулась отъ Церкви и готова отождествлять ее чуть не съ полицейскимъ участкомъ. Отчего все это? Очевидно, отъ того, что Церковь не самоопредѣлилась, т. е. не ограничила себя отъ государства и не сознала себя, какъ царство Божіе, имѣющее свою жизнь, свой духъ и свои особыя задачи. Тогда, т. е. въ случаѣ такого самоопредѣленія, Церковь, дѣйствительно, возродится и, вмѣсто государственнаго оппортюнизма, будетъ насаждать новыя, высокія идеи въ обществѣ.

О. П. Г. Поповъ. Древность не даетъ права превозносить епископовъ насчетъ остальныхъ клириковъ. Въ древней исторіи былъ примѣръ, что цѣлой провинціей управлялъ діаконъ; въ Византіи, какъ мы знаемъ, архидіаконы сидѣли выше епископовъ на соборѣ и раньше ихъ причащались. Слѣдовательно, для рѣшающаго голоса низшихъ клириковъ существуютъ, такъ сказать, церковно-юридическія основанія.

А. П. Покровскій. Не оспаривая того вывода, который дѣлаетъ о. Н. Г. Поповъ, я хочу только указать на непрочность его посылокъ. Факты, на которые онъ ссылается, были, во всякомъ случаѣ, исключительные, а основываться на исключеніяхъ, конечно, крайне не надежно. Въ частности, относительно роли архидіаконовъ въ византійской церкви должно замѣтить, что это было явленіе отрицательнаго характера; такъ заносчиво вели себя различные чины изъ состава первой пятерицы при особѣ константинопольскаго патріарха, т. е. наиболѣе типичные представители тогдашней церковной бюрократіи.

Прот. Добронравовъ. Почти всѣ высказываются за рѣшающій голосъ. Я же, высказавшись раньше за совѣщательный голосъ мірянъ, хотя съ особыми полномочіями, позволю себѣ повторить главное основаніе моего мнѣнія: архіереи пользуются у насъ въ народѣ особымъ исключительнымъ почетомъ; не будетъ ли поэтому соблазномъ для многихъ, если мы ихъ голосъ на соборѣ сравняемъ съ голосомъ клира и мірянъ?

П. М. Мининъ. Соблазна не будетъ, если мы только сами не станемъ подчеркивать различія между совѣщательнымъ и рѣшающимъ голосами. Въ приложеніи къ собору должна быть оставлена такая терминологія: голоса должны быть не рѣшающими и не совѣщательными, а полноправными и, главное, „единодушными“. Истину нельзя взвѣшивать и опредѣлять *количествомъ* голосовъ; равнымъ образомъ аргументомъ *отъ количества* и пельзя убѣдить никого въ истинѣ. Извѣстно, что часто *одинъ* владѣетъ истиной, а *тысячи* глумятся надъ ней. Между тѣмъ церковный соборъ по самой идеѣ своей долженъ *объединить* собою всѣхъ членовъ Церкви, всѣхъ привести къ единой истинѣ. Вотъ почему должно какъ можно тщательнѣе избѣгать на немъ холодно-механическаго отношенія и къ истинѣ, и къ людямъ. Напротивъ

нужно всѣми силами стремиться къ достиженію полнаго единодушія. И по моему мнѣнію, это единодушіе вполнѣ достижимо. Стоитъ только нормально поставить подготовку къ собору, и катастрофа,—въ родѣ раскола, или раздора,—будетъ предупреждена. Такимъ образомъ, все дѣло въ правильной подготовкѣ къ собору. Какое важное значеніе можетъ имѣть для собора эта подготовка, для уясненія этого я позволю себѣ сослаться на историческій опытъ. Мы знаемъ, что не всѣ соборы, собиравшіеся въ эпоху вселенскихъ соборовъ, признаны Церковью вселенскими: одни изъ нихъ и хотѣли бы выдать себя за вселенскіе,—не признаны таковыми; другіе и не стремились къ этому и, по видимому, по своему составу не имѣли права на это,—получили значеніе вселенскихъ соборовъ. Отчего же такъ вышло и какіе признаки дѣйствительно вселенскаго собора? На эти вопросы нужно замѣтить слѣдующее. Достоинство того или другого собора опредѣляется не составомъ его, не количествомъ его участниковъ, и не претензіями его, а тою оцѣнкою, которую дѣлаетъ ему послѣдующая санкція Церкви, или такъ наз. церковная рецепція. Церковь, взятая *въ своемъ цѣломъ*, состоящая изъ *іерархіи и мірянъ*, Церковь, какъ единое тѣло Христово, не пассивно воспринимаетъ то, что постановляетъ соборъ, а относится къ постановленіямъ его такъ сказать критически. Если она видитъ въ соборныхъ вѣроопредѣленіяхъ подлинное выраженіе своего вѣросознанія, она принимаетъ эти вѣроопредѣленія и усвояетъ имъ вселенское значеніе; если же постановленія собора не отвѣчаютъ ея понятію объ истинѣ, она отвергаетъ ихъ и клеймитъ иногда такіе соборы наименованіемъ „разбойничьихъ“. Мнѣ думается, что изъ этой исторіи намъ можно было бы извлечь глубоко назидательный урокъ для себя. Пользуясь опытомъ предшествующихъ вѣковъ, можно разъ навсегда устранить въ будущемъ „разбойничьи“ соборы и связанныя съ ними непріятныя случайности. Для этого слѣдуетъ только рецепцію перенести съ послѣ-соборной эпохи на до-соборный періодъ,—сдѣлать изъ рецепціи, такъ сказать, процепцію и всякія неожиданности исчезнутъ. А сдѣлать это вполнѣ возможно. Намѣтьте заранѣе вопросъ, дайте полную возможность вдуматься въ него и свободно высказаться по нему всѣмъ членамъ церкви,—словомъ, поставьте правильно подготовку къ собору, и

тогда заранѣе будетъ видно, по какимъ вопросамъ и въ какомъ направленіи можетъ-быть достигнуто единодушіе на соборѣ. Собору останется тогда только санкціонировать своимъ авторитетомъ то, къ чему единогласно придутъ члены его. Тѣ же вопросы, по которымъ, сверхъ чаянія, обнаружится полное и непримиримое разногласіе на соборѣ, лучше отложить до слѣдующаго собора.

П. М. Громогласовъ. Такъ какъ основную мою мысль предвосхитилъ П. М. Мининъ, то мнѣ осталось сдѣлать къ ней только нѣсколько добавленій. Я нахожу, что нельзя отъ предварительнаго обсужденія вопросовъ отдѣлять и епископовъ: они должны обсуждать извѣстный церковный вопросъ не только послѣ того, какъ онъ пройдетъ въ средѣ клира и мірянъ, но одновременно съ ними, съ самаго начала; такимъ образомъ, епископы примутъ участіе въ обсужденіи тѣхъ вопросовъ, которые могли бы получить отрицательное рѣшеніе въ первой инстанціи. Необходимо строго разграничить церковный соборъ отъ богословскаго съѣзда. Во-вторыхъ, дѣйствительно, центръ тяжести надо перенести на дособорную подготовку, что бы уже къ собору по возможности были выяснены и взвѣшены интересы различныхъ церковныхъ группъ и партій.

О. Всѣхсвятскій. Но, вѣдь, безъ голосованія не обойдется: какъ же быть, если нѣтъ единодушія?

П. М. Громогласовъ. Нужно руководиться примѣромъ древнихъ соборовъ: если нѣтъ единодушія въ какомъ либо незначительномъ вопросѣ, то, конечно, это неважно; въ важныхъ же и серьезныхъ вопросахъ нужно имѣть въ виду, что тутъ раздѣленіе мнѣній можетъ кончиться расколомъ. Угроза этой опасности должна сдерживать фанатизмъ однихъ и упорство другихъ и побуждать ихъ искать мирнаго исхода.

Заключеніе о. предсѣдателя прот. Н. П. Добронравова. Не соглашаясь съ нѣкоторыми частностями реферата Н. П. Попова, мы признали его принципіальную важность. Онъ далъ намъ твердую почву для отвѣта на поставленный вопросъ о голосѣ клира и мірянъ на соборѣ, показавъ, что древняя церковь до эпохи вселенскихъ соборовъ не проводила рѣзкихъ границъ между различными частями обще-церковнаго организма. Тѣмъ самымъ, конечно, предрѣшается и вопросъ о

голосѣ членовъ предстоящаго церковнаго собора. Какому либо серьезному различію голосовъ здѣсь, не должно быть мѣста. Всѣ голоса должны имѣть одинаковую рѣшающую силу Въ основѣ всего на соборѣ должно быть поставлено мирное, безпристрастное и безкорыстное рѣшеніе обсуждаемыхъ вопросовъ. Всѣ должны стремиться къ единодушію, воодушевляясь искреннимъ желаніемъ принести благо Православной Русской Церкви. Возникающія разномыслія необходимо всячески улаживать. Если же достигнуть этого окажется невозможнымъ, то лучше совсѣмъ снять спорный вопросъ съ очереди и отложить рѣшеніе его до другого собора

Предстоящій Соборъ по проекту преосвященнаго Сергія архіеп. Финлянд-скаго.

По вопросу о предстоящемъ Соборѣ для насъ важно слышать не только канцелярскія соображенія церковной власти, но любопытны голоса и отдѣльныхъ членовъ Церкви—мірянъ, бѣлаго духовенства и того или другого епископа. Голоса послѣднихъ особенно интересны: по этимъ голосамъ мы отчасти можемъ судить и объ истинныхъ намѣреніяхъ близкой имъ церковной власти.

Одинъ епископскій голосъ—преосвящ. Антонія Волынскаго—мы уже слышали. Послѣ того, какъ его попытка ограничить составъ Собора лишь одними епископами не произвела желаннаго впечатлѣнія на церковное общество, за недавнее время мы ознакомились съ сужденіями по данному вопросу другого епископа—Сергія (Церк. Вѣд. изд. при Св. Син. 1906 г. № 1).

Какъ бы поняв неудачу своего собрата, преосвящ. Сергій, принимавшій живое участіе въ религіозно-философскихъ петербургскихъ собраніяхъ, говоритъ о Соборѣ въ иномъ тонѣ, чѣмъ преосвящ. Антоній, но въ сущности—къ сожалѣнію—нѣчто подобное; по крайней мѣрѣ, у него, по нашему мнѣнію, одна цѣль съ преосвящ. Антоніемъ: ограничить участіе въ Соборѣ духовенства и мірянъ лишь видимостью и свести его къ ничтожнымъ результатамъ.

Прослѣдимъ аргументацію преосв. Сергія. „Мы всѣ, говоритъ онъ, ожидаемъ отъ нашего будущаго Собора не мнѣнія по церковнымъ вопросамъ, а вполнѣ закономѣрныхъ нормъ нашей личной и церковно-общественной жизни, при томъ такихъ нормъ, которымъ бы мы подчинились не потому, что у насъ нѣтъ пока силъ и средствъ ихъ передѣлать (принципъ парламентарнаго правленія), а потому, что

ъ нихъ мы видимъ голосъ самой Церкви, обязательный для всякаго до тѣхъ поръ, пока онъ желаетъ оставаться членомъ этой Церкви. Но при такихъ полномочіяхъ будущаго Собора, вопросъ о его составѣ получаетъ самое существенное значеніе: по своему составу Соборъ долженъ строго отвѣчать каноническимъ требованіямъ, иначе его постановленія не будутъ имѣть силы закона и могутъ быть даже совсѣмъ отвергнуты значительною частью церковнаго общества, и, что и важно, тою, которая безкорыстно желаетъ прежде всего возстановленія подлинно церковной жизни.

Итакъ, можно ли, стоя на строго канонической точкѣ зрѣнія, утверждать, что клирики и міряне имѣютъ право, наравнѣ съ епископами, участвовать съ рѣшающимъ голосомъ въ областныхъ соборахъ (объ епархіальномъ съѣздѣ рѣчь иная)? Отвѣтъ можетъ быть только отрицательный".— Вотъ основная точка зрѣнія преосв. Сергія по вопросу о предстоящемъ Соборѣ.

Какъ бы желая подчеркнуть свое безпристрастіе въ рѣшеніи вопроса, онъ говоритъ слѣдующее. — „Что клиръ и міряне обязательно присутствовали на соборахъ и что нѣкоторые изъ нихъ принимали въ разсужденіяхъ собора самое выдающееся участіе, это правда. Можно даже указать отдѣльные случаи, когда клиръ и міряне (по крайней мѣрѣ, чиновные) имѣли одинаковый съ епископами рѣшающій голосъ. Напримѣръ, проф. Н. Н. Соколовъ на засѣданіяхъ петербургской епархіальной коммиссіи указалъ Византійскій соборъ по дѣлу патріарха Досиѳея (если не ошибаюсь), на которомъ всѣ участники: епископы и чины патріаршаго двора (клирики и міряне) отвѣчали на поставленный вопросъ одинаковой формулой („опредѣляю"). То же можно находить и на русскихъ соборахъ 1666—67 гг. и друг.".

Казалось бы, что и одного изъ такихъ фактовъ было бы достаточно, чтобы въ составъ предполагаемаго Собора вошли клиръ и міряне: вѣдь, если это возможно было прежде, то удивительно, почему подобное невозможно теперь? Не отвѣчая пока на этотъ естественный вопросъ, вслѣдъ за упоминаніемъ о фактахъ участія на соборахъ съ рѣшающимъ голосомъ клира міянъ, преосвященный продолжаетъ: „Но сказать, чтобы таковъ былъ законъ церковный, обязательный для всѣхъ, чтобы этого требовали правила святыхъ

апостолъ и святыхъ вселенскихъ и 9 помѣстныхъ соборовъ, однимъ словомъ, имѣющая для Церкви силу основного уложенія „Книга правилъ“,—сказать этого невозможно“. Далѣе слѣдуетъ соотвѣтственная точкѣ зрѣнія преосвященнаго экскурсія въ область каноновъ, которые не содержатъ „никакихъ узаконеній для участія клира и мірянъ въ областныхъ соборахъ“. Книга правилъ „всюду, гдѣ говоритъ о соборахъ..., говоритъ только объ епископахъ“, и не потому-де, что „всѣ они были избранниками своихъ епархій“: „если въ древней Церкви епископы и выбирались паствой (чему, конечно, не сочувствуетъ архіепископъ Финляндскій), то во всякомъ случаѣ Книга правилъ знаетъ лишь избраніе епископа соборомъ и по суду каноновъ (I Всел. соб. 4; VII, 3; Ант. 19, 23; Лаод. 12)“.

Не принимая на себя труда въ настоящій разъ выяснять, какимъ произвольнымъ измѣненіямъ и „очищеніямъ“ неоднократно подвергались каноны [1]), а также доказывать, что епископы были на соборахъ именно представителями своихъ епархій, съ чѣмъ до извѣстной степени соглашается потомъ и преосв. Сергій, мы однако вынуждаемся показать, какъ неопредѣленны свидѣтельства каноновъ объ избраніи епископовъ.—Оставляя въ сторонѣ 12 прав. Лаод. собора, гдѣ идетъ рѣчь о безпорядочныхъ толпахъ черни (τοῖς ὄχλοις), а не о соборѣ, мы замѣчаемъ, что въ канонахъ I Всел. и Ант. соб., указанныхъ преосв. Сергіемъ, избраніе означается словомъ καταστασις, (отъ гл. καθίστημι — ставлю, дѣлаю кого чѣмъ), вмѣсто котораго тамъ же употребляется, какъ равнозначущее, слово χειροτονία со спеціальнымъ сакраментальнымъ значеніемъ. Слѣд., нужно еще установить, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь: только объ избраніи или же о рукоположеніи епископа отъ епископовъ (Апост. 1), или же о томъ и другомъ вмѣстѣ. 3 прав. VII Вс. Соб. избраніе во епископа отъ епископовъ означаетъ словомъ ὅρος, но и опять смѣшиваетъ его со словами καταστασις и χειροτονια. Во всякомъ случаѣ, для насъ еще не вполнѣ ясно, что въ указанныхъ канонахъ ведется рѣчь именно объ избраніи (ἐκλεξις, αἵρεσις, Іоан. XV, 16;

---

[1]) См. объ этомъ, напр., въ Исторіи византп. права—Азаревича (Ярославль. 1876 г. Т. I, ч. 1, стр. 103—118), или же въ трудѣ іером. Каллиста—Номоканонъ св. Фотія. патр. Констант. (М. 1899 г. Стр. 25, 41, 107, 113).

Дѣян. VI, 5; XV, 22). Зонара, Аристинъ и Вальсамонъ въ толкованіи 23 прав. Ант. собора разумѣютъ въ немъ рукоположеніе.

Ослабляя свою ссылку на каноны въ доказательство исключительнаго участія епископовъ въ соборныхъ рѣшеніяхъ, пр. Сергій, между прочимъ, признаетъ, что „всякій вѣрующій долженъ... поднять свой голосъ“ за вѣру и преданіе церковное. По какимъ же образомъ „всякій вѣрующій“ исполнитъ это, если самъ не имѣетъ голоса на соборѣ и не имѣетъ тамъ своего представителя прежде всего въ лицѣ своего епископа? Это было бы непонятно, если бы всѣ, не обладающіе саномъ епископа, лишены были и по канонамъ даже посредственнаго выраженія своего церковнаго мнѣнія.

Возвращаясь снова къ практикѣ древней Церкви (а съ ней приходится и теперь неизбѣжно считаться) и къ примѣрамъ нѣкоторыхъ соборовъ, и въ частности Апостольскаго, на которыхъ пресвитеры и міряне „какъ бы имѣли рѣшающій голосъ“, преосв. Сергій говоритъ, что „этотъ доводъ убѣдителенъ развѣ для тѣхъ, кто, подобно старокатоликамъ, увлекается мечтой (страшно сказать!) возстановить, во что бы то ни стало, практику древней Церкви и отрицаетъ весь историческій опытъ Церкви православной, приведшій ее къ изданію дѣйствующихъ каноновъ“. Вотъ, какъ страшна теперь современнымъ епископамъ практика древней Церкви! Стремленіе къ ней если не ересь, то, по меньшей мѣрѣ, пустая мечта, о которой нечего и разсуждать! Не мнѣ, впрочемъ, выяснять значеніе практики древней Церкви преосв. Сергію, который самъ нѣкогда считалъ ее „очень важной“ („Нов. Путь“, 1903 г., февр., зап. рел.-фил. собр., стр. 94), да и теперь не хочетъ „покидать почвы православнаго преданія“.

Настаивая на рѣшеніи вопроса о составѣ Собора только при свѣтѣ каноновъ, въ которыхъ выразился будто бы „весь (?) историческій опытъ Церкви православной“, преосв. Сергій однако сознаетъ, что „несомѣнно, въ первые вѣка христіанства каноны не были такъ нужны (?) и допускали всякія (!) изъятія“. Допускаются, прибавимъ, мы, подобныя „изъятія“ у насъ и теперь, напр., по дѣламъ брачнымъ, духовно-судимъ, по участію клира въ церковномъ управленіи, по избранію епископовъ и клира народомъ, по перемѣщеніямъ епископовъ и т. п., и т. п.

Почему же такого „изъятія“ нельзя допустить и относительно предстоящаго Собора, тѣмъ болѣе, что и самъ преосв. Сергій признаетъ его „чрезвычайнымъ? Не потому ли только, что это не нравится епископамъ, боящимся потерять свой авторитетъ“.

Преосв. Сергій вмѣстѣ съ преосв. Антоніемъ великодушно готовъ, впрочемъ, допустить подобное „изъятіе“ и дать мѣсто на Соборѣ благодатно-одареннымъ избранникамъ Божіимъ (чудотворцамъ, подвижникамъ), если бы они туда явились. Но коимъ духомъ прозрѣваютъ преосвященные, что среди клира и мірянъ уже и нѣтъ такихъ праведниковъ, ради которыхъ спасаются грады?

Діалектически оспаривая равноправность участниковъ Іерусалимскаго собора (апостоловъ, пресвитеровъ и братіи), преосв. Сергій возвышаетъ нравственный авторитетъ апостоловъ предъ прочими членами этого собора. Но, вѣдь, никто и не отрицаетъ такого авторитета на предстоящемъ Соборѣ и у епископовъ, если только они будутъ обладать имъ фактически, являя изъ себя носителей духа Христа и апостоловъ.

Заключая, наконецъ, свою историкоканоническую экскурсію, сопровождавшуюся на каждомъ шагу оговорками и уступками въ пользу клира и мірянъ, преосв. Сергій, къ нашему удивленію, возвращается къ тому же рѣшительному утвержденію, съ котораго и началъ свои разсужденія: „выработанный историческимъ опытомъ (это—уже явная неправда) и соборами узаконенный каноническій строй Церкви знаетъ для областей только соборы епископовъ“. Вмѣстѣ съ другими представителями клира и мірянъ, писавшими за послѣднее время о составѣ предстоящаго Собора, мы могли бы указать не мало примѣровъ изъ общей и русской церковной исторіи, когда міряне и клиръ принимали равноправное съ епископами участіе въ соборахъ; но въ этомъ не сомнѣвается и преосв. Сергій. Мы лишь спросимъ его: если прежде такіе факты не разрушали каноническаго строя Церкви, почему должны мы опасаться этого разрушенія теперь, предполагая полноправное участіе въ предстоящемъ Соборѣ клира и мірянъ?

„Тогда епископы будутъ имѣть на Соборѣ самое большое $\frac{1}{5}$ всѣхъ голосовъ“, откровенно заявляетъ преосв. Сергій, соглашаясь даже, что „соборъ—не парламентъ, и рѣшенія его

едва ли будутъ ставиться механическимъ подсчетомъ голосовъ".—Такъ, вотъ почему „очевидно" и „несомнѣнно, самый лучшій (?) и наиболѣе близкій къ канонамъ порядокъ былъ бы такой, при которомъ клирики и міряне пользовались совѣщательнымъ голосомъ"! Вѣдь, это-то и желательно епископамъ, давившимъ въ теченіе столѣтій своимъ „авторитетомъ" всякую живую мысль и дѣятельность въ русской церковной жизни. При такомъ „порядкѣ", продолжаетъ преосв. Сергій, всякій не-епископъ имѣлъ бы права и полную возможность со всею (?) искренностью и, если нужно, настойчивостью (?) высказать свое мнѣніе, свои доводы и желанія, а соборное рѣшеніе постановляли бы только епископы, и при томъ такое рѣшеніе, которое, конечно, можетъ и „не совпадать съ мнѣніемъ и желаніями наличной паствы" ихъ... Однако, не слишкомъ ли наивно-невинепъ, если не болѣе, такой „самый лучшій и наиболѣе близкій къ канонамъ порядокъ"?!

Самъ преосв. Сергій признаетъ, что „трудно ожидать, чтобы не-епископы удовлетворились однимъ совѣщательнымъ голосомъ", и, прозорливо вникая въ будущее, въ дальнѣйшей части своихъ сужденій о Соборѣ какъ будто совершенно зачеркиваетъ то, что имъ же было сказано прежде.—„Окружающая насъ дѣйствительность... говоритъ объ отсутствіи довѣрія" къ епископамъ,—и, со стороны людей вполнѣ серьезно настроенныхъ и искренно преданныхъ Церкви. Несомнѣнно, многіе и изъ такихъ людей не находятъ въ себѣ рѣшимости безъ всякихъ разсужденій довѣриться собору епископовъ... Голоса такихъ людей мы не можемъ игнорировать" и „должны пойти ему навстрѣчу", т. е. допустить и ихъ на Соборъ. Печально это искреннее свидѣтельство преосв. Сергія объ „отсутствіи довѣрія" къ епископамъ со стороны даже „людей серьезно настроенныхъ и искренно преданныхъ Церкви" (вотъ до чего дошли ея владыки!), но отрадна и перемѣна точки зрѣнія въ разбираемыхъ нами сужденіяхъ о предстоящемъ Соборѣ. Впрочемъ, и тутъ преосв. Сергій, къ сожалѣнію, успѣваетъ примѣшать къ нимъ granum salis.—Оказывается, нѣтъ основаній „оставлять безъ вниманія" голосъ лучшихъ людей въ дѣлахъ церковныхъ главнымъ образомъ потому, что на будущемъ Соборѣ „вопросъ о распредѣленіи церковныхъ суммъ и о контролѣ

надъ ними будетъ однимъ изъ главныхъ". — Лучшіе люди общества допускаются на Соборъ не потому, чтобы голосъ ихъ важенъ былъ для идеальнаго направленія и устроенія церковной жизни, а потому, что „вопросъ о распредѣленіи церковныхъ суммъ и контролѣ надъ ними" можетъ оказаться въ большой зависимости отъ общества. И вотъ его представителямъ преосв. Сергій готовъ открыть входъ на Соборъ. Какъ, подумаешь, велика сила рубля! Подъ угрожающимъ давленіемъ его даже и епископы весьма легко и скоро могутъ забыть о канонахъ, возвращенія къ которымъ они будто бы желаютъ. Реальпо-кредитный вопросъ о „суммахъ" оказался болѣе основательнымъ, чѣмъ даже забота о возстановленіи „идеальнаго довѣрія" къ епископамъ со стороны „серьезно настроенныхъ и искренно-преданныхъ Церкви людей"...

Какъ бы то ни было, преосв. Сергій теперь уже полагаетъ, что всѣмъ участникамъ Собора должно представить „одинаковое право" въ обсужденіи и рѣшеніи, безъ различія церковныхъ степеней и званій. Но— увы!— и это высказывается опять cum grano salis. „Постановленіе этого Собора, никѣмъ на засѣданіи законно не опротестованное, получаетъ силу закона; если же будетъ опротестовано, то передается собору епископовъ для окончательнаго рѣшенія. Опротестовать рѣшеніе общаго Собора можно въ томъ случаѣ, если оно несогласно съ церковнымъ преданіемъ или съ канонами или клонится по вреду церкви или же наконецъ, въ случаѣ желанія придать состоявшемуся постановленію болѣе непререкаемую (?) съ канонической точки зрѣнія санкцію". „Достаточно, по проекту преосв. Сергія, одного голоса..., чтобы признать протестъ состоявшимся", — Слѣд., стоитъ лишь кому-либо ad maiorem Dei gloriam заявить свой протестъ, (а вызвать это не трудно), и дѣло будетъ рѣшаться только „по суду епископовъ", съ точки зрѣнія которыхъ любое рѣшеніе общаго Собора можетъ оказаться несогласнымъ съ съ преданіемъ или съ канонами или же вреднымъ для Церкви. Отъ „одинаковаго права участія въ рѣшеніи" соборныхъ дѣлъ, такимъ образомъ, остается по проекту одна лишь „мечта"...

Это подтверждается и въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ преосв. Сергія. Предполагая общедоступность Собора, онъ

держится тенденціи, чтобы на Соборѣ присутствовали не выборные отъ духовенства, а какъ это было-де въ древности „главнымъ образомъ, церковныя власти“ (настоятели монастырей, поповскіе старосты и т. п.), которыя, понятно, всегда будутъ проводить на Соборѣ то, что укажутъ имъ епископы.

Чтобы придать Собору однако видъ общедоступнаго, преосв. Сергій согласенъ открыть на него входъ всѣмъ „непорочнымъ“ изъ клира и народа—по цвѣтнымъ билетамъ, получаемымъ отъ епархіальнаго архіерея. Но такъ какъ при этомъ трудно устранить необходимость выборовъ (на случай голосованій), то, по взгляду автора проекта, нужно озаботиться, чтобы въ выборахъ полномочныхъ людей какъ можно меньше проявлялась сословность. И понятно, эта заботливость должна имѣть въ виду преимущественно духовенство (міряне для епископата, повидимому, не слишкомъ опасны). „Чтобы разрушить въ самомъ корнѣ возможность сословности, необходимо, говоритъ преосв. Сергій, рѣшительно отказаться отъ мысли считать духовенство особой отъ мірянъ, заключенной въ себѣ корпораціей, имѣющей интересы, отличные отъ общецерковныхъ, и потому нуждающейся въ особыхъ представителяхъ. Если ячейкой церковнаго тѣла у насъ считается приходъ и далѣе епархія, пусть они, а не разные чины Церкви, и посылаютъ своихъ представителей, при чемъ этими представителями могутъ быть безразлично и клирики, и міряне“. Это „возвыситъ престижъ пастырства вообще, да и самому Собору придастъ настоящецерковный, пастырскій характеръ“. Но почему же при этомъ и епископскому чину, почему-то противополагающему себя клиру и народу, не раздѣлить участи всего духовенства? Вѣдь, это—удобный случай для епископовъ возстановить утраченное ими довѣріе паствы: ихъ голосовали бы также представители самаго тѣла Церкви, самого народа, ради благоденствія котораго и они существуютъ вмѣстѣ съ подчиненнымъ имъ духовенствомъ. Тогда устранилось бы средостѣніе между епископами съ одной стороны и клиромъ и народомъ съ другой, и епископы могли бы достигнуть признанія отъ своихъ епархій, къ чему они и должны стремиться по 18 пр. Анкир. соб., не отмѣненному доселѣ.

Но объ этомъ нѣтъ рѣчи у преосв. Сергія, который въ заключеніе своего проекта настойчиво повторяетъ: „всякое

постановленіе общаго Собора... можетъ быть опротестовано... и передано на разсмотрѣніе собора однихъ епископовъ". Оградить авторитетъ послѣднихъ отъ притязаній клира и мірянъ—вся задача проекта. „Постановленіе собора епископовъ признается... закономъ Русской Церкви: несогласнымъ же предоставляется или (и конечно безрезультатно) апеллировать къ суду другихъ автокефальныхъ православныхъ Церквей, или же (авторъ проекта говоритъ объ этомъ съ легкимъ сердцемъ) выйти изъ членовъ Церкви", какъ будто она не великое Христово тѣло, а лишь достояніе „однихъ епископовъ" ..

Таковы въ сущности сужденія преосв. Сергія о предстоящемъ Соборѣ. Далеко ли и онъ ушелъ отъ рѣчей преосв. Антонія, если эфемерная общедоступность Собора на практикѣ въ концѣ концовъ сводится къ собору однихъ только епископовъ? Но въ то время, какъ преосв. Антоній въ своихъ рѣчахъ съ горячностью идетъ къ этой цѣли, преосв. Сергій пытается смягчить ея остроту разными противорѣчащими другъ другу уступками и оговорками, какъ будто забывая (а вѣрнѣе—твердо помня), что плюсъ на минусъ всегда даетъ минусъ. А если такъ, если пока такова точка зрѣнія на предстоящій Соборъ и у всѣхъ епископовъ, невольно возникаетъ вопросъ: что онъ ласть Русской Церкви, сводясь къ рѣшенію и усмотрѣнію однихъ епископовъ, довѣриться которымъ, и по свидѣтельству преосв. Сергія, не могутъ даже лучшіе изъ клира и мірянъ? Думается, такой Соборъ намъ вовсе не нуженъ: достаточно и одного Св. Синода съ традиціями его мертвеннаго абсолютизма.

Находя и нѣкоторую фактическую неправильность въ проектѣ преосв. Сергія (напр., относительно состава западнорусскихъ выборовъ, борьбы между бѣлымъ духовенствомъ и ученымъ монашествомъ и проч.), мы однако были бы несправедливы, если бы не указали того, что есть цѣлесообразнаго и отраднаго въ этомъ проектѣ. Мы должны съ сердечной благодарностью преосв. Сергію отмѣтить заботу его о привлеченіи клира (согласно 24—25 пр. Ант. соб., 41 пр. Апост., 6 пр. Θеоф., 89 пр. Вас. В.) и мірянъ къ участію въ устроеніи и направленіи церковныхъ дѣлъ чрезъ послѣдовательное проведеніе въ жизнь Церкви выборнаго начала

(согласно 18 пр. Анкир. с., 61 Карѳ., 13 Лаод., 7 Ѳеоф.) до протеста противъ соборныхъ рѣшеній включительно.

Эта сторона проекта преосв. Сергія заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія со стороны людей, которымъ дороги истинные интересы Церкви.

Если преосв. Сергій, будучи архіепископомъ и представителемъ „правящей Церкви“, высказывается за необходимость выборнаго начала въ ней въ примѣненіи къ клиру и мірянамъ, то это подкрѣпляетъ наше убѣжденіе, что и сами епископы не должны оставаться внѣ этого начала (по 61 пр. Карѳ. с.). Можетъ быть, это хорошо сознаютъ иногда и сами епископы. Нѣкогда, открывая религіозно-философскія собранія въ Петербургѣ, преосв. Сергій говорилъ: „намъ нуженъ путь къ единству, чтобы этимъ единствомъ намъ потомъ жить и вмѣстѣ работать. Но настоящаго, серьезнаго, дѣйствительно прочнаго единства мы достигаемъ только въ томъ случаѣ, если выскажемся другъ передъ другомъ, чтобы каждый видѣлъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, что онъ можетъ отъ него принять и чего не можетъ“. Лучшій же и вѣрный путь къ этому единству — апостольское начало (Дѣян. I, 14—16; VI, 1—6; XV, 5—31) избранія и соборности. И члены Церкви должны стремиться къ осуществленію въ ней въ всей широтѣ этого начала. Своимъ доброжелательнымъ отношеніемъ къ нему преосв. Сергій и „растворилъ то горькое“, съ чѣмъ въ сужденіяхъ его о предстоящемъ Соборѣ нельзя соглашаться.

Свящ. Н. Поповъ.

Итоги.

Коммиссія по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17-го октября“ въ своихъ занятіяхъ, касающихся предстоящаго Всероссійскаго Собора, пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

I. Православное догматическое ученіе о Церкви, какъ живомъ Тѣлѣ Христовомъ, члены котораго должны находиться между собою въ самой тѣсной органической связи, требуетъ самаго живаго и дѣятельнаго участія всѣхъ вѣрующихъ въ дѣлахъ церковныхъ. Слѣдовательно, на предстоящемъ Всероссійскомъ Соборѣ долженъ быть данъ голосъ не однимъ только епископамъ, но представителямъ всей церкви.

II. Исторія соборовъ за все время существованія Церкви Христовой, и не только соборовъ восточныхъ, но и русскихъ, показываетъ, что на нихъ не исключалось участіе клира и мірянъ; а если когда что-либо подобное бывало, то это обыкновенно приводило къ вреднымъ для Церкви послѣдствіямъ. Слѣдовательно, если на предстоящемъ Всероссійскомъ Соборѣ не будетъ допущено участіе клира и мірянъ или это участіе тѣмъ или инымъ способомъ будетъ сдѣлано крайне незначительнымъ и ничтожнымъ, то Соборъ мало будетъ походить на истинные соборы и не принесетъ пользы Русской Церкви.

III. Подготовительныя къ Собору работы, совершающіяся въ настоящее время при Свят. Синодѣ, имѣютъ нежелательный характеръ и въ особенности потому, что онѣ не выражаютъ подлиннаго голоса всей Русской Церкви.

IV. Соборъ не можетъ быть собранъ въ текущемъ (1906) году, какъ потому, что этому препятствуютъ политическія обстоятельства, переживаемыя Россіей, такъ и въ виду общей неподготовленности къ Собору.

V. Во всѣхъ епархіяхъ, при самомъ полномъ содѣйствіи епархіальной власти, должно безотлагательно начать оживленную, энергичную подготовку къ Собору. Съ этою цѣлію должны быть устраиваемы разнаго рода собранія, съѣзды, открываемы общества и т. д.

VI. Программа занятій предстоящаго Собора должна быть значительно сужена, по сравненію съ программою, намѣченною въ настоящее время Святѣйшимъ Синодомъ. Достаточно было бы, если бы первый соборъ позаботился объ укрѣпленіи соборности въ Русской Церкви, предоставивъ дальнѣйшимъ соборамъ заняться другими вопросами.

VII. Каждая епархія должна выбрать своихъ представителей на Соборъ отъ клира и мірянъ, равно какъ должны быть представители отъ духовныхъ академій и другихъ духовныхъ учебныхъ заведеній, а также и отъ свѣтскихъ высшихъ. Выборы не должны зависѣть отъ утвержденія епархіальнаго архіерея.

VIII. Всѣ члены собора,—и епископы, и клиръ, и міряне,—должны быть равноправными на Соборѣ. Не можетъ быть рѣчи о рѣшающемъ голосѣ однихъ и совѣщательномъ другихъ. Всѣ должны быть одушевлены единымъ духомъ мира и любви, искреннимъ желаніемъ блага Русской Церкви. Поэтому желательно, чтобы всѣ вопросы рѣшались на соборѣ единодушно. Если же такого единодушія не послѣдуетъ по какому либо вопросу, то полезнѣе оставлять его безъ рѣшенія до будущаго собора, чѣмъ постановлять опредѣленіе, возбуждающее разногласіе.

Предсѣдатель Коммиссіи

Прот. Н. Добронравовъ.

Оглавленіе.

Стр.

Вмѣсто предисловія . . . . . III.

По вопросу о началахъ церковнаго обновленія **Прот. Н. Боголюбскаго.** 1.

Освободительное движеніе и оффиціальная церковь **И. Громогласова.** 18.

Догматическія основы соборности. **П. Минина** . . . . . 29.

Предстоящій Всероссійскій церковный Соборъ; его составъ и задачи. **В. Соколова** . . . . . 44.

Соборъ, какъ представительство всей церкви. **Прот. Н. Добронравова** . 70.

Участіе клира и мірянъ на соборахъ въ первые девять вѣковъ христіанства. **Прот. Н. Добронравова** . . . . . 74.

Замѣтка по поводу реферата о. протоіерея Н. П. Добронравова объ участіи клира и мірянъ на древнихъ соборахъ. **А. Покровскаго.** 100.

По вопросу о составѣ предстоящаго церковнаго собора. **Свящ. Н. Попова.** 106.

Протоколъ собранія Коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17 октября“ отъ 13 марта 1906 года . 122.

Очеркъ характеристики древне-русскихъ церковныхъ соборовъ. **Н. Кедрова** . . . . . 128.

Соборы въ Русской Церкви до половины XV вѣка. **Прот. Н. Добронравова** . . . . . 167.

Протоколъ собранія Коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17 октября“ отъ 11 апрѣля 1906 года . 198.

Къ исторіи и характеристикѣ соборовъ Юго-западной Руси XV—XVII вѣковъ. **А. Покровскаго** . . . . . 205.

Очеркъ церковнаго управленія на современномъ православномъ Востокѣ. **А. Покровскаго** . . . . . 246.

Замѣтка по поводу реферата А. Покровскаго о церковномъ управленіи на современномъ Православномъ Востокѣ. **Н. Каптерева.** . 271.

Синодская подготовка къ собору. **А. Покровскаго** . . . . . 274.

Протоколъ собранія Коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17 октября“ отъ 23 марта 1906 года . 295.

По поводу предстоящаго Всероссійскаго Собора. **Прот. Н Добронравова.** 300.

Протоколъ собранія Коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17 октября“ отъ 18 апрѣля 1906 года. 318.

Протоколъ собранія Коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17 октября“ отъ 25 апрѣля 1906 года . 328.

Протоколъ собранія Коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17 октября“ отъ 2 мая 1906 года . . . 337.

Протоколъ собранія Коммиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ при „Союзѣ 17 октября“ отъ 7 мая 1906 года . . . 345.

Предстоящій Соборъ по проекту преосвященнаго Сергія, архіеп. Финляндскаго. **Свящ. Н Попова** . . . . . 357.

Итоги. **Прот. Н, Добронравова** . . . . . 367.

2007081168